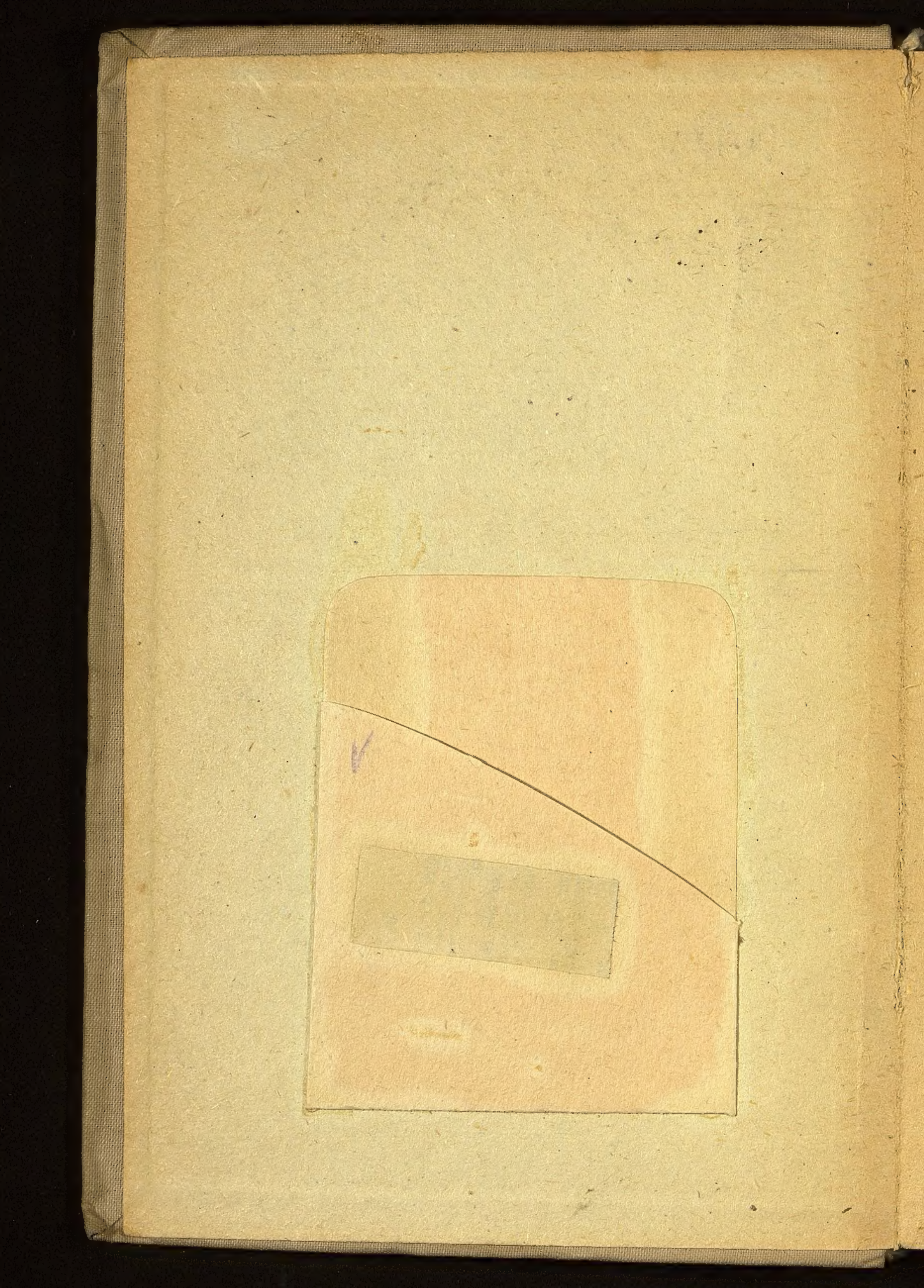
Фон-КУЛЬ и Г. ДЕЛЬБРЮК

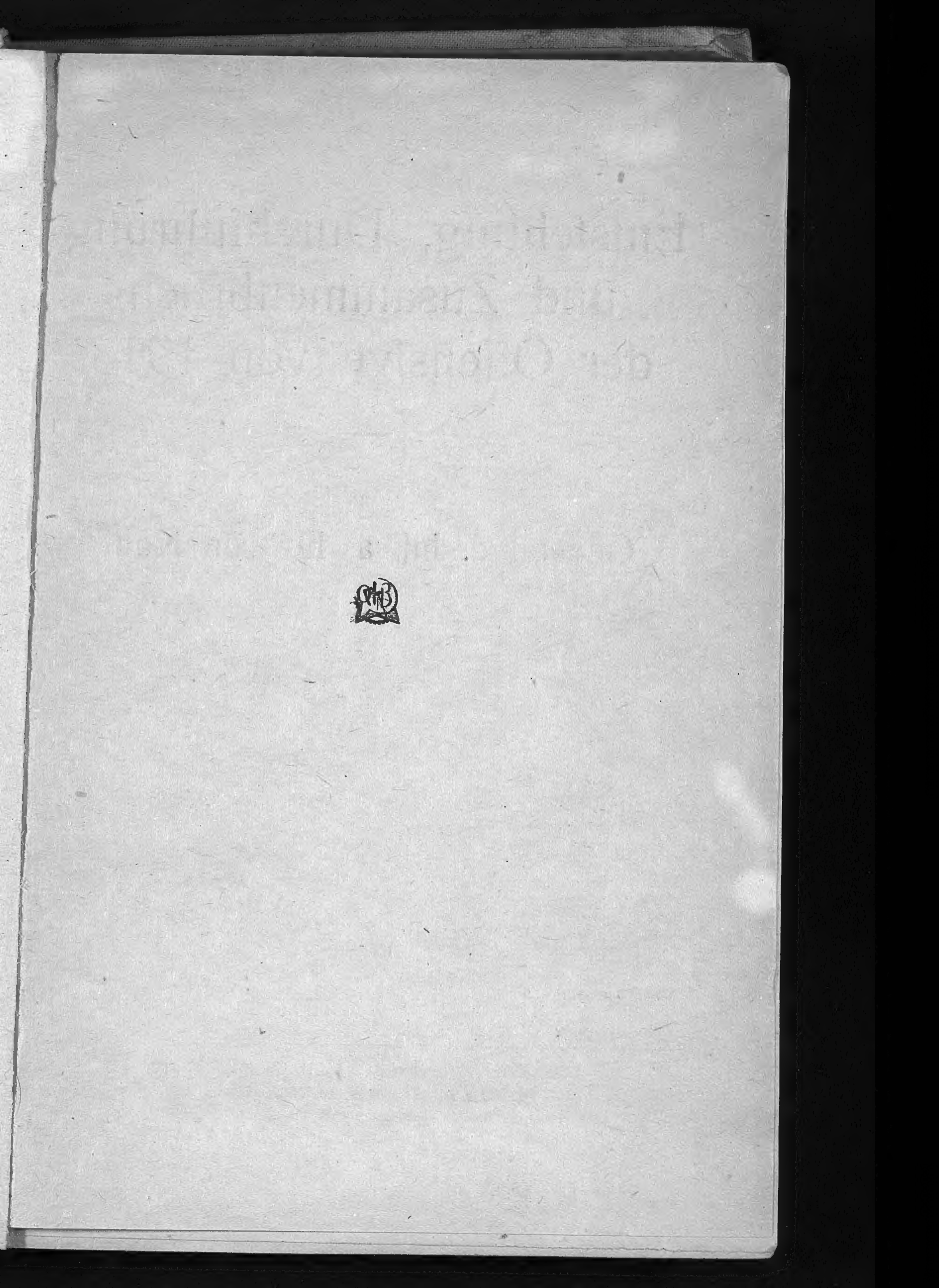
КРУШЕНИЕ ГЕРМАНСКИХ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ 1918 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1935

Фон-Куль и Г. Дельбрюк — Крушение германских наступательных операций 1918 г.

Entstehung, Durchführung und Zusammenbruch der Offensive von 1918

Von

General d. Inf. a. D. von Kuhl

1 9 2 7

DEUTSCHE VERLAGSGESELLSCHAFT FÜR POLITIK
UND GESCHICHTE M. B. H. IN BERLIN W 8.

Ген. ф.-КУЛЬ и проф. Г. ДЕЛЬБРЮК

КРУШЕНИЕ ГЕРМАНСКИХ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ 1918 г.

Перевод с немецкого
А. ЗЕЛЕНИНОЙ

С предисловием
С. БУДКЕВИЧА

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
5	8 снизу	„вопросы переделов	вопросы переделов
„	6 „	Вот почему	„Вот почему
6	9 сверху	стр. 371 и сл.),	Стр. 379 и сл.),
13	19 „	т. XV	т. XXIII, стр. 259
347	31 снизу	Лаузо	Луазо
347	1 „	(2-й дивизии	(2 дивизии
349	21 сверху	обороны наступления	обороны — наступления

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1935

Entstehung, Durchführung und Zusammenbruch der Offensive von 1918

Von

General d. Inf. a. D. von Kuhl

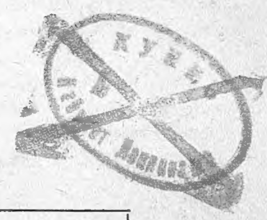
DEUTSCHE VERLAGSGESELLSCHAFT FÜR POLITIK
UND GESCHICHTE M. B. H. IN BERLIN W 8.

Ген. ф.-КУЛЬ и проф. Г. ДЕЛЬБРЮК

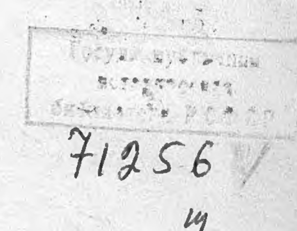
КРУШЕНИЕ ГЕРМАНСКИХ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ 1918 г.

Перевод с немецкого
А. ЗЕЛЕНИНОЙ

С предисловием
С. БУДКЕВИЧА

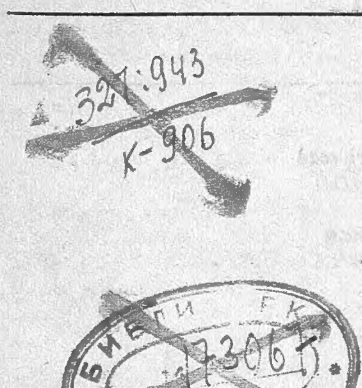

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1935

Фон-КУЛЬ и Г. ДЕЛЬБРЮК — „Крушение германских наступательных операций 1918 г."

Книга в основном представляет собой обстоятельный (в двух частях), составленный на основании официальных документов доклад генерала ф.-Куль в комиссию германского правительства, разбиравшую по окончании мировой войны причины понесенных Германией неудач. Этот доклад был рассмотрен известным историком проф. Г. Дельбрюком, который дал по нему заключение той же комиссии и таким образом явился как бы содокладчиком Куля.

Книга представляет большой интерес как по тем данным, которые приводит Куль, и по тем выводам, которые он из них делает, так равно и по той оценке, какую дает выводам Куля Дельбрюк. Разочаровавшись в талантах Людендорфа, Дельбрюк сводит причины поражения Германии к личности последнего, выгораживая этим всю военную партию Германии. К вопросу о военных причинах поражения Германии Дельбрюк все же подходит более критически, чем защитник Людендорфа — ф. Куль.

К печати подготовили: Редактор *Н. М. Потапов.* Техн. редактор *А. Бабочкин.* Корректоры: *Б. Хенох* и *Н. Ширяева*

Сдано в набор 17/IX-1934 г. Подписано к печати 31/V 1935 г. Формат 62×94¹/₁₆. 22 печ. л. (26 авт. л.). 54 000 зн. в 1 печ. л. Цена книги 5 руб. 25 коп., переплет 1 руб. 25 коп. Уполном. Главлита № В—2065. Огиз № 255. Зак. № 1214. Тир. 10 000

Гор. Свердловск, тип. треста „Полиграфкнига", Банковский пер., 3.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ

Причины германского поражения 1918 г. были предметом необычного исследования со стороны особой комиссии рейхстага, которая в 1919—1925 гг. на протяжении 6 лет с перерывами занималась сбором „мнений" экспертов по этому вопросу и обсуждением их при участии представителей всех фракций рейхстага. Исследование касалось двух вопросов: военного поражения, с одной стороны, и внутренней политики и революционного движения как причин поражения — с другой.

Настоящая книга содержит часть материалов, относящихся к исследованию военного поражения Германии. Доклад известного германского писателя, б. начальника штаба группы армий Руппрехта, ген. фон-Куля затрагивает главным образом военную сторону вопроса. Содоклад Ганса Дельбрюка содержит его мнение по вопросам, изложенным в докладах фон-Куля и полк. Швертфегера. Доклад последнего не представляет для нашего читателя самостоятельного интереса, так как повторяет данные, заключающиеся в печатаемых „мнениях", представляющих несомненный интерес для нашего читателя.

Печатаемые материалы нуждаются в дополнении, касающемся прежде всего характера работ комиссии и ее выводов[1], а также в дополнительных данных по ряду существенных вопросов: каковы были действительные планы Антанты и ее силы в 1918 г., действительные цели германской политики на западе и на востоке и причины оставления Германией на востоке значительных сил. Наконец, немалый интерес представляет германская стратегия на Западном фронте. Ее анализ, основанный на опубликованных недавно источниках, поможет нам уяснить себе одну из важных причин поражения германского империализма в 1918 г.

Нашей задачей не является изучение вопроса о виновниках поражения германской армии в 1918 г. и персональная оценка вождей германского империализма его, „стратегов" и „дипломатов" периода 1918 г.— года Брестского мира, года поражения империалистической Германии и года удушения военщиной германской революции. Здесь мы не должны забывать ленинского положения о том, что

> „вопросы переделов мира не решаются добровольно. Либо один должен отказаться от владения своими колониями, либо другой. Это может быть решено только войной. Вот почему смешно тут обвинять того или другого коронованного разбойника. Они все одинаковы — эти коронованные разбойники" (Ленин, т. XXX, стр. 341).

Вопросы связи между войной и миром переплетаются в печатаемых докладах и в прениях комиссии. Речь идет там главным образом об использовании благоприятной „военной обстановки" и о своевременности постановки вопроса о пере-

[1] См. Послесловие.

мирии и мире, когда обстановка диктовала заключение перемирия и мира. Ясно что в постановке вопроса комиссией речь шла об империалистическом мире.

Если империалистическая война является неизбежным продолжением „мирной" политики захватов и грабежа, то, с другой стороны, „мир есть продолжение военной политики" (Ленин, т.XIX, стр. 376). Тот мир, который не удалось Германии заключить с Антантой до 1918 г., был бы несомненно империалистическим миром, продолжающим империалистическую войну, как был им Версальский мир 1919 г.

Такой мир был уже вполне возможен к концу 1916 г. В своей статье „Поворот в мировой политике", напечатанной 31 января 1917 г. (т.XIX, стр. 371 и сл.), Ленин, разоблачая пацифистов и социал-реформистов, писал, что для пацифистской болтовни имелась известная объективная почва, так как эту почву создал поворот в мировой политике от империалистской войны к империалистскому миру. Ленин указывал, что за 29 месяцев войны ресурсы обеих империалистических коалиций достаточно определились: „все или почти все возможные союзники из числа ближайших „соседей", представляющих серьезную величину, втянуты в бойню, силы армий и флотов испытаны и переиспытаны, измерены и переизмерены... финансовый капитал нажил миллиарды... Содрать при помощи данной войны еще больше шкур с волов наемного труда, пожалуй, уже нельзя... А к тому же растут недовольство и возмущение масс".

Исходя из перевеса, достигнутого в то время Германией, Ленин указывал, что политический поворот на почве экономического поворота идет по двум главным линиям. Во-первых, победившая Германия может отколоть от своего главного врага, Англии, ее союзников, в частности царскую Россию, учитывая, что этим союзникам нанесены (и могут быть еще нанесены) самые тяжелые удары. Во-вторых, награбивший германский империализм в состоянии дать „полууступочки" союзникам Англии.

Во всех этих случаях перегруппировок в лагере империализма мог бы быть заключен только империалистический мир, но не демократический мир, осуществление которого, как и победа социализма в Европе, зависит от силы революционного движения.

> „От силы революционного движения, в случае его успеха, будут зависеть победа социализма в Европе и осуществление не империалистического перемирия между борьбой Германии против России и Англии и борьбой России с Германией против Англии, или борьбой Соединенных штатов против Германии и Англии и т. п., а действительно прочного и действительно демократического мира" (Ленин, т. XIX, стр. 385, 386).

В течение 1917 г. наступил новый поворот в политическом положении. Рост революционного движения в России привел к февральской, а затем и к пролетарской Октябрьской революции, имевшей всемирно-историческое значение. С другой стороны, изменилось и соотношение сил внутриимпериалистического лагеря. В войну вступили на стороне Антанты США, защищая свои интересы как поставщика и кредитора последней. Это событие указывало на ухудшение положения Германии. В июле 1917 г. на I Всероссийском съезде советов Р. и С. Д. Ленин говорил: „После этого выступления США положение Германии безнадежно; ее уничтожит Франция, которая географически поставлена так, что страдает больше всех, и истощение ее достигает максимума. Эта страна, менее голодающая, чем Германия, неизмеримо больше потеряла человеческого материала, чем Германия" т. XX, стр. 485).

Участие США не сразу дало Антанте и в частности Франции человеческий материал, которого последней нехватало и который должен был восполнить мил-

ционные потери первых лет войны. Прошло полтора года, пока на фронте появилось достаточное для генерального наступления Антанты число американских дивизий.

Но вступление в войну США имело еще одно последствие — появились новые методы военной пропаганды, использовавшие демократические лозунги с целью разложения противника. Эти новые методы вильсоновской дипломатии, стремившейся к началу 1918 г. противопоставить советским мирным предложениям свои „14 условий", сначала ошарашивали „испытанных" дипломатов Англии и Франции, но в дальнейшем после германских военных неудач они оказались превосходным средством пацифистского обмана, разложения противника и средством заключения империалистического Версальского мира. Матерые представители германского империализма (не только Людендорф, но и Дельбрюк), конечно, не обольщались „мирными условиями" Вильсона. Разница между ними была лишь в том, что Людендорф, как и вся германская военная партия, заранее отвергал предложения Вильсона до тех пор, пока военная обстановка не стала явно безнадежной. В то же время Дельбрюк, не доверяя „успехам германского оружия", находил возможным козырять сразу же германскими условиями империалистического мира в целях более быстрого окончания войны, не ожидая приближения „к последней черте".

Как сегодня известно из документов, опубликованных агентом Вильсона полк. Хаусом, „мирные" планы Англии (Ллойд-Джордж) не включали тогда вопроса о мире с Германией. Ллойд-Джордж имел в виду главным образом сепаратный мир с Австрией, но не компромисс с Германией. Эти планы встречали постоянное противодействие Италии, которая не хотела отступать от своих притязаний на большие куски территории Австро-Венгрии. Английские планы потеряли значение в момент, когда Брестский мир настолько вскружил голову германским и австро-венгерским империалистам, что с тех пор „море им стало по колена", и решающая военная победа над Антантой на западе показалась совершенно реальной возможностью.

Не приходится пространно доказывать, насколько ошибался Дельбрюк, когда он верил в возможность заключения сепаратного мира с Англией на том основании, что будто бы статья полк. Репингтона, помещенная в „Морнинг Пост" 11 февраля 1918 г., раскрывала английский план войны. По этой статье Англия якобы отказалась от решения войны на западе и хотела до прибытия американских войск в Европу добиться решения войны на востоке.

Потеряв вследствие Октябрьской революции союзника — буржуазную Россию, испытав поражение союзной итальянской армии (под Капоретто в октябре 1917 г.), Антанта (Англия, США, Франция) не отказывается от ведения войны до „победного конца", от аннексий на западе и востоке и от контрибуций, от борьбы против пролетарской революции.

Во время брестских переговоров 23 декабря Англия и Франция заключают свой известный интервенционистский договор о разделе сфер влияния в России. В этот же день, по предложению английского „военного кабинета", Верховный военный совет Антанты дает заключение о плане интервенции на Дальнем Востоке и на Кавказе (издание французского военно-исторического бюро „Les armées françaises dans la Grande Guerre", т. VI, ч. I, стр. 364). Антанта перестраивает свой стратегический план. Она производит перегруппировку сил на западе, причем Франция добивается удлинения английского участка фронта в пользу французского. Антанта не создает еще единого командования, но французский главнокомандующий Петен и английский главнокомандующий Хейг изучают вопрос

о выделении резервов в предвидении германского наступления. Производится подсчет сил и резервов, своих и противника, дающий довольно полную картину соотношения сил — пока не в пользу Антанты. В течение января продолжается изучение плана кампании 1918 г., в котором не оставляется мысль о переходе в наступление по прибытии достаточного количества американских войск.

* * *

В числе вопросов, связанных с проблемой сосредоточения на главном театре (во Франции) возможно значительного количества сил за счет „восточных театров", большого внимания и более обстоятельного изучения заслуживает вопрос о переброске германских войск из Украины. Оккупация Эстонии, Латвии, Белоруссии и Украины началась 18 февраля после ультиматума, вызванного тем, что в Германии взяла верх военная партия (Гинденбург, Людендорф, Гофман). Оккупация Украины произошла в результате „хлебного мира", подписанного в Бресте 19 февраля представителями контрреволюционной Украинской Рады по которому Рада обязалась доставить Германии и Австро-Венгрии 60 млн. пудов хлеба, $2^3/_4$ млн. пудов живого веса скота, $37^1/_2$ млн. пудов железной руды, 400 млн. яиц и т. д. Взамен за эти блага Германия и Австро-Венгрия обязывались доставить Украине „предположительно" и „по мере возможности" промышленные изделия на выгодных для них условиях. Но германские планы преследовали, помимо немедленных результатов в виде захвата продовольствия, более отдаленную цель: политическое подчинение и экономическое закабаление Украины при помощи создаваемого германским командованием вассального правительства.

Таким правительством было до 29 апреля „правительство" Украинской Рады.

Несмотря на то, что германское командование приняло план решительного наступления на западе, германская делегация в Бресте потребовала „оставления войск по стратегическим соображениям" во всей Польше, Литве, большей части Латвии и Белоруссии, т. е. фактической их аннексии.

Уже к концу января 1918 г., установив во время съезда по демобилизации армий полную небоеспособность старой армии, Ленин занял единственно правильную позицию отказа от „революционной войны" и необходимости заключения мира с Германией. В своих „тезисах" по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира Ленин дал гениальную оценку положения русской революции в данный момент и прогноз развития русской и международной революции. Он констатировал, что в Германии „безусловно взяла верх военная партия", ультиматума которой необходимо ждать со дня на день. Отвергая доводы за немедленную войну, он указал, что

> „Положение дел с социалистической революцией в России должно быть положено в основу всякого определения международных задач нашей Советской власти, ибо международная ситуация на четвертом году войны сложилась так, что вероятный момент взрыва революции и свержения какого-либо из европейских империалистических правительств (в том числе и германского) совершенно не поддается учету" (Ленин, т. XXII, стр. 194).

Ленин исчерпывающе обосновал, почему советская Россия не может в данный момент вести революционную войну, и при поддержке сначала немногочисленных своих сторонников и прежде всего т. Сталина провел в партии точку зрения необходимости заключения мира. Однако вследствие противодействия Троцкого и „левых" коммунистов, не допускавших „компромисса с империализмом" и отрицавших возможность победы социализма в одной стране, мир был подписан лишь 3 марта.

К моменту его подписания австро-германские войска оккупировали всю территорию Эстонии, Латвии, Белоруссии и большую часть правобережной Украины, включая Киев. В Бресте Украинская Рада договорилась с интервентами об оккупации всей Украины.

В марте австро-германские войска заняли Одессу. Во второй половине марта они захватили Николаев и Херсон. Группа войск ген. Эйхгорна, оккупировавшая Киевщину, повела наступление в восточную Украину и на Донбасс. На севере 41-й резервный корпус (ген. фон-Гронау) после упорных боев у ст. Грузской и дер. Дубовязовка — где получил боевое крещение Луганский партизанский отряд под командованием т. Ворошилова — занял 31-го Ворожбу, а затем продвинулся до линии Белгород—Суджа—Рыльск. 1-й корпус (ген. Менгельбир) занял 8 апреля Харьков, а затем после боев у ст. Сватово в конце апреля — ст. Миллерово и ст. Чертково. Войска группы фон-Кнерцера 1 мая вступили в Таганрог. 52-й корпус ген. Коша, перейдя Днепр у Бериславля, 29 апреля захватил Перекопский перешеек; 1 мая им были заняты Севастополь и Ялта, 2 мая — Керчь. В середине апреля (18-го) между германским командующим оккупационными войсками, фельдмаршалом Эйхгорном, и дипломатическим представителем Германии на Украине, бароном Муммом с одной стороны, и „гетманом“ Скоропадским с другой стороны был подписан договор „о направлении будущей украинской политики“. 26 апреля Эйхгорн ввел на Украине военное положение с применением германских полевых судов, а 29-го разогнал Украинскую Раду.

На оккупированной германскими войсками Украине начался режим Скоропадского, опорой которому служили германские штыки.

Не ограничиваясь „направлением украинской политики“, германские интервенты простерли свои цепкие щупальцы еще дальше на восток. 8 мая германские войска ген. фон-Кнерцера вошли в Ростов; в начале мая после упорных боев с красными частями они овладели Батайском. Оккупировав Донбасс, немецкие гарнизоны дотянулись до линии Таганрог, Ростов, Лихая, Каменская, Миллерово, Кантемировка. Цель захвата Донбасса, по словам Людендорфа, оправдывалась тем, что „без донецкого угля станут украинские дороги“. На самом деле цель была шире. Германские дивизии создали завесу, за которой „организовались войска Донские“ как одна из основных вооруженных сил контрреволюции и германской интервенции.

Верховное командование послало к атаману Краснову в Новочеркасск своего офицера „юго-востока“, майора Кохенгаузена, который нашел общий язык (9 июля) с атаманом. По словам Деникина, „после того, что Кохенгаузен слышал из уст атамана, германское правительство будет всячески поддерживать атамана, содействовать укреплению его власти в области... как путем морального воздействия (!) на население, так и в смысле поддержки таковой реальной силой — оружием и войсками, во всем идя навстречу личным пожеланиям атамана“.

В своем холопском письме Краснов просил Вильгельма признать право „великого войска Донского“ на самостоятельное существование, а по мере освобождения... и всей федерации, под знаменем Доно-Кавказского союза, включить в границы войска по соображениям „географическим и экономическим“ Таганрогский округ, по „стратегическим“ Лиски, Воронеж, Поворино, Камышин и Царицын: „помочь молодому государству орудиями, ружьями, боевыми припасами и инженерным имуществом и устроить в пределах войска Донского военные заводы“. За помощь Вильгельма Краснов обязался предоставить Германии право преимущественного вывоза в обмен на немецкие фабрикаты и особые льготы на помещение германских капиталов в донские предприятия.

Контрреволционные намерения Краснова, прибегавшего к распродаже страны для достижения цели, вполне соответствовали планам германского империализма. Представителю Краснова в Берлине, полк. князю Тундутову, Вильгельм ответил:

> „Славянский вопрос нам надоел. Поэтому знайте, что никакой „Единой России" не будет, а будут четыре царства: Украина, Юго-восточный союз, Великороссия и Сибирь. Мы отлично знаем, что у вас в Киеве (у Скоропадского) думают, что вы присоедините все остальное и таким образом объедините Россию. Пожалуйста, передайте там, что мы это знаем, что мы этого не желаем и не допустим".

В развитие этого плана создания четырех „царств" Эйхгорн предъявил Краснову ноту с предложением образования „Юго-восточного союза". Одновременно он послал Краснову значительные запасы военного имущества, что позволило ему создать достаточно крупные вооруженные силы, против которых советское правительство было вынуждено в конце лета 1918 г. создать отдельный южный фронт.

Эта грабительская и интервенционистская политика германского кайзера вскоре потерпела полный крах. Причина — устойчивость нашего Южного фронта в борьбе с Красновым и — главное — геройская оборона Царицына. Германская революция завершила крах германской интервенции.

Для того чтобы понять, насколько правильна была политика, которую вела наша партия в сложной обстановке борьбы с германским империализмом с одной стороны и борьбы с начавшейся интервенцией Антанты — с другой, необходимо еще раз вспомнить все драматические события после Брестского мира.

Подписав Брестский мир, советская Россия не могла срывать его из-за германской интервенции на Украине. Но советская Украина не могла не оказать сопротивления германским палачам рабочих и крестьян Украины. 4 марта Ленин известил т. Антонова-Овсеенко, что немцы отказались разговаривать с советской украинской делегацией и предпринимают поход на Украину для „очищения ее от большевиков". Он дал ему указание отправиться в распоряжение Нарсекретариата Украины для командования всеми войсками против германо-австрийского нашествия (Записки, т. II., стр. 15). С тех пор делаются попытки самостоятельной обороны Украины от гайдамацко-немецких насильников.

Эта борьба выявила страшную усталость возвратившихся с фронта солдатских масс и огромные недостатки организации и подготовки наших первых красных частей, но вместе с тем она произвела перелом в настроении масс и доказала необходимость создания регулярной армии. Эта борьба создала первые кадры будущей многомиллионной Красной армии и выдвинула первых пролетарских полководцев. Крупнейший из них, лучший из лучших, т. Ворошилов, в течение нескольких месяцев из руководителя небольшого партизанского отряда стал командующим армией, которая дала решительный отпор поддержанной Германией красновщине.

Вследствие перевеса сил германской интервенции наши части вынуждены были отступать все дальше и дальше на восток, к железнодорожной линии Воронеж — Ростов-на-Дону.

22 апреля в 11 час. ночи Совнарком постановил:

> „Предложить Военному комиссариату принять незамедлительно все зависящие от него меры для обороны восточной границы Харьковской губ., — особенно же ст. Чертково, занять которую стремились немцы и гайдамаки для перерыва железнодорожного сообщения с Ростовом" (Ленинский сборник, т. XVIII, стр. 63).

Наши военные усилия не имели успеха. 27 апреля т. Сталин был назначен полномочным представителем РСФСР для ведения с „Украинской народной республикой“ в Курске переговоров о заключении договора о перемирии. Переговоры шли быстро. 30 апреля наша мирная делегация (тт. Сталин, Мануильский) послала из Курска радио „всем, всем“ о посылке парламентеров на Крымский, Донской, Воронежский, Курский и Брянский фронты.

5 мая т. Сталин телеграфировал в Воронеж т. Антонову-Овсеенко и в Ростов-на-Дону т. Орджоникидзе о заключении на Курском фронте договора с германо-украинскими войсками, о приостановке военных действий и установлении нейтральной зоны по линии Суджа — Коренево — Рыльск.

Так был положен предел распространению германской оккупации на севере Украины. Но на подступах к Дону продолжалась упорная борьба 10-й армии со ставленником германского империализма Красновым,— борьба, навсегда связанная с именами руководителей героических защитников Царицына — тт. Сталина и Ворошилова.

Чрезвычайно характерно для политики Антанты, которая якобы стремилась создать в России „фронт против Германии“, что на самом деле она наносила нам удары в спину, в то время как наши армии Южного фронта, и особенно 10-я армия у Царицына, вели упорную борьбу с германским агентом Красновым. Во время этой борьбы формировался на севере, на Волге, на Урале, в Сибири и на Кавказе фронт Антанты против советской России.

На объединенном заседании ВЦИК от 22 октября 1918 г., накануне германской революции и во время подготовки первого похода Антанты т. Ленин говорил:

> «...Положение наше тем более трудно потому, что наш вчерашний враг поднимается против нас как против своего главного врага. Теперь он идет бороться не с неприятельскими войсками, а с международным большевизмом. Теперь, когда на Южном фронте скопляются войска Краснова,— а мы знаем, что они получили снаряды от немцев,— когда мы разоблачили империализм перед всеми народами, люди, которые обвиняли нас в Брестском мире, посылали Краснова брать снаряды у немцев и ими забрасывали русских рабочих и крестьян, теперь получают их от англо-французских империалистов, получая, переторговываются и продают Россию тому миллионеру, который больше даст“ (Ленин, т. XXIII, стр. 236).

Благодаря гениальной прозорливости Ленина и Сталина, благодаря неутомимой работе тт. Сталина и Ворошилова по созданию мощного Южного фронта в обстановке противодействия Троцкого, план объединения сил восточной и южной контрреволюции был сорван.

С 1 ноября 1917 г. до середины марта 1918 г. германское командование успело перебросить с русско-румынского фронта на запад около 40 дивизий, но в середине марта на востоке находилось все еще 53 пехдивизии и 13 пехбригад; 22 мая там осталось 38 дивизий, в сентябре — 28 дивизий. Эти дивизии не были привлечены для решающих операций на западе, где германский империализм делал свои последние военные усилия.

Для оккупации Украины и обеспечения своей связи с Красновым по данным фон-Куля, германское командование вынуждено было использовать 20 дивизий, в том числе 3 кавалерийских. Австрийское командование двинуло в Южную Украину своих 8 дивизий.

Оставление столь значительных сил на Украине Куль оправдывает задачами продовольственной политики. Он не говорит о всей совокупности политики

германского империализма на востоке по отношению к советской России и Украине. Он очень коротко говорит о борьбе „с большевистскими бандами".

На самом деле, это героическая борьба наших красных частей, во главе с такими героическими борцами, как тов. Щорс, опиравшимися на растущее сопротивление рабочих и крестьянских масс — заставили германское командование держать на Украине значительные силы, отсутствие которых, что бы ни утверждал фон-Куль, сказалось на ходе и исходе наступления германских армий на французском фронте.

Оккупация Украины и других советских территорий имела, кроме того, еще другие серьезные последствия для Германии.

Германские войска были брошены для расправы с рабочими и крестьянами оккупированных территорий. Германский главнокомандующий в Эстляндии и Курляндии фон-Кирхбах отдал приказ, в котором говорилось:

„Большевистское правительство опубликовало призыв организовать позади фронта германских отрядов партизанскую войну. Я приказываю бороться с партизанскими организациями без всякой пощады. Подобные банды стоят вне международного права: они должны уничтожаться. На подобных воров и убийц жалъ тратить снаряды, для них можно ограничиться веревкой".

Из многочисленных примеров жестокой расправы германских интервентов „культуртрегеров" на Украине и в Донбассе достаточно привести описание боя под Таганрогом у ст. Морской, где был истреблен баварцами отряд т. Каски, сформированный из рабочих Таганрога. Описание дает германский солдат, участник бойни:

„Когда большевики увидели, что они уже окружены со всех сторон, около 2000 сдалось... Все пленные были расстреляны на следующий день. Они были выстроены отрядами от 400 до 500 чел. и затем сметены нашими пулеметами. Оставшихся в живых наши пехотинцы приканчивали из винтовок. Многие, охваченные смертельным страхом, бежали к находящемуся поблизости морю и бросались в воду с высоты 20 — 30 м... К несчастью, при этом присутствовали и люди из окружающих селений. Они показывали на свои поселки, желая этим сказать, что они здесь дома. Но и эти расстреливались также без всякого разбора. Я не мог бы поверить, что наши возьмут на свою совесть такое постыдное дело" [1].

Такие картины дикого насилия не могли не оказывать влияния на революционное сознание части германских солдат-рабочих. Дикие расправы и грабежи германской военщины не могли не способствовать разложению армии.

„Германские империалисты не могли задушить социалистической революции. Подавление революции в Красной Латвии, Финляндии и на Украине стоило Германии разложения армии. Поражение Германии на Западном фронте было вызвано в значительной степени тем, что старой армии в Германии уже не существует" (Ленин, т. XXIII, стр. 197).

Еще в 1916 г. в боях под Верденом и на Сомме стали появляться признаки падения дисциплины и некоторого ослабления боеспособности германской армии. Под влиянием революции в России эти признаки стали проявляться все чаще не только в тылу, но и на фронте. Привлечение армии к борьбе против советских республик не могло не вызвать роста пролетарской сознательности в рядах германской армии. Старая армия стала менять свое лицо. Особенно

[1] Фрелих П., К истории германской революции, т. I Москва, 1927.

резко это сказалось со дня боев под Амьеном 8 августа 1918 г., когда многие части проявили „небоеспособность", когда они стали все чаще отказывать в выполнении боевых приказов или при наступлении противника „сдавать". Людендорф приводит следующую оценку морального состояния германской армии после 8 августа, данную ее командирами:

„Я услышал от них о блестящих подвигах храбрости, но также и о действиях, которые, должен откровенно сказать, не считал возможными в германской армии: наши солдаты сдавались отдельным неприятельским всадникам, сомкнутые части складывали оружие перед танком и т. д. Шедшим в атаку частям отступавшие солдаты кричали: „Штрейкбрехеры". Все это наивные офицеры объясняли „недисциплинированностью",— зато более прозорливые правильно связывали такое поведение с „духом", с которым наши солдаты прибывали с родины".

Все чаще и чаще солдаты отказывались воевать во имя лозунгов германского империализма.

„Германская армия не потому оказалась негодной, небоеспособной, что была слаба дисциплина, а потому что солдаты, отказавшиеся сражаться, с восточного фронта перенесены на западный немецкий фронт, и они перенесли с собою то, что буржуазия называет мировым большевизмом" (Ленин т. XV).

Разложение германской армии в результате революции в России и оккупации советских областей,— в результате нарастания революционного кризиса в Германии — ускорило ее поражение. Но поражение было вызвано и рядом других причин, из которых немаловажной являлась стратегия германского командования.

* * *

Мартовское наступление по существу решило исход операций. Ни одно из последовавших за ним наступлений не имело в своем распоряжении столь значительных сил и средств, столь значительных резервов,— несмотря на все недостатки тогдашней германской армии, недостатки политического и технического порядка.

Хотя, как уверяют германские военные эксперты, войска жаждали перейти от окопной войны к маневренной войне, не подлежит сомнению, что,— по крайней мере начиная с боев под Верденом и на Сомме (1916 г.),— германские солдаты начинают терять доверие к своим офицерам. Сам Людендорф пишет, что „родина стала плохо влиять на войска".

Германское командование планировало глубокий удар, не имея для этого достаточного количества подвижных мощных средств наступления и развития успеха.

На совещании в Монс (11 ноября 1917 г.) было высказано мнение, что для успеха операции важно, чтобы вокзалы были приведены в негодность дальнобойным огнем и бомбардировочными эскадрами и чтобы таким образом было затруднено своевременное подтягивание неприятельских оперативных резервов (см. фон-Куль, стр. 106).

Такова тогдашняя идея глубокой операции без мото-мехчастей, автотранспорта и средств быстрого восстановления железных дорог.

Несмотря на то, что германское командование в мартовском наступлении не располагало всеми средствами современной военной техники, характеризовавшими высшие по тому времени формы военного искусства, оно во всяком случае имело огромное количество пехоты и а р т и л л е р и и. Используя новые методы — атаки, основанные на внезапности и на специальных приемах боевого применения артиллерии,— оно могло „надеяться решить" трудную проблему прорыва. Так-

тический успех, как утверждал не без основания Дельбрюк (недавно ту же мысль высказывал французский военный писатель Луазо), при хорошей стратегии, правильной группировке сил и правильном направлении главного удара, мог бы превратиться в крупный стратегический успех.

Из беглого обзора основных фактов, относящихся к мартовскому наступлению, который читатель найдет в докладе фон-Куля, можно заключить, что в тактическом отношении мартовское наступление германских армий было подготовлено и проведено безукоризненно, причем надо учесть недостатки техники и морального состояния солдат. Это наступление дало им крупный тактический успех в таком направлении, где она меньше всего могла ожидать победы стратегического масштаба. Успех 18-й армии не был случайным. Построение всей ударной группы трех армий с отвесом к югу в пользу 18-й армии было таково, что успех неминуемо должен был обозначиться на участке этой армии, а его развитие санкционированное главным командованием, привести к изменению направления главного удара вместо (говоря фигурально) Лондона на Париж.

При оценке обоих направлений необходимо учесть, что успешное наступление против англичан, имевших за спиной море — при отдаленности французских резервов, отвлеченных до 26 марта мнимой угрозой наступления в Шампани,— было бы гораздо более значительным стратегическим результатом, чем продвижение на Париж, требовавшее более значительных сил, встречавшее фланговые удары с востока и возраставшее фронтальное сопротивление французских армий по мере прибытия ближе расположенных, чем в первом случае, французских резервов.

Все последующие наступления германских армий (май — июль) носили такой же характер погони за тактическими успехами без установки на достижение определенной стратегической цели.

Для полного сокрушения Антанты на западе германский империализм не имел достаточного перевеса сил и достаточного количества современных ударных и подвижных технических средств борьбы. Переворота в военном искусстве, не имея новых средств военной техники, германская армия не могла создать. После неудачи мартовского наступления общее положение Германии, несмотря на новые тактические успехи, ухудшалось все более и более.

Германское командование, которое в 1918 г. было решающей политической силой в руководстве войной, вело игру „ва банк".

Во время апрельского наступления на западе (во Фландрии) Людендорф продолжает вести операции на востоке. К этому времени относится оккупация левобережной Украины, Донецкого бассейна, Крыма, вторжение в Финляндию для подавления пролетарской революции. Он хвастливо заявляет:

„Мы заняли теперь в Нарве и Выборге позиции, которые позволяют нам в любое время осуществить поход на Петербург, чтобы там свергнуть власть большевиков или помешать закреплению англичан на Мурманском побережье" („Meine Kriegserinnerungen", стр. 505).

Майское наступление Людендорфа (Шмен-де-Дам) дало ему крупный тактический успех, создав при этом огромные затруднения с его использованием. Армия (7-я), продвинувшаяся глубоко к Марне, оказалась фактически в мешке, снабжение и тыл ее были все время под угрозой.

Успех этой операции, обусловленный в то время еще значительным количеством резервов, поглотил значительную их часть, отвлекая внимание от основной операции против англичан.

В июне Людендорф вырабатывает планы новых операций,— в том числе наступление на Реймс, которое должно было начаться 15 июля, и наступление во

Фландрии (опять решающее). Первое из них, своевременно раскрытое французами, было сорвано их контрнаступлением из леса Вильер-Коттере во фланг германской 7-й армии, застрявшей на Марне. Второе из них вообще не состоялось, так как 8 августа последовала катастрофа у Амьена.

С тех пор перед германским командованием встал вопрос планомерного отхода, а перед „политикой"— задача повести мирные переговоры, не доведя дела до „Версальского мира".

Как же разрешили эти задачи германские „стратеги и политики"?

Войска отступали в порядке, но начали отходить слишком поздно. Не имея за их спиной достаточно сильных рубежей, германское командование создало себе тяжелую стратегическую обстановку.

Германские резервы быстро таяли, в то время как резервы Антанты все время росли.

Время	Антанта		Германия		
	число дивизий	резервы	число дивизий	резервы: всего	резервы: свежие
15/VII	204	80	207	81	43
25/IX	206	99	197	68	21
11/XI	202	111	184	17	2

Численный состав германских частей уменьшается катастрофически. В армии и в тылу все больше признаков разложения, все больше революционных выступлений. В августе Людендорф нерешительно отклоняет предложения германского кронпринца о „выпрямлении фронта". В сентябре (28-го), потеряв голову, он требует у кайзера немедленного заключения перемирия. Окончательная катастрофа вскоре наступила в момент, когда, при наличии тяжелой стратегической обстановки на фронте, выступил решающий фактор — революция.

В течение 1918 г. командование Антанты (Фош) выработало новые формы операции — продолжение прежней стратегии измора и перемалывания резервов с применением новых средств борьбы — танков — все еще несовершенных. Антанта не рассчитывает покончить с германской армией одним ударом, наносимым на широком фронте всеми наличными резервами.

Системой „связанных во времени и пространстве наступательных операций" она постепенно оттесняет германский фронт, не имея возможности быстро развить успех, так как наличные средства техники не позволяют быстро восстанавливать дороги; войска не имеют достаточно подвижных ударных средств борьбы.

* * *

Военное искусство 1918 г. имеет для нас условное историческое значение как пройденный уже этап, но на основе его развивались поиски новых форм и средств операции во всех буржуазных армиях вплоть до настоящего времени. В этом отношении предлагаемая читателю книга дает ему немало материалов для изучения опыта грандиозных операций 1918 г., и поэтому представляет неоспоримый интерес.

Причины военного поражения германского империализма на западноевропейском фронте в 1918 г. заслуживают самого пристального внимания нашего читателя.

Речь идет о превосходно обученной передовой армии, снабженной уже в 1914 г. новейшими по тому времени средствами военной техники, овладевшей лучшими тактическими приемами наступления и обороны. С 1917 г. она начинает уже терять свое техническое превосходство, так как германское командование не сумело оценить в достаточной степени значение новых средств новой техники (танки, авиация), которые позволяли осуществить прорыв создавшегося позиционного фронта и развить достигнутый успех. Не имея с самого начала войны численного превосходства (вместе со своими союзниками) над армиями всех своих противников, Германия сумела нанести им немало ударов тактического значения, которые не имели решающего стратегического влияния на исход войны. Это были лишь „полупобеды", которые предсказывал Энгельс еще в 1887 г.

Было бы неправильным решением вопроса считать, что поражение германской армии вообще и в частности в 1918 г. было неизбежно, так как оно было обусловлено „социально-экономическими" факторами и в частности — более низким уровнем развития германского капитализма. Мы не должны забывать, что против англо-французской группы

> „выдвинулась другая группа капиталистов, еще более хищническая, еще более разбойничья,— группа пришедших к столу капиталистических яств, когда места были заняты, но внесших в борьбу новые приемы развития капиталистического производства, лучшую технику, несравненную организацию, превращающую старый капитализм, капитализм эпохи свободной конкуренции, в капитализм гигантских трестов, синдикатов, картелей" (Ленин, т. XXX, стр. 336—337).

В начале 1918 г. германская армия впервые приобрела на западе численное и материальное превосходство.

Но, располагая значительными силами, германский империализм не сумел использовать их для нанесения Антанте в наиболее благоприятный для себя момент удара, который заставил бы Антанту начать мирные переговоры с Германией. С самого начала войны характерной особенностью германской политики и стратегии являлся авантюризм, заключавшийся в переоценке собственных сил, в их разброске и в постановке армиям задач, не соответствовавших их действительным возможностям.

Великий немецкий писатель и классик буржуазного военного искусства Клаузевиц за сто лет до событий империалистической войны учил политиков и стратегов Германии, что война является лишь частью политических отношений, а отнюдь не представляет чего-то самостоятельного. Когда политика становится более грандиозной и мощной, то таковой же становится и война. Рост величия политических задач может дойти до такой высоты, что война приобретет свой абсолютный облик.

Далее Клаузевиц учил, что политика не может предъявлять к войне невыполнимых требований.

Война должна соответствовать замыслам политики, а политика должна соразмерять их в соответствии с имеющимися для войны средствами.

Эти поучения Клаузевица, хорошо изучившего все недостатки прусской военной касты — ее самоуверенность и чванство,— нашли своеобразное подтверждение в империалистической войне.

Решив еще раз испытать свои силы и располагая еще значительными военными ресурсами, германская стратегия, выполнявшая решения военной партии, ставила себе целью сокрушение неприятеля. Для достижения этой цели она должна была бы, следуя Клаузевицу, в возможной степени сосредоточить действия и действовать с возможной быстротой.

В современной войне массовых армий, при наличии значительных резервов у обеих сторон, вопрос о сосредоточении действий путем сосредоточения сил для одной основной операции не решается так просто, как в эпоху Клаузевица. В войне массовых армий, исключающей возможность молниеносной победы, как правило, является необходимым осуществить впредь до выполнения решающей операции ряд увязанных друг с другом вспомогательных операций. Такой увязки операций строго рассчитанных, приспособленных к изменяющейся стратегической обстановке и достаточно быстрых, германское командование не смогло осуществить. Ни одной операции на западе оно не умеет довести до реализации поставленной себе стратегической цели, и, как правило, действует „по линии наименьшего сопротивления". Когда одерживает лишь тактический успех, оно считает, что враг разбит (Амьен). Авантюризм германской политики и стратегии, сказавшийся в операциях на западе и на востоке, был несомненно одной из причин военного поражения Германии.

После военных поражений, которые Германия понесла в июле — августе, ее судьба была в основном предрешена. В зависимости от умения своей дипломатии, Германия могла бы добиться менее тяжелых условий мира, но уже было ясно, что в основном Антанта не откажется от проведения своей программы мира на основе достигнутой ею теперь „стратегической обстановки".

Если бы в империалистической войне 1914—1918 гг. одержал временную военную победу германский империализм, что не являлось невозможным, то мы имели бы более или менее полное осуществление программы империалистического мира Германии. В дополнение к Брестскому миру на известное время восторжествовал бы, может быть, „Версальский мир" Германии.

Чтобы убедиться в том, как германский империализм предполагал переделить Европу и весь мир — следует посмотреть записку главного командования от 11 сентября 1917 г., опубликованную Людендорфом[1], где эти цели изложены самым циничным образом. (И. Ф. Куль и Дельбрюк умалчивают о них). Главное командование исходит из „военных нужд" и из необходимости „исправления государственной границы"; оно учитывает даже „новые явления в области военной техники" (авиацию и дальнобойную артиллерию) в целях лучшей защиты своих важных в военно-экономическом отношении районов (на востоке — аграрных районов Пруссии и Верхней Силезии, на западе — промышленной Лотарингии, Саарской области, рейнско-вестфальского каменноугольного бассейна).

Каковы же мирные были условия главного германского командования?

1. Вместо оккупированной Румынии с ее хлебными богатствами, которую придется очистить, оно требует аннексии Курляндии (южной Латвии) и Литвы, причем вопрос о других „прибалтийских странах" остается открытым.

2. Для „защиты" Пруссии оно требует аннексии части Северной и Западной Польши.

3. Для „защиты" Верхней Силезии необходима аннексия части территории Польши (Домбровский бассейн).

4. Для верной „защиты" лотарингско-люксембургского рудного бассейна, Саарской области и нижнерейнско-вестфальского промышленного района оно требует „приращения территории" на западе. „Чем больше, тем лучше", говорится в записке. Для „защиты" приращиваемых районов, которые также обладают естественными богатствами, понятно, также необходимо новое приращение территории...

[1] Ludendorf, Kriegführung und Politik, стр. 245—251 (Berlin, 1922).

5. Для „защиты“ нижнерейнско-вестфальского района необходимо удержать бельгийскую территорию вдоль р. Маас к югу до Сен-Вит. Мотивировка: „Что представляет собой побережье Фландрии (Бельгии) для этой страны (Германии) в смысле воздушных налетов на Англию, тем является в еще большей степени линия р. Маас у Льежа для промышленного района (Рейнской области)“. Но захват линии р. Маас недостаточен.

6. Чтобы „отодвинуть еще дальше английско-бельгийско-французскую армию“, необходимо „привязать к себе Бельгию настолько тесно, чтобы она была вынуждена искать также и своего политического союза с Германией. Но хозяйственное присоединение Бельгии“ („Аншлюс!“) нельзя осуществить без сильного военного давления — длительной оккупации — и без овладения Льежем. „Нейтралитет Бельгии — это миф, с которым практически невозможно считаться.“

Записка главного командования предусматривала также случай „достижения полной безопасности“ путем военной оккупации Бельгии и захвата фландрского побережья. Это должно было бы случиться, если бы англичане удержали район Кале. В противном случае захват фландрского побережья не был бы никаким основанием для продолжения войны дальше зимы (1917/18 г.).

Если бы пришлось „уступить“ фландрское побережье, необходимо было бы во всяком случае добиваться тесной хозяйственной связи Бельгии с Германией, раздела ее на две части — Валлонию и Фландрию — и ее военной оккупации.

Для удержания своих торговых позиций против Англии в ближайшей войне необходимо „привлечь к себе“ Голландию путем гарантирования ей ее колониальных владений Японией (!), связанной с Германией союзом.

Чтобы обеспечить себе мировые морские пути в ближайшей войне, морской флот Германии, взамен за уступку фландрского побережья, имеет право создавать себе во всем мире опорные пункты.

Мирный договор должен обеспечить Германии заморские рынки в Южной Америке и колониальную империю в Африке. Наконец, союз с Данией должен обеспечить Германии ее морское значение и ее свободу торговли.

Такова грандиозная программа передела мира, ограбления народов и подготовки к новым войнам, которую преподносило германское командование осенью 1917 г. „политике“ в полном согласии с ней. Эту программу (в которую не включены все требования, относившиеся к России) необходимо запомнить, так как и поныне она является программой захватов современного германского фашизма с видоизменениями, вызываемыми той или иной конъюнктурой.

Послевоенная политика побежденной Германии была сначала политикой улучшения отношений с СССР, получившей отражение в известных договорах между СССР и Германией. В настоящее время, после прихода к власти фашистов, „берут верх люди политики „новой“, напоминающей в основном политику германского кайзера“ (Сталин).

Приведенная нами завоевательная программа германской ставки сохранил в силе германский фашизм, стремясь направить территориальную экспансию Германии в первую очередь на восток, а затем на запад.

„Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешнеполитическим направлением довоенного времени. Мы начинаем там, где Германия закончила 600 лет назад. Мы приостанавливаем вечное движение германцев на юг и на запад Европы и обращаем взор к землям на востоке. Мы прекращаем, наконец, колониальную и торговую политику довоенного времени и переходим к политике завоевания. И когда мы

сегодня говорим о новых землях в Европе, то мы можем думать только о России и подвластных ей окраинах... Будущей целью нашей внешней политики должна быть не западная и не восточная ориентация, а восточная политика в смысле приобретения территорий для нашего германского народа"[1].

Планы Гитлера дополнил его соратник Розенберг, руководитель внешней политики германского фашизма, более точным указанием его планов в отношении Украины и Польши, с которой германский фашизм нашел в последнее время общий язык:

„Как только мы поймем, что уничтожение польского государства является первой потребностью Германии, союз между Киевом и Берлином и создание общей границы станут народной и государственной необходимостью для будущей немецкой политики"[2].

Нам памятны выступления Гугенберга в Лондоне, смысл которых сводился к проекту захвата территории прибалтийских стран, а также отторжения советских земель от СССР путем подготовки новой империалистической войны „высшей" расы против „низшей", путем новой антисоветской войны.

Как ни убога фашистская „идеология", как ни свидетельствует она о духовном одичании фашистских теоретиков „высшей расы и крови", мы не должны упускать из виду, что этот кровавый шовинистический бред является идеологией современных руководителей германской политики, ныне „власть имущих".

Германский империализм не смог решить задачу передела мира в своих интересах путем империалистической войны 1914—1918 гг. Залив кровью весь мир в смертельной схватке с империализмом Антанты и добиваясь победы на западе и на востоке, германский империализм потерпел поражение, приводя против себя в действие последовательно превосходные силы „всемирной Антанты". Германская интервенция сплотила всех трудящихся нашей страны в борьбе против насильников и ускорила разложение немецкой армии и создание могучей Красной армии.

Победы Красной армии немало способствовали развитию пролетарской революции в Германии.

Прогнивший германский империализм при новых руководителях германской политики принимается за решение задачи нового передела всего мира, рассчитывая на поддержку Японии и Польши. Для этой цели он с остервенением подготавливает новую империалистическую войну. Но его планы сплачивают против него миллионные массы рабочего класса всех стран, а также все те страны, которые не заинтересованы в нарушении мира.

Его планы расстраивает последовательная политика мира, проводимая нашей партией под руководством великого пролетарского стратега т. Сталина,—политика мира, опирающаяся на мощную Красную армию, зорко охраняющую советские рубежи. В настоящее время даже более благоразумная часть английских твердолобых понимает, что бешено вооружающийся германский фашизм — это угроза не только „востоку", но и всему миру, что начать войну он может и на западе.

Из трудов фон-Куля и Дельбрюка мы увидим, что Германия не могла осуществить свою империалистическую программу при самых благоприятных для себя стратегических условиях.

---

[1] Hitler Adolf, Mein Kampf. München 1934.

[2] По журналу „Мировое хозяйство и мировая политика", № 5/6, 1934 г.

Нет никаких данных для того, чтобы современная германская стратегия лучше решила задачу организации победы при гораздо менее благоприятных условиях, чем они были в первой половине 1918 г.

Современные германские военные историки, размышляя об уроках войны 1914—1918 гг., взывают к воспитанию таких доблестей, как „мужество отчаяния“, „гордость славной гибели“, а также „воля к победе“, которая в состоянии „совершить вещи, кажущиеся невозможными“, скрывая таким образом действительные цели войны, разжигаемой германским фашизмом. Это свидетельствует о том, что германская военщина неспособна понять уроков империалистической войны, которая поставила под вопрос существование капиталистического строя в Германии. Война, которую разжигает германский фашизм, в новой международной обстановке сплочения антифашистских сил скорее, чем первая, развяжет в Германии пролетарскую революцию и приблизит сроки ее победы.

С. Будкевич

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Исследование ген. ф.-Куля

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОДГОТОВКА НАСТУПЛЕНИЯ

ОТ АВТОРА

Официальных описаний мировой войны до сих пор нет ни у нас, ни у наших противников. Доступ к архивам еще закрыт. Однако, в воспоминаниях, изданных руководящими деятелями военного времени, а также в многочисленных отдельных работах и описаниях общего характера о войне содержится чрезвычайно богатый материал, на основании которого легко можно создать себе картину хода событий и попытаться выявить их причины и последствия.

Но теперь еще нельзя дать окончательной оценки операций. От военного критика требуется, чтобы он воспринял полностью ход мыслей лиц, руководивших военными действиями, и вполне понял, как они смотрели в тот момент на положение. Надо охватить все условия, влиявшие на решения и ход событий. В настоящее время в полном объеме это невозможно — между прочим, еще и потому, что нам до сих пор недостаточно известны факты, касающиеся противника. Поэтому в оценках специальной военной критики относительно многих вопросов наблюдаются значительные колебания.

Оценка затрудняется также той страстностью, которая, возникнув в обстановке тяжелых последствий проигранной войны, сильно мешает деловому изучению вопросов. Партийность переносится в значительной степени и в область военной критики. То, что без меры превозносят одни, резко осуждают другие.

По всем этим причинам приступить в настоящее время к оценке военных операций можно только с известными оговорками.

При разборе военных оснований нашего наступления 1918 г. имеется более твердая почва. Здесь существуют определенные данные, облегчающие оценку, хотя трудно разрешимые, спорные вопросы существуют и тут.

Ниже и будут рассмотрены военные основания наступления 1918 г. Во второй части мы попытаемся дать оценку операций и разобрать причины их неудач.

Ф.-Куль.

I. СООТНОШЕНИЕ СИЛ

1. ЧИСЛЕННОСТЬ ГЕРМАНСКИХ АРМИЙ

а) Численность армий на Западном фронте в середине марта

За период с 1 ноября 1917 г. до середины марта 1918 г. на Западный фронт были отправлены:

из Италии . . . . 8 дивизий
с Восточного фронта (в том числе
и из Румынии) . . . . 40 дивизий

Всего . . . 48 дивизий

Из этого числа к тому времени 5 дивизий находились в пути.

Из 40 «восточных» дивизий 4 были отправлены в октябре и ноябре 1917 г. с Западного фронта на Восточный (затем они были возвращены обратно). Кроме того, в ноябре и декабре 1917 г. 2 ландверных дивизии также были переброшены с Западного фронта на Восточный. Поэтому Западный фронт в течение указанного периода был усилен всего лишь на 42 дивизии (48 — 6 = 42).

После этих перебросок всего в середине марта 1918 г. находилось:

на Западном фронте: 192 дивизии и 3 бригады;
на Восточном фронте (с Румынией включительно): 53 дивизии[1], „Северный корпус" (войска провинции Эзель, численностью около одной сводной дивизии) и 13 бригад.

Общая же численность германских войск в середине марта 1918 г. видна из следующей таблицы:

Западный фронт	192 дивизии,	3 бригады	
Восточный и Юго-восточн. фронты	53 „	13 „	
Балканский фронт	1 „		
Турецкий фронт	1 „		(„азиатский корпус")
В тылу	1 „		(позже „прибалтийская дивизия")
Всего	248 дивизий,	16 бригад	

Сюда включены кавалерийские, резервные и ландверные дивизии.

Общая численность личного и конского состава германских войск на 21 марта 1918 г.:

Западный фронт:	136 618 офиц.	3 438 288 ряд.	710 827 лош.
Восточный[2] фронт:	40 095 „	1 004 455 „	281 770 „

В дивизиях, которые должны были быть переброшены с Восточного фронта на Западный, пожилой личный состав был предварительно заменен более молодым. Кроме того, из оставшихся дивизий на Западный фронт в качестве пополнения были отправлены солдаты моложе 35 лет.

---

[1] Сюда отнесены также 6 дивизий, находившихся в то время в пути.
[2] За исключением Турции.

Таким образом на Восточном фронте остались только люди старше 35 лет.

Пришлось отдать в большом количестве также и лошадей. После телеграммы от 5 марта 1918 г. главкомандующего Восточным фронтом верховному командованию на Западный фронт были отправлены:

из 8-й армии	900	лошадей
из армейской группы „Д“	1 000	„
из 10-й армии	5 700	„
из группы армий Линзингена	6 900	„

В результате этого 13 «восточных» дивизий утратили подвижность.

б) Переброски с середины марта по 22 марта 1918 г.

За этот период с Восточного фронта (с Румынией вкл.) на Западный были переброшены:

Десять стрелковых дивизий	10	дивизий
Большая часть трех расформированных дивизий	3	„
Части 5-й, 9-й и гвардейской кавалерийской дивизий, из которых была сформирована гвардейская кавалерийская дивизия	1	„
4-я и 8-я кавалерийские дивизии, объединенные в 4-ю кавалерийскую дивизию	1	„
Всего	15	дивизий

После этого на Восточном фронте (включая сюда Румынию, исключая Турцию, Балканы и Прибалтийскую дивизию), кроме «Северного корпуса» и 13 бригад, осталось 38 дивизий. Число же дивизий на Западном фронте возросло до 204.

в) Переброски с мая по ноябрь 1918 г.

С Восточного фронта (с Румынией включительно) на Западный были переброшены сначала одна расформированная дивизия, а затем (в сентябре и октябре) 9 дивизий, из них 3 ландверных, из которых одна была прикомандирована (в сентябре) к группе армий Шольца.

Кроме того, на Западный фронт были переброшены 4 австро-венгерские дивизии — 2 в июле и 2 в сентябре.

После их перебросок на востоке (Россия и Румыния) осталось 28 дивизий, а после отправки еще 2 дивизий на болгарский фронт — 26 дивизий.

Общая численность личного и конского состава германских войск на 1 октября 1918 г.:

Западный фронт	103 896 офиц.	2 459 211 ряд.	659 735 лош.
Восточный фронт (Россия и Румыния)	21 666 „	501 119 „	199 942 „

Здесь не упомянута находившаяся на Восточном фронте группа армий Шольца, о которой тогда не было сведений. В марте в ней было 57 000 человек. Позже это число сократилось.

2. ЧИСЛЕННОСТЬ АРМИЙ ПРОТИВНИКА (1)

Не все сведения о численности армий противника можно считать достоверными.

По Райту, в декабре 1917 г. в армиях Антанты на всех театрах, считая итальянцев, бельгийцев, португальцев, сербов, греков и американцев, но без русских и румын, было более 5 400 000 человек, из коих 3 700 000 французов и англичан. Численность армий держав Центральной Европы, считая Болгарию и Турцию, определяется в 5 200 000 человек, из коих 3 400 000 немцев. Эти данные основаны на подробных подсчетах, произведенных Антантой в конце 1917 г. с целью получения данных, необходимых для обсуждения операций, которые предполагалось предпринять в 1918 г. Поэтому приведенные цифры, относящиеся к армиям Антанты, можно считать вполне достоверными. В результате обсуждения, по мнению Антанты, оказалось, что она имеет, хотя и небольшое, численное превосходство.

В феврале 1917 г. численность армий Антанты на французском театре определяется Райтом в 167 дивизий, из которых: 97 французских, 57 английских, 10 бельгийских, 1 американская, 2 португальских. Антанте было известно о крупных перебросках германских войск с Восточного фронта на Западный; поэтому число германских дивизий на французском фронте, в январе считавшееся равным 158, в феврале определялось уже в 178. Но численность отдельной германской дивизии справедливо считалась меньшей, чем численность дивизии в армиях Антанты, а потому в феврале общее число штыков в армиях Антанты определялось в 1 480 000, а в германской армии — в 1 232 000. Тогда Антанта все еще верила в свое численное превосходство, но полагала, что державы Центральной Европы могут перебросить на Западный фронт еще около 40 дивизий. С другой стороны, в Италии находилось 11 французских и английских дивизий; считали, что их можно будет пустить в дело.

Соотношение сил на французском фронте на 21 марта 1918 г. Райт считает одинаковым. Он с поразительной верностью определяет численность германской армии в 192 дивизии, но полагает, что с Восточного фронта может быть переброшено еще несколько дивизий, чтоб к маю довести число германских дивизий на французском фронте до 200 — 210.

Если к имевшимся в феврале на французском фронте 167 дивизиям Антанты прибавить 11, находившихся в Италии, то получилось бы 178 дивизий.

Корда считает число дивизий Антанты в марте 1918 г. равным 180 (12 бельгийских, 59 английских, 2 португальских, 99 французских и 4 американских; затем 2 французских и 2 английских дивизии, находившиеся в пути из Италии).

В мае это число возросло до 184, так как прибавились 2 французских дивизии из Италии и 2 итальянских.

Лор в согласии с Корда определяет число французских дивизий в мае равным 103 (99 + 4 из Италии), но считает несколько большей (до 188) общую численность дивизий Антанты.

Относительно численности английских войск имеются достоверные данные, в общем подверждающие предыдущие сведения.

По этим данным, на 21 марта 1918 г. в распоряжении Англии имелось:

58	дивизий, 5	кавалерийских	дивизий	во Франции и Фландрии
6	„ „	„	„	в Англии,
4	„ „	„	„	„ Италии,
4	„ „	„	„	„ Македонии
9	„ „	„	„	„ Египте и Палестине
5	„ „	„	„	„ Месопотамии

Кроме того, в Восточной Африке находилось еще 19 000 человек, в Индии и Адене — 351 000 человек (большей частью индийцев) и в других гарнизонах — 14 000 человек.

Численность войск, находившихся на довольствии во Франции и Фландрии, определяется в 1 744 000 человек. Эта оценка приблизительно совпадает с числом 1 828 098, указанным на 11 марта 1918 г. Спарроу. Впоследствии были еще переброшены: 1 дивизия из Италии и 2 из Египта и Палестины.

Существенное значение имеют английские сведения о том, что в марте 1918 г. имелся еще резерв 600 000 человек, состоявший из выздоравливавших и проходивших подготовку, и что, кроме того, с марта по ноябрь в запасные части было призвано 400 000 человек в Англии и 500 000 в доминионах.

Подтверждение указанных подсчетов мы находим также у ген. Бюа, который говорит, что 11 ноября 1918 г. на Западном фронте в распоряжении Антанты находилось 104 французских (после переброски дивизий из Италии), 60 английских, 12 бельгийских и 29 американских дивизий, т. е. всего 205 дивизий. Численность германских войск на Западном фронте ген. Бюа оценивает к этому времени в 186 дивизий. Однако, эти цифры не дают правильной картины, так как к этому времени численность германских дивизий сократилась настолько, что их едва ли можно было называть дивизиями, между тем как американские дивизии вдвое превосходили по своей численности французские.

Таким образом, в итоге можно сказать, что с нашими 192 дивизиями в марте и 204 дивизиями в мае, по сравнению с 178 — 188 дивизиями Антанты, мы обладали довольно значительным превосходством по числу дивизий, но далеко не по общей численности бойцов.

3. МОГЛИ ЛИ МЫ ПЕРЕБРОСИТЬ БОЛЬШЕ СИЛ С ВОСТОЧНЫХ ТЕАТРОВ?

а) Румыния

Продовольственное положение Германии иллюстрируется следующим заявлением ген.-квартирмейстера (27 марта 1917 г.):

„По сведениям об имеющихся в Германии запасах хлеба обнаружен недостаток хлеба в 2 000 000 *т*, который может быть покрыт лишь в крайне незначительной степени даже при сокращении хлебного пайка и употреблении в пищу

кормового ячменя. Поэтому мы более, чем когда-либо, должны прибегнуть к излишкам из оккупированных областей. Однако, при существующих обстоятельствах дать хотя сколько-нибудь значительные запасы может одна лиш Румыния".

Директор министерства Эдер ф.-Браун определяет недостаток хлеба и зернового фуража в 2 600 000 т. В это же время из беседы с ген.-майором австро-венгерской армии ф.-Ландвером выяснилось, что недостаток муки и зернового фуража в Австрии соответственно равнялся 1 млн. и 270 000 т.

В середине октября 1917 г., ссылаясь на угрожающее продовольственное положение, Болгария тоже обратилась к военному управлению Румынии с настоятельной просьбой о предоставлении ей из румынского урожая 500 000 т хлеба. Просимое количество являлось якобы минимумом, необходимым для того, чтобы не допустить хлебного кризиса.

В конце декабря 1917 г. ген. ф.-Арц спешно просил для Австрии помощи Румынии, ибо

„продовольственное положение монархии и армии было настолько критическим, что многие армии не имели даже однодневного запаса муки в своем районе действий, и многочисленным полевым пекарням пришлось прекратить работу из-за отсутствия муки".

В конце декабря 1917 г. в германской западной армии начал угрожающе чувствоваться недостаток зернового фуража. 29 декабря 1917 г. ген. Людендорф сообщил в Вену следующее:

„В первую очередь я должен заявить, что необходимая боеспособность германской западной армии может быть сохранена лишь в том случае, если ей будет подвезено из Румынии не менее 250 000 *т* зернового фуража. Это количество указано в расчете продовольственного снабжения западной армии, и военно-продовольственное управление заявило, что достать этот фураж из какого-либо другого источника совершенно немыслимо. Положение конского состава в армии стало настолько критическим, что я не могу взять на себя ответственность за дальнейшее сокращение рациона и потому вынужден настаивать на дополнительной доставке зернового фуража из Румынии".

Когда, вследствие обострения продовольственного положения в Австрии, начались забастовки и голодные бунты, румынское военное управление было вынуждено оказать помощь, предоставив 20 января 1918 г. 100 вагонов муки.

3 февраля 1918 г. в Берлине было заключено соглашение об отправке продовольствия и фуража из Румынии в Германию и в Австро-Венгрию. Это соглашение должно было иметь силу с 1 февраля до конца мая 1918 г. Во время переговоров со стороны Германии было подчеркнуто, что доставка 250 000 т кукурузы из Румынии безусловно необходима для Германии, ибо это количество учтено в расчете продовольственного снабжения западной армии и не может быть покрыто из какого-либо другого источника. Кроме того, указывалось, что из Румынии должна быть оказана помощь продовольственного характера группе армий Шольца, так как болгарские поставки провалились. В письме прусского военного министерства от 8 февраля 1918 г. на имя ген.-квартирмейстера есть указание на то, что вследствие

плохого урожая овса, зернового фуража из внутренних ресурсов хватит всего лишь до середины апреля.

„Единственная более или менее твердая надежда на получение еще некоторого количества зернового фуража для действующей армии состоит в подвозе из Румынии. Поэтому делом величайшей важности является начать этот подвоз возможно раньше и довести его до возможно больших размеров. Принимая во внимание тяжелую опасность, угрожающую армии вследствие неналаженности снабжения зерновым фуражом, военное министерство просит снова поручить румынскому военному управлению всеми средствами способствовать максимальному ускорению и увеличению подвоза кукурузы в Германию".

В связи с тяжелым положением германской армии, сражавшейся на Западном фронте, 8 марта прусское военное министерство потребовало срочного увеличения подвоза зернового фуража из Румынии. «В противном случае катастрофа снабжения действующей армии фуражом неизбежна в самом скором времени».

В Австрии в середине февраля 1918 г. надеялись продержаться до середины мая при помощи румынских поставок и серьезной поддержки со стороны Венгрии. Но на время с мая до нового урожая не было никаких внутренних запасов. Из подсчетов, сделанных 12 апреля, вытекает, что при учете поставок из Румынии до 20 апреля потребность в фураже была покрыта в размере 2 830 т в сутки, а с 20 до 30 апреля — 2 130 т; тогда как минимальная суточная потребность равнялась 3 800 т. Поэтому от румынского военного управления потребовали, чтобы оно добивалось всеми средствами увеличения поставок.

О фактических поставках из Румынии имеются следующие данные. В докладной записке румынского военного управления от 25 декабря 1917 г. под заглавием «О соблюдении германских экономических интересов во время мирных переговоров с Румынией» сказано, что «поставки из Румынии во время войны больше всего способствовали преодолению державами центральной Европы недостатка в продовольствии, фураже, горючих и смазочных веществах и сырье».

Со времени оккупации Румынии до 31 января 1917 г. Германия получила 630 000 т, а Австро-Венгрия 756 000 т хлеба, включая и кукурузу. Общий же вывоз продовольствия и фуража во втором полугодии 1917 г. равен 673 029 т. Часть этого количества составляли продукты прежних урожаев. Из нового урожая было вывезено: 443 000 т зерновых хлебов и муки. 20 000 т овса и ячменя, 800 т стручковых растений, 9 000 т сена и соломы. Общий вывоз минеральных веществ за указанный период равнялся 258 389 т. Кроме того, было вывезено еще около 72 000 т сырья, леса, антрацита и пр.

В 1918 г. с 1 января по 31 июля было вывезено 527 368 т продовольствия и фуража и 543 737 т минеральных веществ.

После разгрома Болгарии верховное командование 3 октября 1918 г. рассмотрело вопрос о том, «на какой срок нам хватит еще горючих и смазочных веществ, если Румыния выпадет сегодня из счета? Вынуждает ли выпадение Румынии немед-

ленно прекратить военные действия?». Изучение этого вопроса дало следующие результаты.

Авиация сможет продолжать полностью свою деятельность еще около 2 месяцев (запас на 1 месяц на фронте и на 1 месяц в тылу). Затем — полное прекращение деятельности.

Автомобили смогут продолжать полностью свою деятельность еще около 2 месяцев (запас на 1 месяц на фронте и на 1 месяц в тылу). Затем — сокращение наполовину.

Смазочные масла. Имеется запас на 6 месяцев. Затем — остановка всех машин.

Осветительное хозяйство (т. е. имеющее существенное значение снабжение керосином гражданского населения и сельского хозяйства) будет нарушено в течение 1—2 месяцев.

Морская война. Предполагается, что снабжение подводных лодок, торпедоносцев, минных тральщиков и крейсеров опирается на одну треть на румынский ввоз. Сколько времени морское ведомство сможет продолжать полностью свою деятельность — это зависит от резервов. Позже было сообщено, что полная деятельность подводных лодок может продолжаться в течение 10 месяцев, торпедоносцев и крейсеров — в течение 6 месяцев, затем — сокращение до двух третей.

Военный министр Шейх на заседании, состоявшемся 17 октября 1918 г. под председательством рейхсканцлера, заявил, что если поставки из Румынии прекратятся, то мы сможем продолжать войну еще всего лишь полтора месяца. Адмирал Шеер высказал мнение, что без румынских поставок подводную войну можно продолжать еще в продолжение 8 месяцев. По его словам флот, до сих пор управлявший своим имуществом самостоятельно, теперь готов ведать всеми военными запасами страны совместно с армией, чтобы эти запасы не были преждевременно исчерпаны одной стороной.

Из изложенного ясно огромное значение Румынии для ведения войны и понятна зависимость ведения войны от румынских поставок.

Тем самым, безусловно оправдывается военная оккупация Румынии после заключения предварительного мира в Буфтеа 6 марта 1918 г. и окончательного заключения мира 7 мая. Очищение страны после заключения мира поставило бы под крайнюю угрозу дальнейшее использование румынских ресурсов. Начальник генерального штаба указал в докладной записке от 25 декабря 1917 г. румынскому военному управлению, что

„энергичная военная оккупация Румынии безусловно необходима, хотя бы лишь по одним политическим причинам; от оккупации в значительной степени зависит действительное соблюдение экономических интересов Германии. Без производящего большое впечатление присутствия германской оккупационной армии соблюдение заключенных по мирному договору соглашений будет подвергаться ответственной и безответственной политической пропаганде, влияниям настроений народных масс и придиркам продажных учреждений“.

Германский поверенный в делах Учетного банка 18 марта 1918 г. сообщил военному ведомству из Румынии следующее:

„Ввиду того что относительно необходимости длительной оккупации Румынии, между правительственными учреждениями существуют различные мнения, прошу как можно скорее уведомить германские учреждения, что все экономические договоры, которые предполагается заключить между Румынией и Германией на основании мирного договора, не дадут ожидаемых результатов, если не будет осуществлена продолжительная оккупация. Кроме того, без такой оккупации судьба немцев, живущих в Румынии, и румын, симпатизирующих Германии будет подвергнута крайне серьезной опасности".

Насколько обоснованы были эти заявления, видно из письма румынского военного управления от 6 апреля 1918 г. на имя ген.-квартирмейстера. В этом письме подчеркиваются трудности, возникающие при добывании продовольствия в Румынии. Сельскохозяйственные товары были большей частью исчерпаны.

„Запасы состоят из тысячи мелких партий, которые имеются у крестьян, что особенно скверно отражается на быстроте вывоза и увеличении количества, получаемого за день.

Население отдает продукты крайне неохотно,проявляя строптивость отчасти в результате парафирования мирного договора. Кроме того, его подстрекают возвращающиеся из Молдавии резервисты. К этому прибавляется раздражающее сознание того, что до нового урожая пропитание не обеспечено. Оккупационные войска слишком малочисленны для насильственного захвата; кроме того, сбор продовольствия нарушается частыми сменами оккупационных отрядов".

Усиленный вывоз продовольствия в страны центральной Европы способствовал ухудшению народного питания в Румынии, тем более, что вследствие возвращения беженцев из Молдавии и демобилизации резервистов возросла численность ее населения. Поэтому 12 марта 1918 г. румынское военное управление донесло о том, что предварительным условием для ожидаемой от него работы должны быть такие прерогативы власти, которые, несмотря на заключение мира, делали бы в случае необходимости возможным добывание продовольствия силой оружия.

Из донесения от 20 июля 1917 г. видно, что в стране работало около 42 000 военнопленных, разбросанных по всей территории. Приходилось усиленно охранять нефтеносные поля. Значительная часть германских батальонов ландштурма была занята в разных отраслях хозяйственной жизни.

Надо было также иметь в виду, что румынская армия могла быть демобилизована только наполовину, ибо она должна была защищать страну против грозившего ей вторжения большевиков.

Как видно из одного донесения румынского военного управления, в конце 1917 г. немецкие оккупационные войска, охранявшие румынскую территорию, состояли из 11 батальонов и нескольких отдельных рот ландштурма, 8 кавалерийских полков и нескольких отдельных эскадронов и незначительных самокатных частей; австро-венгерские войска состояли из 10 батальонов и нескольких отдельных рот ландштурма. «С такими незначительными силами,— говорилось в донесении,— сторожевая служба, надзор могут быть обеспечены лишь до известной

степени. Все этапные комендатуры жалуются на недостаток рядового состава».

После отправки 5 дивизий, предназначавшихся для Западного фронта, и частей, посланных на Украину (одна пехотная и одна кавалерийская дивизии), по данным на 16 марта 1918 г., на румынской территории в районе расположения группы армий Макензена остались следующие боевые германские части:

4 дивизии (из них одна, состоящая из 10 батальонов ландштурма)
$1^1/_3$ пехотных полков;
29 батальонов ландштурма;
6 кавалерийских полков;
1 полк полевой артиллерии;
14 тяжелых батарей.

Большая часть этих сил входила в состав 9-й армии; 11 батальонов ландштурма и 2 кавалерийских полка были приданы румынскому военному управлению; 5 батальонов ландштурма и 1 кавалерийский полк находились в Добрудже.

Отправка дивизий, предназначенных для участия в операциях на Западном фронте, задержалась из-за медленного хода мирных переговоров. В письме от 2 марта 1918 г. верховное командование торопило группу армий Макензена.

„Новая задержка, происшедшая в Бухаресте, снова заставляет меня высказаться в том смысле, что военное положение Германии на Западном фронте требует скорейшего заключения прочного мира с Румынией, в результате которого мы имели бы возможность отправить всю массу германских дивизий на запад. Откладывание переговоров так же недопустимо в военных интересах Германии, как и мир, который позволил бы Румынии в любое время поднять снова оружие под несломленным еще влиянием Антанты".

6 марта был заключен предварительный мирный договор в Буфтеа. Окончательный текст мирного договора был подписан 7 мая. Ратификация, однако, не состоялась. По мирному договору, Германия и Австро-Венгрия имели право оставить в Валахии четыре германских и две австро-венгерских дивизии. Румынам была предоставлена Молдавия и дано право сохранить несколько мобильных дивизий для занятия Бессарабии. Таким образом, Румыния отнюдь не была разоружена.

Учитывая все вышесказанное, следует притти к выводу, что в оставленных в Румынии германских войсках ощущалась настоятельная необходимость. Кроме того, в дивизиях, которые должны были быть отправлены на Западный фронт, все солдаты старше 35 лет, а также не годившиеся физически для перенесения тяжелых лишений Западного фронта были заменены более молодыми и пригодными из остающихся частей, что очень скверно отразилось на качестве последних.

Из оставшихся в Румынии четырех дивизий, одна в апреле была предназначена для юга России. Вместо нее из имевшихся в Румынии батальонов ландштурма и полка полевой артиллерии была сформирована новая дивизия. Пехотный полк был также отдан без замены.

Среди батальонов ландштурма были такие, рядовой состав которых годился только для гарнизонной службы. В других батальонах годный для боевой службы состав был равен всего от 10 до 40%.

Позже было откомандировано еще некоторое число годных для боевой службы офицеров и рядовых, так в мае 1918 г. 129 офиц. и 3474 ряд. были взяты для пехотных запасных частей Беверло.

б) Украина

15 декабря 1917 г. с Россией было заключено перемирие, а 22 декабря начались мирные переговоры в Брест-Литовске.

Уже 15 декабря государственный секретарь военно-продовольственного управления ф.-Вальдов указал в письме на имя рейхсканцлера, посланном также для сведения ген. Людендорфу, на значение этих переговоров для продовольственного положения.

„Положение нашего снабжения зерновыми хлебами и продуктами продовольствия вызывает настоятельную необходимость при переговорах о заключении перемирия поставить на первый план, по сравнению с прочими пожеланиями, возможность ввоза хлеба из России.. Не говоря даже о положении Австрии, открывающаяся возможность ввоза хлеба имеет решающее значение для продолжения войны и для нас".

В письме от 18 декабря на имя государственного секретаря Гельфериха ф.-Вальдов подчеркнул еще раз величайшую важность ввоза зернового хлеба и фуража. Если такой ввоз из России возможен, то его надо развивать во что бы то ни стало. Дело по его мнению касается не только использования оккупированной области для прокормления действующей армии и оккупационных частей, но и снабжения населения Германии.

Австрия испытывала гораздо более настоятельную нужду в немедленном снабжении хлебом. Это видно из дневника графа Чернина (Чернин: «Во время мировой войны»), в котором описано положение в середине января 1918 г. во время переговоров в Брест-Литовске. Из донесений, получавшихся графом Черниным, вытекало, что вызванная отсутствием продовольствия катастрофа вот-вот готова была разразиться. Положение было ужасным, и казалось, что едва ли можно было предотвратить полный развал. Единственным средством могло быть лишь получение немедленной помощи из Германии и, кроме того, насильственная реквизиция запасов, несомненно, имевшихся еще в Венгрии.

Ввиду того что германскому государственному секретарю ф.-Кюльману представлялось все в самом мрачном свете, и он считал, что Германия терпит тоже большую нужду, Чернин советовал своему императору немедленно телеграфировать императору Вильгельму:

„Невозможно продолжать дальше ведение внешней политики, если продовольственный аппарат отказывается служить в такой форме, как теперь. Если не удастся получить хлеба, неизбежно вспыхнет революция".

Граф Чернин направлял одновременно свои взоры и на Украину:

„Я надеюсь обеспечить со временем снабжение из Украины, если только удастся сохранить у нас спокойствие в ближайшие недели“ („Дневник“, 15 и 16 января 1918 г.).

Затруднения, связанные с продовольственным положением Австрии, иллюстрируются также срочными донесениями ген. ф.-Арц германскому генеральному штабу. Мы уже упоминали о том, что в конце декабря 1917 г. многие армии не имели в своем районе действий даже однодневного запаса муки. 5 января 1918 г. ген. ф.-Арц сообщил германскому ген.-квартирмейстеру следующее:

„Австро-венгерская армия уже в продолжение нескольких недель переживает небывалый продовольственный кризис. Никаких резервных запасов муки и зернового фуража нет, суточный хлебный паек пришлось сократить до 280 *г*, а суточную порцию зернового фуража до $1^1/_2$ *кг*. Надо всеми средствами стремиться к устранению этого невыносимого положения. Поистине, нынешнее положение таково, что держаться можно, лишь перенося самые тяжелые лишения“.

Поэтому ген. ф.-Арц счел себя вынужденным обратиться с просьбой об отпуске ему 3 000 вагонов муки из запасов германского военного административно-хозяйственного управления. Его просьба однако не была исполнена. Тем не менее в январе Германии пришлось согласиться на предоставление для Австрии 450 вагонов муки, ибо забастовочное движение, начавшееся сначала по политическим причинам, приняло, ввиду невыносимых продовольственных условий, угрожающую форму. Но этой помощи хватило не надолго. Уполномоченный германского военно-продовольственного управления в Вене ф.-Рабенау писал в своем донесении от 20 января 1918 г.:

„Благодаря обещанной теперь Германией помощи в 450 вагонов, полный развал снабжения Австрии хлебом в настоящий критический момент, как будто, удалось предотвратить. Возможно, что Австрия будет даже в состоянии продержаться в течение февраля, но это зависит от столь многочисленных факторов (добыча продовольствия в Богемии, определенные обещания из Венгрии и Румынии), что при отсутствии хотя бы одного из этих источников катастрофа будет совершенно неизбежна. Придется жить без резервов, перебиваясь со дня на день. Я не знаю, имеет ли смысл при таких обстоятельствах дальнейшая помощь из Германии; эта помощь может лишь отсрочить катастрофу на несколько дней, самое большее — недель. Насколько Германия еще заинтересована поддерживать Австрию, следует рассматривать не только с точки зрения продовольственного положения Германии, но и как вопрос высокой политики“.

В первое время после заключения перемирия в Германии надеялись получить хлеб, фураж и сырье из Советской России. Проектировали наладить как можно скорее торговые сношения с Россией; был составлен список предметов, в которых больше всего нуждались. Существовало мнение, что Советская Россия может дать из своих запасов самое меньшее миллион тонн хлеба. В конце декабря в Петербург поехала германская комиссия, которая должна была урегулировать экономические взаимоотношения. За нею должна была последовать австрийс-

кая комиссия. Однако, свобода действий германской комиссии была крайне ограничена — ей очень слабо шли навстречу. У комиссии создалось впечатление, что развал русской хозяйственной жизни продолжается.

„Особенно скверно дело обстоит с транспортом; товарное движение совершенно расстроено. Значительная часть подвижного состава приведена в негодность. Хищения товаров в больших количествах — это повседневное явление".

Однако, на юге России и на Кавказе должны были находиться большие запасы хлеба. «Если бы преодолеть затруднения с транспортом, несомненно, можно было бы вывести значительное количество хлеба».

Ввиду отрицательного отношения со стороны русских к нашим попыткам начать экономические переговоры, были отозваны члены комиссии, которым были поручены эти переговоры. Мирные переговоры в Брест-Литовске затягивались, не приводя ни к каким результатам.

Тем более на передний план выступала Украина. 12 января 1918 г. в Брест-Литовске появились представители Украины, которые должны были начать самостоятельные переговоры. Казалось, была возможность получить хлеб с Украины. Следовательно, важно было как можно скорее договориться с Украиной. И нами были признаны уполномоченные Украинской Рады.

Граф Чернин рассказывает о переговорах в своем дневнике (записи, которые он вел 20 и 21 января в Брест-Литовске). Украинцы пытались использовать благоприятное для них положение.

„С тех пор, как у нас вспыхнули беспорядки, им стало известно о том, как у нас обстоят дела, и о том, что мы должны заключить мир, чтобы получить хлеб. Они потребовали отделения Восточной Галиции и отдачи Холмского района. Зейдлер (австрийский премьер-министр) и Ландвер (австрийский генерал снабжения) еще раз объявили по телеграфу, что без украинского хлеба предстоит немедленная катастрофа. На Украине имеется продовольствие. Если мы его получим, удастся избежать худшего. Положение такое: без подвоза извне, по мнению Зейдлера, через несколько недель должна начаться массовая смертность. Германия и Венгрия больше ничего не дают. По всем сведениям Украина имеет большие излишки. Вопрос состоит только в том, получим ли мы их своевременно. Я надеюсь, что да.

Беспорядки в Вене крайне неблагоприятно повлияли на переговоры. Украинские делегаты, как по термометру, читают по этим беспорядкам, до какого градуса дошел голод у нас... Украинцы не ведут больше переговоров, они диктуют!"

4 и 5 февраля в Берлине состоялось совещание, в котором принимали участие государственный секретарь ф. Кюльман, граф Чернин и ген. Людендорф. Ген. Людендорф рассказывает в своих воспоминаниях о войне, что граф Чернин и ген. Ландвер нарисовали мрачную картину продовольственного положения Австрии. При непрерывном сокращении притока хлеба из Румынии, по их мнению, Австрия нуждалась в немедленном получении хлеба с Украины, иначе ей пришлось бы голодать.

„Впечатления, создавшиеся у меня здесь, отличались необычайной серьезностью и, по всей вероятности, оказали такое же глубокое влияние и на других лиц, которые должны были заниматься этими вопросами".

9 февраля 1918 г. был подписан мирный договор с Украиной. Австро-Венгрия вынуждена была уступить в вопросе о Холмском районе. Делегаты Украины, наоборот, сумели уклониться от обязательства доставить немедленно определенное количество хлеба. Экономические отношения должны были начаться на основе двустороннего обмена.

Переговоры с Россией потерпели неудачу. Троцкий отказался подписать мирный договор и объявил состояние войны законченным; русские представители уехали. Такое положение было для нас невыносимо. В связи с предстоявшим наступлением на Западном фронте надо было добиться на востоке ясности обстановки. Перемирие было нами прекращено; 18 февраля были возобновлены военные действия и наши войска начали наступление. Несмотря на заключение мира с Украиной, наступление распространилось также и на территорию Украины.

В своих воспоминаниях о войне ген. Людендорф рассказывает о доводах, приведенных им в пользу возобновления наступления на совещании в Гамбурге 13 февраля. Хотя в данный момент с русской армией и не приходилось считаться, но возможность усиления русского фронта впоследствии, может быть с помощью Антанты, не была исключена. Румыния тоже, по мнению Людендорфа, не заключила бы мира, пока этого не сделала бы Россия. Военное положение требовало безусловной ясности. В противном случае было лишено перспектив проектируемое на Западном фронте большое наступление, которое должно было решить мировую войну.

Что касалось в частности Украины, то ее ни в коем случае нельзя было отдать большевикам. Ибо в последнем случае из нее нельзя было бы извлечь никакой пользы. Германия же, и еще больше Австрия, нуждались в хлебе и сырье. Если бы новый урожай у нас, в Австро-Венгрии и Румынии оказался плохим, виды на будущее сложились бы необычайно мрачно.

Было, разумеется, нежелательно выдвигать дальше нашу линию. Но Германия должна была оградить себя от проникновения большевизма из Советской России при помощи достаточно выдвинутого барьера. Во всяком случае, мы должны были войти вглубь территории Украины.

Эти соображения ген. Людендорфа подтверждаются в другом месте; их правильность доказали события. Для того чтобы наступил покой и чтобы мирный договор был нам полезен, Украина нуждалась в военной охране.

15 февраля 1918 г. ген. ф.-Бернгарди сообщил в донесении, что господствующая на Украине анархия сделает невозможным хоть сколько-нибудь значительный вывоз имеющихся там, особенно в восточных губерниях, больших запасов продовольствия и пр., если не будет немедленно установлена твердая военная организация. «Для этой цели нужна помощь со сто-

роны Германии, ибо весьма сомнительно, сможет ли Рада утвердиться собственными силами». По мнению одного офицера, украинской армии (30 000 — 40 000 человек) недостаточно для борьбы с большевистской армией численностью свыше 100 000 человек. По словам Бернгарди, со всех сторон раздаются призывы к германскому порядку. До восстановления порядка исключаются всякие хоть сколько-нибудь значительные торговые сношения. «Для ограждения богатых запасов страны от разграбления и уничтожения требуется быстрая военная поддержка».

Подполк. Энгелин, прикомандированный к генеральному штабу главнокомандующего Восточным фронтом, сообщил в донесении от 16 февраля 1918 г., что наиболее крупные города и почти все ж.-д. узлы находятся в руках большевиков, которые действуют с беспощадным террором. В украинских войсках полное разложение. Участие украинских войск в кампании с целью сокрушения большевистских войск на Украине совершенно исключается. Создать порядок, по мнению Энгелина, могут только немцы.

В первое время австро-венгерское правительство не присоединилось к германскому наступлению. Ген. Людендорф говорит в своих воспоминаниях о войне, что император Карл неожиданно уклонился от наступления, так как хотел, якобы, избавить свои народы от разочарования, в связи с тем, что мир с Россией не состоялся.

В письме от 17 февраля на имя верховного командования ген. ф.-Арц следующим образом обосновывает поведение Австро-Венгрии.

„Я оцениваю события на Украине так: сначала мы не будем вмешиваться во внутренние дела Украины. Украинская Рада, с которой мы заключили мир, не имеет никаких приверженцев в так называемой украинской республике. Без послушной государственной организации для нас совершенно исключается получение из страны хлеба в таком количестве, которое принесло бы облегчение нашим государствам. Я считаю также невероятным, чтобы в результате вступления наших войск в такой обширный район мы укрепили положение Рады и опять вернули и сохранили ей власть. Великий процесс переворота на Украине должен совершиться и совершится без нашего участия. Я полагаю, что события на Украине должны перебродить. Операцию, исходящую с нашего фронта южнее Припяти, в военном отношении я считаю бесцельной. Операция эта не может протекать быстро и не может достигнуть удаленных объектов, хотя бы из-за ограниченных транспортных средств и времени года. Конечно, мы продвигались бы, не встречая значительного сопротивления, и, несомненно, имели бы богатую добычу в районе действия армии противника, но именно запасов продовольствия мы нашли бы не так много, чтобы они хоть сколько-нибудь значительно облегчили снабжение хлебом. Районы, в которых действительно можно было бы получить значительное количество хлеба (на Днепре и Нижней Волге), недосягаемы для нас ввиду их удаленности. Поэтому я не придаю никакой ценности захвату Ковно, Луцка и т. д. Между тем, оставление занимаемых нами теперь позиций представля т весьма опасные неудобства. Будет снят заградительный кордон существующий теперь против распространения болезней и перенесения революционных идей, ибо у нас нет сил, необходимых для того, чтобы сделать его непроницаемым и одновременно действовать наступательно с достаточными силами. Наши войска, проникнув во враждебную страну, подвергаются опасностям большевистской пропаганды и распространения инфекционных болезней. Мы идем на это зло, не достигая никакой положительной цели. Поэтому, в заключение,

я предлагаю отказаться пока от дальнейшего продвижения по нашей линии южнее Припяти. Когда мы достигнем мира с Румынией, может быть наступит момент для другого образа действий (возможное сотрудничество)".

Это обоснование решения Австро-Венгрии находится в резком противоречии как с прежним настоятельным требованием поставок хлеба с Украины, так и со сделанным вскоре после этого — 25 февраля — следующим сообщением ген. ф.-Арц ген. фельдмаршалу ф.-Гинденбургу:

„Имею честь сообщить вашему высокопревосходительству, что, учитывая важность ж.-д. линий для вывоза хлеба с Украины, австрийским войскам было дано указание также начать наступление и овладеть ж.-д. линией, идущей на восток через Подволочиск и Гусятин. Я прикажу австро-венгерским войскам занять ж.-д. линию Подволочиск — Жмеринка — Одесса, чтобы, как можно скорее начать по ней вывоз".

Общее направление германского наступления было на Киев, а австро-венгерского на Одессу. 1 марта был уже занят Киев, а 12-го — Одесса. После занятия Харькова, которое состоялось в апреле, наша линия была в начале мая доведена до Ростова, так как без угля из Донецкого бассейна не могли работать железные дороги. В конце апреля был также занят Крым. Это было сделано для того, чтобы прогнать русский флот, который препятствовал пароходному сообщению между Черноморскими портами и Браиловом. В конечном итоге наша линия на востоке проходила от Нарвы на озеро Пейпус, Полоцк, Оршу, Могилев, Гомель, район восточнее Харькова — Миллерово — Ростов — Азовское море. В мае передвижения войск были закончены, но бои с большевиками продолжались еще и в октябре. Территория в смысле управления была разграничена между германской и австро-венгерской армиями.

Вскоре после начала германского наступления в Брест-Литовске снова появилась русская мирная делегация. 3 марта был подписан мирный договор, по которому русские признали самостоятельность Украины.

После окончания передвижений сформированная на Украине группа армий Эйхгорна насчитывала в мае 1918 г. 20 слабых дивизий, из них 8 ландверных дивизий и 3 кавалерийских.

Постоянные заботы верховного командования были направлены на то, чтобы оставить на востоке лишь самое необходимое количество войск. Уже 11 февраля ген. Людендорф указал главнокомандующему Восточным фронтом, что исход операций на Западном фронте требует привлечения всех пригодных сил с Восточного фронта. «Я прошу принять это положение за основу при всех соображениях военного и политического характера, касающихся Украины».

3 марта 1918 г. Людендорф запросил: «Нельзя ли обойтись на Украине с меньшими силами, ибо положение в Румынии теперь выяснилось». Ввиду невыясненного положения на Украине главнокомандующий Восточным фронтом считал в тот момент сокращение сил нежелательным.

Группа армий Эйхгорна (по данным военного дневника) рассчитывала сократить в мае штатный состав частей и выделить отдельные батальоны или эскадроны. Вследствие этого существовало стремление повысить боеспособность войск путем новых способов их применения: пехоту посадили на лошадей, для летучих отрядов предоставили повозки и подвижной состав и т. п.

В сообщении начальника генерального штаба действующей армии от 9 июня на имя рейхсканцлера говорится:

„Украина нужна нам для того, чтобы мы могли жить и снабдить себя сырьем. Тем самым с военной точки зрения оправдывается применение нами там войска; не сделать этого было бы ошибкой".

По сообщению штаба 8-й армии от 4 июня,

„вследствие широко практикуемого выделения частей, численность действующих войск настолько сократилась, что при господствующем еще в стране тревожном положении возникла необходимость вооружить огнестрельным оружием и патронами из захваченных запасов всех, кого можно, из среды военных".

Крайне тяжелое положение на Западном фронте заставило верховное командование потребовать 10 августа у главнокомандующего Восточным фронтом выделения новых сил.

„Улучшившиеся виды на урожай в Германии не требуют больше скорейшего захвата хлеба на Украине в такой степени, как это казалось необходимым до сих пор. С другой стороны, бои этого года вызвали большую убыль людей на Западном фронте. Перед нами стоит вопрос о переброске на Западный фронт сил с Украины и русской границы. Прошу сообщить, какие войска могут быть выделены".

Главнокомандующий Восточным фронтом ответил, что Киевская группа армий не может выделить из внутренней Украины никаких частей, не подвергая страну опасности распространения беспорядков на более обширной территории. Ослабить северную границу тоже нельзя. При очищении Донецкой области может быть выделена одна дивизия, а с русского фронта — одна самокатная бригада.

Всего в сентябре с Украины были уведены 5 дивизий, но одна из них была отправлена в Македонию и одна в Константинополь. После этого Киевская группа армий насчитывала в конце сентября всего лишь 12 пехотных и 3 кавалерийских дивизии. Поскольку к этому времени командование 10-й армией имело в своем распоряжении 3 дивизии, а командование 8-й армией — 5 дивизий, в ведении главнокомандующего Восточным фронтом находилось всего 20 пехотных и 3 кавалерийских дивизии. До 26 октября были отправлены еще 2 дивизии, так что общая численность сил главнокомандующего Восточным фронтом сократилась до 18 пехотных и 3 кавалерийских дивизий, не считая этапных войск (ландштурма).

При обсуждении ответа Вильсона на нашу вторую ноту на заседании 17 октября 1917 г. был также рассмотрен вопрос о том, должна ли быть очищена Украина (см. Людендорф «Во-

споминания о войне»), но никакого решения по этому поводу принято не было. По мнению ген. Людендорфа, если бы мы тогда очистили Украину, мы могли бы постепенно получить десять дивизий неполного боевого состава. Однако, Людендорф указал при этом на огромное значение Украины в военно-экономическом отношении. В Румынии был полный неурожай; в Германии урожай был снят очень рано, а потому мы жили опять за счет будущего. Таким образом, если бы война продолжалась, Германия и ее союзники могли бы получить добавочное продовольствие только с Украины. «Без него мы бы пережили тяжелый кризис в начале лета 1919 г.»

Относительно освобождения 10 дивизий (две дивизии и кавалерия понадобились бы для охраны границы с Украиной) в результате очищения Украины, ген. Гоффман заявил на заседании 17 октября 1918 г., что эти дивизии непригодны для наступления и, что ему нужно три месяца, чтобы вывести их с Украины.

На том же заседании государственный секретарь военно-продовольственного управления ф.-Вальдов дал отрицательный ответ на вопрос рейхсканцлера, оправдывается ли потребностями снабжения Германии, ввиду положения на Западном фронте, дальнейшая оккупация Украины 12 германскими пехотными дивизиями. Точка зрения ф.-Вальдова заключалась в следующем: если дело касается того, что мы должны возобновить отчаянную борьбу, то мы могли бы отказаться от Украины и попытаться увеличить наши запасы контрабандным путем. Если в этот момент государственный секретарь и высказал готовность в крайнем случае отказаться от Украины и таким образом противоречил своим прежним требованиям, то этот его взгляд следует объяснить тем, что речь шла теперь об «отчаянной борьбе». Если же надо было иметь в виду продолжение войны в 1919 г., то нельзя было отказываться от использования Украины.

Рассмотрим теперь, оправдались ли в 1918 г. надежды на плодородие Украины и находилась ли польза, извлеченная на Украине, в правильном соотношении с количеством вооруженных сил, затраченных на ее оккупацию.

7 марта в Киеве было восстановлено украинское правительство. Однако, вскоре выяснилось, что правительство было бессильно и, что численность войск была недостаточна для успокоения страны, особенно — богатых хлебом Полтавской и Харьковской губерний.

Относительно распределения получаемого с Украины продовольствия в феврале 1918 г. между Германией и Австро-Венгрией было заключено так называемое Берлинское соглашение. По этому соглашению продовольствие должно было распределяться между Германией и Австро-Венгрией в определенном соотношении, например хлеб в соотношении 1 : 2, рогатый скот — 6 : 4. Оба государства послали в Киев миссии. Германский посол ф.-Мумм прибыл в Киев 18 марта, а австро-венгерский — граф Форгач — 20 марта.

Очень скоро возникли крупные затруднения. Украинское правительство заявило в Брест-Литовске, что с Украины может быть вывезено больше 1 млн. т продовольствия. Между тем в конце марта в Киеве образовалось новое правительство, которое не проявляло склонности выполнить данные нам обещания. Переговоры затягивались.

Последствия долгой войны и разрухи сильно давали себя чувствовать на Украине. Всюду сократилась посевная площадь и урожайность. Имевшиеся запасы были во многих местах уничтожены или захвачены большевиками при отступлении. «Власть украинского правительства простирается всего лишь настолько, насколько она поддерживается нашими штыками», говорится в военном донесении из Киева от 3 апреля.

На основании переговоров была сделана попытка образовать украинское центральное бюро, которое должно было развить свою деятельность совместно с таким же бюро, учрежденным в Киеве державами Центральной Европы и киевским представителем начальника полевых железных дорог. 9 апреля был подписан договор о поставке хлеба, который предусматривал поставку 1 млн. т хлеба и зернофуража. Однако, 17 апреля командующие Восточным фронтом и группой армий Эйхгорна указали в донесении, что «с представителями нынешнего режима невозможна никакая практическая работа, ибо они действуют отрицательно и создают препятствия всюду, где только могут».

В особенности не терпел отлагательства весенний посев. В начале апреля ген. ф.-Эйхгорн издал для оккупированного германскими войсками района распоряжение о том, чтобы весенний посев был закончен как можно скорее. За это он подвергся резким нападкам со стороны Рады.

19 апреля главнокомандующий Восточным фронтом сообщил о медленном ходе переговоров с правительством Украины относительно финансирования, сырья и торговли. Осуществление соглашения о хлебе по его словам затягивалось, с одной стороны, украинским правительством, с другой — вследствие отсутствия средств для закупок, не переведенных своевременно рейхсбанком.

„То здесь, то там в прессу проникают призывы к гетману, т. е. к диктатору. Тот факт, что немцы не сделали из своей власти того употребления, к какому привыкли в России, истолкован как слабость. Соответственно этому растет и дерзость правительства.

Из всего образа действий правительства вытекает, что оно не имеет ни желания выполнить скоро свои обязательства, ни силы для их осуществления. При этом надо признать, что поведение правительства отчасти является результатом запутанного внутреннего положения".

В докладе доверенного лица изображена следующая картина положения в стране в конце апреля:

„С некоторых пор у меня есть вполне обоснованные подозрения, что Украинская Рада оказывает большевикам содействие в вывозе хлеба в северную часть России... Рада действует и вашим и нашим. Для населения Рада до сих пор не смогла ничего сделать. Она не в состоянии установить ни максимальных цен,

ни учредить каких-либо центральных учреждений. Я все больше и больше убеждаюсь в том, что нигде нет и следов власти... Порядок существует только там, где утвердились германские войска".

Но верховное командование торопило с поставками. 23 апреля группе армий Эйхгорна была послана следующая телеграмма:

„Ф.-Вальдов, который был здесь сегодня, считает положение с хлебом у нас очень серьезным. Положение требует, чтобы добывание и отправка хлеба с Украины были уже развернуты в большом объеме в апреле и проводились, не считаясь ни с какими обстоятельствами".

Государственный секретарь военно-продовольственного управления ф.-Вальдов подробно изложил состояние нашего снабжения хлебом на заседании хозяйственного управления от 19 апреля. Как видно из доклада по этому вопросу, в запасах, которые рассчитывали получить в начале августа, вследствие раннего снятия урожая в Германии и подвоза раннего урожая из Румынии, к середине августа должен был образоваться дефицит приблизительно в 350 000 т. Этот дефицит можно было бы покрыть только в результате подвоза из Украины и из Румынии или при уменьшении хлебного пайка в Германии. Однако, считаясь с общим положением, последней меры надо было избежать. Поэтому оставалась одна лишь возможность: так организовать подвоз из Украины и из Румынии, чтобы нужное количество хлеба было своевременно переправлено через нашу границу. При этом государственный секретарь стоял на той точке зрения, что если до середины июня он не получит 100 000 т хлеба, то он не сможет снабдить армию.

Присутствовавший на этом заседании помощник государственного секретаря ф.-Браун, возвратившийся только что из Киева, подчеркнул, что сбор хлеба на Украине представляет значительные затруднения и возможен только при деятельной помощи войск. Ген. Пренер заявил, что при существующем положении вещей имеющихся войск не хватит, чтобы организовать повсюду в деревне такую же сеть постов, как в Румынии.

Те войска, которые имеются, кроме продолжения операций, смогут охранять лишь крупные города и ж.-д. сеть.

Большую роль играло также положение на транспорте. Состояние транспорта еще более запутывало вопрос о снабжении из Украины. Из ответа германского ген.-квартирмейстера ген. ф.-Арц на настояния относительно ускорения подвоза продовольствия с Украины от 21 апреля вытекает, что отправка и доставка хлеба державам Центральной Европы зависела от своевременного снабжения достаточным количеством угля железных дорог и пароходного сообщения по Черному морю. Половину всей потребности в угле должна была покрыть Австрия, ибо на ее долю приходилась половина всех поставок хлеба. Но ввиду того что Австро-Венгрия не была в состоянии доставить уголь, все количество угля должна была дать Германия. Необходимое для этого увеличение добычи угля требовало увеличения числа рабочих, а этого Германия добиться не могла. В связи с этим

оставался один выход: Австро-Венгрия должна предоставить Германии рабочую силу для угольной промышленности. Если же этого не произойдет, то добыча угля в Германии окажется недостаточной для полного удовлетворения потребности Украины в угле, и рассчитывать на значительный подвоз хлеба с Украины не придется.

Грузы хлеба для Австрии должны были направляться в порты Черного моря, затем морем и вверх по Дунаю или через Галицию.

23 апреля после длительных переговоров под сильным давлением было заключено экономическое соглашение; поставки хлеба по этому соглашению были установлены в таком же объеме, как 9 апреля. Приобретение хлеба было передано германско-австро-венгерскому хозяйственному органу, который являлся в некотором роде торговым домом по закупке хлеба.

Непосредственно за этим 24 апреля украинское правительство пало. Гетман Скоропадский превратился в диктатора. Новое правительство признало экономическое соглашение.

Еще до того, как начала действовать новая организация, вмешательство Австро-Венгрии поставило опять под угрозу все соглашения. Уже 1 апреля германскому верховному командованию тайным путем стало известно, что командующий австро-венгерской армией на Украине, фельдмаршал Бем-Ермолли, получил от императора Карла весьма энергичную телеграмму о необходимости спешного сбора запасов продовольствия на Украине. В телеграмме говорилось, что сбор продовольствия в прежних размерах недостаточен и что нужно добиться перелома. Сбор запасов надо поручить генералам и войсковым частям. Надо со всей энергией проводить реквизиции, прибегая, в случае необходимости, к насилию. «Его величество верит в дальновидность и энергию фельдмаршала и надеется, что он выполнит задачу, которая имеет решающее значение в интересах тыла». В качестве обер-квартирмейстера в Одессу был послан ген. Зендлер, который пользовался репутацией энергичного человека, имеющего опыт в области снабжения.

Шаг императора Карла был вызван впечатлением, создавшимся у него во время поездки по северной Богемии. В Вене повидимому переносили крайнюю нужду и теряли терпение. Но в свое время между германскими и австро-венгерскими органами было заключено в Киеве ясное условие, по которому вывоз хлеба из Украины при помощи военных сил считался недопустимым и должен был быть предоставлен торговым организациям. В соответствии с этим германским войскам на Украине была дана инструкция воздерживаться от всякого насильственного захвата запасов страны.

Наоборот, австро-венгерские учреждения получили в середине апреля от своего правительства совершенно другую инструкцию. В ней было сказано, что крайне критическое продовольственное положение Австро-Венгрии требует немедленного и обильного подвоза продовольствия из Украины.

„Если мы будем еще ждать, пока организация Киевского центра в самом деле немедленно начнет доставку продовольствия, в котором мы крайне нуждаемся, то, в случае непригодности этой организации, наше продовольственное положение сложится прямо катастрофически. По этой причине добывание продовольствия при помощи военной силы, под которым следует понимать закупку, а не реквизицию, должно быть сохранено, несмотря на все свойственные ему недостатки,— так же, как должна быть сохранена и действующая, наряду с военным захватом, свободная торговля. Это должно быть до тех пор, пока действительная работа украинской организации не будет подтверждена регулярными ежедневными поставками в количестве, установленном по договору".

27 апреля от группы армий Эйхгорна было получено донесение о том, что австро-венгерские войска и их представители по закупкам стремятся захватить хлеб, нарушая заключенное в Киеве соглашение, проводя насильственные военные реквизиции и во много раз повышая установленные цены. Подобные действия уничтожают всякую планомерную работу и таят в себе опасность полного обесценения наших платежных средств. Результаты таких действий могут иметь лишь временное значение. Если бы немцы стали действовать так же, то в ближайшем будущем следовало бы ожидать полной дезорганизации всего хлебного рынка. Австрийские представители объясняют все исключительно распоряжениями ген. Зандлера, который ссылается, якобы, на указания императора Карла.

Австро-венгерский ген. Краус рассказывает («Причины нашего поражения»), что в мае его хотели отправить в Одессу в качестве диктатора, чтобы использовать Украину в интересах Австро-Венгрии. Император Карл, начальник генерального штаба и премьер-министр уверяли его, что при безотрадном положении монархии единственной надеждой является Украина.

Но в середине мая, «терпя крайнюю нужду в продовольствии, Австро-Венгрия вынуждена была просить германской помощи до нового урожая. Помощь была ей предоставлена, но лишь при условии прекращения ею впредь самостоятельных военных действий». Сбор, заведывание и распределение получаемого на Украине хлеба было целиком возложено на Германию (Чернин).

Это не удержало Австрию от других злоупотреблений. Венгерский министр, принц Виндишгрец, рассказывает следующее. В первые дни июня нужда в Австрии достигла крайних пределов. Вена голодала. Тут помог случай. Из Румынии были посланы в Германию грузы кукурузы, которые шли вверх по Дунаю. Ген. Зандлер (из продовольственной комиссии) знал, что они находились близ Вены, и приказал выгрузить их в Вене. Затем в Германию было послано сообщение о том, что это было сделано, чтобы не допустить голодного бунта, ибо ничего другого не оставалось. Ген. Зандлер сказал Виндишгрецу: «Я знаю, что это было разбоем на большой дороге, но у меня не было другого выхода. Теперь на две недели венцам, по крайней мере, будет чем питаться».

Однако в течение июня и июля Украина давала все меньше и меньше. Поэтому 28 июня 1918 г. государственный секре-

тарь военно-продовольственного управления счел себя вынужденным обратиться с письмом к начальнику штаба действующей армии, в котором он просит:

„взвесить, возможно ли, учитывая важность получения хлеба с Украины, увеличение численности войск на Украине. Если это немыслимо, возможно ли осуществить поскорее стягивание войск в определенных, заранее намеченных районах... Положение, безусловно, требует, чтобы на ввоз хлеба из Украины было обращено самое серьезное внимание".

В сообщении ген. Гренера из Киева от 8 августа на имя ген. квартирмейстера подробно изложены условия, при которых до сего времени совершался экономический захват Украины:

„Вывоз не соответствует ожиданиям многих органов, которые были введены в заблуждение относительно действительных запасов страны сообщениями безответственных лиц, незнакомых со страной и оперировавших фантастической статистикой мирного времени. Даже в оценках так называемых знатоков страны наблюдались огромные колебания. В результате четырехлетней войны и в значительно большей степени в результате революции во всех государственных учреждениях и прочих хозяйственных организациях на Украине господствует полная разруха. Ни государственные или коммунальные учреждения, ни военная или полицейская власть не пользуются никаким авторитетом. Впечатление производят и пользуются авторитетом только наши войска".

Далее идет изложение тех трудностей, которые возникали в деревне при закупках хлеба. Крестьяне прятали хлеб. Хлеба не удавалось получать в большом количестве ни при помощи денежной оплаты, ни путем товарообмена, ни в результате военных реквизиций. Торговля из-под полы и взяточничество были в полном расцвете.

Слабый вывоз из Украины объяснялся также положением на транспорте. Пропускная способность железных дорог была недостаточна. На урожай 1918 г. возлагались большие надежды. Между тем распределение хлеба и фуража между Германией и Австро-Венгрией было установлено, исходя из соотношения 1:1. Украина обратилась с просьбой об оказании ей военной помощи при уборке хлеба и осеннем посеве. Насколько важна была эта помощь, видно из письма государственного секретаря военно-продовольственного управления в государственное казначейство от 7 августа 1918 г. Он подчеркивает в этом письме, что всякое ограничение закупок хлеба на Украине может иметь самые тяжелые последствия для питания населения Германии. Своего урожая в лучшем случае хватит лишь на десять месяцев.

„Поэтому, если потребность двух последних месяцев, которую нечем покрыть в Германии, не удастся покрыть из запасов Украины, то в новом хозяйственном году грозит полная катастрофа. Я должен указать опять на то, что для этого ввоза, имеющего поистине решающее значение для устойчивости народного питания, существуют мало-мальски надежные возможности только во время уборки хлеба на Украине. Если хлеб не будет взят теперь, немедленно после уборки, державы Центральной Европы несомненно не получат его, так как он будет спрятан, продан по мелочам или отправлен в Великороссию... Итак, если будет теперь случай упущен, я не вижу никакой возможности обеспечить питание населения и вынужден снять со своего ведомства ответственность за кажущиеся мне неизбежными последствия, важность которых безгранична".

В августе и сентябре Германия была снова вынуждена заявить протест против злоупотреблений Австро-Венгрии. Австро-

Венгрия нарушала договор, стараясь отправлять большую часть транспортов со скотом непосредственно в свой глубокий тыл.

При дальнейшем спокойном развитии наверное можно было бы увеличить вывоз продовольствия, ибо организация вступала постепенно в силу. В деле восстановления покоя и порядка удалось добиться больших успехов. В складах были уже собраны большие запасы, на многие сделки были заключены контракты; виды на зиму были благоприятны, но эвакуация Украины после окончания войны положила конец использованию этой страны.

Надежды, которые возлагались в феврале на богатства Украины, не вполне оправдались. Причины этого ясны из изложенного выше.

По справке центрального железнодорожного управления в Киеве от 4 ноября 1918 г. за все время с начала оккупации и до 26 октября 1918 г. через отдельные передаточные пункты Брест, Львов и по Черному морю с Украины было вывезено:

хлеба	9 132	вагона
продуктов продовольствия	22 148	„
сырья	3 465	„
Всего:	34 745	вагонов,

из них:

в Германию	14 162	вагона
Австро-Венгрию	19 808	„
Болгарию	130	„
Турцию	195	„

Чернин приводит другие данные, собранные им на основании статистической сводки государственного секретаря по делам продовольствия. По этим данным вывоз продовольствия с Украины в названные четыре государства определяется в 42 000 вагонов. Доля Австрии считается меньшей. Рогатого скота, по данным Чернина, вывезено всего 105 000 голов; из них 55 000 в Австро-Венгрию; лошадей — всего 96 000, из них 40 000 в Австро-Венгрию.

То количество, которое было получено четырьмя названными государствами контрабандным путем помимо передаточных пунктов, граф Чернин определяет в 15 000 вагонов.

В своих воспоминаниях о войне ген. Людендорф следующим образом формулирует результаты оккупации Украины:

„Если даже Австрия и не получила того, что считал необходимым в начале февраля граф Чернин, то все же полученное с Украины продовольствие вместе с нашей помощью, по крайней мере, спасло Австрию и австро-венгерскую армию от голода... Но наша страна не получила того количества хлеба и фуража, в котором она так нуждалась для оживления своих истощенных сил. Тем не менее Украина помогла также и Германии.

Летом 1918 г. мы получили из Украины мясо. Эти поставки облегчили наше скудное снабжение мясом. Армия получила большие партии лошадей. Без них ведение войны было совершенно немыслимо... Мы получили из Украины также сырье“.

В другом месте Людендорф говорит:

„Если бы война затянулась еще на зиму и на следующее лето, вывоз из Украины приобрел бы жизненное значение для Австрии и для нас".

Следует также иметь в виду, что войска, находившиеся на Украине, довольствовались исключительно за счет местных ресурсов.

По словам графа Чернина

„мир с Украиной был заключен под давлением начинавшегося голода. Этот мир носит характерный отпечаток условий своего возникновения. Это верно. Но верно также и то, что, несмотря на получение нами из Украины меньшего количества продовольствия, чем мы надеялись, без этих поставок мы не смогли бы прожить до нового урожая.

По статистике в течение весны и лета 1918 г. из Украины было получено 42 000 вагонов с продовольствием. Достать это продовольствие где-либо в другом месте было бы невозможно. Миллионы людей были тем самым спасены от голода; пусть об этом вспомнят те, кто осуждает заключение мира.

Кроме того, не подлежит никакому сомнению, что при другой работе заготовительного аппарата и транспорта Австрия могла бы получить несравненно большее количество продовольствия, ибо запасы продовольствия на Украине были очень велики".

Упомянутый выше австро-венгерский ген. Краус, бывший летом 1918 г. главнокомандующим австро-венгерской армией на Украине, рассказывает, что надежды на Украину не оправдались не потому, что там не было нужных запасов, а вследствие применения негодных средств для овладения ими.

„Опытные специалисты и лица, хорошо знающие страну, говорили мне, что при правильном образе действий и использовании в первую очередь торговой организации на Украине можно было получить значительное количество хлеба. Вследствие лучшего состояния германского хозяйства, немцы могли бы подождать, пока скажется результат заготовок на Украине".

Венгерский министр продовольствия принц Людвиг Виндишгрец в своей книге «От красного к черному принцу» высказывает с австро-венгерской точки зрения следующее суждение:

„Система военных заготовок оказалась на Украине совершенно недостаточной. Обесценение денег и установление максимальных закупочных цен привели к тому, что украинское население прятало свои обильные запасы от войск, производивших реквизиции, и предпочитало сжигать их, но не продавать по низким ценам. Я немедленно составил докладную записку, в которой подробно развил тот взгляд, что успехов в области закупок можно добиться только путем свободной торговли и отмены твердых цен".

Но австрийский и венгерский министры финансов заявили протест против затраты на закупку продуктов продовольствия более крупных средств.

Впрочем, из соображений, высказанных в разных местах принцем Виндишгрецем в его книге, можно притти к тому выводу, что Венгрия могла бы помочь Австрии в смысле снабжения продовольствием в значительно большей степени, чем она это сделала. В июле положение было якобы таково: урожай пшеницы и ржи был, правда, в Венгрии плохой, но Венгрия могла дать Австрии кукурузу, обеспечив снабжение Австрии до весны 1919 г.

„В октябре",— говорит Виндишгрец, — благодаря принятым мною мерам, продовольственное снабжение Венгрии было обеспечено на целый год; в это время в Венгрии имелись такие огромные запасы кукурузы, что мы могли бы оказать Австрии весьма существенную помощь. В связи с предстоящей вскоре демобилизацией запасов хватило бы на то, чтобы полностью обеспечить продовольственное снабжение Австрии до конца 1919 хозяйственного года".

В конце ноября 1918 г. Виндишгрец считал даже, что Венгрия накопила столько продовольствия, что могла бы торговать и заниматься экспортом. Резкий контраст с такой оценкой положения Венгрии представляет замечание Виндишгреца относительно продовольственного положения Австрии в конце октября: «Население Вены переносило ужасные лишения. С недели на неделю надвигалась опасность полного голода».

в) Финляндия

Весною 1917 г., в России произошла революция, и в Финляндии началось сильное движение в пользу того, чтобы воспользоваться этим случаем и добиться полной государственной независимости. Однако Финляндия не имела ни оружия, ни обученных солдат, чтобы освободиться от находившихся в стране революционных русских солдат (около 60 000) и устранить царившую анархию. Поэтому она искала опоры и поддержки за границей. Уже в мае 1917 г. в Стокгольме начались переговоры с германскими представителями.

Кроме доставки оружия, переговоры главным образом касались батальона, сформированного в Германии из финнов, уклонившихся от службы в русской армии (27-й стрелковый батальон), который должен был служить ядром при формировании финских частей.

Верховное командование объявило в июне о своем согласии на образование особого стрелкового батальона и предоставление оружия на случай восстания в Финляндии. Следовало опасаться, что в случае отказа Финляндия искала бы поддержки у Англии. На следующем совещании в июле 1917 г. в Заснице число винтовок, которое желала получить Финляндия, было определено в 75 000; в августе их должны были доставить морем в Финляндию. На совещании обсуждался также вопрос об образовании и отправке стрелкового батальона. О помощи путем предоставления германских войск во время переговоров решительно ничего не было сказано.

Государственный секретарь министерства иностранных дел писал ген. Людендорфу в письме от 4 августа 1917 г:

„Я вполне разделяю мнение о том, что мы должны отправить теперь в Финляндию как можно больше финляндцев, прошедших подготовку, и вообще по возможности поддерживать Финляндию в деле создания военной организации. Во всяком случае о нашей помощи ничего не должно быть известно, чтобы не помешать развитию событий в России в нашу пользу".

В конце сентября министр иностранных дел ф.-Кюльман рекомендовал верховному командованию подвергнуть «серьезному изучению» вопрос об оккупации Аландских островов гер-

манскими вооруженными силами. Этот вопрос, по его мнению, имел чрезвычайно большое значение для нашего положения на Восточном и Северном фронтах и для всего исхода войны. Следовало ожидать, что восстание в Финляндии увенчается победой, если мы сохраним доверие финнов благодаря оккупации господствующих над Ботническим заливом Аландских островов и если, вследствие нажима на фронте, русское командование будет вынуждено увести из Финляндии часть войск. Оккупации Аландских островов придавалось также большое политическое значение в связи со Швецией. Наши враги надеялись нанести нам серьезный удар, препятствуя вывозу руды из Швеции, и прилагали величайшие усилия, чтобы оттеснить от нас Швецию. Благодаря оккупации Аландских островов, по мнению министерства иностранных дел, наше положение по отношению к Швеции было бы гарантировано от всяких перемен и укрепилось бы настолько, что у наших северных врагов не осталось бы больше никаких надежд. В своем ответе от 6 октября верховное командование заявило о своем полном согласии поддерживать приготовления к восстанию в Финляндии и предпринять действия против Аландских островов, если только сможет быть обеспечено снабжение через Швецию.

В конце октября мы начали помогать Финляндии в войне за независимость. Эта помощь заключалась в поставках оружия (главным образом русских винтовок и пулеметов с патронами).

Финляндия приобрела особое значение, когда были получены сведения о том, что Антанта предлагала шведскому правительству Финляндию с целью привлечь таким путем Швецию на свою сторону, превратить Аландские острова в английскую морскую базу и расстроить решительное господство Германии на Балтийском море. Антанта собиралась использовать ради привлечения Финляндии на свою сторону серьезные продовольственные затруднения, переживаемые Финляндией. С нашей стороны наиболее действительным средством помешать этим намерениям была бы оккупация Аландских островов.

В декабре 1917 г. в Финляндии была провозглашена независимая республика. Главнокомандующему Восточным фронтом было дано указание, чтобы во время мирных переговоров он добивался признания независимости Финляндии со стороны России и увода русских войск из Финляндии. 6 января 1918 г. советское правительство действительно признало независимость Финляндии. Но оставшиеся там большевистские войска захватили в конце января власть и организовали в Финляндии большевистское правительство. Правда, финляндским частям охраны, под командованием ген. Маннергейма, удалось вернуть северную Финляндию во владение финляндского правительства, но южная Финляндия осталась в руках повстанцев. Финляндское правительство обратилось к Германии с настоятельной просьбой о военной помощи.

27-й стрелковый батальон был расформирован еще в середине февраля 1918 г. и отправлен в штатском платье в Финлян-

дию. Верховное командование объявило на совещании 21 февраля о своей готовности оказать военную поддержку Финляндии, но подчеркнуло, что Германией руководит при этом не желание территориальных приобретений, «а одно лишь стремление сломить власть большевиков, представляющую опасность для всей Европы».

У верховного командования было намерение занять сначала в качестве опорного пункта Аландские острова, а затем отправить в Финляндию смешанную бригаду. 22 февраля были отданы первые распоряжения о формировании Аландского отряда и «Балтийской дивизии». Мирные переговоры с Россией в феврале 1918 г. потерпели неудачу. Вследствие этого верховное командование придавало этой операции особое значение, исходя также из следующего основания: «чтобы ввиду ненадежного положения в России, получить возможность оказывать давление на Петербург по обе стороны Финского залива».

В начале марта, после соглашения со шведским правительством, высадился Аландский отряд, а в первые апрельские дни в Гангэ прибыла «Балтийская дивизия» под командованием ген. ф.-дер-Гольца. Общая численность войск была равна одной дивизии неполного состава. Прибывшие войска состояли из трех стрелковых батальонов, трех конных стрелковых полков, нескольких самокатных и пулеметных частей и пяти батарей.

Кампания продолжалась недолго. При содействии Маннергейма красная гвардия была окружена и вынуждена сдаться. В конце апреля Финляндия была освобождена; Выборг был занят.

Три стрелковых батальона из дивизии Гольца вернулись в августе в Германию. Ген. ф-дер-Гольц остался в Финляндии с тремя конными стрелковыми полками и несколькими орудиями, чтобы поддерживать блокаду большевиков и помешать образованию нового фронта Антанты.

Причины, которые привели к отправке «Балтийсекой дивизии» в Финляндию, ясны из предыдущего изложения. Причины экономического характера не имели здесь значения; роль играли скорее лишь соображения военного и военно-политического характера.

С одной стороны наши позиции под Выборгом и Нарвой давали нам возможность двинуться в случае необходимости на Петербург, чтобы свергнуть большевистское господство, а с другой — наше построение в Финляндии шло параллельно Мурманской железной дороге, которая вела из незамерзающего Александровска вдоль финляндской границы на Петербург. Английскому десантному корпусу на Мурманском побережьи был закрыт путь вперед, и мы помешали снабжению большевиков военными материалами.

г) Турция

Для поддержки предполагавшегося Турцией наступления на Багдад осенью 1917 г. был сформирован германский «азиатский корпус». Но наступление на Багдад не состоялось. Действия ан-

гличан в Палестине вынудили турок выступить против них. Азиатский корпус с успехом принимал участие в боях в Палестине в 1918 г. Название «азиатский корпус» никак не соответствовало его слабой численности; это название было придумано, чтобы ввести противника в заблуждение. В первое время азиатский корпус состоял из трех пехотных батальонов, которым были приданы пулеметы, немного кавалерии, минометов и артиллерии сопровождения, а затем несколько батарей, разведывательных и воздушных частей и т. д.

Весною 1918 г., ввиду угрожающего положения в Палестине, азиатский корпус был усилен одним пехотным полком, одним резервным стрелковым батальоном и одной саперной ротой из Македонии. Вскоре после этого стрелковый батальон был снова уведен.

д) Македония

В марте 1918 г. на болгарском фронте в Македонии находилось 18 батальонов пехоты (с 5 батальонами ландштурма включительно), несколько кавалерийских эскадронов, 3 полка полевой артилерии, значительное число тяжелых батарей и самокатные, пулеметные, воздушные и разведывательные части. Весною большая часть из них была уведена, 15 батальонов были переброшены главным образом на Западный фронт (4 батальона из этих 15 были прикомандированы к «азиатскому корпусу»). В сентябре на болгарском фронте оставалось всего лишь 3 батальона (саксонский стрелковый полк), 2 дивизиона полевой артиллерии, несколько тяжелых батарей, обслуживающий персонал которых был большей частью уведен, и несколько вспомогательных соединений.

Крушение болгарского фронта, которое имело злополучные последствия для всего военного положения, доказывает, что в Македонии было оставлено скорее слишком мало, чем слишком много войск. Болгары сильно противились уводу германских войск. Германское командование 11-й армии на македонском фронте высказывало тоже в связи с этим большие опасения. Последствия катастрофы выразились в том, что, несмотря на стесненное положение, в котором в сентябре находилась Германия, на Балканы пришлось послать четыре германских дивизии, чтобы спасти то, что еще можно было спасти.

е) Кавказ

С лета 1918 г. на Кавказе находились две штурмовых роты, которые были усилены двумя баварскими пехотными полками (по два батальона каждый) из Украины, одним артиллерийским дивизионом и несколькими частями особого назначения (воздушными, разведывательными, обозом). Оба пехотных полка состояли из стрелков запаса и некоторого количества солдат, освобожденных из русского плена (около 1 000).

В сентябре к ним присоединились усиленная 7-я баварская кавалерийская бригада и усиленная 18-я ландверная бригада. Последняя была однако очень скоро отправлена в Македонию.

Причина отправки войск в Грузию заключалась в необходимости получить горючие и смазочные вещества для самолетов и автомобилей из Бакинского района, в котором укрепились английские войска.

Выше было уже сказано, насколько затруднительно было наше положение с горючими и смазочными веществами.

ж) Краткие выводы

Основной вопрос заключается в том, не задалось ли наше командование слишком широкими задачами на востоке? Не произошло ли перенапряжение наших сил, повредившее сосредоточению всех имеющихся войск на Западном театре для большого наступления 1918 г.? По внешнему впечатлению наши операции в Финляндии, в Палестине, в Македонии, в Крыму и Грузии казались распылением сил. Были ли все эти операции обусловлены положением, или они были проявлением безграничной завоевательной политики? Дело касается здесь главным образом России и в первую очередь вступления на Украину. Чтобы сделать понятными мероприятия нашего верховного командования, необходимо изучить военно-политические и особенно экономические условия, игравшие определяющую роль в этих операциях.

В начале 1918 г. для верховного командования важно было как можно скорее договориться с Советской Россией и перебросить своевременно все силы, без которых можно было обойтись на востоке, на Западный фронт для наступления, предполагавшегося 21 марта. Но Ленин и Троцкий явно затягивали переговоры. Для них важнее была пропаганда большевизма и подготовка мировой революции. Этому опасному затягиванию надо было обязательно положить конец. Ленин и Троцкий уже пытались внести в нашу армию дух разложения. Поэтому наше наступление 18 февраля, приведшее к заключению мира, было продиктовано необходимостью.

Условия мира отнюдь не были продиктованы одним лишь верховным командованием, а были согласованы с руководителями государства. Конечно, они были жестокими для России. Окончательное разрешение всей восточной проблемы было в то время невозможно. Относительно отделения окраинных государств было уже твердо известно, что Польша должна стать самостоятельным государством, даже если вопрос о ее политическом тяготении и не был еще выяснен. Предполагалось, что Курляндия и Литва будут связаны персональным союзом с германской империей. Судьба же Эстонии и Лифляндии, которые были оккупированы нами, не была еще окончательно решена. Во всяком случае верховное командование не требовало их присоединения к Германии.

Советское правительство должно было признать самостоятельность Украины.

Между верховным командованием и политическими руководителями существовали разногласия исключительно относи-

тельно ширины охранной зоны, которую должна была иметь Пруссия на границе с Польшей. Верховное командование было за установление более широкой зоны.

Отбросим чисто политическую сторону. Не будем касаться того, надолго ли было бы сохранено такое положение, при котором Россия, не говоря уже о Польше, отказалась бы от Украины, имевшей для нее крайне важное экономическое и промышленное значение, и позволила бы отрезать себя с севера, отказавшись от прибалтийских провинций. Скажем лишь о том, что против угрозы большевизма безусловно надо было создать защитительный барьер, который должен был находиться на достаточно большом расстоянии от нашей границы. Большевизм по всей своей природе рассчитан на распространение, на завоевание всего мира. Если бы мы очистили русскую территорию и ограничились удержанием наших границ, большевизм стучался бы наверное у наших ворот уже в 1918 г. Помешать этому было не только задачей политического руководства, но и целиком соответствовало интересам военного командования.

Ниже будет рассмотрен главным образом вопрос о том, какое влияние имело положение вещей на востоке на ведение войны. В частности, дело касается того, была ли оккупация Украины продиктована экономической необходимостью и была ли она полезна? Не потребовало ли дальнейшее территориальное распространение этой оккупации применения непропорционально крупных военных сил, которых не хватало на решающем западном театре? Не допустило ли верховное командование каких-либо ошибок в своем стремлении быть как можно сильнее на Западном фронте?

Прежде всего надо сказать, что если бы на востоке удалось добиться полного окончания войны и твердого и ясного положения, это соответствовало бы целиком интересам ведения войны. Если бы мы имели свободный тыл со стороны России и могли сосредоточить все силы на Западном фронте, то перспективы нашего наступления были бы намного благоприятнее. То, что этого не случилось, лежит на ответственности нашего военного командования в 1915 и 1916 гг. Можно твердо считать, что в 1915 г. существовала возможность добиться полного военного разгрома России. Может быть наше верховное командование недооценивало тогда целей нашего наступления. То упущение, которое было тогда допущено, можно было наверстать в 1916 г. В военной критике многократно высказывался тот взгляд, что в 1916 г. надо было добиться полного сокрушения России со стороны Румынии еще до попыток добиться решения войны на западе. Даже теперь эти вопросы остаются еще спорными и не могут быть разрешены окончательно. Но все же следует указать на вред, вызванный тем, что Россию не удалось совершенно исключить из участия в войне.

Мир в Брест-Литовске тоже не привел к такому результату. Этот результат не был бы достигнут и в том случае, если бы наше политическое руководство отказалось от своей политики отделения Польши и Украины от России. В последнем случае, преследуя свои цели, большевизм поступал бы еще беспощаднее.

При том положении вещей, какое существовало в марте 1918 г. после заключения мира, на мирные отношения с Советской Россией можно было рассчитывать лишь в том случае, если бы нам удалось удержать ее в определенных рамках при помощи военной силы и если бы мы могли защитить свой Восточный фронт. Фактически мир был только перемирием. Советское правительство было не временным, а постоянным нашим врагом. Затем надо было считаться с возможностью попытки со стороны Антанты снова создать в России фронт против нас.

В связи с этим был даже возбужден вопрос о том, не следовало ли предпочесть обороне продолжение наступления, чтобы добиться таким путем окончательного решения. В своих «Воспоминаниях о войне» ген. Людендорф заявляет, что в военном отношении мы несомненно были в состоянии нанести короткий удар на Петербург при помощи войск, которые мы имели на Восточном фронте, и, пользуясь поддержкой донских казаков, двинуться на Москву, чтобы убрать советское правительство. Оборона на фронте большого протяжения пожирает, по мнению Людендорфа, больше сил, чем короткое наступление. Само по себе это правильно. Но тогда появилась бы необходимость закрепить захваченную территорию. Однако оккупация новых больших частей территории и в первую очередь городов Петербурга и Москвы едва ли позволила бы сократить численность войск, которые надо было оставить на востоке. Случай окончательно исключить Россию из участия в войне был к сожалению упущен раньше.

Если после заключения мира мы все-таки должны были быть готовыми к обороне на Восточном фронте, то следует рассмотреть вопрос, нужно ли было для этого зайти так далеко, как это было сделано.

Дело касается главным образом того, нужна ли была оккупация Украины или нет.

Всем известно огромное экономическое значение Украины для России до войны. Если бы мы овладели Украиной, это значительно усилило бы нас, но было бы тяжелым ударом для хозяйственной жизни России. На основании этой оценки Украины военные критики выражали мнения, что наше наступление 1915 г., кроме сокрушения России, должно было стремиться к ее экономическому разгрому в результате захвата Украины. Эта возможность тогда была упущена, а потому в 1916 г. нам следовало наступать по направлению на Киев через Румынию. Поэтому понятно, что при сильном недостатке продовольствия в Германии и еще большем в Австрии, в начале 1918 г. на Ук-

раину были направлены все взоры. Из описанных выше событий и переговоров видно, как настойчиво государственный секретарь военно-продовольственного управления толкал верховное командование на то, чтобы оно захватило имевшиеся на Украине ресурсы. В противном случае в Австрии предвиделась катастрофа продовольственного снабжения. Кроме как на Украине никаких ресурсов нигде не было. Нельзя отделаться от впечатления, что тогда не оставалось ничего другого, как овладеть Украиной. Без нашей военной помощи украинское правительство даже при желании не было бы в состоянии собрать для нас хоть сколько-нибудь значительные запасы. Страна сначала должна была быть очищена от большевиков.

Нельзя отрицать, что надежды, возлагавшиеся нами на Украину, были до некоторой степени обмануты. Причины этого ясны из предыдущего изложения.

Организация, созданная нами с целью использования запасов Украины, оказалась, видимо, нецелесообразной. Мы уже указывали на то, что вместо разветвленных учреждений, образованных слабым украинским правительством, германскими и австро-венгерскими представителями, командованием германской и австрийской армий, значительно большего могла бы достигнуть твердая военная власть. О вреде, принесенном нам ни с чем не считавшимися австрийцами, мы уже говорили. Затруднения на транспорте тоже трудно было преодолеть. Верховному командованию все чаще и чаще указывали на то, что военная оккупация слишком слаба и должна быть усилена, если из Украины хотят извлечь ту пользу, на которую надеялись.

Данные о том, что фактически дала Украина, были уже приведены. Австрия была спасена от голода. Мы получили крупные поставки мяса, но больше всего имели для нас значение полученные из Украины лошади. Наконец, надо иметь в виду, что организация вывоза начала действовать и приобрела полное значение только осенью 1918 г., когда мы должны были очистить Украину.

Военные критики признают основания, которые привели к оккупации Украины, достаточно вескими. При тех условиях, которые существовали в начале 1918 г., едва ли можно было отказаться от вспомогательных ресурсов Украины. Никто не мог предвидеть, в какие формы выльется это использование украинских ресурсов.

Распространение операций на Финляндию, Палестину, Грузию и Крым подвергается гораздо более резким нападкам. Говорят об «ошибочной восточной политике» верховного командования, о «фантастических целях войны». Каковы были намерения при осуществлении этих операций и какие войсковые части в них участвовали, уже было сказано. Для этих операций был использован такой личный состав, который едва ли можно было применить на западе. Следует также обратить внимание на то, что в расширении операций ни в коем случае нельзя

винить одно лишь верховное командование, ибо это расширение производилось с ведома политического руководства.

Относительно того, как нам надо было действовать на востоке, составлялись всевозможные планы.

Говорилось о том, что еще в 1915 г., после падения Брест-Литовска, мы не должны были выходить на линию Ковно — Брест-Литовск — Луцк и организовывать оборону по этой линии (с использованием Немана и Буга). Если бы мы не сделали этого, то у нас, де, освободилось бы достаточно сил, чтобы достигнуть решения войны на западе. Против этого можно возразить, что такое неопределенное положение на востоке было крайне нежелательно; русские имели бы время усилиться. В войне на два фронта должно было, безусловно, господствовать стремление достигнуть военного завершения на одном фронте до начала борьбы на другом. То обстоятельство, что к этому всеми силами не стремились в 1915 г. на Восточном фронте и не пытались затем достигнуть этого же в 1916 г., вредно отразилось на всем дальнейшем ходе войны.

По другим мнениям, не позже августа 1918 г. следовало отказаться на Восточном фронте от всех операций, которые не были безусловно необходимы для того, чтобы помочь экономически продержаться до конца. Таким путем удалось бы освободить от 15 до 20 дивизий, которые могли бы заниматься возведением позиций на Западном фронте или усилить болгарский фронт в Македонии. Но тогда, по мнению этих критиков, в Германии все еще настаивали на планах, простиравшихся очень далеко. В качестве возражения против этого можно указать на то, что получить такое количество дивизий можно было бы, лишь отказавшись от Украины, а это было неприемлемо, опять-таки, по экономическим причинам. Силы же, без которых мы могли обойтись в Финляндии, Грузии, Палестине и т. д., были крайне незначительны.

Таким образом, все запоздалые соображения постоянно упираются в вопрос об удержании или отказе от Украины. Впоследствии ген. Людендорф сам возбудил вопрос о том, как бы сложилось положение, если бы мы не пошли по линии Нарва — Пинск — Ковель и могли бы отказаться от оккупации Украины. Тогда с самого начала на востоке хватило бы 25 дивизий, при расчете 1 дивизия на протяжении 40 км. Тогда положение укрепилось бы, и после этого возможно было бы увести еще несколько дивизий.

Сэкономить на численности войск можно было лишь в результате отказа от Украины. Когда предполагают, что летом 1918 г. мы имели на Восточном фронте (в Финляндии, в Прибалтике, в Польше, на Украине, в Крыму, на Кавказе и в Палестине) полтора миллиона солдат и что полмиллиона из них могли бы заняться возведением тыловых позиций на Западном фронте, то совершают ошибку. Даже принимая в расчет все этапы, на Восточном фронте далеко не было такого количест-

ва солдат. Значительной экономии можно было достигнуть только на Украине и в окраинных государствах.

Рекомендуемое беспощадное ограничение наших целей на востоке и сосредоточение всех наших боевых сил на Западном фронте имело бы самые серьезные последствия. Тогда пришлось бы отказаться от попытки сломить блокаду на востоке; пришлось бы предоставить австрийцев своей судьбе в вопросе о продовольствии. Все было бы поставлено на одну карту. Если бы эта карта была бита, и война продолжалась в 1919 г., то на этот раз верховное командование заслужило бы справедливый упрек в неосмотрительности.

Едва ли в настоящее время возможно окончательное разрешение этих трудных вопросов, которое было бы убедительно для всех. Разногласия будут продолжаться. Но мы надеемся способствовать в дальнейшем изложении выяснению этого вопроса и более правильной оценке преувеличенного мнения относительно раздробления наших сил. Некоторые из наших операций, наиболее бросающиеся в глаза по своему распространению на большой территории, могли быть, конечно, ограничены, но тут-то именно и не удалось бы сберечь хоть сколько-нибудь значительного количества войск.

Если мы согласимся с тем, что надо было передвинуть вперед границу оккупированной территории за счет России, то надо сказать, что верховное командование постоянно делало все возможное для сокращения численности войск. К главнокомандующему Восточным фронтом — и особенно к армии Эйхгорна — постоянно обращались с призывами отдать все, без чего они могут обойтись. Невозможно было оккупировать огромную территорию слабыми силами. При этом следует иметь в виду, что из оставшихся на востоке дивизий были уведены боеспособные части и что численность батальонов значительно сократилась. Как боевые части для Западного фронта эти дивизии были непригодны, для работ же они вполне годились. Для оживления сильно отставшего на Западном фронте строительства крупных стратегических тыловых позиций, на западе были бы рады каждой дивизии. Может быть для возведения позиций на Западном фронте уже весной можно было перебросить те дивизии, которые были переброшены туда с востока впоследствии — в сентябре и октябре. То обстоятельство, что возведение позиций Германа и позиций по линии Антверпен — Маас из-за полного отсутствия рабочей силы было начато слишком поздно, оказалось роковым после неудачи нашего наступления на Западном фронте.

4. МОЖНО ЛИ БЫЛО ПЕРЕБРОСИТЬ БОЛЬШЕ АВСТРО-ВЕНГЕРСКИХ ВОЙСК НА ЗАПАДНЫЙ ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ?

Какие трудности возникали бы при привлечении австро-венгерских войсковых частей к участию в германском наступлении, которое предполагалось начать во Франции в 1918 г., выяснилось уже во время переговоров по другому поводу, ко-

торые велись между германским и австро-венгерским верховным командованием в конце октября 1917 г. Речь шла о том, чтобы, ввиду большого расхода сил во время сражения во Фландрии, германские войска были переброшены с Восточного фронта на Западный и заменены на востоке австро-венгерскими дивизиями. Надо было избежать ослабления германских войск, принимавших участие в продолжавшемся еще наступлении в Италии. Ген. Людендорф предложил начальнику штаба австро-венгерского верховного командования отдать в распоряжение главнокомандующего Восточным фронтом 6—8 австро-венгерских дивизий, имевшихся еще в резерве на австрийском Юго-западном фронте. Это должно было бы быть сделано ради освобождения германских дивизий для переброски их на Западный фронт. Характерен ответ ген. ф.-Арц, который заявил, что он не может согласиться на переброску австро-венгерских дивизий на Восточный фронт, пока на Юго-западном фронте находятся еще германские дивизии. По мнению ген. ф.-Арца, такая переброска с целью замены на спокойном Восточном фронте находившихся там германских дивизий, которые предназначались для отправки на Западный фронт, была бы воспринята в армии как тяжелое оскорбление, как сомнение в ее качествах.

„Это несомненно нанесло бы большой вред союзу обеих армий, который надо поддерживать на будущие времена и в основе которого лежит высокая взаимная оценка. Италия была и будет нашим исконным врагом. Как мы ни благодарны Германии за ее самоотверженную поддержку, позволившую нам разбить итальянскую армию, я все же не могу взять на себя ответственность перед армией, историей и династией и согласиться, чтобы на итальянском военном театре нас постоянно заменяли германские войска".

Из этой позиции стало ясно, что переговоры об участии австро-венгерских дивизий в наступлении на Западном фронте в 1918 г. были бы нелегким делом.

Эти переговоры были начаты на совещании 3 ноября 1917 г., на котором верховное командование австро-венгерской армией было поставлено в известность о готовившемся в 1918 г. наступлении и о необходимости привлечения к участию в нем германских войск с Юго-восточного и Юго-западного фронтов:

„Желательно участие австро-венгерских дивизий. Участие артиллерии желательно и раньше, в любое время".

В середине декабря германское верховное командование выступило с более определенными предложениями. В письме ген. Людендорфа от 15 декабря 1917 г. было изложено затруднительное положение, в которое поставил бы Германию обмен военнопленными с Россией. При простом обоюдном возврате Германия потеряла бы около миллиона рабочих. На Западном фронте, по словам Людендорфа, тоже ощущался большой недостаток в рабочих командах. Поэтому был предложен такой метод обмена пленными, который растянул бы его на более длительный период. Но дальше в письме Людендорфа было сказано:

„Однако, я в то же время прошу ваше превосходительство повлиять в том направлении, чтобы Австро-Венгрия оказала Германской империи посильную помощь в предстоящей решающей борьбе на Западном фронте. При этом, в первую очередь, я имею в виду освобождение всех германских сил из группы армий Бем-Эрмолли и участка Липа и замену их австро-венгерскими войсками, а также передачу части Западного фронта австро-венгерским войскам. Позже я хотел бы вернуться еще к этим вопросам, подвергая сегодня обсуждению лишь вопрос о рабочей силе".

Поэтому, в первую очередь, Германия обратилась к Австро-Венгрии с просьбой о помощи рабочей силой, путем переброски рабочих команд на Западный фронт, передачи Германии итальянских военнопленных и разрешения вербовать рабочих по всей территории Дунайской монархии.

В заключение Людендорф писал:

„Ваше превосходительство знает, какие огромные усилия делают французы, англичане и американцы, чтобы вырвать в последний момент победу. В этой борьбе надо не ослаблять, а напрягать все силы и в тылу и на фронте. Будущее Австро-Венгрии и Германии решается исходом этих боев. Победа будет принадлежать нам, если мы будем, как и раньше, твердо стоять рядом".

Однако, из устных переговоров в январе 1918 г. выяснилось, что Австрия боялась за свой престиж, если она будет посылать на Западный фронт только рабочих или если она даже будет делать это только в первое время. Давать рабочих для германского тыла Австрия вообще не была склонна.

Наоборот, относительно участия австро-венгерских войск в наступлении ген. ф.-Арц ответил согласием:

„Я вполне присоединяюсь к мнению вашего превосходительства, что весною 1918 г. на Западном фронте надо нанести решительный удар, для которого мы никогда не будем достаточно сильными. Мой государь уполномочил меня заявить, что армия Австро-Венгрии охотно примет участие в этих боях и что соглашение относительно численности предоставляемых нами войск зависит от хода мирных переговоров с Россией".

С обратной почтой германское верховное командование выразило благодарность «за предстоящую австро-венгерскую помощь на Западном фронте».

„Относительно численности,—ответил Людендорф,— пока на Восточном фронте положение еще не выяснено, я бы не хотел ничего предлагать. Но я подчеркиваю, что верховное командование охотно примет каждую боеспособную австро-венгерскую дивизию, освобожденную с Восточного фронта, а также переброшенную с Восточного фронта тяжелую артиллерию с соответствующим количеством снарядов".

В январе после внесения ясности в положение на востоке в результате брест-литовских переговоров, путем устных переговоров должны были быть разрешены все прочие вопросы.

Итак, казалось, господствовало полное согласие; все казалось хорошо подготовленным для большого наступления.

Однако, дальнейшие переговоры не привели ни к чему. Из обсуждения выяснилось, что Австро-Венгрия надеялась, повидимому, на то, что одна из австро-венгерских армий будет целиком отправлена на Западный фронт, например в Вогезы. Германское верховное командование отклонило это предложение. До

начала нашего мартовского наступления не удалось достигнуть соглашения по поводу участия австро-венгерских войск в наступлении.

Причины этого видны из донесения германского уполномоченного при австро-венгерском верховном командовании, ген. ф.-Крамона от 10 марта 1918 г. У австро-венгерского верховного командования было, якобы, такое чувство, словно Германия ценит австро-венгерскую армию очень низко и не придает ее участию большого значения. Большинство в австро-венгерской армии хотело ее участия в предстоящих боях на Западном фронте ради восстановления чести армии. В качестве второго возражения против отправки австро-венгерских дивизий ген. ф.-Арц привел то обстоятельство, что

„признаться откровенно, он опасается послать на Запад австрийскую пехоту. Дивизии, которые пришли бы теперь с востока, обратились бы попросту в бегство под артиллерийским огнем Западного фронта, а забрать хорошие войска с Юго-восточного фронта было тоже рискованно в случае наступления итальянцев, которые могли получить подкрепление“.

Относительно этого ген. ф.-Кармон заметил следующее:

„Мне казалось, что ген. ф.-Арц, даже если он и мало доверяет своим войскам, здесь не вполне откровенен; естественно, стремясь выгородить своего государя и скрыть его бессильную политику, ф.-Арц приводит не те причины, какие существуют фактически.

„Мне сообщено по секрету из безупречного источника, что государем руководит не столько желание пощадить людей, сколько воля императрицы, которая не хочет, чтобы хоть один австриец сражался во Франции. Правда, австрийские батареи отправляются во Францию, но они стоят далеко в тылу и не обнаруживают своего присутствия, когда надо избежать боя один на один.

В Италии дело обстоит несколько иначе, ибо там инициативу взяли в свои руки французы.

Считаясь с этим нежелательным вмешательством высокопоставленной дамы в военно-политические дела и учитывая описанные ген. ф.-Вальдштеттеном настроения в офицерском корпусе, я позволю себе представить на усмотрение вашего превосходительства следующее соображение: не следовало ли именно теперь настаивать на данном Австро-Венгрией обещании предоставить войска и официально запросить здесь, можем ли мы рассчитывать на три хорошие, надежные и боеспособные дивизии. Я считаю это безусловно желательным по политическим причинам и в предвидении будущего. Не подлежит никакому сомнению, что войска прибудут слишком поздно. Но это не повредит, а наоборот — в общем соответствует желаниям вашего превосходительства. Правда, возможно, что по указанным выше причинам здесь все же будут просить нас отказаться от отправки войск, но тогда, по крайней мере, австрийцы не смогут жаловаться на то, что их низко ценят“.

В своей книге «Наш австро-венгерский союзник в мировой войне» ген. ф.-Крамон рассказывает, что ген. Людендорф и еще больше фельдм. ф.-Гинденбург, бывшие низкого мнения о боеспособности австро-венгерских войск, сомневались, надо ли последовать совету ген. ф.-Крамона. В конце концов, они дали согласие. Но ген. ф.-Арц сообщил конфиденциально ген. ф.-Крамону, что отправка австрийской пехоты на Западный фронт была бы неугодна государю. По словам Крамона, ген. Людендорф воспринял отказ спокойно, тем более что он никогда не считал австрийскую помощь фактором, который мог бы способствовать победе.

Итак, из документов и описаний, опубликованных ген. ф.-Крамоном, вытекает, что участию австрийских войск в нашем мартовском наступлении главным образом помешало сопротивление императрицы Зиты. Как утверждает ген. ф.-Крамон, австро-венгерское верховное командование ни в какой мере не было с этим согласно. Особенно ярым сторонником отправки австрийских войск на запад был ген. ф.-Вальдштеттен, который настаивал на том, чтобы наше верховное командование не отказывалось от своего требования. По мнению Вальдштеттена, заявление, что для Западного фронта не было свободных войск, было отговоркой.

Ген. ф.-Крамон дополняет свой рассказ собственным мнением, сводящимся к тому, что нехорошо было «отказаться с легким сердцем от австро-венгерских дивизий» и что надо было преодолеть сопротивление Вены, причем, ввиду опасности, пойти на то, чтобы вызвать у императора Карла дурное настроение. По мнению ген. Крамона, для Западного фронта можно было освободить тогда 10 дивизий. Надо было отправить их на спокойные фронты, забрав оттуда германские дивизии для наступления.

Своевременно достигнуть непосредственного содействия австро-венгерских войск на Западном театре военных действий не удалось, и потому ничего не оставалось, как предложить австро-венгерской армии начать наступление на итальянском фронте с целью оттянуть силы. Но и здесь было уже поздно.

15 марта 1918 г. фельдм. ф.-Гинденбург обратился к ген. ф.-Арц со следующим предложением:

„Английские и французские войска, повидимому, ушли с итальянского фронта. Следует ожидать их появления на германском Западном фронте. Для облегчения германской армии ее тяжелой борьбы за исход войны, я считаю настоятельной необходимостью, чтобы австро-венгерская армия начала наступление в Италии. Это будет также наиболее действительным способом участия Австро-Венгрии в решении войны на западе".

Ген.-полк. ф.-Арц ответил на следующий день, что он поедет для изучения вопроса на Юго-восточный фронт, но тут же заметил, что «материальное обеспечение операции будет в значительной степени замедлено, вследствие продовольственных затруднений, кризиса на транспорте и с углем, крайне осложняющих доставку войск и боеприпасов». 27 марта ф.-Арц ответил согласием:

„Имею честь сообщить вашему превосходительству, что, сосредоточив все имеющиеся в нашем распоряжении материальные средства и весь личный состав вооруженных сил монархии, я начну наступление против Италии. Приготовления к этой операции будут закончены в конце мая. Эта операция должна довести нас до р. Эч и сокрушить военную мощь Италии".

В середине июня началось австрийское наступление, которое должно было произвести к военному разгрому Италии. Но оно потерпело неудачу. На Западном же театре германское мартовское наступление на Сомме, апрельское во Фландрии и

майское-июньское на Эне хотя и привели к большим тактическим успехам, но не принесли ожидавшегося прорыва.

16 июня ген. Людендорф обратился к ген. ф.-Крамону со следующим предложением:

„Насколько я могу судить, австрийское наступление не имело успеха. Не могу быть сторонником повторения. Отныне американские войска будут выступать против нас единым фронтом. Я опасаюсь также, что Италия пошлет теперь во Францию еще больше войск. Тогда Германии пришлось бы отойти в тыл. Поэтому прошу обсудить с ген. ф.-Арц вопрос об отправке 5-6 дивизий и артиллерии на наш Западный фронт. Это должны быть, разумеется, вполне надежные войска. Срочно необходимо также предоставление рабочей силы, лошадей и бензина“.

На следующий день 17 июня ген. Людендорф уже торопил с скорейшим решением и присылкой ответа. Артиллерийские части, по его мнению, можно было выделить тотчас же.

„Необходима ясность. Я должен действовать и, в связи с изменившимся благодаря Италии военным положением, нуждаюсь как можно скорее в новых силах, — в первую очередь, в артиллерии. Затем срочно необходим бензин“.

Соглашения удалось достигнуть только после длительных переговоров. Из донесений ф.-Крамона видно, что вначале император Карл не был склонен итти навстречу желанию Германии.

„Император склоняется к тому, чтобы, если можно, нанести итальянцам еще одно поражение. Кроме того, здесь опасаются внутренних затруднений в том случае, если Австрия откажется от наступления“ (донесение от 18 июня).

Император долго колебался. После первоначального согласия государя «в настоящее время, повидимому, снова одержали верх сомнения, которые ген.-полк. ф.-Арц надеется устранить», — сообщил ген. ф.-Крамон 21 июня. 23 июня он добавил, что ген.-полк. ф.-Арц и ген. ф.-Вальдштеттен безусловно стоят за отправку войск на запад.

„Император вчера уклонился от окончательного решения. Ген.-полк. ф.-Арц держится того мнения, что государь так же, как и все прочие дела, хочет предварительно обсудить этот вопрос с императрицей и потому не желает себя заранее связывать. Я не могу судить, верно ли это, но должно быть это, к сожалению, именно так. Во всяком случае, влияние высокопоставленной дамы отнюдь не исключается, хотя в настоящее время оно, повидимому, склоняется в нашу пользу“.

Ген. ф.-Крамон рекомендовал германскому верховному командованию подчеркнуть, что

„австро-венгерские дивизии, по крайней мере, отчасти будут использованы для наступления, ибо отправка этих дивизий на какой-либо совершенно спокойный участок фронта противоречила бы здешнему тщеславию“.

Между тем, германское верховное командование продолжало настаивать на быстром решении. 18 июня ген. Людендорф сообщил ген.-полк. ф.-Арц через ген. ф.-Крамона следующее:

„Следует ожидать, что американцы будут все более и более усиливаться на Западном фронте и что итальянцы тоже отправят во Францию еще большее число дивизий, Несмотря на это мы выиграем войну, если мы будем в состоянии наносить дальнейшие удары на Западном театре. Однако, в связи с ожидаемым

увеличением сил противника, одних германских сил надолго нехватит. Поэтому я был бы весьма благодарен, если бы на Западный театр было отправлено возможно больше австро-венгерских дивизий,— в первое время 5—6 дивизий. После того, как эти дивизии получат подготовку для здешних боевых условий (такую же подготовку проходили и наши дивизии, прибывшие с Восточного фронта), я намерен ввести их в дело в важном месте".

21 июня ген.-полк. ф.-Арц было направлено следующее официальное предложение «со стороны верховного командования», подписанное фельдм. ф.-Гинденбургом:

„Ход событий на итальянском фронте позволяет заключить, что там не следует больше ожидать решающего сражения. Исход войны решится теперь исключительно на германском Западном фронте. Это знает также и Антанта. Сюда будут стянуты все американские и новые итальянские силы. Частичное наступление австро-венгерской армии ничего не может изменить в этом положении. Сосредоточение борьбы против неприятеля, расположенного во Франции и непрерывно усиливающегося, требует также и с нашей стороны сосредоточения всех сил, без которых мы как-нибудь сможем обойтись в другом месте, и перехода к обороне там, где мы не сражаемся за общий исход, ибо в противном случае мы распылим свои силы. Поэтому, выражая мнение верховного командования, я считаю, что австро-венгерская армия должна приостановить свое наступление в Италии и перебросить все освободившиеся, благодаря этому, силы на Западный театр, чтобы развить уже достигнутые здесь успехи и сделать их решающими для исхода войны.

Я повторяю известную вашему превосходительству просьбу о немедленной отправке на запад, в первую очередь, 6 дивизий и тяжелой артиллерии. Я позволяю себе надеяться, что ваше превосходительство не останется глухим к этой железной необходимости и согласится со мной".

24 июня ген. ф.-Крамон получил возможность сообщить, что император Карл не возражает больше против выделения сил на Западный фронт. Но положение на Юго-западном фронте еще, якобы, не выяснилось — возможно контрнаступление противника. Кроме того, выделяемые дивизии должны сначала пополнить убыль, понесенную ими в результате боев, что потребует некоторого времени.

Относительно дальнейшего соглашение было достигнуто на совещании 26 и 27 июня в Вене, на которое от имени германского верховного командования был послан майор ф. Бокельберг. По этому соглашению должны были быть выделены 6 дивизий; из них 2 дивизии в качестве первого подкрепления должны были выступить в начале июля. Затем должны были быть выделены 48 тяжелых и несколько самых тяжелых батарей с необходимыми снарядами. По прибытии дивизии сначала должны были быть соответственно подготовлены к условиям Западного фронта, затем отправлены на спокойные фронты, а впоследствии на главный боевой фронт. Для подготовки был признан необходимым четырехнедельный срок. Поэтому, несмотря на неотложность, вызванную создавшимся положением, пока австрийская помощь могла стать заметной, должно было пройти довольно продолжительное время. В письме от 27 июня фельдм. ф.-Гинденбург ген.-полк. ф.-Арц подчеркнул, что выделены будут лишь дивизии с высокими боевыми качествами, оправдавшие себя в тяжелых боях на фронте Изонцо. Значительные рабочие силы, по его словам, не могли быть выделены. Не позже, чем в сентябре, предполагалось новое наступление на Италию.

Действительно, две первые дивизии — 1-я и 35-я — были отправлены на запад. Однако, дальнейшие отправки войск задерживались. 21 июля ген.-полк. ф.-Арц сообщает, что следующие транспорты войск могут быть отправлены, лишь начиная с середины августа, ибо в настоящее время дивизии имеют неполный состав и должны быть сначала укомплектованы и заменены на фронте прибывающими из тыла дивизиями.

В конце августа, ввиду огромного расхода сил на Западном фронте, фельдм. ф.-Гинденбург просил от имени верховного командования послать еще несколько дивизий, и 2 сентября ген.-полк. ф.-Арц предоставил в его распоряжение еще две дивизии.

Положение на Западном фронте заставило ф.-Гинденбурга обратиться 19 сентября еще раз «с настоятельной просьбой немедленно отправить на германский Западный фронт, — по возможности, скорым железнодорожным маршрутом, — дальнейшие австро-венгерские силы». По словам ф.-Гинденбурга, это было «неотложной необходимостью для счастливого исхода войны». Ген.-полк. ф.-Арц ответил 20 сентября, что итальянский фронт может быть ослаблен еще не более, чем на одну дивизию; затем еще одна дивизия, по его словам, может быть уведена с Украины. Но Болгария тоже просит оказать ей срочную поддержку. Германское верховное командование с тяжелым сердцем должно было отказаться от этих двух дивизий в пользу Болгарии. Оно даже было вынуждено «убедительнейше» просить австро-венгерское верховное командование

„еще раз подумать, не может ли Австро-Венгрия оказать дальнейшую помощь союзнику, находящемуся в стесненном положении. События на Балканах требуют быстрой и деятельной помощи, которая будет служить для того, чтобы не была сокрушена Болгария и весь наш балканский фронт и чтобы не был поставлен под вопрос результат наших победоносных боев".

4 и 16 октября ф.-Гинденбургу пришлось, однако, снова просить об отправке на Западный фронт еще 4 австро-венгерских дивизий. Но ген.-полк. ф.-Арц ждал на итальянском фронте «большого наступления Антанты». При условии очищения восточной части Украины он мог бы отправить на Западный фронт 1—2 дивизии, отправка которых могла начаться, однако, только через несколько недель. Но крушение Австрии произошло раньше.

В общем надо сказать, что было бы вполне уместно и возможно достигнуть своевременно более усиленного привлечения австро-венгерских войск к участию в операциях на Западном фронте. Правда, влияние «верховного командования» оказалось крайне незначительным, а преодолеть австрийское сопротивление было нелегко. Австрийцы были очень обидчивы. После опыта, проделанного на Восточном фронте, вполне понятно, что им не хотели доверить на Западном фронте целый участок, на котором должна была бы действовать замкнутая австро-венгерская армия. Получить австрийские войска для использования их в качестве рабочих команд нельзя было из-за пре-

стижа; использовать же их на фронтах, хотя бы на спокойных, было невозможно.

На наступление австрийцев в Италии ради отвлечения сил после прежнего опыта тоже нельзя было возлагать больших надежд. Предоставленные самим себе, австрийцы до сих пор не достигли ничего серьезного. Наступление в Италии, начавшееся только 15 июня, не совпадало также во времени с наступлением на Западном фронте. Повидимому, германское верховное командование не без оснований не придавало с самого начала большой ценности участию австро-венгерских дивизий в боях на Западном фронте. Однако, летом к австрийскому союзнику пришлось обращаться со все более настойчивыми просьбами о помощи. Однако, австрийцы оказали поддержку с большим запозданием и лишь постепенно.

Судя по ходу событий, было бы лучше потребовать эту помощь заранее. По мнению ген. ф. -Крамона, ее можно было бы получить.

5. ПРИБЫТИЕ АМЕРИКАНЦЕВ

Прибытие и содействие американских войск имело огромное влияние на ход боев в 1918 г. Мы не будем рассматривать здесь вопроса о том, было ли вызвано вступление США в войну неограниченной подводной войной, или оно совершилось бы и без того, и была ли эта подводная война ошибочной мерой или нет? Дело касается здесь лишь того, было ли при создавшемся в конце 1917 г. положении, при принятии решения о переходе в наступление, правильно учтено прибытие и предстоящая помощь американцев, или мы допустили здесь ошибку и не следует ли усматривать в этом одну из причин неудачи наступления? В самом деле, соображения, касавшиеся прибытия и предстоящего вмешательства американцев, сильно влияли на определение срока для начала наступления. Надежда на то, что усиленная подводная война сравнительно скоро заставит Англию желать мира, не оправдалась. Но мы думали, что для перевозки большого количества американских войск и снабжения не хватит тоннажа и, что американским транспортам будет нанесен значительный ущерб нашими подводными лодками.

К моменту вступления США в войну относительно американской армии было известно, что она состояла из сравнительно слабой регулярной армии, численностью в 125 000 чел. и приблизительно 120 000 чел. национальной гвардии (милиции отдельных штатов). Регулярная армия к моменту вступления США в войну фактически была равна 133 000 чел., а национальная гвардия имела, вероятно, такую же численность. Кроме того, в войне могла принять участие многочисленная национальная армия.

В апреле 1917 г. верховное командование делало правильное предположение, что новое формирование американской армии потребовало бы продолжительного времени. Недостатка в людях не могло быть. Снабжение техникой при сильно развитой

военной промышленности тоже оказалось бы сравнительно простым делом. Главную трудность усматривали в недостатке кадров для обучения.

26 мая 1917 г. верховное командование дало следующую оценку положения:

„В формировании американских вооруженных сил не приходится сомневаться. Но мы видим из опыта англичан, что для формирования, вооружения и подготовки крупных соединений потребуется около десяти месяцев. Необходимость в тоннаже для снабжения Антанты исключает крупные транспорты войск, тем более пока остается в силе подводная война. Поэтому вопрос о том, насколько Антанта окажется в состоянии перевезти в Европу крупные американские силы, остается неразрешенным. Вследствие этого маловероятна требуемая прессой перевозка американских новобранцев в Европу для формирования во Франции частей новой американской армии. Регулярная армия должна будет выделить ядро и кадры обучения для новых формирований, и потому этой армией пока еще нельзя распоряжаться. Таким образом, до зимы не приходится рассчитывать на появление значительных американских сил на театре войны. Но по политическим причинам в течение лета возможна переброска во Францию слабого экспедиционного корпуса (одной-двух дивизий) регулярной армии“.

В июле 1917 г. предполагалось, что первые американские войсковые части высадились в июне, но что во Франции до сего времени находится не более одной американской дивизии. Существовало мнение, что организация, обучение и снаряжение новой армии требовали так много времени, что до начала 1918 г. основная масса армии не сможет быть готова к отправке. Считалось, что объем транспортов будет зависеть от свободного тоннажа. Предполагалось, что в 1918 г. скорее всего надо рассчитывать на появление на французском театре всего лишь одного экспедиционного корпуса, численностью в 1—2 дивизии.

В декабре 1917 г. во время обсуждения проектируемого нами наступления было с несомненностью установлено прибытие во Францию первой американской дивизии. Еще две дивизии уже, якобы, начали высадку, но до весны не могли быть приняты в расчет для наступательных операций. Однако, на основании полученных сведений, до весны 1918 г. надо было рассчитывать на прибытие многочисленных американских подкреплений.

„Перевозка и снабжение войск США зависят от тоннажа. Из-за недостатка тоннажа едва ли можно ожидать большее количество, чем 450 000 человек. Весной 1918 г. главная масса этой армии не будет еще способна к наступлению. Поэтому в первое время ценность американцев будет заключаться в освобождении англо-французских дивизий со спокойных фронтов“.

Мы считались с возможностью того, что до весны 1918 г. американские силы во Франции смогут достигнуть численности 15 дивизий.

Относительно ценности американских войск тогда высказывалось такое мнение: укомплектование, вооружение и снаряжение хороши, но подготовка еще недостаточна.

„Но первая американская войсковая часть, посланная на фронт, хорошо сражалась, отражая германскую атаку, и потому следует ожидать, что при дальнейшей подготовке и военном опыте американский солдат превратится в серьезного противника“.

Наши предположения в значительной части оправдались. Но мы переоценили численность американцев к весне 1918 г.— 15 дивизий к этому времени не высадились.

О прибытии американцев на европейский военный театр и о численности американской армии имеются следующие сведения[1].

Общая численность американской армии на:

1 апреля	1917 г.	в круглых цифрах	200 000
1 декабря	„	„ „ „	1 189 000
1 марта	1918	„ „ „	1 639 000
1 апреля	„	„ „ „	1 796 000
1 мая	„	„ „ „	1 953 000
1 июня	„	„ „ „	2 112 000
1 июля	„	„ „ „	2 380 000
1 августа	„	„ „ „	2 658 000
1 сентября	„	„ „ „	3 001 000
1 октября	„	„ „ „	3 433 000
1 ноября	„	„ „ „	3 634 000

До 1 июля 1919 г. численность американской армии должна была быть доведена до 5 миллионов.

Первые законченные войсковые формирования высадились во Франции в июне 1917 г. Затем во Францию прибыли:

в июне	1917 г.	14 912	в марте	1918 г.	74 627
„ июле	„	3 900	„ апреле	„	105 076
„ августе	„	19 263	„ мае	„	233 038
„ сентябре	„	22 544	„ июне	„	230 144
„ октябре	„	30 338	„ июле	„	313 410
„ ноябре	„	37 358	„ августе	„	262 487
„ декабре	„	54 273	„ сентябре	„	310 765
„ январе	1918 г.	40 759	„ октябре	„	202 663
„ феврале	„	29 723	„ ноябре	„	95 519

Численность американских войск на Западном театре была равна:

к концу мая	1917 г.	1 308	к концу мая	1918 г.	667 119
„ „ июня	„	16 220	„ „ июня	„	897 293
„ „ декабря	„	183 896	„ „ июля	„	1 210 708
„ „ января	1918 г.	224 655	„ „ августа	„	1 478 190
„ „ февраля	„	254 378	„ „ сентября	„	1 783 955
„ „ марта	„	329 005	„ „ октября	„	1 986 618
„ „ апреля	„	434 081	„ в ноябре	„	2 057 675

Эти цифры дают картину величайшей мощности США. В течение июля 1918 г. численность американских войск уже перешагнула за первый миллион. При заключении перемирия на Западном театре было свыше двух миллионов американцев. Необычайное увеличение количества транспортов, начиная с мая 1918 г., было результатом призывов о помощи, с которыми Антанта обращалась к президенту Вильсону. Все прочие соображения, касавшиеся снабжения продовольствием и доставки сырья, были отодвинуты Ллойд-Джорджем на задний план ради получения необходимого тоннажа для перевозки войск. Транспорты с войсками не были потоплены нашими подводными

[1] **Рекен**, Америка мчится к победе («America's race to victory»).

лодками. Возможности транспорта войск были увеличены благодаря тому, что значительную часть оборудования не привозили из Америки, а получали во Франции.

Из приведенных выше огромных цифр надо, однако, вычесть значительные тыловые части армии. Следует также учесть большие потери. Использовать можно было также далеко не все войска, находившиеся на Западном военном театре. Поэтому правильную картину влияния американской армии на войну в 1918 г. дает лишь число тех дивизий, которые можно было использовать в боях.

В марте 1918 г. к моменту начала нашего наступления во Франции находилось 7 американских дивизий, но из них только одна настоящая позиционная дивизия. Три дивизии были посланы на фронт, чтобы они приучились там к боевым условиям, а остальные проходили еще подготовку.

В день перемирия было всего 43 американских дивизии; но из них лишь 28 годились для использования в бою; 5 проходили подготовку, 3 находились в тылу и 6 были использованы в качестве запасных дивизий; кроме того, имелась одна негритянская дивизия. Если считать численность дивизии равной 28 000 человек, то общая численность 28 дивизий плюс численность войск, не входивших в дивизионные соединения, была равна 30 000 офицеров и 870 000 рядовых.

Крайнее увеличение перебросок американских войск с мая месяца, несомненно, было для нас неожиданностью. В первые месяцы мы недооценивали этих возможностей. Но скоро нам удалось точно установить появление американских дивизий на фронте. В июле и августе предполагавшееся нами число приблизительно соответствовало числу фактически имевшихся дивизий; общая численность, ожидавшаяся к концу 1918 г., тоже была приблизительно правильно оценена нами.

Прибытие столь многочисленных американских войск вскоре дало себя почувствовать.

В мае и в июне американские дивизии приняли уже участие в боях; 1-я американская пехотная дивизия участвовала даже в наступлении. В начале июня у Шато-Тьерри были брошены в бой 2-я и 3-я дивизии, а затем и 26-я. Эти дивизии оказали своим вмешательством большую поддержку державам Антанты. Но наиболее значительным было моральное воздействие этой поддержки на французов. Появление американцев подняло вновь павший дух. По рассказам французов, вид построившихся американцев — молодых, сияющих здоровьем и силой — оказал чудесное действие.

„Жизнь хлынула новой волной, чтобы влить свежую силу в почти обескровленное тело Франции. В эти дни испытания, когда противник стоял во второй раз на Марне, когда он был уверен, что лишил нас всякого мужества, невыразимая вера охватила против ожиданий все французские сердца“ (Пьерфе) (Pierrefeu)

Во время нашего наступления в середине июля мы натолкнулись в Шампани на 1 американскую дивизию, а в районе Шато-Тьерри на 3 дивизии; эти дивизии оказали нам сильное

сопротивление. Всего в боях участвовало 7 американских дивизий.

Американские войска играли большую роль уже в контрнаступлении, начатом французами 18 июля. 2 американских дивизии принимали участие в наступлении, которое велось от Вилле-Коттере и еще 4 — в наступлении западнее Шато-Тьерри. Потом к ним присоединились еще 3 дивизии,— так что всего в операциях участвовало 9 американских дивизий.

В конце августа дело уже не ограничивалось использованием американских дивизий на других фронтах; 1-я американская армия образовала на Маасе самостоятельный «американский фронт». 12 сентября 14 американских дивизий перешли у Сен-Миель в наступление, которое привело к потере там наших позиций. В общем наступлении, которое началось 26 сентября, американцам достался район между р. Маас и Аргоннами по направлению к Седану. В этих боях американцы потерпели тяжелые потери. В октябре их продвижение сильно тормозилось плохой организацией снабжения. В это время американские войска образовывали две армии. В наступлении, которое Фош предполагал начать 14 ноября в Лотарингии, американцам была отведена важная роль.

Таким образом, вмешательство американцев имело большое значение для хода войны. В Америке многому научились из опыта войны за независимость Северной Америки, когда 21 июля 1861 г. вновь сформированные юнионистские войска попросту разбежались под Булль-Рэном. Американцам было известно, что для того, чтобы сделать пригодными войска милиционного типа, нужно время. Дивизии, отправленные в Европу, сначала проходили в лагерях военную подготовку, которая длилась несколько месяцев, и лишь затем отправлялись на спокойные фронты. Начиная с лета 1918 г., американцев чаще всего бросали в бой через 1—2 месяца после их прибытия. Американские солдаты оказались храбрыми, хотя и плохо обученными. Свежие американские войска, пользовавшиеся хорошим питанием и обладавшие крепкими нервами, выступили против германской армии, истощенной неслыханным напряжением четырех лет войны. В этом, а также в большом численном усилении наших противников, в решающий для них момент заключается значение американского вмешательства.

Наша надежда добиться решения войны в 1918 г. при помощи наступления, которое предполагалось начать еще до того, как в большом количестве могли вмешаться американцы, не осуществилась. Мы не предусмотрели, что американцы прибудут с такой быстротой, с какой они начали прибывать с весны. Мы ошиблись в вопросе о тоннаже, который можно было использовать для транспорта войск, и в вопросе о действии наших подводных лодок. Американцы прибыли во-время и в большом количестве, и это в значительной степени повлияло на неблагоприятный для нас исход войны.

Из этого обстоятельства, однако, не следует, что надо порицать верховное командование. И это обстоятельство не должно повлиять на суждение о том, правильно ли было решение о переходе в наступление. Высказанные зимой 1917—1918 г. соображения относительно возможного вмешательства американцев надо признать с точки зрения того времени правильными. Если бы мы, учитывая вмешательство американцев, отказались от наступления и ограничились обороной, то со временем нашими противниками было бы безусловно достигнуто подавляющее превосходство.

Таким образом, попытка всеми силами добиваться решения войны весною 1918 г. еще до прибытия большого количества американцев была обоснованной.

II. КОМПЛЕКТОВАНИЕ И СНАБЖЕНИЕ АРМИИ

1. КОМПЛЕКТОВАНИЕ

В деле комплектования мы встретились с затруднениями еще летом 1917 г. Военное министерство сообщило летом 1917 г. верховному командованию, что в настоящее время оно может удовлетворять лишь настойчивые требования в пополнении, исходящие от войсковых частей, находящихся на главном Западном боевом фронте, да и то лишь не в полной мере. Для Восточного же фронта у него нет ни обученных солдат, ни новобранцев.

Осенью 1917 г. военное министерство следующим образом оценивало положение, которое ожидалось в 1918 г. в вопросе о комплектовании.

Средняя месячная потребность определялась в 160 000 человек. Считая призыв 1900 г. (200 000 человек) и 60 000 человек ежемесячно выздоравливающих, а также явку 200 000 человек, получивших отсрочки, пополнения хватило бы до июля 1918 г. включительно.

С июля 1918 г. в распоряжении военного министерства должны были бы находиться только 60 000 человек ежемесячно выздоравливающих. Но ввиду того что не учтены штаты запасных батальонов и полевых сборно-учебных пунктов, размеры которых не могли быть сообщены, предполагалось, что комплектование сможет быть обеспечено до сентября 1918 г. То количество, которого все еще нехватало, должно было быть покрыто из числа пользовавшихся отсрочкой и военнообязанных старых годов.

В новом расчете, сделанном 17 декабря 1917 г., за основу были взяты некоторые неточные цифры: например контингент 1900 г. был принят равным 250 000 человек, а месячная потребность определена всего в 150 000 человек. Однако, в 1918 г. обнаружился недостаток в 354 000 человек, хотя и были учтены запасные соединения и полевые учебные пункты призывников.

Контингент 1898 г. был призван уже в 1917 г. Контингент 1899 г. был размещен отчасти на сборно-учебных пунктах

на востоке, отчасти в запасных частях в тылу и в небольшой части (наиболее зрелые физически и морально) в запасных частях Западного фронта. По мнению верховного командования, контингент 1899 г. еще не дорос до требований, которые поставили бы перед ним бои на Западном фронте. Контингент 1900 г. мог быть призван не раньше поздней осени 1918 г. Мы и так зашли далеко, призывая 18-летних новобранцев контингента 1899 г.

Таким образом, еще до начала 1918 г. верховное командование было осведомлено о трудностях положения с комплектованием. Верховное командование само взяло в свои руки распределение пополнения; вследствие этого дивизии не требовали самостоятельно пополнения в военном министерстве или в соответствующем территориальном управлении, а обращались с такими требованиями по команде. Теперь командование армией или верховное командование могли регулировать эти требования и не допускать их преувеличения.

Еще в 1916 г. верховное командование настоятельно требовало распространения воинской повинности на возрастные контингенты от 16 до 60 лет.

В письме начальника генерального штаба действующей армии от 2 ноября 1916 г., адресованном к рейхсканцлеру, говорится:

„Предел возможного может быть достигнут только тогда, когда весь народ встанет на службу отечеству. Перед этим должны отступить на задний план все прочие соображения; они не могут играть никакой роли в борьбе, решающей вопрос о существовании или гибели государства, о независимости, благе и будущем нашего народа. После победоносной войны наша мирная внутренняя хозяйственная жизнь достигнет нового расцвета. Но после проигранной кампании нам не поможет то, что мы крепко держались за мирные условия жизни. Мы будем вычеркнуты из истории народов и осуждены на полнейшую зависимость в экономическом отношении Как профессиональный советник его величества в деле ведения войны, я обязан высказать правительству эти соображения и особо подчеркнуть всю серьезность положения и величайшее значение этого вопроса. Если мы не приступим к быстрому и полному разрешению этого вопроса, то верховное командование будет лишено средств к победе. Не мое дело определять, каким путем должна быть разрешена задача о предоставлении всех сил и средств на удовлетворение военных нужд. Но я не могу не высказать вкратце своих взглядов по этому вопросу. Я убежден в крайней важности того, чтобы был издан закон, по которому воинская повинность распространялась бы в отношении продолжительности на все мужское население от 16 до 60 лет и в отношении использования на всю военную экономику“.

Верховное командование снова обращалось по этому вопросу в военное министерство в августе и октябре 1917 г. В письме от 18 октября 1917 г. говорилось:

„Ввиду крайней серьезности положения с комплектованием, я вынужден обратиться опять с просьбой приступить к внесению законопроекта об удлинении срока службы с таким расчетом, чтобы он мог быть принят в начале декабря, когда снова соберется рейхстаг“.

10 сентября 1917 г. начальник штаба действующей армии писал рейхсканцлеру:

„Пополнение для действующей армии в настоящее время недостаточно; особенно в угрожающей степени нехватает обученных резервов во всех родах оружия.

Вопрос о резервах уже теперь в значительной степени парализует оперативную свободу действий. На ближайший год вопрос о резервах будет обстоять еще серьезнее, если не удастся освободить значительное число откомандированных на предприятия. Если не удастся создать необходимых для армии резервов, то будет поставлен под вопрос исход войны. Положение в военной промышленности тоже еще неудовлетворительно. Так называемая программа Гинденбурга, отвечающая лишь самым необходимым требованиям, еще не выполнена, хотя ее объем был дважды сокращен (ее объем был увеличен только по отдельным статьям). В настоящее время ощущается значительный недостаток важнейшего военно-технического имущества. Во всяком случае, военная промышленность не должна подвергаться дальнейшим ограничениям; установленная совместно с военным министерством программа по меньшей мере должна быть выполнена. Ограничение программы не только стоило бы много крови, но и так же, как и недостаток резервов, поставило бы под вопрос исход войны.

Разрешение этого вопроса тем более затруднительно, что для укомплектования частей надо прибегнуть к откомандированным на предприятия рабочим".

Закон о трудовой повинности не помог. Весною, по мнению начальника штаба, из промышленности надо было взять как можно большее количество годных к строевой службе в качестве пополнения для армии. Более пожилые солдаты, годные к строевой и гарнизонной службе, должны были освободить с этапов всех годных к строевой службе молодых солдат и привлекаться в промышленность вместо всех откомандированных туда из частей.

Рейхсканцлер и военное министерство отнеслись к этим предложениям отрицательно. От призыва старых контингентов ожидали крайне незначительных результатов. В связи с наступившим вследствие событий на востоке облегчением, 14 декабря 1917 г. верховное командование отказалось от своего предложения о повышении возраста военнообязанных.

Итак, теперь появилась возможность улучшить положение с комплектованием путем привлечения частей с Восточного фронта. Этот вопрос был уже нами затронут. Рассмотрим его теперь подробнее, чтобы установить, имелся ли в 1918 г. на Восточном фронте неиспользованный излишек сил, которые могли быть полезны для наступления на западе.

Верховное командование предполагало призвать на сборно-учебные пункты Восточного фронта 140 000 — 150 000 человек из контингента 1899 г. Главнокомандующий Восточным фронтом должен был компенсировать это выделением соответствующего количества солдат, годных для строевой службы, в возрасте от 20 до 35 лет для Западного фронта. Главнокомандующий Восточным фронтом ответил на это предложение письмом от 13 октября 1917 г., которое дает представление о положении вещей на Восточном фронте. В письме говорится:

„Из общей численности войск Восточного фронта в круглых цифрах, равной 492 000 человек (529 000 минус 37 000 годных для гарнизонной службы), эльзасцев 85 000, или около 17,5%. Предполагаемая переброска 150 000 человек призыва 1899 г. составила бы около $30^{1}/_{3}$%, упомянутого боевого состава. Таким образом, после проведения этого мероприятия выйдет, что 48%, или около половины всего боевого состава фронта, будет состоять из солдат, которые доросли до участия в боях только под надзором и при поддержке другой половины армии. Далее, — если учесть, что и эта половина, которая считается надежной, состоит в значительной степени из пожилых людей, а на запад надо посылать лишь лучших

солдат в возрасте от 20 до 35 лет, то возникают серьезные сомнения относительно того, будет ли возможен достаточный надзор над ненадежными элементами и молодыми солдатами со стороны остальных; этот надзор безусловно необходим для караульной службы и боя, тем более, что из-за большого протяжения боевого района он значительно затрудняется в чисто пространственном отношении. Прошу перебросить в район моего командования не более 100 000 человек призыва 1899 г."

Верховное командование согласилось с этими доводами. 30 000—40 000 человек призыва 1899 г.— самые сильные физически и с укрепившимся характером — должны были быть призваны в полевые сборно-учебные пункты Западного фронта. Однако, всего военное министерство предоставило лишь 107 000 человек, ибо в противном случае в тылу совсем бы не осталось солдат, годных для строевой службы. Военное министерство было намерено послать в феврале на фронт еще 40 000 человек призыва 1899 г., если бы начальник генерального штаба заявил, что он готов «если нужно, предоставить, в случае возникновения внутренних беспорядков, законченные войсковые формирования действующей армии» (Военное министерство, 10 января 1918 г.).

Верховное командование продолжало собирать все пригодное из сборно-учебных пунктов Восточного фронта. 14 сентября верховное командование сделало главнокомандующему Восточным фронтом следующее сообщение:

„Чтобы покрыть огромную потребность в пополнении на Западном фронте, для удовлетворения которой внутри страны в настоящее время нет контингентов, существует намерение забрать из сборно-учебных пунктов Восточного фронта всех солдат, годных для Западного театра, перебросив их на сборно-учебные пункты Западного фронта".

Затем был отдан приказ о выделении солдат моложе 35 лет, годных для строевой службы и происходящих не из Эльзас-Лотарингии. Сначала, в сентябре, было переброшено 4500 человек, потом еще 1 500 и в октябре 2 000 человек.

В октябре главнокомандующий Восточным фронтом указал в донесении, что на сборно-учебных пунктах нет больше солдат, годных для Западного фронта. 4 000 человек уже пришлось, по его словам, снять с фронта (13 октября 1917 г.).

Надо иметь в виду, что при этих переброска дивизии, предназначавшиеся для использования на Западном фронте, предварительно должны были быть пополнены из сборно-учебных пунктов. До мая 1918 г. это коснулось 57 дивизий. Но первоначальный состав этих дивизий был весьма малочисленным, например в 223-й дивизии, как видно из донесения главнокомандующего Восточным фронтом от 7 декабря 1917 г. на имя верховного командования, в батальонах было по 538—559 человек. Все солдаты родом из Эльзаса и Лотарингии, а также солдаты, непригодные для Западного фронта, имевшиеся в этих дивизиях, должны были быть заменены другими из оставшихся дивизий. Новобранцев призыва 1899 г., переброшенных в восточные сборно-учебные пункты, нельзя было направлять на фронт; из них при каждой из уходивших на запад дивизий формировались сборно-учебные пункты в составе 600 человек.

После того, как большинство дивизий, которые должны были быть переброшены на Западный фронт, были отправлены туда, главнокомандующий Восточным фронтом донес 23 мая 1918 г. верховному командованию, что в некоторых армиях еще имелись сборно-учебные пункты совсем слабого состава; людей же, годных для использования на западе, больше не было, а дивизии, оставшиеся на востоке, «состояли большей частью из солдат в возрасте сорока лет и больше». Несмотря на это, за период с мая до окончания войны с Восточного фронта было уведено еще 10 дивизий.

В каком состоянии были оставшиеся на востоке дивизии, видно из письма военного министерства от 31 июля 1918 г., адресованного верховному командованию. В этом письме говорится:

„...О составе пехотных полков 83-й пехотной дивизии здесь стало известно следующее: ввиду того что дивизия должна была остаться на Восточном фронте, в ноябре и декабре 1917 г. и в январе 1918 г. из дивизии было выделено более 2 000 лучших солдат, которые годились для использования на Западном фронте. Вместо них 83-я дивизия получила из других дивизий солдат, которые были совершенно непригодны для Западного фронта или же по смыслу распоряжения военного министерства и т. д. не должны были быть использованы на передовых позициях. Кроме того на Западный фронт в 49-ю запасную дивизию было переброшено 20 офицеров, а 5 офицеров откомандировано во 2-ю украинскую дивизию. Теперь в дивизии, в одних лишь трех пехотных полках, недостает 93 офицеров и 1 625 рядовых, а на сборно-учебном пункте имеется 600 свободных мест.

Из наличного состава трех пехотных полков:

1 785 рядовых в возрасте 36—41 года
1 626 „ „ „ 42 лет и старше

Затем, 1 353 человека являются отцами семейств, имеющими на иждивении более 4 детей (некоторые до 12 лет); 334 человека годны только для гарнизонной службы и 1 055 человек родом из Эльзаса и Лотарингии (последние две категории содержатся отчасти в указанных выше числах). Таким образом, на одну роту приходится не 9, а 29 жителей Эльзаса и Лотарингии. Значительная часть людей, переброшенных из семи дивизий, из которых производились откомандирования, подвергались многократным взысканиям“.

В мае 1918 г. боевой состав Восточной армии подвергся общему сокращению, которое было произведено ради того, чтобы получить людей, предназначавшихся для замены всех годных к строевой службе солдат, находившихся еще на этапах или в хозяйственных предприятиях Западного фронта. Эта мера была проведена вопреки настоятельной просьбе группы армий Эйхгорна, который просил отказаться от ее осуществления в связи с положением на Украине. Таким путем удалось получить более 43 000 человек.

В июле 1918 г. сокращение состава батальонов ландштурма на Восточном фронте было использовано для замены ландштурмистами солдат-строевиков, взятых на Западном фронте из частей специального назначения (воздушных, связи, автомобильных и т. д.).

В конце августа главнокомандующий Восточным фронтом получил от верховного командования запрос, не может ли он оказать еще какую-либо помощь в связи с сильным недостатком

в людях на западе. Состав батальонов на всем Восточном фронте был опять сокращен на 50 человек (доведен до 600).

Для выделения частей на Западный фронт была привлечена и группа армий Макензена.

Таким образом, можно сказать, что и до начала и во время наступления 1918 г. Восточный фронт помогал так, как только мог.

Начиная с осени 1917 г., военное министерство и верховное командование и в тылу и на Западном фронте старались принимать меры для улучшения положения с комплектованием.

26 сентября 1917 г. военное министерство издало приказ о «новом всеобщем переосвидетельствовании» всех признанных негодными для строевой службы во всех запасных частях и всех военнообязанных, находящихся в убежищах для выздоравливающих, курортах и т. д. Это переосвидетельствование было назначено «с целью скорейшего получения годных резервов для действующей армии».

В августе 1917 г. верховное командование приказало изъять 10% рядовых с этапов. Эта мера дала всего лишь около 6 000 человек (включая войска главнокомандующего Восточным фронтом и группу армии Макензена).

Наоборот замена на этапах годных для строевой службы годными только для гарнизонной была более успешной. Вместе с указанными выше 6 000 человек, по сообщению ген.-квартирмейстера, с этапов с мая 1917 г. было изъято всего 1 187 офицеров и 89 872 рядовых, которые и были отправлены на фронт.

Худшие результаты имело изъятие рядовых из парков, обоза и частей специального назначения без замены их другими в августе и сентябре 1917 г.

Всего из парков и обоза Западного и Восточного фронтов было получено 5 380 человек, а из частей специального назначения (воздушных, связи, автомобильных, железнодорожных) лишь 1 200 человек.

Тем не менее все эти средства были крайне незначительны и не могли устранить недостатка в резервах. Решительным средством помочь делу могло быть только использование огромной армии людей, пользовавшихся отсрочкой и работавших в военной промышленности в тылу.

После принятия программы Гинденбурга число получивших отсрочки крайне возросло. Оно было равно:

на 21 января 1917 г.—1 431 558, из них 838 996 годных для строевой службы
" 1 " 1918 г.—2 154 387 " " 1 097 108 " " " "

В октябре 1917 г. военное министерство отдало первое распоряжение об изъятии из военной промышленности до 1 января 1918 г. 30 000 человек и до апреля 1918 г. еще 30 000 человек.

Но при огромных потерях, которые мы понесли весною 1918 г. после начала нашего наступления, эта мера тоже оказалась недостаточной. А между тем контингент 1899 г. был израс-

ходован, контингент 1900 г. еще не созрел, и потому военная промышленность была единственным источником, откуда главным образом и можно было черпать пополнение для армии.

Судя по записи, сделанной в апреле 1918 г. на основании устного доклада, в военном министерстве держались того мнения, что кроме выздоравливающих месячная потребность в пополнении равна в среднем 81 000 человек. Как было уже упомянуто, в первой четверти 1918 г. из военной промышленности должно было быть изъято 30 000 человек. Такая же мера должна быть проведена также и во второй четверти года. Таким образом, удавалось бы получить 10 000 человек в месяц, оставалось найти еще 71 000 человек. В результате боев потребность в людях могла еще возрасти. Отсюда вытекала необходимость усиленно привлекать пользующихся отсрочкой из военного хозяйства, сокращать производство военного снаряжения или заменять рабочих военнопленными.

11 апреля 1918 г. верховное командование обратилось к военному министерству с письмом, которое дает представление о трудности этого вопроса. В письме говорится:

„Положение с комплектованием в настоящий момент обстоит неблагополучно. Пополнения, планомерно посылаемого из тыла в действующую армию, далеко нехватает для возмещения потерь. Поэтому если требовать, чтобы действующая армия выполнила лежащую перед ней трудную задачу, надо улучшить положение с комплектованием.

В самой действующей армии сделано уже все необходимое для того, чтобы солдаты, годные к строевой службе, были использованы на фронте. Но на маломальски значительные результаты рассчитывать больше не приходится. Затем, мною отдано распоряжение об изъятии из частей, оставшихся в Румынии, солдат, годных для строевой службы на Западном фронте, при сокращении боевого состава этих частей на 25%. Дальнейшее сокращение боевого состава частей Восточного фронта невозможно из-за величины территории, которую они должны охранять.

В тылу на мой взгляд путем суровых мероприятий необходимо достигнуть следующего:

1. Заменить в еще большем масштабе мужской труд женским.

2. Освободить из военного хозяйства всех рабочих, которые станут излишними или окажутся неполностью использованными при условии сильнейшего напряжения сил. Я убежден, что во многих случаях в отдельных отраслях промышленности имеются еще в большом количестве рабочие, оставленные там по таким причинам, которые нельзя теперь считать уважительными. Мне кажется необходимой повторная подробная проверка и постоянный контроль над предпринимателями.

3. Ограничить производство, которое не является безусловно необходимым. Начало этому уже положено. По моему предложению военное министерство распорядилось об ограничении поставок военного снаряжения. Но в этой области мы должны будем пойти значительно дальше. Нам приходится, правда, считаться с тем, что дальнейшее ограничение промышленности, обслуживающей войну, будет ощущаться и в тылу и в армии. Если только будет обеспечено безусловно необходимое производство, с таким ограничением надо примириться. Подобные мероприятия требуют тщательной подготовки, чтобы сокращение производства наступило постепенно и не перешло за пределы допустимого...

При ограничении военной промышленности надо обратить внимание на то, чтобы сокращение не коснулось следующих отраслей производства:

а) Сырье. Уголь, сталь, особенно твердые сорта; важнейшее сырье и полуфабрикаты, особенно—для пороха и взрывчатых веществ; искусственное удобрение.

б) Готовые фабрикаты. Подводные лодки, рельсы, оболочки снарядов, порох и готовые снаряды, самолеты, паровозы и грузовики всех типов.

В отношении угля надо добиться даже увеличения продукции, а это потребует представления рабочей силы для угольной промышленности. В противном случае наше хозяйство испытает этой зимой такие же тяжелые потрясения, как и прошлой.

Поэтому я поддерживаю еще раз предложения государственного комиссара по углю, направленные на достижение этой цели".

Отрасли военной промышленности, не подлежавшие сокращению, были так многочисленны, что едва ли можно было рассчитывать на большую экономию рабочей силы. 30 апреля 1918 г. военное министерство доказало, что изъятие из военной промышленности 30 000 человек не приведет ни к чему, если в то же самое время отсрочка будет предоставлена значительно большему количеству людей. Общее число пользовавшихся отсрочкой увеличилось за первую четверть 1918 г. на 123 000.

Положение с комплектованием в середине мая 1918 г. ясно из обсуждения этого вопроса верховным командованием 15 мая 1918 г. Укомплектование частей могло производиться всего лишь из следующих ресурсов:

1. Из числа получивших отсрочку по состоянию здоровья — около 40 000.

2. Из числа откомандированных на предприятия — 1 097 000; из них: железнодорожников 237 000, служащих, 50% которых старше 45 лет, 80 000, рабочих в неприкосновенных отраслях военной промышленности 520 000, так что рассчитывать можно было не более, чем на 100 000 человек.

3. Из оккупационной армии должен был быть изъят весь годный элемент.

4. Части специального назначения и этапы должны были быть снова «прочищены». С этапов рассчитывали изъять 30 000 человек.

Пришлось притти снова к выводу, что при помощи таких незначительных средств по сравнению с месячной потребностью достигнуть можно было очень немногого. Тем не менее 15 мая 1918 г. ген.-квартирмейстеру было приказано изъять 30 000 человек, годных для строевой службы. Командующему военно-воздушными силами, начальникам службы связи полевых жел. дорог и автомобильных частей тоже было приказано изъять вместе 30 000 строевиков.

После ожесточенных боев в июле убыль была так велика, что пришлось расформировать целый ряд дивизий. После поражения 2-й армии, которое она потерпела 8 августа, положение стало в середине августа угрожающим. Это положение освещается следующим письмом начальника генерального штаба действующей армии от 17 августа 1918 г.:

„Продолжающиеся с весны крупные бои на Западном фронте причинили большую убыль боевого состава армии. Прибывающее из тыла пополнение как раз покрывает ежедневные потери. Зияющая после больших боев пустота остается незаполненной. Все примененные средства (чистка в тылу и на фронте, сокращение нарядов и хозяйственных предприятий, расформирование частей, сокращение боевого состава частей на Восточном фронте, переброска из частей специального назначения) не привели к достаточному увеличению норм пополнения.

Таким образом, средний боевой состав батальонов сокращается из месяца в месяц. Тогда как в марте боевой состав батальона на Западном фронте в среднем был равен 800 рядовым и 700 новобранцам, в настоящее время он сократился до 650 рядовых и 350 новобранцев. Во многих дивизиях боевой состав батальонов не достигает даже 600 человек.

Уже перейден предел допустимого, ниже которого не должен был сокращаться боевой состав. Это сильно вредит ведению войны. Мне даже пришлось прибегнуть к такому средству: расформировать четвертые роты, чтобы создать боеспособные соединения.

Дальнейшее расформирование дивизий имеет предел, так же как и продолжающееся сокращение хозяйственных предприятий и изъятие рядовых, годных для строевой службы.

Для того чтобы довести опять численность действующей армии до достаточного уровня и сохранить его для предстоящих больших боев, необходим усиленный подвоз пополнения. Мы знаем из прежнего опыта, что источники, имеющиеся сейчас в нашем распоряжении, не дадут требуемого пополнения. Поэтому я считаю необходимым призвать контингент 1900 г. Я прошу предоставить этот контингент в мое распоряжение так, чтобы новобранцы не из деревни могли быть отправлены на полевые сборно-учебные пункты Западного фронта, начиная с конца сентября, а остальные—начиная с середины ноября. Отправка этого контингента на фронт, так же как и отправка контингента 1899 г., будет согласована со мной.

Я вполне сознаю всю нежелательность такого раннего призыва молодого контингента. Но я не вижу, как действующая армия может получить иначе боевой состав, который ей необходим для выполнения стоящих перед ней задач".

То, что все прочие средства давно уже стали недостаточными, доказывает «Докладная записка верховного командования по вопросу о комплектовании», составленная в конце августа 1918 г.

Месячная норма пополнения для боевых дивизий, которую дает военное министерство, определена в этой записке в 40 000 человек. К этому количеству надо прибавить еще 30 000 человек откомандированных на предприятия, которых выделяли по четвертям года, «но которые не дают заметного увеличения пехотных резервов».

„Этого количества как раз достаточно для покрытия дневной потребности в нормальное время без больших боев. Если бои будут продолжаться в таком же масштабе, то месячные потери на Западном фронте определяются приблизительно в размере 180 000—200 000 человек".

В месяц на все боевые дивизии приходится 70 000 — 80 000 выздоравливающих. Сюда надо прибавить указанные выше 40 000 человек (ежемесячная норма пополнения от военного министерства). Таким образом, для покрытия убыли в войсках от потерь имеется около 120 000 человек.

„Поэтому каждый месяц нехватать будет по меньшей мере 80 000 человек".

„Фактически боевой состав войск на Западном операционном театре уменьшился за три месяца—с мая по июль—приблизительно на 300 000 человек. С 800 рядовых и 700 новобранцев в марте боевой состав батальона сократился в августе, в среднем, до 620 рядовых и 450 новобранцев. Имеются дивизии с боевым составом батальонов в 400 человек и ниже, которым в ближайшем будущем нет возможности дать пополнение в размере 600 человек. 15 августа число дивизий с боевым составом батальонов ниже 600 человек было равно 52!

Применявшиеся до сих пор средства (построение в три роты, расформирование дивизий) помогают лишь ненадолго. Применение этих средств ограничено...

Необходима серьезная помощь, которая должна быть оказана быстро, ибо достигнут уже тот предел, ниже которого боевой состав не должен падать.

В сентябре этот предел будет перейден. Ведению войны будет нанесен серьезный вред. Для того чтобы довести боевой состав дивизий, находящихся на Западном фронте, в среднем до 700 рядовых и 600 новобранцев, на батальон потребуется дополнительный резерв в размере 200 000 человек. Чтобы сохранить численность дивизий на таком уровне, понадобится дополнительный резерв в 80 000 человек ежемесячно.

В настоящее время рассматривается вопрос, можно ли еще получить солдат с Восточного фронта. Раздобыть там много, особенно молодых контингентов, больше не удастся. Сокращение численности 10-й и 8-й армий и армейской группы „Д" на 10% дало бы около 25 000 рядовых.

Контингент 1900 г. дает для пехоты около 250 000 человек, но из-за сельскохозяйственных работ значительную часть этого контингента можно получить только в ноябре. Потом этот контингент должен пройти подготовку. Так что использовать их можно только через некоторое время. Мы просили подготовить резервы для отправки на фронт в середине сентября, а новобранцев из крестьян в начале ноября.

Поэтому надо проверить: что может еще дать тыл и какие можно еще применить средства, чтобы:

а) дать в кратчайший срок единовременный дополнительный резерв в 180 000—200 000 человек;

б) увеличить месячную норму пополнения на 80 000 человек.

Если в результате проверки эти требования не будут удовлетворены, то исключается продолжение войны прежним способом".

Совместное совещание военного министерства и верховного командования от 7 сентября 1918 г. дало следующие результаты:

„Пополнение можно получить только из двух источников: из оккупационной армии и из числа откомандированных для работы на предприятиях. Все, что можно получить путем переосвидетельствования, поимки укрывающихся и т. д., уже содержится в цифре 40 000 в месяц".

1. Из оккупационной армии должны были быть изъяты 20 000 годных для строевой службы и 40 000 годных для гарнизонной; первые получили лишь частичную подготовку и потому сначала должны были быть отправлены на сборно-учебные пункты.

2. Из числа откомандированных, но годных для строевой службы, ежемесячно с 1 октября 1918 г. до конца марта 1919 г. должно быть изъято 60 000 человек; кроме того, из этого же контингента должны были быть изъяты еще 161 000, т. е. всего 221 000. Но за исключением первых 60 000 эти люди не были обучены и потому должны были получить сначала месячную подготовку.

Таким образом, получилось: 221 000 + 60 000 = 281 000 человек, которых можно было получить по 40 000 — 50 000 человек в месяц.

Армия пользовавшихся отсрочкой была равна в то время 2424000 чел. Из них 1 187 000 человек было годных для строевой службы, но большей частью необученных, и потому ими нельзя было немедленно распорядиться. $^1/_4$ этого количества падала на угольную промышленность, $^1/_4$ — на железные дороги, $^1/_2$ — на производство подводных лодок, снарядов, моторов, автомобилей и т. д. и на сельское хозяйство.

Но, как мы уже говорили, верховное командование указало на целый ряд неприкосновенных отраслей промышленности; среди них — на угольную, на производство снарядов, подводных

лодок, танков, самолетов, грузовиков, моторов, удушливых газов, на железные дороги и на сельское хозяйство.

30 августа военное министерство подчеркнуло, что для нужд железных дорог от строевой службы было освобождено дополнительно еще 259 300 военнообязанных; военное министерство потребовало, чтобы до 1 октября 1918 г. 15% этого количества было постепенно отправлено в армию. Железнодорожное управление согласилось на это только после длительных переговоров.

Численность контингента 1900 г. определялась в 268 000 человек плюс 35 000 забронированных за промышленностью, т. е. всего в 304 000 годных для строевой службы. Из них 204 800 предназначалось для пехоты, егерских и пулеметных частей. Подчеркивалось, что «призыв 1900 г. является единственной помощью, которая фактически подействует быстро и радикально». По сообщению военного министерства от 19 августа 1918 г., до 19 августа имелось 230 000 человек, которые могли быть призваны в тыловые запасные части; из них 140 000 в пехоту, егерские и пулеметные войска. Впоследствии предполагалось получить еще 38 600 человек. Всего, таким образом, предполагалось получить 168 600 человек. Остальные были забронированы за промышленностью.

По настоятельному ходатайству верховного командования военное министерство дало 10 сентября согласие на призыв контингента 1900 г. на сборно-учебные пункты Западного фронта. $^1/_3$ контингента должна была быть готова к выступлению в поход до 20 сентября, а $^2/_3$ — до 15 октября. 22 октября 1918 г. верховное командование одобрило предложение об отправке первой части контингента 1900 г. в действующую армию до 1 ноября.

Этапы были еще раз прочищены. Обнаружилось, что на этапах находилось еще 1 346 офицеров и 29 228 рядовых, годных для строевой службы, из которых после проверки 560 офицеров и 10 372 рядовых были однако признаны необходимыми.

14 октября 1918 г. был издан приказ об откомандировании остальных 786 офицеров и 18 856 рядовых.

В октябре 1918 г. условия комплектования сложились крайне неблагоприятно. С начала весеннего наступления боевой состав батальонов непрерывно сокращался. Он был равен:

на 1 апреля 1918 г.	766	человек
„ 1 мая „	728	„
„ 1 июня „	718	„
в августе „	650	„
„ конце сент. „	570	„

В середине октября в запасных частях находилось еще 420 000 рядовых, годных для строевой службы, и 624 000 годных для гарнизонной службы и для работ. Но для формирования резервов немедленно могли быть использованы лишь 75 000 годных для строевой и 32 000 годных для гарнизонной службы и работ. Остальные проходили подготовку, были откомандированы в военное хозяйство или находились в отпусках, болели, при-

надлежали к учебному персоналу или к ландштурмистам старше 45 лет, которые должны были оставаться в тылу или были последними сыновьями в семьях, пострадавших от войны.

По заметке от 30 сентября 1918 г. недостаток резервов определялся на октябрь в 67 000 человек; это значит, что средний боевой состав батальонов, равный тогда 570 рядовым, должен был сократиться на 40 человек. Ген. Людендорф тоже заявил 9 октября 1918 г. на совещании у рейхсканцлера, что в месяц нехватает 70 000 человек.

Однако, военный министр ген. Шейх сообщил на заседании 18 октября, что нормальное пополнение резервами в размере 190 000 человек в месяц может быть организовано «без того, чтобы было чувствительно затронуто тыловое хозяйство». Но пополнение резервами в размере 600 000 (точно 637 000) человек сразу затронуло бы его гораздо чувствительнее. «Я не думаю, что наступило бы значительное сокращение производства военного снаряжения, но было бы нарушено хозяйство тыла». Кроме того, в этом случае на ближайшие полгода текущее ежемесячное пополнение резервами не могло бы превышать 100 000 чел. Кроме того, по мнению Шейха, эти 600 000 человек невозможно было получать немедленно, а можно было собрать только постепенно. Нам кажется, что здесь сделан слишком благоприятный расчет. По смете от 4 ноября эта цифра (600 000) составлялась из следующих частей:

выздоровевшие	55 000
возвратившиеся из русского плена	5 000
контингент 1900 г.	250 000
прошедшие переосвидетельствование из контингента 1900 г.	19 000
изъятые из тыловых частей	73 000
„ из этапов и из генерал-губернаторств	20 000
„ из промышленности до 25 октября	20 300
„ из промышленности до 25 ноября	53 000
„ с железных дорог	5 800
„ из числа гос. служащих	15 700
переосвидетельствованные	5 000
добровольцы немецкого происхождения с востока	3 000
Итого	524 800
из союзных государств	100 000
Всего	624 800

Мы видим, что здесь принят в расчет контингент 1900 г., которым распорядились уже раньше. Часть военнопленных, возвратившихся из России, была заражена политическими идеями и не хотела итти на Западный фронт.

Из оккупационной армии и с этапов должны были быть изъяты последние остатки.

Военная промышленность должна была дать почти 100 000 человек. Но здесь тоже надо было преодолеть сильное сопротивление промышленных рабочих, которые не приносили на фронт хорошего духа. Транспорты с резервами отправлялись при серьезных нарушениях порядка и эксцессах; дезертирство увеличивалось уже в дороге.

Собрать 600 000 человек, если бы это вообще удалось, можно было бы лишь при условии значительного сокращения производства снаряжения и за счет текущих месячных резервов.

Эти месячные резервы, насколько тогда можно было предвидеть, с декабря 1918 г. до 1 апреля 1919 г. должны были состоять из следующих частей:

выздоровевшие (за 4 месяца по 45 000 чел. ежемесячно)	180 000
изъятые из промышленности	86 000
„ с железных дорог	5 850
„ из оккупационных армий (по 4 000 в месяц)	16 000
„ из этапов (2 000 в месяц)	8 000
возвратившиеся из плена	6 000
добровольцы немецкого происхождения	5 000
переосвидетельствованные	16 000
Итого	323 500
плюс собранные в Баварии, Саксонии и Вюртемберге	30 000
Всего	353 500

Таким образом предполагалось, что резервы по численности будут равны 85 000 — 90 000 человек (а не 100 000).

В октябре 1918 г. шла также речь о массовом ополчении. Если принять во внимание огромный расход людей за 4 года войны и приведенные выше расчеты, из которых видно, с каким трудом можно было собрать некоторое количество людей путем все новых и новых изъятий, то массовое ополчение можно рассматривать в этот период только как лозунг, выдвинутый, не считаясь с тем, можно ли было заставить в то время тыл подняться до такого великого порыва. Поэтому 9 октября 1918 г. ген. Людендорф заявил на совещании у рейхсканцлера, что он ничего не ждет от массового ополчения.

В тот период директор общего отдела военного министерства ген. ф.-Врисберг в качестве последней меры предложил военному министру изъять из тыловых предприятий полмиллиона человек и пойти на связанное с этой мерой сокращение производства. Ген. ф.-Врисберг исходил при этом из того предположения, что германская армия укрепится за р. Маас. Тогда Антанта будет поставлена перед вопросом, продолжать ли ей дальше войну. Сомнительно, решится ли она тогда на продолжение войны, ибо у противника стремление к миру было тоже очень сильно[1].

Это предложение кажется не лишенным оснований. Правда надо было считаться с возможностью того, что Антанта продолжала бы войну, если бы в случае разрыва переговоров мы решились на дальнейшее сопротивление. Но теперь нам известно, что в ноябре наши противники не были больше в состоянии продолжать наступление прежним способом. Пути сообщения были недостаточны для подвоза в армию необходимого пополнения. Железные дороги не были в состоянии поспевать за наступлением. По свидетельствам руководящих деятелей Антанты необходимо было добиться передышки и упоря-

[1] Ф.-Врисберг, Армия и тыл.

дочить связь. Фактически мы получили бы передышку, во время которой мы могли бы привести себя в порядок для нового сопротивления. Во всяком случае очень сомнительно, могла ли наша военная промышленность сохранить производственную способность, если бы из нее были вдруг изъяты полмиллиона рабочих. В течение ограниченного времени, однако, можно было бы кое-как перебиться.

Несомненно, германская армия находилась бы в этом случае в таком состоянии, которое оказало бы величайшее влияние на переговоры о перемирии.

Краткие выводы

Как видно из предыдущего изложения, верховное командование было точно осведомлено о серьезном положении с комплектованием перед началом большого наступления 1918 г. Можно было предвидеть, что летом в доставке резервов должен был наступить кризис. Верховное командование приняло все возможные меры, чтобы продержаться с резервами, привлечь для использования на фронте все, без чего можно было обойтись на этапах и в частях специального назначения, а в первую очередь использовать до максимума все силы, имевшиеся на Восточном фронте.

Какие выводы должно было в начале 1918 г. сделать верховное командование из сознания предстоявших трудностей с комплектованием? Оно ни в коем случае не должно было притти к решению о том, что в 1918 г. надо ограничиться обороной. Наступление отнюдь не влечет бо́льших потерь, чем оборона; как правило, имеет место даже обратное.

Превосходство противника, которое с предстоявшим прибытием американцев должно было становиться все более и более подавляющим, лишало длительную оборону каких-либо перспектив. Поэтому положение с комплектованием должно было заставить перейти скорее к действию, т. е. к наступлению. В этом заключалась единственная возможность сократить продолжительность войны. В случае неудачи наступления война, конечно, была бы проиграна.

Число лиц, получивших отсрочки для работы в военной промышленности, кажется нам чрезвычайно большим. Армия кричала, что ей нужны резервы, боеприпасы и военное снаряжение, а предприниматели требовали рабочих. Мы постоянно страдали от этого противоречия. Требования военного снаряжения в огромных размерах, связанные с выполнением программы ф.-Гинденбурга, могли быть удовлетворены Управлением вооружений только при предоставлении отсрочек рядовым, годным для строевой службы. Если прочесть теперь многочисленные работы, изданные, с одной стороны, армейскими кругами, а с другой — кругами, связанными с военным министерством, то создается впечатление, словно на фронте вину за недостаток резервов приписывали военному министерству, а в военном министерстве считали слишком высокими требования

армии, касавшиеся боеприпасов и военного снаряжения. Полк. Бауер в своей книге «Великая война» описывает положение так, как будто военное министерство было вполне в состоянии доставить необходимые резервы. Однако надо признать, что военное министерство сделало все возможное для ограничения путем усиленного контроля и постоянной проверки числа лиц, пользовавшихся отсрочкой для работы на предприятиях.

Надо было также срочно позаботиться о сельском хозяйстве. С точки зрения военного министерства, верховное командование постоянно требовало резервов, но не хотело согласиться на ограничение военной промышленности. С тех пор, как с 1 ноября 1916 г. все дело комплектования перешло от общего отдела военного министерства к управлению военной промышленности, все внимание в значительной степени передвинулось на обеспечение боевыми средствами.

Если мы примем во внимание огромную убыль людей за четыре года войны, то нас не удивит то обстоятельство, что резервы в конце концов иссякли и что долгое время невозможно было сочетать требования армии с требованием промышленности.

Но подобные затруднения никогда бы не возникли в 1918 г., если бы не непрерывно возраставшее — особенно начиная с лета — число дезертиров, перебежчиков и укрывавшихся от войны, которое довело боевой состав частей до угрожающего сокращения. Позади фронта в крупных городах и на железнодорожных пунктах скопились сотни тысяч укрывавшихся от войны. Потери пленными достигали огромных размеров. В тылу целыми шайками бродили дезертиры. Мы не можем излагать здесь подробно причины этих печальных явлений. Отчасти, но отнюдь не исключительно, эти причины заключаются в планомерной революционной работе с целью разложения армии, которая давно уже велась из тыла.

Резервы, приходившие на фронт из тыла, вносили в армию такой скверный дух, что многие начальники предпочитали обходиться лучше без них, оставаясь и дальше со своим прежним численно слабым боевым составом.

2. СНАБЖЕНИЕ ЛОШАДЬМИ

Комплектование лошадьми сложилось в начале 1918 г. крайне неблагоприятно. Из тыла и оккупированных областей больше ничего нельзя было получить. Закупки в нейтральных странах давали очень мало. Конский состав в оккупационной армии был ограничен до крайних пределов еще раньше.

22 ноября 1917 г. ген.-квартирмейстер сообщил начальнику штаба действующей армии, что положение с комплектованием лошадьми еще ухудшилось. Потери увеличились. От лошадей требуется теперь больше усилий, а их выносливость уменьшилась из-за отсутствия фуража. Поэтому убыль лошадей на Западном фронте значительно возросла; в среднем она была рав-

на 2% наличного состава в месяц. Потери конского состава могли быть восстановлены в войсках только отчасти.

По подсчетам, сделанным в декабре 1917 г., по штатам конский состав в армиях Западного фронта был равен около 690 000 лошадей. Из них нехватало около 43 000 лошадей.

В начале января 1918 г. месячная потребность в лошадях определялась в 15 000. Но при больших боях эта потребность могла значительно возрасти.

Получить пополнение до полного штатного состава могли лишь те дивизии, которые предназначались и снаряжались специально для наступления. Остальные дивизии обладали лишь ограниченной подвижностью. При оценке операций 1918 г. это обстоятельство должно быть особо принято во внимание.

При таких обстоятельствах помощь, которую мог оказать главнокомандующий Восточным фронтом в смысле снабжения лошадьми как из конского состава его армий, так и из ресурсов Украины, имела большое значение.

Но в районе действий главнокомандующего Восточным фронтом в конце 1917 г. нехватало 48 000 лошадей. Несмотря на это для Западного фронта должны были быть выделены крупные партии лошадей; кроме того должны были быть укомплектованы лошадьми дивизии, которые перебрасывались на запад. Из телеграммы главнокомандующего Восточным фронтом верховному командованию от 5 марта 1918 г. видно, что после новой переброски на запад 14 500 лошадей должны были утратить свою подвижность 13 дивизий Восточного фронта. После вступления на Украину немедленно были приняты необходимые меры для получения лошадей оттуда. Мы уже говорили об этом раньше. Этот факт также свидетельствует о том, какое большое значение имела Украина для ведения нами войны.

В австро-венгерской армии положение было значительно хуже. Еще летом 1917 г. конский состав батарей сократился настолько, что запряжки имелись только при орудиях, а при зарядных ящиках запряжек не было. Большая часть парков и обоза была вовсе лишена запряжек. Поэтому в 1918 г. армия была совершенно неспособна к операциям крупного масштаба. Такое положение создалось в значительной степени из-за недостатка фуража. Выделение фуража для армии было отвергнуто; часть лошадей, ввиду угрожающего положения сельского хозяйства, должна была быть возвращена в тыл, где тоже не было фуража[1].

Доставка фуража была сопряжена с величайшими затруднениями также и в германской армии. Положение зимою 1917/18 г. внушало самые серьезные опасения. Нехватало непрессованного фуража, который должен был заменить недостающий прессованный фураж и овес. Размер рациона становился все более и более скудным. В письме от 16 января 1918 г., адресованном в военное министерство, ген.-квартирмейстер

[1] Керхнаве, Катастрофа в австро-венгерской армии осенью 1918 г.

говорил о «тяжелом положении армии» и снимал с себя всякую ответственность за боеспособность западной армии. В донесении от 31 января 1918 г. группы армий кронпринца Руппрехта говорилось о том, что недостаточное питание понизило выносливость лошадей в угрожающей для операций степени. Некоторые части неделями не получали сена. Овес приходилось главным образом заменять картофелем. Поэтому питание и состояние сил лошадей обстояли очень плохо. Не оставалось ничего другого, как стараться по возможности щадить лошадей.

В феврале 1918 г. группы армий, которые должны были участвовать в наступлении, сообщили, что в дивизиях, предназначенных для наступления, лошади находятся в таком состоянии, что требуемая от них работа окажется для них непосильной. В телеграмме верховного командования от 7 февраля 1918 г., адресованной одновременно в военное министерство, в министерство продовольствия и в государственное казначейство, говорится: «Здесь надо добиться изменения, в противном случае лошади погибнут от голода». 14 февраля 1918 г. внимание государственного казначейства было снова обращено на то, что боеспособность армии во время весенних боев находилась под самой серьезной угрозой.

Лишь начиная с 1 марта, т. е. за три недели до начала наступления, ген.-квартирмейстер получил возможность обеспечить дивизии, участвовавшие в наступлении, дополнительным количеством фуража.

Естественно, что недостаточное питание оказывало дурное влияние на состояние здоровья лошадей и усиливало потери. Верховное командование и командование армиями приняли все необходимые меры, чтобы путем правильного надзора и ухода сохранить конский состав. Сохранить в удовлетворительном состоянии лошадей, необходимых для наступления, удалось только при помощи напряжения всех сил и средств.

Ясно, что описанные выше условия должны были иметь огромное влияние на проведение нашего наступления 1918 г. Еще во время апрельского наступления у Армантьера обнаружилась недостаточная маневренная способность дивизий. В течение лета это препятствие увеличилось.

Из предыдущего изложения видно, что в начале 1918 г. эти крупные затруднения можно было предусмотреть. Выводы, которые следовало сделать из этого для операций, предпринимаемых в 1918 г., таковы же, как и выводы, сделанные относительно положения с комплектованием.

Обеспечить на длительный период пополнение конским составом было так же невозможно, как и пополнение людскими резервами.

Единственный правильный вывод, который можно было сделать, состоял в том, чтобы, собрав все силы и средства, стремиться к окончанию войны при помощи большого наступления на Западном фронте.

3. СНАБЖЕНИЕ АРМИИ ОРУЖИЕМ, БОЕПРИПАСАМИ, ВОЕННЫМ ИМУЩЕСТВОМ, ГОРЮЧИМИ И СМАЗОЧНЫМИ ВЕЩЕСТВАМИ

Недостаток орудий, винтовок, пулеметов, минометов и боеприпасов не повлиял на операции в 1918 г. Необходимые данные об этом можно почерпнуть из специальной статьи ген.-майора Вурцбахера («Снабжение армии оружием и боеприпасами»), помещенной в изданном ген.-лейт. Шварте труде — «Великая война 1914 — 1918 гг.».

По Вурцбахеру, увеличение поставок пороха до 12 000 т, предусмотренное программой ф.-Гинденбурга, было достигнуто в апреле 1918 г. В течение следующих месяцев поставки пороха еще более увеличились и дошли в октябре 1918 г. до размера более, чем в 14 000 т. В месяц можно было снарядить более 1 000 ж.-д. составов с боеприпасами. В начале наступления верховное командование имело в своем распоряжении резерв в 2 840 ж.-д. составов со снарядами для одних лишь пяти главных артиллерийских калибров; на 1 октября 1918 г. этот резерв был еще равен 1 632 составам со снарядами.

Производство полевых орудий вполне соответствовало требованиям верховного командования. Первоначально по программе ф.-Гинденбурга было предусмотрено изготовление 3 000 полевых орудий в месяц, но это требование оказалось чрезмерно высоким. Вследствие этого верховное командование снизило программу до 750 орудий в месяц. Поскольку это снижение программы могло быть проведено лишь постепенно, производство орудий в 1918 г. значительно превосходило потребность; в марте оно было еще равно 2 327, а в сентябре — 1 131 орудию.

Ввиду этого, несмотря на огромные потери, понесенные в боях 1918 г., военное министерство было в состоянии снабдить армию необходимым пополнением. Даже под конец войны в распоряжении военного министерства были такие большие запасы полевых орудий, что оно могло немедленно удовлетворить требование Антанты и передать ей при заключении перемирия 2 500 полевых орудий.

Месячное производство тяжелых орудий тоже было вполне удовлетворительным; недостатка в тяжелых орудиях не чувствовалось.

Производство винтовок и пулеметов достигло весной столь значительных размеров, что верховное командование высказало пожелание, чтобы оно было сокращено до 75 000 винтовок и 6 000 пулеметов в месяц. Поскольку это ограничение могло быть проведено лишь постепенно, осенью 1918 г. имелся значительный излишек.

Снабжение армии инженерным имуществом соответствовало до самого конца потребности. Никакого недостатка в нем не было.

Однако, серьезную опасность представлял большой недостаток горючих и смазочных веществ для автомобилей и самолетов, которые были особенно нужны именно в 1918 г. Как

было уже сказано выше, осенью 1918 г. этот недостаток мог бы оказать на ведение войны решающее влияние, если бы мы лишились нефтяных запасов Румынии. Положение со снабжением каучуком тоже непрерывно ухудшалось с 1917 г.

4. ТАНКИ

Впервые танки появились — и при этом неожиданно — в сентябре 1916 г. в бою на Сомме. Англичане изготовили их тайно и дали им название «Tanks» для того, чтобы ввести всех в заблуждение, словно дело касалось подвижных баков для горючих и смазочных веществ.

Вопроса о танках надо коснуться подробнее, ибо в 1918 г. это средство войны приобрело неожиданное значение. Со стороны некоторых лиц оно было, правда, преувеличенно охарактеризовано как средство, решившее войну. Нашему командованию ставят в упрек, что оно не начало своевременно строить танки; при этом считают, что это упущение является одной из причин неблагоприятного хода боев в 1918 г.

На основании имеющегося теперь материала о действительном ходе событий и об отношении нашего верховного командования к вопросу о танках можно установить следующее (очень возможно, что с течением времени эти выводы будут дополнены дальнейшими исследованиями на основании нового материала, но важнейшие моменты теперь уже вполне установлены).

Танки, применявшиеся в первое время англичанами, были довольно тяжелы; они весили 23 т. Различались танки, имевшие 2 легких орудия и 2 пулемета, и танки, снабженные 5 пулеметами. Позже англичане перешли к применению меньших, более легких танков, носивших название Уиппет. Танк Уиппет весил всего 16 т, обладал большой подвижностью и был вооружен 3 пулеметами.

В бою у Арраса 9 апреля 1917 г. танки принимали уже довольно заметное участие в наступлении англичан.

Наоборот, в бою во Фландрии в 1917 г., вследствие неблагоприятной почвы, применение танков англичанами было неудачно. Ген. Людендорф говорит в своих «Воспоминаниях о войне» что в то время в танках не видели особой опасности. Офицеры-фронтовики не испытывали «ужаса перед танками».

Первое массовое применение танков имело место 20 ноября 1917 г. во время наступления англичан у Камбрэ. Несколько сот танков без всякой артиллерийской подготовки, построившись полосой в 10 км ширины, совершенно неожиданно и глубоко атаковали наш фронт. Эта атака могла бы привести к прорыву, если бы англичане приготовили резервы для использования успеха, который оказался неожиданным для них самих.

В 1916 г. во Франции тоже начали строить танки на заводах Шнейдер-Крезо и в Сен-Шамон. Танк Шнейдер-Крезо весил $13_2/^1$ т, имел в длину 6 м и был снабжен 75-мм орудием и 2 пулеметами. Танк Сен-Шамон был тяжелее: он весил 24 т, имел

в длину 8 м и был вооружен одним 75-мм орудием и 4 пулеметами. Экипаж первого состоял из 6, последнего — из 9 чел. Французский танк носил название «Char de combat».

В наступлении ген. Нивель весною 1917 г. уже участвовало 200 танков. Танки применялись также в октябре 1917 г. во время французского наступления у Мальмезон. Но они оказались слишком громоздкими и служили хорошими мишенями для германской артиллерии. Результатом были большие потери без достижения решительных успехов. Тогда, подобно англичанам, французы признали необходимым строить более подвижные танки меньших размеров, в которые не так легко могла попасть артиллерия противника. Успеха ждали, главным образом, от применения танков большими массами.

Эти обстоятельства привели вскоре к постройке танка Рено, который вполне себя оправдал. Танк Рено еще и теперь, главным образом, принят во французской армии. Он значительно легче: его вес — всего 6½ т. Танк Рено вооружен одним пулеметом, или одним 37-мм орудием, или короткоствольным 75-мм орудием и вмещает 2 чел.— одного водителя и одного артиллериста. Тактическое применение танка мыслилось в тесной связи с действиями пехоты. Танки должны были прокладывать пехоте путь при наступлении, устранять сопротивление в тех или других пунктах, отвлекать огонь пехоты противника и вынуждать противника скрываться в убежища. Были созданы организационно крепкие соединения. Наряду с танками Рено применялись также и оба прежних типа, а также тяжелые образцы.

Французские танки добились большого, решительного успеха во время контрнаступления ген. Фоша из леса Виллер-Коттере 18 июля 1918 г. (это контрнаступление послужило поворотным пунктом во всей войне). На рассвете 18 июля — еще в сумерках и под прикрытием дымовых завес — из леса совершенно неожиданно устремились сотни танков без всякой артиллерийской подготовки. В одной лишь французской 10-й армии было 223 танка Шнейдер-Крезо и Сен-Шамон, из которых 102 остались на поле сражения. Кроме того, для использования успеха в резерве находились наготове легкие танки. По французским данным, в основе всего плана наступления и успеха лежал, главным образом, расчет на действие танков. Вскоре после этого 8 августа, снова при деятельном участии танков, совершилось серьезное вторжение в наши позиции на Сомме.

С этих пор и до конца войны танки играли решающую роль во время всех наступательных операций противника.

Таким образом, во второй период мировой войны танки проявили себя как новое, весьма действительное боевое средство. Их возникновение было вызвано стремлением преодолеть при позиционной войне окопы и другие препятствия, которые устраивал противник. Танки сохранят это значение также и в будущем. Высказывается даже мысль, что, вследствие применения танков для наступления, длительная позиционная война такого

характера, как во время мировой войны, окажется в будущем невозможной.

Далее из опыта применения танков в первых боях выяснилось, что при полном сохранении тайны и при стратегическом развертывании танков, совершаемом в последний момент, существовала возможность напасть на противника совершенно неожиданно, без всякой артиллерийской подготовки,— особенно если на помощь приходили еще естественный туман или дымовые завесы. Неожиданность же имела значение в первую очередь при наступлении с целью прорыва, чтобы сокрушить систему позиций противника еще до того, как он успеет стянуть свои резервы. Конечно, наступление такого рода требовало массового применения танков. В меньшем количестве танки могли, однако, иметь большое значение для поддержки наступления и уничтожения пулеметных гнезд.

Действие, оказанное танками на наши войска, было различно. Первое массовое появление танков 20 ноября 1917 г. было для наших войск полной неожиданностью. Они порядком растерялись при встрече с новым родом войск, широким фронтом надвигавшихся на них в утреннем тумане и преодолевших без всяких затруднений прекрасно организованные позиции и самые крупные препятствия. Но наше командование очень скоро организовало образцовую противотанковую оборону. Артиллерия напрактиковалась на обстреле танков; были изготовлены особые противотанковые снаряды и бронебойные винтовки, при сооружении позиции для танков создавались специальные препятствия. Мы не можем коснуться здесь этого вопроса подробнее, но все же следует отметить достижения в этой области. «Ужас перед танками» исчез. Оборона в тумане была, однако, всегда затруднительной.

Ужас перед танками вновь ожил только тогда, когда, начиная с августа 1918 г., наши оборонительные линии становились все тоньше и тоньше, а наши войска были слишком переутомлены и измучены. В те времена танки оказывали иногда неожиданно сильное моральное действие.

В своих «Воспоминаниях о войне» Людендорф говорит:

„Массовое применение танков и дымовые завесы стали нашими наиболее опасными противниками. Эти противники становились все опаснее и опаснее по мере того, как в наших войсках падал дух, и чем более усталыми и слабыми становились наши дивизии".

Итак, мы можем сказать, что новое средство войны дало противнику в 1918 г. важное преимущество и что оно представляло бы для нас большую ценность как при наступлении, так и при обороне. Во время нашего большого наступления танки в значительной степени способствовали бы эффекту неожиданности, который имел тогда первостепенное значение. Мы знаем теперь из материалов, опубликованных нашими противниками, как мы были близки к прорыву в конце марта, пока французские войска не подоспели на помощь совершенно разбитым англичанам. Между английской и французской армиями было

широкое свободное пространство. По мнению фельдм. Хэйга, если бы у нас было здесь 2—3 кавалерийских дивизии, мы имели бы возможность вклиниться между английской и французской армиями. Совершенно ясно, что этого последнего, недостающего нажима можно было бы достигнуть, если бы у нас было 600 танков и если бы они проложили путь для нашей пехоты. С помощью танков 17-й армии также удалось бы, вероятно, добиться прорыва сильных позиций противника у Арраса.

Наш метод наступления при помощи артиллерии, который мы с успехом применяли в марте, апреле и мае 1918 г., был основан, главным образом, на внезапном открывании стрельбы на поражение без предварительной пристрелки и на тщательно подготовленном подвижном заградительном огне. Постепенно этот метод стал ясен для противника, который уклонился от наступления, когда в июле мы поступили по такому же способу. Наступление потерпело неудачу. Если бы в июле в нашем распоряжении находилось новое оружие в виде танков, это имело бы величайшее значение, ибо оно позволило бы нам применить новый метод наступления, который способствовал бы эффекту неожиданности.

После того как, начиная с августа, мы были вынуждены окончательно перейти к обороне, танки,— хотя они и являются преимущественно средством наступления,— могли бы все же служить для наших истощенных войск сильной моральной опорой и значительной поддержкой при контратаках. Чем слабее становились наши резервы и чем сильнее мы должны были беречь людей, тем важнее было для нас наиболее полное использование всех механических средств войны.

Рассмотрим теперь, была ли у нас возможность обзавестись своевременно достаточным количеством танков и можно ли возложить вину за то, что это не было сделано, на кого-либо, будь то командование армией или промышленность.

В конце войны верховное командование заняло определенную позицию в этом вопросе. Это произошло после того, как 2 октября 1918 г. военное министерство обратилось к начальнику автомобильной службы действующей армии с следующим письмом:

„Для ответа на запрос в рейхстаге министерству требуется разъяснение, по какой причине в 1917 г. и в начале 1918 г. было затребовано и построено так мало германских танков. Просим обстоятельно осветить этот вопрос".

Верховное командование в ответ на этот запрос возразило, что значение танков было своевременно понято и соответственно этому было начато их строительство. Однако, при новых конструкциях такого рода неизбежны опыты, отнимающие много времени. Кроме того промышленность была занята выполнением программы Гинденбурга и потому не могла наладить одновременно в большом объеме строительства танков. Увеличение программы строительства грузовиков было вопросом решаю-

щего значения для продолжения войны. Производственная способность автомобильной промышленности должна была быть использована для этой цели до максимума.

Использование других заводов или предоставление дополнительного количества рабочих и сырья для автомобильной промышленности было невозможно. Если мы хотели хоть до некоторой степени снабдить армию и обеспечить необходимые тактические передвижения войск, то вопрос о том, что строить — грузовики или танки, должен был быть разрешен в пользу грузовиков. Лишь после выполнения программы Гинденбурга для строительства танков могло быть предоставлено сырье, но и тогда не было бы новых заводов или специальных рабочих. Производство танков в крупном масштабе можно было бы наладить только с лета 1918 г.

События, фактически происшедшие в 1917 и 1918 г., а также соображения, высказанные верховным командованием, дают следующую картину отношения к вопросу о танках.

Вскоре после первого появления английских танков в бою на Сомме командование 1-й армией указало в своем донесении от 2 октября 1916 г., что «при дальнейших усовершенствованиях конструкции танки, несомненно, станут весьма серьезным боевым средством. Желательны опыты в области производства таких танков с нашей стороны».

Говоря о программе Гинденбурга, ген. Людендорф подчеркивает в своих «Воспоминаниях о войне» необходимость снабдить армию в начале 1917 г. грузовиками, которые должны были заменить нам лошадей. Укомплектование лошадьми затруднялось с каждым годом. «Для строительства танков у нас еще не наступило время». Далее ген. Людендорф указывает, что когда зимой 1917/18 г. мы готовились к большому весеннему наступлению, «у нас не было танков в качестве оружия сопровождения пехоты. Танки играли исключительно роль наступательного оружия, а наши атаки удавались и без танков». По словам Людендорфа, танкам противника пока не удалось достигнуть никаких решающих результатов. Позже с падением дисциплины и ослаблением боеспособности нашей пехоты, танки, применявшиеся большими массами в сочетании с дымовыми завесами, приобрели гибельное влияние на ход военных событий. Людендорф согласен с тем, что мы могли бы «иметь для решающих боев 1918 г. на несколько танков больше», если бы на этот вопрос больше нажимали. Но массового применения танков, по мнению Людендорфа, мы в 1918 г. ни в коем случае не добились бы, а танки имеют значение только в массовом применении.

Из этих заявлений вытекает, что важность нового оружия не была сразу понята в первое время его появления. Тогда, правда, было уже поздно. При напряженном положении нашей промышленности и ограниченности наших средств, мы не могли бы наверстать преимущества наших противников.

Вопрос касался сложной новой конструкции, в отношении которой у нас не было опыта. Боевая подготовка танков, осо-

бенно в связи с их действием совместно с пехотой, тоже требовала времени. Всего этого нельзя было создать в одно мгновенье.

Если судить по «Воспоминаниям о войне» ген. Людендорфа, он не считал, что в 1917 г. для Германии пришло время строить танки. В противовес мнению ген. Людендорфа надо указать на то, что фактически верховное командование еще в октябре 1916 г. обратилось в военное министерство с требованием строить танки.

В письме верховного командования от 11 октября 1916 г. говорится:

„Не переоценивая значения танков, нельзя отрицать известного успеха их применения. Во всяком случае усовершенствованный автомобиль оказался бы хорошим боевым средством.

Поэтому я считаю, что было бы вполне уместно немедленно начать строить такие танки. К массовому производству надо приступить, как только будет найден мало-мальски пригодный образец".

Надо безусловно признать описанные выше трудности, мешавшие быстро наладить массовое производство танков. Кроме упоминавшегося выше крайне спешного производства грузовиков, не подлежавшего сокращению ни при каких обстоятельствах, особенно важно было еще производство авиационных моторов. Тот, кому известны условия сражения на Сомме, знает, как мы сильно страдали от превосходства воздушных сил противника и как медленно и с какими усилиями нам удалось достигнуть в этом отношении улучшения. Поневоле производство танков пришлось включить в общую огромную программу вооружений, охватывавшую громадную потребность в боеприпасах и всю военную технику. Трудно было сказать, чему следовало отдавать предпочтение и что ограничивать. Со всех сторон раздавались настойчивые крики о помощи. Надо принять также во внимание недостаток сырья. Еще далеко не известно, насколько можно было бы ограничить производство на судовых верфях ради строительства танков, а этого требовали некоторые лица.

Несомненно, промышленность наладила бы производство танков, если бы перед ней были своевременно и настойчиво поставлены ясные задачи.

Рассмотрим теперь, было ли сделано все возможное при тех ограничениях, которые диктовались существующим положением и при убеждениях верховного командования. Чем больше препятствий стояло на пути, тем более необходимо было создать ясную и целесообразную организацию предпринимаемых опытов и производства танков.

В ответ на упомянутое выше требование верховного командования 13 ноября 1916 г. военное министерство поручило транспортно-технической испытательной комиссии совместно с соответствующей отраслью промышленности немедленно начать необходимые работы. Была сделана попытка построить гусеничный автомобиль, который должен был служить для двух

различных задач: как вездеходный автомобиль — для целей транспорта — и как боевая машина. Не будем касаться того, можно ли было соединить эти задачи. Кроме соответствующих отделов военного министерства и транспортно-технической испытательной комиссии в опытах принимали участие исследовательский отдел автомобильных войск и инспекция автомобильных войск, т. е. весьма многочисленные тыловые учреждения.

Был сконструирован танк, которому дали название А-7-У. К весне 1917 г. был построен пробный танк, который демонстрировался в мае в Майнце. Этот танк был очень тяжел; он весил 31 т, обладал достаточной скоростью и был в состоянии преодолевать канавы до 2 м ширины; его вооружение состояло из одного 57-мм орудия и 5 пулеметов. Экипаж танка был очень многочислен: он состоял из 18 чел. В общем этот танк был не вполне удовлетворителен. Верховное командование тоже не считало дальнейшее производство таких танков особенно неотложным делом, но с тех пор вся танковая служба на фронте и в тылу была подчинена начальнику автомобильных частей действующей армии; тем самым было создано некоторое единство. Всего строилось 100 гусеничных машин; однако, 80 из них должны были служить как гусеничные грузовики и лишь 20 предполагалось оборудовать по типу танков.

Доставить на фронт танки для участия в боях 1917 г. не удалось. Первые танки были готовы только в начале 1918 г. В январе начальнику курсов водителей в Седане был переброшен отряд из 5 танков. Здесь, не говоря об отдельных недостатках, выяснилось, что танки нуждаются в основательной доработке. Начальник штурмового батальона Рор, в распоряжение которого были прикомандированы эти танки, сообщил в феврале 1918 г., что «после устранения технических недостатков, отряд может быть с успехом использован в не слишком изрытой снарядами полосе наступления». До конца марта на фронт были отправлены еще 2 отряда по 5 танков.

Кроме того в мастерских по ремонту танков в Шарлеруа было отремонтировано некоторое количество поврежденных танков, захваченных у противника. Последние (их было всего 75 шт.) и 15 германских танков — это было все, что поступило на фронт в течение 1918 г., в то время, когда танки противника исчислялись тысячами. Нашим танкам, при всей их малочисленности, все же удавалось достигнуть местных успехов, а потому в общем они себя оправдали и оказали благотворное моральное влияние на пехоту, к которой они были приданы. В октябре 1918 г. командование одной армией сообщило: «Появление танков дало вновь атакующим войскам опору, в которой они теперь так нуждаются». Неоднократно при появлении танков противник обращался в бегство.

Между тем упомянутые недостатки танка А-7-У привели к тому, что были организованы опыты над другим образцом. В конце декабря начальник автомобильных частей действующей армии предложил строить маленькие быстроходные танки, удоб-

ные для ускоренного массового производства. Начальник автомобильных частей присоединился таким образом к тому направлению, которое одержало верх у англичан и французов. По его мнению, доставка таких танков на фронт могла бы начаться в марте 1918 г. Неизвестно, удалось ли бы в действительности выполнить поставки в такой срок или нет, ибо в январе верховное командование отвергло этот тип из-за слишком легкой брони. Опыты, производившиеся в обратном направлении, т. е. с целью создания гигантского танка весом в 150 т, не были закончены до конца войны. Такие танки послужили бы хорошей мишенью для артиллерии противника.

Однако весною 1918 г., когда стало известно о новых легких французских танках Рено, верховное командование ухватилось опять за предложение начальника автомобильных частей действующей армии и за новое предложение фирмы Крупп, сделанное через полк. Бауера. Верховное командование потребовало, чтобы отныне строились легкие танки. Таким образом, взгляды верховного командования коренным образом переменились. Но теперь было уже поздно. Летом 1918 г. было решено организовать производство таких легких танков. Но они должны были быть готовы только весною 1919 г., а потому постройка этих танков не имела больше никакого значения.

Предложение об ускорении постройки танков английских образцов тоже оказалось безрезультатным. Это предложение внес 14 февраля 1918 г. начальник автомобильных частей действующей армии; 27 февраля 1918 г. верховное командование дало свое согласие. После обсуждения этого проекта с соответствующими фирмами, начальник автомобильных частей действующей армии полагал, что при наличии определенных условий, можно рассчитывать на получение первых 60 танков до середины февраля 1919 г. Ввиду того что не все эти условия могли быть созданы, в июле 1918 г. постройка танков по образцу английских была прекращена.

Резюмируя, можно сказать, что наше верховное командование оценило вначале значение танков не так высоко, как это оказалось необходимым после полученного впоследствии опыта.

Когда у нас приступили к производству танков, работа была организована не так целесообразно и производилась не так настойчиво, чтобы в 1918 г. можно было изготовлять танки в большом количестве. С одной стороны, промышленность могла бы организовать производство, с другой — не следует недооценивать огромные трудности, связанные с приобретением материалов и обеспечением рабочими. В общем, если бы значение танков было понято раньше, то при наличии твердой воли можно было бы достигнуть гораздо больших результатов, хотя мы ни в коем случае не могли наверстать преимущества наших противников и до 1918 г. едва ли могли бы получить танки, годные для применения на фронте.

III. МЫ РЕШАЕМ ПЕРЕЙТИ В НАСТУПЛЕНИЕ

Зимою 1917/18 г. верховное командование должно было решить, будет ли оно вести в 1918 г. оборонительную или наступательную войну. Это решение имело чрезвычайно важное значение.

И мы и наши противники понимали, что приближалось время, когда исход войны должен был быть окончательно решен. Верховное командование приступило в 1918 г. к наступлению только после того, как оно взвесило прочие возможности. Шансы, которые дала бы оборона, много раз подвергались тщательному обсуждению.

Оборона, как мы неоднократно видели из изложенных соображений, могла лишь ухудшить наше положение. Прибытие американцев, которого надо было с уверенностью ждать в 1918 г., должно было дать нашим противникам значительный численный перевес и снабдить их свежими, неистощенными силами. Наоборот, нам приходилось сильно сомневаться, надолго ли хватило бы еще сил для продолжения войны у наших союзников: у Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. Позиция Болгарии была ненадежна. На верность союзу императора Карла нельзя было твердо положиться. Экономическое положение Австрии становилось все более и более печальным. Поэтому, если бы война затянулась, приходилось считаться с значительным уменьшением боеспособности наших союзников. Всех их исключительно поддерживало лишь упорство Германии и надежда на победу на Западном фронте.

Результаты подводной войны не были таковы, чтобы от них одних можно было ожидать решительного поворота в нашу пользу в ближайшее время.

Казалось сомнительным, допускало ли состояние армии и тыла возможность откладывать надолго решение об окончании войны. Прежний ход войны доказал, что оборонительные бои сопровождались большими потерями, чем наступление. Поэтому тяжелое положение с комплектованием, как мы уже говорили, заставляло ускорить по возможности решение войны.

Войска переносили длившиеся месяцами оборонительные бои — как, например, сражение во Фландрии — гораздо тяжелее, чем наступление. Ужасные физические страдания, тяжелый моральный гнет и сильное переутомление в течение долгого времени были невыносимы. Вся армия в один голос соглашалась на самое трудное наступление, лишь бы выбраться, наконец, из окопов и воронок.

Враждебная пропаганда превратилась постепенно в крайне опасное оружие. Наряду с исходившей из тыла революционной работой, подрывавшей армию, это оружие разлагающе влияло на силу сопротивления. Действие блокады и экономического гнета, которое давило на тыл, заставляло стремиться к скорейшему окончанию войны.

Внутренняя борьба партий, пацифистские и антимилитаристские течения, резолюции о мире — все это ослабляло желание воевать и способность продержаться в тылу.

Таким образом все условия толкали к наступлению. О том, что соотношение сил было благоприятно, мы уже говорили. Оно не могло стать для нас более благоприятным; для противника же — наоборот.

Впервые на востоке был свободен тыл, хотя положение и не было там так ясно и твердо, как это было бы желательно.

Армия была вполне в состоянии вести большое наступление. Высказывались сомнения, что внутренняя сила армии была уже к тому времени сломлена и что боевой дух, который она бесспорно проявляла весною 1918 г., был в ней искусственно «воспитан». Конечно, армия была не той, что в 1914 г. Но в 1918 г. она проявила блестящий подъем, который безусловно признали наши противники и который, как тоже признают наши противники, почти довел нас до окончательной победы. Армия в результате тщательной работы была блестяще подготовлена для своей задачи. Тот, кто видел, как свежи и бодры были войска во время наступления 1918 г., сохранит об этом незабываемое воспоминание.

Правда, серьезный вопрос заключался в том, достаточно ли еще маневренна была армия для того, чтобы после удачного прорыва быть способной к проведению предполагавшихся крупных операций в открытом поле. Мы уже говорили о большом недостатке лошадей, которые были кроме того обессилены из-за отсутствия корма, о недостатке горючих и смазочных веществ, резиновых шин и пр. Мало-мальски обеспечены в этом отношении были только некоторые дивизии, предназначавшиеся «специально» для наступления, но это было сделано за счет остальных «позиционных дивизий», маневренность которых стала недостаточной. В результате такого положения при проведении операций могли возникнуть большие затруднения. Противник находился в этом отношении гораздо лучшем положении.

После опыта трех лет войны в тактическом отношении прорыв был также очень труден. Нашим противникам не удалось добиться прорыва, несмотря на их величайшие усилия и превосходство в средствах, служивших для наступления. Ниже мы покажем, что тщательная подготовка войск, использование всего прежнего опыта и применение при наступлении нового метода, основанного на принципе неожиданности, давали нам право надеяться разрешить на этот раз великую задачу, которую мы перед собою поставили.

Итак, наступление было продиктовано общим положением. Как видно из многочисленных свидетельств, противник считал наше наступление неизбежным. Другого выхода у нас не было.

Оценивая положение в том виде, в каком оно сложилось на рубеже 1917—1918 гг., ген. Манжен считает, что мир без победителей и побежденных был невозможен. «Только победа при

помощи оружия могла привести к окончанию войны». Согласно единогласной оценке наших противников, германское наступление, начатое до прибытия американцев в полном составе, считалось единственным средством и лучшим выходом для нас. По мнению ген. Бюа, если бы мы не начали наступать, то Антанта ждала бы, пока она не достигла бы с прибытием американцев подавляющего превосходства и пока промышленность не изготовила бы заказанное годом раньше военное снаряжение; в частности танки, самолеты и тяжелую артиллерию. На эту точку зрения стал также французский верховный главнокомандующий ген. Петэн. Этот взгляд высказывается в его инструкции французской армии от 22 декабря 1917 г.:

„Антанта достигнет численного превосходства только тогда, когда американские войска смогут пойти на фронт в достаточном количестве. До тех же пор, если мы не хотим понапрасну расточать свои силы, мы должны держаться выжидательно с определенным намерением при первой возможности перейти в наступление ибо одно лишь наступление приносит конечную победу".

Ни один из военных деятелей наших противников, о взглядах которых нам до сих пор известно, ни слова не говорил о соглашении.

ПРОВЕДЕНИЕ И НЕУДАЧА НАСТУПЛЕНИЯ

ОТ АВТОРА

В первой части настоящего исследования были рассмотрены военные предпосылки германского наступления 1918 г., причем суждения автора основывались на твердых данных. Точные сведения о соотношении сил, о резервах, о вооружении и снабжении армии давали возможность судить о перспективах наступления.

Во второй части рассматривается, главным образом, проведение наступления. Дело касается здесь не столько каких-либо определенных данных, сколько оценки общих мероприятий. Но для деловой и обоснованной оценки военных операций нужно быть точно осведомленным о событиях, знать их взаимоотношения, взгляды, из которых исходило командование, и намерения руководителей. Необходимо также принять во внимание положение противника.

Но ни у нас, ни у наших противников архивы еще не открыты; официальная история войны тоже еще не появилась. Чтобы изложить все события без пробелов, одних военных документов недостаточно, ибо очень многие вопросы, часто весьма важные, решались при личных встречах или по телефону. В настоящее время мы еще недостаточно осведомлены о положении вещей у неприятеля. Между тем такая осведомленность имеет большое значение для оценки наших мероприятий.

Этим объясняются значительные расхождения в суждениях военной критики о германском военном руководстве. Сейчас еще рано выносить окончательный приговор. От критики требуется большая осторожность. Лишь с такими оговорками мы делаем опыт критического рассмотрения нашего наступления 1918 г. Этот анализ даст возможность исправить некоторые ошибочные суждения и осветить некоторые неясные моменты.

Сознание чрезвычайной трудности задачи, перед которой было поставлено наше командование в 1918 г., прежде всего будет способствовать правильной оцен-

7*

ке его действий и удержит нас от слишком резких суждений. После несчастливого исхода войны ищут ошибок и их виновников. Но и Наполеон, и Фридрих Великий делали ошибки. Ошибки не должны заслонять перед нами того великого, которое все же было совершено. Критика не должна искать в деятельности военного командования только слабых мест, а обязана отмечать и все значительное и блестящее.

Мы не станем заниматься здесь рассмотрением тактических подробностей. Речь будет итти только о тех крупных оперативных вопросах, которые определяли ход войны. Невозможно также разбирать подробно каждое наступление в отдельности. Наибольшее внимание будет уделено мартовскому наступлению, которое потребовало от нас величайшего напряжения сил и привело нас ближе всего к поставленной цели. Это наступление ясно показало значение тех трудностей, которые нам надо было преодолеть. Позднейшие наступления будут изложены короче. Но при их изложении также будут рассмотрены руководящие принципы и все те обстоятельства, которые имеют значение для правильной оценки.

Исследование ограничивается чисто военной стороной дела; политические соображения, поскольку они не связаны неразрывно с военными действиями, совершенно опущены.

Мы дополнили настоящую работу несколькими замечаниями, свидетельствующими о нашем отношении к опубликованному в сентябре 1922 г. исследованию тайного советника проф. Дельбрюка: «Наступление в 1918 г.» («Die Offensive im Jahre 1918»).

Ф.-Куль

I. ВЕСЕННЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ

1. НАСТУПЛЕНИЕ ДИКТОВАЛОСЬ НЕОБХОДИМОСТЬЮ

В первой части этого исследования было доказано, что общее положение вещей толкало к наступлению. Влияние блокады и хозяйственной депрессии, тяготевшей над Германией, затруднения с комплектованием и возраставшая усталость наших союзников настоятельно требовали быстрого завершения войны. Подводная война не оправдала возложенных на нее надежд. Необходимо было считаться с появлением не позже лета крупных американских сил, которые дали бы нашим противникам значительное превосходство. Благоприятное для наступления соотношение сил, создавшееся после катастрофы в России, должно было быть использовано без промедления. Оборона никогда не могла бы привести нас к цели. Противники медлили бы с наступлением до тех пор, пока прибытие американцев дало бы им воз-

можность использовать свое подавляющее превосходство. Войска стремились к наступлению, чтобы избавиться от окопной войны и от страшных оборонительных боев: они предпочитали быть молотом, а не наковальней.

При неудаче наступления война, конечно, была бы проиграна. Так думал и ген. Людендорф: «В 1918 г. мы не могли одержать победы и поэтому были побеждены» [1]. В случае неудачи мы могли бы продолжать борьбу только ради заключения мира на более сносных условиях. При чистой же обороне война была заранее обречена на неудачу.

Сомнение мог вызвать вопрос, были ли достаточны резервы для ожидавшихся тяжелых наступательных боев и обладала ли армия достаточной подвижностью для операций в открытом поле, если бы прорыв удался. Но ведь из опыта известно, что потери в оборонительных боях всегда больше, чем при наступлении, а подвижность должна была быть всеми средствами достигнута хотя бы частью армии. Неблагоприятным обстоятельством был недостаток крупных стратегических тыловых позиций.

2. ВЫБОР МЕСТА НАСТУПЛЕНИЯ

Заранее было ясно, что во избежание распыления усилий силы для наступления должны быть сосредоточены на одном театре военных действий.

Вопрос о продолжении наступления в России и о наступлении в Македонии весною 1918 г. едва ли даже поднимался. Нельзя было закрепляться дальше в России и употреблять значительные силы для наступления против Салоник, чтобы затем, обеспечив свой тыл с востока, обернуться на запад. Легко могло случиться, что тогда для наступления на западе было бы уже поздно.

Весьма заманчивым казалось наступление в Италии. Уже зимою 1915/16 г. ген. Конрад ф.-Гетцендорф настаивал на наступлении в Италии «как на необходимом введении к окончательным, решительным боям». Он был убежден, что исход войны решится во Франции, но считал, что наступление на Западном фронте было бы многообещающим лишь в том случае, если бы Италия была разбита и, таким образом, освободились бы силы, необходимые для борьбы во Франции. Двойным наступлением из Тироля и с Изонцо, по его мнению, можно было бы уничтожить итальянскую армию. Но ни австрийское наступление из Тироля в 1916 г., ни австро-германское наступление с Изонцо осенью 1917 г. не дали такого решительного результата, как ни велико было поражение итальянской армии при последнем наступлении.

Весною 1918 г. перспективы для наступления были менее благоприятны, чем раньше, так как итальянцы теперь стояли на р. Пиаве и потому наступление из Тироля не поразило бы

---

[1] „Militär Wochenblatt", 1/XII 1922 г.

так чувствительно их фланга. Поэтому было предложено вести наступление по обеим сторонам озера Гарда, чтобы отрезать итальянскую армию и уничтожить ее[1]. Но наступление могло быть начато лишь в благоприятное время года и требовало больших сил. Кроме того, эти силы могли бы быть там скованы на неопределенно долгое время, если бы Антанта решила послать итальянцам подкрепление. Остается под вопросом, было ли бы тогда еще время для большого наступления на западе. Для облегчения положения итальянцев Антанта могла начать наступление на наш ослабленный Западный фронт. По этим соображениям в 1918 г. решено было отказаться от наступления на Италию.

Таким образом, зимою 1917/18 г. при обсуждении вопроса о выборе фронта для наступления взоры обратились на запад. О положении противника германское командование на Западном фронте имело следующее представление. К концу зимы все сведения с фронта указывали на то, что Антанта ждала нашего наступления и собиралась держаться выжидательно. Все газеты противника говорили о предстоящем германском наступлении и о его предполагаемом направлении. Многочисленные мелкие разведывательные операции, усиленная деятельность самолетов, усердное возведение тыловых позиций — все свидетельствовало о возраставшей активности противника.

Стало известно, что по настоянию ген. Фоша французы старались создать крупные резервы, которые были, вероятно, сосредоточены в средней части неприятельского фронта в районе Мо. Большая часть находившихся во Фландрии французских дивизий была оттуда уведена: англичане удлинили свой фронт от прежнего правого крыла севернее Сен-Кантэна по направлению к югу до р. Уазы и дали, таким образом, французам возможность располагать новыми освободившимися дивизиями. Нам казалось, что французская армия стала тактически и оперативно более подвижной.

Английские резервы, по нашему предположению, были большей частью расположены позади центра и левого крыла английского фронта — против германских 4-й, 6-й и 17-й армий, тогда как позади правого английского крыла, против германских 2-й и 18-й армий, казалось, находились лишь слабые резервы. В районах Армантьера на фронте находились португальские войска, которым не придавалось значения.

Вышеуказанные данные были почерпнуты из имевшихся в то время сведений и имели важное значение при выборе фронта для наступления. Впоследствии, в связи с рассмотрением мероприятий противника, выяснится, насколько эти предположения соответствовали действительности.

В 1917 г. англичане выносили главную тяжесть борьбы. В течение многих месяцев летом и осенью они наступали во Фландрии с целью прогнать нас с побережья; понеся тяжелые потери,

---

[1] Краус, Причины нашего поражения.

они, однако, ничего не добились, кроме незначительного захвата территории. Казалось сомнительным, чтобы весною 1918 г. крупные потери, которые они понесли, могли быть пополнены достаточным количеством резервов.

Деятельность французов после неудавшегося наступления на р. Эн и в Шампани в апреле и мае 1917 г. ограничилась в течение остальной части этого года частичным наступлением 20 августа под Верденом и 22 октября в районе Лаффо. В обоих случаях французы достигли значительного успеха и доказали, что их армия была опять способна к наступлению.

Соотношение сил было подробно рассмотрено в первой части этой книги.

На указанной выше основе строились наши соображения относительно выбора места наступления в начале весны 1918 г. (2). Главнокомандующий группы армий кронпринц Руппрехт высказывался в ноябре 1917 г. за наступление против англичан во Фландрии, между тем, как командующий группой армий германский кронпринц стоял за наступление против французов.

Гинденбург говорит в своей книге[1] по этому поводу следующее:

„Я все еще считал Англию главной опорой неприятельского сопротивления, но мне вместе с тем было совершенно ясно, что стремление нанести нам смертельный удар, чтобы уничтожить нас как государство, было во Франции по меньшей мере столь же сильно, как и в Англии. В военном отношении тоже не имело большого значения, направим ли мы наш первый удар против французов или против англичан. Англичане были несомненно менее искусны в бою, чем их союзники. Они не умели овладевать быстро меняющимся положением и действовали слишком схематично. Эти недостатки англичане проявляли до тех пор при наступлении, и я полагал, что и при обороне будет то же самое... То, чего нехватало англичанам в боевой гибкости, возмещалось, по крайней мере отчасти, их упорством в стремлении к своей цели и в выполнении поставленной задачи как при наступлении, так и при обороне... Французы были в общем более ловкими бойцами, чем их английские союзники. Но зато они были менее упорны при обороне. Во французской артиллерии наши офицеры и солдаты видели опаснейшего врага, между тем как французский пехотинец был в значительно меньшем почете“.

Гинденбург вполне признавал оперативное значение решительной победы над англичанами. В удачном проведении такого наступления он видел возможность для завершения войны.

„Если бы мы достигли берега канала,— говорит он,— мы непосредственно затронули бы самый жизненный нерв Англии. Мы не только попали бы в самые благоприятные условия для борьбы с морскими сообщениями Англии, но и могли бы обстрелять оттуда при помощи наших самых тяжелых орудий часть южного британского берега“.

Действительно, если бы мы овладели берегом канала до Булони, это имело бы крупное значение для дальнейшего ведения войны. Значительное расширение фландрской базы для подводных лодок создало бы весьма благоприятные условия для ведения подводной войны.

Начальник штаба группы армий германского кронпринца полк. граф. ф.-Шуленбург высказался все же против наступ-

---

[1] „Aus meinem Leben“, стр. 301 и 327.

ления на Фландрию и выступил за наступление против французов. Он был того мнения, что после частичного поражения своей армии Англия не пойдет на мир и может решиться на это только, если в результате тяжелого поражения будет сломлена сила французов. Поэтому он предлагал двухстороннее наступление: с одной стороны — на Верден, в Аргоннах и к востоку от них, и с другой — в западном направлении от Сен-Миеля с целью взять Верден и уничтожить окруженную французскую армию. От этого успеха граф Шуленбург ожидал значительного поворота в настроении французского народа и армии. Конечно, если бы мы ударили на французов под Верденом, англичане начали бы наступать во Фландрии, но несомненно также и то, что французы тоже начали бы наступление, если бы мы напали на англичан. Если бы верховное командование не оказалось в состоянии одновременно вести и крупное наступление и в другом месте оборонительные бои, то, по мнению графа Шуленбурга, была возможность уклониться на угрожаемом фронте от неприятельского наступления при помощи отхода. Это было возможно во Фландрии в ограниченном объеме — на р. Эн и в Шампани, но не к востоку от Аргонн и не на Маасе.

Начальник оперативного отдела верховного командования подполк. Ветцель также высказался в пользу наступления на французов. Он исходил из той мысли, что

„только наступление в широком масштабе дает гарантию решающего влияния на положение Западного фронта. Наступление должно иметь далеко идущую стратегическую цель, которая будет иметь не только материальное, но и моральное действие".

Подполк. Ветцель говорит далее следующее:

„По моему мнению, на французском фронте, как и вообще на всем Западном фронте, существует только одна возможность действительно широкого наступления с крупнейшими результатами в случае успеха. Это — наступление с целью отрезать французский выступ у Вердена, направляя главный удар на Аргонском участке на Клермон и южнее и ведя дополнительное энергичное наступление с Западного фронта армейской группы „С" севернее Сен-Миеля через р. Маас, чтобы сделать это окружение полным с севера и востока, не подвергаясь прямому воздействию крепости Верден".

При полном успехе, по мнению подполк. Ветцеля, было бы разбито большое число французских дивизий, против которых велось наступление, а также брошенных в бой подкреплений; затем были бы уничтожены или взяты в плен все находившиеся в верденском мешке дивизии (тогда 11 дивизий), а наши дивизии, расположенные вокруг Вердена (тогда 15 дивизий), получили бы одновременно свободу действий.

Во всяком случае можно сказать, что французская армия не оправилась бы больше от такого удара. Какое моральное влияние оказал бы во всем мире успех германского наступления на Верден, — об этом говорит само это название. Какое впечатление это произвело бы на французский народ — в частности и на все страны Антанты вообще, сейчас даже трудно

сказать. Невозможно даже приблизительно оценить другие возможные последствия этого успеха, например, вопрос о том, не повлекло ли бы наступление за собой маневренной войны и пр. Но можно во всяком случае допустить, что это наступление имело бы решающее значение для войны. Ожидавшееся ближайшей весной французско-американское наступление было бы несомненно ликвидировано. Германская армия могла бы тогда обрушиться всей своей силой на англичан, если бы это еще оказалось нужным.

Таким образом, осенью 1917 г. точки зрения в вопросе о выборе фронта для наступления значительно расходились. От того или другого решения зависела судьба кампании 1918 г. Необходимо поэтому внимательно рассмотреть дальнейшее развитие этого вопроса.

11 ноября 1917 г. в главной квартире группы армий кронпринца Руппрехта в Монсе состоялось совещание между ген. Людендорфом и начальниками штабов группы армий кронпринца Руппрехта и группы армий германского кронпринца.

Начальник штаба группы армий кронпринца Руппрехта выступал за наступление во Фландрии в направлении Байель — Хазебрук (Bailleul — Hazebrouck) под прикрытием левого фланга на канале Ла-Бассе для того, чтобы отрезать англичан, которые стояли густыми массами в самой северной части Франции в крайне неблагоприятном для операций положении, имея позади себя море с северной и западной сторон. Невыгодным было только то обстоятельство, что затопленная зимою Лисская низменность была трудно проходима. Раньше апреля эта операция была невыполнима. Если бы на нас раньше напали в другом направлении, то нам пришлось бы отойти. Ген. Людендорф выставил против этого, кроме некоторых тактических возражений, прежде всего то соображение, что наступать необходимо не позже конца февраля или начала марта, чтобы предупредить противника.

Полк. граф Шуленбург развил изложенный раньше план наступления на Верден, к которому присоединился и подполк. Ветцель. Ген. Людендорф был того мнения, что это наступление не заставит англичан послать силы для поддержки французов и что скорее мы сами были бы вынуждены выдержать новое сражение во Фландрии.

Затем ген. Людендорф предложил обсудить, не должна ли группа армий кронпринца Руппрехта наступать не во Фландрии, а южнее — у Арраса или Сен-Кантэна, но начальник штаба этой группы армий высказался против такого плана.

В заключение ген. Людендорф следующим образом формулировал результаты совещания:

„Положение в России и Италии вероятно даст нам возможность нанести в наступающем году удар на Западном театре войны. Соотношение сил будет приблизительно равным. Для наступления можно будет располагать приблизительно 35 дивизиями и 1 000 тяжелых орудий; этих сил достаточно для наступления; второе одновременное значительное диверсионное наступление будет невозможно.

Наше общее положение требует, чтобы мы нанесли удар возможно раньше, в конце февраля или в начале марта, прежде чем американцы смогут бросить в дело значительные силы.

Мы должны разбить англичан.

Этими тремя положениями мы должны руководствоваться в наших операциях.

Предложенная группой армий кронпринца Руппрехта операция в направлении Хазебрука — условное название „Сен-Жорж" — против фланга и тыла английских главных сил без сомнения очень хороша, но условия местности представляют весьма большие трудности. Прежде всего это наступление находится в зависимости от состояния погоды и не может быть начато достаточно рано. Чтобы выиграть время, можно было бы приковать сначала французов при помощи диверсионного наступления под Верденом, отрезав Верденский выступ, а затем пойти против англичан, но для этого у нас нехватает ни сил, ни боевых припасов.

Посмотрим, не найдем ли мы южнее более благоприятных условий для нашей операции. Наступление у Сен-Кантна кажется нам особенно многообещающим. Овладев линией на Сомме — Перонн-Гам, мы бы могли, опираясь левым флангом на Сомму, перенести наступление дальше в северо-западном направлении, что привело бы к свертыванию английского фронта. Для успеха этой операции особенно важно, чтобы дальнобойные орудия и бомбовозы разрушили ж.-д. станции и тем самым затруднили своевременный подвоз неприятельских оперативных резервов".

Здесь ясно высказана основная идея так называемых операций «Михаэль», которые были позже предприняты и фактически проведены; здесь также ясно выступает великая оперативная цель наступления. Это должно быть особенно подчеркнуто, так как Дельбрюк утверждает в своем исследовании, что наступление началось не там, «где было больше всего шансов на развитие стратегических операций, а там, где легче всего можно было продвинуться вперед», и оно поэтому велось «в стратегическом отношении впустую».

Вскоре после совещания в Монсе главное командование группы армий кронпринца Руппрехта представило 20 ноября 1917 г. верховному командованию докладную записку об операциях 1918 г., составленную на основе новых соображений. Нужно при этом иметь в виду, что к этому времени Россия еще не вышла окончательно из рядов наших противников. Лишь 6 декабря было заключено с Россией перемирие, а 22 декабря начались переговоры о мире в Брест-Литовске, только 3 марта приведшие (после долгих колебаний) к заключению брест-литовского мира.

Докладная записка исходила из той мысли, что в 1918 г. мы должны были рассчитывать на продолжение английского наступления во Фландрии и на большое наступление со стороны французов. Мы не должны ограничиваться оборонительными боями, а должны наступать. Для решительного наступления, как и раньше, имелось в виду, главным образом, фландрское направление. Таким образом, эта группа армий оставалась при прежнем мнении, обосновывая его следующим образом:

Цель — разбить врага — лучше всего будет достигнута при помощи наступления у Армантьера — Эстер против фланга и тыла главной массы английской армии, которая, по предположениям, находилась в Ипрском выступе и западнее него; таким путем мы помешали бы неприятельскому наступлению во Флан-

дрии и создали бы прикрытие для нашей базы подводных лодок. Тяжелые условия местности в Лисской низменности мешают нам начать рано наступление. Если бы англичане предупредили нас с наступлением во Фландрии, мы могли бы от него уклониться.

Наступление надо вести там, где есть надежда быстро прорвать позиции противника. Таким местом является местность южнее Армантьера, где неприятельские позиции недостаточно развиты и где позиции частью заняты португальцами. Этим путем достигается наиболее верное в оперативном отношении направление Эстер — Хазебрук. Переход через Лис должен быть тщательно подготовлен технически. Именно вследствие существующих трудностей противник не будет ждать здесь наступления, и у нас есть надежда захватить его врасплох. Это — весьма ценное обстоятельство. Поэтому предлагается двинуть наступающие войска и артиллерию по возможности позже, быстро и незаметно.

Англичане, собравшие свои главные силы для наступления во Фландрии в районе Ипра и западнее, очутятся в чрезвычайно тяжелом оперативном положении, как только мы начнем наступать из Армантьера — Эстера. Главная масса их сил находится на крайнем севере Франции и сжата вдоль своей линии фронта, имея с левого фланга и в тылу море, так что наступление на правый фланг может поставить армию в очень тяжелое положение. Англичанам даже с помощью своих резервов нелегко будет быстро развернуть свою тесно сдавленную массу на правом фланге и прикрыть свои линии связи, находящиеся под сильной угрозой...

Наступление должно начаться на линии Фрелингиен — Фестюбер (Frélinghien — Festubert) с главным направлением на Байель — Хазебрук...

Главные силы должны быть направлены через Экстер на Хазебрук для того, чтобы ударить по противнику с фланга и тыла и отрезать ему путь отступления. Левое крыло должно быть поэтому очень сильным и глубоко эшелонированным. На левом фланге противник прежде всего должен быть отброшен за канал Ла-Бассе, который тогда сможет служить для нашего левого фланга хорошим опорным пунктом. Продолжение наступления за каналом Ла-Бассе на юг было бы очень желательно, но едва ли возможно при тех силах, которыми мы распологали. Центр наступления должен быть направлен против высот к северу от линии Байель — Хазебрук, чтобы как можно скорее утвердиться на этих высотах.

Нужно было считаться с тем, что для поддержки англичан французы бросили бы против нашего левого фланга значительные силы; поэтому необходимо было иметь наготове значительные резервы. Кроме того весьма важно, чтобы французские силы на других фронтах, поскольку они сами не предпринимали крупных наступлений, были скованы при помощи демонстраций и частичных наступлений. Английские силы, рас-

положенные к северу и к югу от района наступления, должны быть связаны действиями наших армий.

К этому предложению были приложены точные тактические данные, касавшиеся проведения наступления, и расчет необходимых сил, по которому требовалось 40 дивизий и 400—500 тяжелых батарей.

Наступление в районе Арраса считалось этой группой армий слишком трудным, в доказательство чего приводились подробные соображения.

Наступление в районе Сен-Кантэна оценивалось следующим образом:

„Главная задача операции 2-й армии должна заключаться в том, чтобы, прорвав фронт противника, прикрыть левый фланг операций против французов и отбросить фронт противника к северо-западу. Затем операция против неприятельских сил, расположенных между Соммой и Ламаншем, должна в виде маневренной войны продолжаться к северо-западу. Неприятель имеет в тылу море, и это обстоятельство дает нам надежду на решительные успехи, если операция зайдет достаточно далеко. Вопрос о том, как будут развиваться операции, в частности в случае удачного прорыва, зависит от мероприятий противника, и это трудно предвидеть. Обязательным условием таких операций является наличие крупных сил— значительно более крупных, чем понадобились бы при „Сен-Жорж".

Благоприятным является то обстоятельство, что в районе 2-й армии операции возможны во всякое время года и что неприятельские позиции, кроме местности к югу от Сен-Кантэна, не очень многочисленны и слабо снабжены людьми.

Неблагоприятным является то, что наступление пришлось бы вести по разоренной при „Альберихе"[1] местности; в этом случае пришлось бы преодолеть обширный район позиций и воронок, оставшихся после сражения на Сомме. Неблагоприятно также и то, что фронт 2-й армии тянется с северо-запада на юго-восток, между тем как направление главных операций северо-западное; поэтому в случае удачного прорыва было бы трудно отбросить неприятельский фронт к северо-западу.

Наступление должно вестись вначале в западном направлении до Соммы, и лишь тогда оно могло бы развернуться к северо-западу. Пока развернется передвижение армий, пройдет некоторое время, которым воспользуется неприятель для подвоза своих резервов, чему также благоприятствует хорошо развитая железнодорожная сеть. Насколько окажется возможным помешать передвижению войск противника по железным дорогам, разрушая главные узловые пункты настильным огнем и при помощи бомбовозов,— это в значительной степени зависит от погоды; при длительной непогоде это окажется невозможным, так как в этом случае мы были бы лишены необходимой помощи самолетов. Но нужно помнить, что во время фландрских боев англичанам ни огнем, ни налетами бомбовозов на наши железнодорожные станции не удалось существенно нарушить нашу ж.-д. связь".

В заключение главнокомандующий группой армий ген.-фельдм. кронпринц Руппрехт Баварский формулировал свое мнение следующим образом:

„Рассмотрев всевозможные операции в районе группы армий, я прихожу к заключению, что решительное наступление „Сен-Жорж" является лучшей операцией, которую мы можем провести в 1918 г.

Несмотря на соображения, высказанные на совещании в Монсе 11 ноября относительно того, что наступление это не может быть предпринято достаточно рано, я все-таки вновь поддерживаю свое предложение: „Сен-Жорж".

Ближайшей весною для нас создастся на редкость выгодное оперативное положение. Наше наступление на море — подводная война — заставит англичан продолжать наступление во Фландрии. Для этого они должны сосредоточить свои

---

[1] „Альберих"—так называлось отступление на позиции Зигфрида в марте 1917 г.

главные силы во Фландрии у самого северного крыла неприятельского фронта, имея море с фланга и в тылу. К югу от английского фронта наступления на значительном пространстве расположены слабые позиции, которые нам облегчат прорыв в самом выгодном оперативном направлении.

К тому же наша пехота, чувствуя свое значительное превосходство над англичанами, горит желанием померяться с ними силами и не любит оборонительных боев. И в тактическом, и в оперативном отношении мы несомненно превосходим англичан.

Если мы пустим в дело все имеющиеся в нашем распоряжении силы для решительного наступления „Сен-Жорж" и подчиним этому наступлению операции на других фронтах, то мы получим все основания рассчитывать на решительный успех. В этом смысле „Сен-Жорж" является великой и новой по исполнению операцией на западе".

Вскоре, 12 декабря 1917 г., по вопросу о наступлении снова выступил начальник оперативного отдела верховного командования подполк. Ветцель. Его докладная записка содержала в себе следующие мысли.

Он исходил из того положения, что необходимо достигнуть крупного, решающего успеха. Наступление под Верденом он продолжал считать наиболее решающим, хотя по его мнению, наступление против англичан в направлении на Хазебрук также могло бы быть весьма полезным. Относительно большого прорыва у Сен-Кантэна он высказывал большие сомнения. Вообще же, по его мнению, трудность прорыва на западе настолько велика, что эту цель едва ли возможно достигнуть о д н и м наступлением на о д н о м только участке фронта.

По мнению Ветцеля, наступление на англичан могло осуществиться только при помощи нескольких последовательно связанных между собою наступлений и при условии быстрой переброски войск. Наступление должно состоять, по предложению Ветцеля, из двух актов. В первом акте нужно наступлением у Сен-Кантэна привлечь английские резервы из Фландрии; это наступление должно вестись только до определенной линии и должно быть затем приостановлено. Недели через две после этого нужно ударить по лишенному резервов обнаженному неприятельскому фронту во Фландрии в направлении Хазебрука, чтобы поколебать весь английский фронт и заставить англичан отступить с севера.

Предложение подполк. Ветцеля не было принято, но все же оно способствовало тому, что после наступления «Михаэль» было предпринято наступление во Фландрии.

Таким образом, наступление было разделено на два акта, из которых первый акт (у Сен-Кантэна) должен был быть решающим, а второй (при Хазебруке) предполагалось осуществить в том случае, если бы первый акт не был решающим. О трудностях, которые возникали бы при быстро следующих друг за другом двух наступлениях, и о необходимых для этого перегруппировках сил мы поговорим позже.

Высказанные подполк. Ветцелем мысли настолько заслуживают внимания, что мы приводим ниже дословный текст его докладной записки.

„12 декабря 1917

Наступление на западе и шансы на его успех

Общие положения

Успех на западе предполагает совершенно другие условия, чем на востоке и в Италии. Это необходимо себе твердо уяснить, чтобы при оценке достижимого, на основании нашего опыта и человеческого разумения, не пойти по ложному пути и не ставить себе задач, которых мы не можем разрешить.

Мы должны помнить, что в 1918 г. Франция будет иметь отдохнувшую армию, усиленную американцами и оперативно свободную, а также решительное военное и политическое руководство.

С другой стороны англичане будут снова искать во Фландрии решения войны.

Противники

Английская армия, несомненно, сильно пострадала в боях во Фландрии, но она обладает настолько значительными обученными резервами, что в состоянии поставить себе в будущем году те же задачи, что и в настоящем.

Артиллерия, как и вся английская тактика, очень мало подвижна, но зато вооружение пехоты пулеметами стоит на большой высоте.

Мы имеем перед собой оперативно негибкого и тактически неподвижного, но упорного противника.

Французы нам уже показали, что они умеют делать: они одинаково искусны и в области артиллерийской, и в области пехотной тактики. Они в равной степени умеют использовать местность как при наступлении, так и при упорной обороне.

Французы превосходят англичан при наступлении, они более искусны при обороне, но уступают им в выносливости.

Англичане в оперативном отношении связаны во Фландрии, французы же свободны.

Наша армия

Если наши западные противники дадут нам время в течение зимних месяцев для подготовки, то наша западная армия, сильно пострадавшая, но пополненная освободившимися в других местах силами, будет к весне 1918 г. вполне способна к наступлению и покажет, что в этом отношении она превосходит всех своих противников.

Соотношение сил и резервы

В настоящее время на Западном фронте стоят 106 англо-французских дивизий против $118^1/_2$ германских.

В резерве: 62 англо-французских против 42 германских.

Те силы, которые мы сумели перебросить в течение зимы с востока на запад, будут уравнены американскими войсками.

Мы можем рассчитывать на некоторое, хотя и небольшое, численное превосходство боевых единиц (дивизий), но не артиллерии или воздушных сил.

С ослаблением боев во Фландрии и после сражений у Камбрэ английские резервы распределены приблизительно поровну на этих двух фронтах.

Позади французского фронта резервы распределены более целесообразно; особенно много их на левом фланге (7-я армия).

Возможность перемещения неприятельских сил

Хотя мы и в состоянии перебрасывать очень быстро по железным дорогам чрезвычайно большие силы, но наши противники имеют такие же возможности, еще в большей степени, благодаря находящейся за фронтом густой ж.-д. сети. Наряду с этим обе неприятельские армии располагают очень большим количеством грузовиков, которые им уже не раз оказывали весьма важные услуги (Верден) быстрой подвозкой подкреплений.

Эффект неожиданности

На полную неожиданность наступления на западе невозможно рассчитывать ни на одном фронте, в особенности на таком, который был до сих пор спокойным. Нам были заранее известны все наступления: в Шампани, на Сомме, при

Аррасе, на Эне, во Фландрии и в последнее время под Верденом и Лаффо. Только у Камбрэ удалось неожиданное наступление с небольшими силами.

Разнообразнейшие средства разведки — разъезды, воздушная разведка, фотографирование, радиоразведка, измерительные команды — дают возможность догадаться о той или иной подготовительной мере к наступлению. Даже предварительная пристрелка может легко выдать наши намерения.

Несомненно нападающая сторона даже на Западном фронте может всегда рассчитывать на значительное преимущество; но, с другой стороны, нужно быть готовым к тому, что неприятель немедленно же примет сильнейшие контрмеры, как это было у Камбрэ.

Быстрота наступления с целью прорыва

Не нужно далее забывать, что по мере развития наступления наступающая армия, постепенно удаляющаяся от своих линий снабжения и складов, должна будет продвигаться вперед по неудобной, изрытой снарядами местности, на которой происходили сражения; часто в ожидании продвижения своей артиллерии и боевых припасов она вынуждена будет делать паузы, которыми воспользуется обороняющаяся сторона для организации сопротивления.

Не следует поэтому предаваться большим надеждам на быстроту продвижения на западе. Если наши противники будут действовать планомерно и быстро, как это делали мы часто при самых тяжелых положениях, то им тоже через известный промежуток времени удастся приостановить наше наступление.

Поэтому значительного и действительно решающего успеха нам удастся достигнуть только при умелом комбинировании нескольких наступлений, находящихся во взаимной и последовательной связи.

Шансы на успех различных наступлений

Я считаю двойное наступление из Аргонн группы армий „С", отрезывающей Верден, самым решающим, так как в случае успеха оно уничтожает оперативно свободного, а потому самого опасного противника.

От потери Вердена и его артиллерии французская армия больше не оправится, и, несмотря на американскую помощь, будет вынуждена к абсолютной обороне. Кроме того это закрыло бы раз навсегда для французов единственно возможное направление для наступления в 1918 г. Не исключена также полная военно-политическая катастрофа.

Я считаю также тактически и стратегически полезным наступление против неподвижной английской армии в направлении на Хазебрук. Но я считаю это наступление, как я позже изложу подробнее, особенно многообещающим только при условии, если оно явится последним звеном в комбинированном наступлении на английском фронте.

Существует мнение, что наше наступление против одного из наших западных противников автоматически вызовет крупное наступление другого противника против нас.

Это я считаю правильным в случае нашего наступления на английское крыло во Фландрии; такое наступление может немедленно вызвать французское наступление в районе расположения группы армий кронпринца или Альбрехта, чтобы облегчить положение своего союзника.

Весьма возможно, что независимо от наших намерений французы сами в 1918 г. заблаговременно предпримут наступление.

Это необходимо очень внимательно обсудить, так как в этом случае наше положение на западе оказалось бы весьма напряженным, особенно если французы узнают о месте наступления.

Во всяком случае, если мы решаемся на наступление против англичан, мы должны выставить против французского фронта очень сильные резервы.

При наступлении на французский фронт наступление англичан с целью облегчения французов зависит исключительно от времени года. В феврале—марте такое выступление во Фландрии мало вероятно; но для более или менее крупного наступления на другом участке фронта англичане вынуждены будут предпринять весьма длительную перегруппировку своих артиллерийских и пехотных сил.

Вопрос о том, придет ли на помощь один противник другому непосредственно на фронте наступления, по моему мнению, зависит от успехов нашего наступления.

Если они будут велики, то нужно с уверенностью считаться с возможностью непосредственной взаимной поддержки.

Теперь вопрос заключается в следующем:

Наступление на Верден осуществимо в конце февраля, а наступление на Хазебрук — не раньше начала апреля. В феврале мы можем рассчитывать, что при наступлении мы будем иметь определенное преимущество, в апреле же наверное нет. Первое наступление требует 30, а второе — по крайней мере 40 дивизий. Кроме того нужно принять во внимание, что наступление на фланг английского фронта во Фландрии вероятно вынудит нас отодвинуть наш фронт в районе 7-й, 1-й и 3-й армий. Этим мы сознательно отдали бы большую территорию, чем мы можем надеяться получить при наступлении в других пунктах, независимо от чисто военного успеха боев. Французы получили бы, таким образом, полную свободу маневрирования и, несомненно, у них возрос бы порыв к наступлению.

Из этих соображений и из желания поразить по возможности обоих противников возникла мысль вести прорыв в крупном масштабе с фронта 2-й армии в местности Сен-Кантэн.

Необходимо узнать, что этот участок фронта 2-й армии считается спокойным; там приготовления к наступлению едва ли могут быть скрыты, а потому необходимая неожиданность наступления едва ли будет достигнута.

Нужно считаться с возможностью принятия очень быстрых контрмер с севера — со стороны англичан и с юга — со стороны французов благодаря удобно расположенным и многочисленным путям сообщений. Мы можем поэтому с уверенностью считать, что при значительных начальных успехах мы будем иметь весьма длительные бои с главными силами обоих противников.

Мы направляемся в местность, которую мы в свое время добровольно очистили и планомерно разрушили, с большим количеством позиций, тянущихся далеко за Соммой, построенных в 1914, 1915, 1916, 1917 гг. нами и нашими противниками.

Частью эти позиции, конечно, не сохранились, но все же они дают обороняющейся стороне некоторые преимущества и затрудняют движение вперед наступающей стороне.

Вероятность постепенного перехвата первоначального удара с целью прорыва весьма велика.

Если бы мы решили наступать на англичан, что при их оперативной неповоротливости обещает успех, то, по моему мнению, необходимо поколебать весь английский фронт при помощи удачной комбинации следующих одно за другим наступлений на различных участках фронта; эти наступления должны быть проведены во взаимной связи и последовательности с заключительным наступлением в направлении на Хазебрук и с использованием для быстрой переброски сил железных дорог.

При помощи наступления в одном только месте мы, по моему мнению, не достигнем цели, как бы тщательно это наступление ни было подготовлено. По отношению к количеству расположенных на фронте английских сил и в связи с благоприятной возможностью передвижения этих сил, английский фронт слишком узок для этой цели.

Мое предложение—см. в особом приложении.

Подполковник *Ветцель*".

„Приложение.

Наступление против англичан

Общие положения

Наступление против англичан должно быть основано на их оперативной неповоротливости и на нашей способности быстро перегруппировывать свои силы при помощи железных дорог.

Наступательные действия не должны состоять только из одного большого наступления на одном участке фронта, ибо на Западном фронте, согласно имеющемуся у нас опыту, такое наступление, даже при самых блестящих первоначальных успехах, парализуется раньше или позже неприятельскими контрмерами.

Вся операция должна состоять из нескольких наступлений, проведенных на различных участках фронта в тесном взаимодействии, с целью поколебать весь английский фронт.

Для доказательства правильности этого положения достаточно указать на первоначальные успехи англичан у Камбрэ. В какое тяжелое положение мы попали, когда этот удар был нанесен одновременно с большим наступлением из Фландрии! Этот удар имел успех, ибо в 6-й армии мы имели только одну дивизию в резерве, остальные же резервы находились во Фландрии. Если бы для преследования с боем были введены более крупные силы, то английское наступление у Камбрэ могло бы поставить нас в очень тяжелое положение.

Руководящей задачей всех наших наступлений должно быть стремление поставить англичан в такое же положение.

Силы

Мы будем располагать в конце февраля — в начале марта приблизительно 70 дивизиями резервов на Западном фронте.

Чтобы можно было с некоторой уверенностью начать наступление на англичан на фронте группы армий Руппрехта, мы должны оставить на фронте группы армий Альбрехта, кроме спешенных кавалерийских дивизий 6 дивизий, а на фронте группы армий кронпринца —14 дивизий. Следовательно, для фронта группы армий Руппрехта мы располагаем свыше 50 дивизий в резерве. Из них 10 дивизий должны остаться позади фландрского фронта для предохранения от возможного английского наступления одновременно с нашим.

Таким образом, в нашем распоряжении находится около 40 дивизий для наступления, кроме позиционных дивизий в районе наступления.

План наступления

Общие действия распадаются на два акта.

Первый акт заключается в широком наступательном ударе в районе 2-й и 18 й армий (который будет называться в дальнейшем — наступление „Камбрэ — Сен-Кантэн").

Второй акт, который должен начаться на две недели позже, будет заключаться в прорыве в районе 4-й и 6-й армий в общем направлении на Хазебрук (который будет называться в дальнейшем — наступление „Хазебрук").

Первый акт борьбы

Цель наступления „Камбрэ—Сен-Кантэн"— отрезать стоящие у Камбрэ английские силы; пробить широкую брешь в английском фронте, чтобы заставить англичан оттянуть с фландрского фронта свои резервы и бросить их здесь в бой для создания нового фронта; достигнуть линии Бапом—Комбль—Перонн—Гам—Ла-Фер.

Второй акт борьбы

Цель наступления „Хазебрук"—прорвать в направлении на Хазебрук английский фронт во Фландрии, лишенный своих резервов; ударить на англичан с фланга и с тыла и заставить их отступить.

Первый акт борьбы

Проведение наступления „Камбрэ— Сен-Кантэн." Сначала одновременное двойное наступление:

а) наступление 12 дивизиями с фронта, расположенного по обе стороны Бюлекур, в направлении на Бапом для достижения железной дороги Бапом—Камбрэ — главной линии снабжения английского фронта у Камбрэ;

б) наступление 10 дивизиями между Соммой и Уазой из Ла-Фер, чтобы овладеть каналом Кроза; за этим двойным наступлением через 2 дня последует:

в) главный удар 20 дивизиями из Сен-Кантэна и севернее в направлении на Перонн для закрытия бреши между наступлениями *а* и *б* и изоляции дуги Камбрэ.

Основания и цель этого комбинированного наступления: оба фланговых наступления *а* и *б* должны связать местные английские и французские резервы, расположенные перед 2-й и 18-й армиями, и создать таким путем благоприятные условия для быстрого и широкого продвижения вперед во время нанесения главного удара в Сен-Кантэне и севернее.

Второй акт борьбы

П о д г о т о в к а. В 4-й армии подготовительные меры должны заключаться в том, чтобы с началом наступления „Камбрэ — Сен-Кантэн" подвести к левому

флангу на участке Хольбек—Армантьер все свободные пехотные и артиллерийские силы (15 дивизий).

Группа Лилль должна для этого отступить к 4-й армии.

То же относится и к 6-й армии, которая должна подготовить к северо-западу от Ла-Бассе все нужное для удара на Хазебрук.

Подвоз сил. При благоприятном развитии наступления „Камбрэ—Сен-Кантэн" у 2-й армии в районе Камбрэ освободятся значительные силы; я рассчитываю приблизительно на 8—10 дивизий.

Кроме того тогда можно будет выяснить, возможно ли освободить дивизии из района наступления „Камбрэ—Сен-Кантэн" и, растянув фронт 6-й армии, выделить из группы армий германского кронпринца несколько дивизий (4—6). Во всяком случае для этого наступления необходимо освободить около 30 дивизий.

Значительные части артиллерии и минометов, пущенных в дело во время первого акта борьбы, несомненно могут быть использованы и во втором акте, так как в это время не будет больше надобности в силах, употребленных для подготовления штурма и т. д.

Роль железных дорог для подвоза войск для второго акта борьбы будет решающей.

Проведение наступления состоит тоже из двойного наступления:

а) наступление 4-й армии севернее Армантьера в направлении Кеммель-Байель (Kemmel-Bailleul);

б) наступление 6-й армии южнее Армантьера в направлении Эстер; главное направление для обоих наступлений — на Хазебрук.

Ветцель".

Через несколько дней после составления вышеприведенной докладной записки командование группы армий кронпринца Руппрехта сочло нужным переслать 15 декабря 1917 г. верховному командованию новую докладную записку об операциях 1918 г., так как с выходом России из рядов Антанты произошли существенные изменения в общем положении.

Начальник штаба этой группы армий высказал следующие соображения:

„Соотношение сил настолько изменилось благодаря выходу России, что противник должен считаться с возможностью нашего наступления на Западном фронте. Поэтому весьма вероятно, что противник решится на оборону и будет дожидаться прибытия американцев, которое, по имеющимся у нас сведениям, может произойти в более или менее крупном масштабе не раньше лета 1918 г. До этого момента противник не решится на крупное наступление, но может нас беспокоить частичными наступлениями и будет стараться вырвать у нас инициативу; кроме того он будет перестраивать свои резервы для обороны.

Мы не можем поэтому больше рассчитывать, что весною 1918 г. англичане будут продолжать свое наступление во Фландрии и стянут для этого свои главные силы к Ипру, как мы думали при разработке операции „Сен-Жорж".

Но если противник будет ждать наготове нашего наступления, то прорыв не удастся. Поэтому главная задача заключается в том, чтобы вообще где-нибудь добиться прорыва, который может быть удачным только в том случае, если мы захватим противника врасплох. Прорыв окажется возможным только там, где относительно слабые позиции позволят нам совершить быстрые наступательные действия. Материальные сражения, которые до сих пор вели англичане и французы, не дают нам никаких шансов на успех; если же нам не удастся действовать неожиданно и если существует опасность превращения нашей операции в материальное сражение, то лучше воздержаться от наступления, чтобы сделать попытку неожиданного прорыва в другом месте.

Шансов на успех прорыва имеется больше всего в направлении между Армантьером и каналом Ла-Бассе (см. соображения, подробно изложенные в записке от 20 ноября 1927 г. о „Сен-Жорж"). На фронте 6-й и 2-й армий шансов на успех значительно меньше. Наступление у Армантьера возможно только в апреле. Тем не менее следует выбрать именно этот район. Но и у Армантьера—Ла-Бассе прорыв удастся лишь в том случае, если масса резервов противника будет связана

операциями в других местах. Наступления Антанты до сих пор не удавались не только по той причине, что всеми своими приготовлениями к материальному сражению Антанта не могла захватить нас врасплох, но, главным образом, потому, что наши резервы не были достаточно прикованы к другим фронтам. Отсутствие единства у противника, как результат коалиции пошло нам при этом на пользу. В этом отношении мы, обладая преимуществом единого командования, находимся в лучшем положении, которое нам и следует использовать...

Цель наступления у Армантьера—Ла-Бассе — нанести удар английским силам, расположенным во Фландрии. Англичане всегда будут сильны на побережьи и в районе Ипра вследствие важного политического значения, которое для них имеет эта местность. Мы там всегда найдем крупные силы на фронте и в тылу. Овладев побережьем у Дюнкирхена и угрожая Кале, мы нанесем англичанам сильный удар. Если эта операция удастся, то при благоприятных условиях можно будет оттеснить английский фронт к югу. Наше левое крыло при прорыве должно быть заранее усилено и глубоко эшелонировано, чтобы во время нашей операции во Фландрии отбить атаки идущих с юга английских, а затем французских резервов и в благоприятном случае отодвинуть английский фронт к югу...

В остальном наступление „Сен-Жорж" должно вестись по принципам, изложенным в докладной записке от 20 ноября. Ни на фронте 6-й, ни на фронте 2-й армий нельзя предпринять операции с таким благоприятным исходом, как при наступлении у Армантьера».

Начать наступление было предложено в середине апреля. После полученного в конце ноября 1917 г. при Камбрэ опыта внезапное развертывание в кратчайший срок считалось обязательным условием для успеха(3).

Таким образом группа армий кронпринца Руппрехта и при изменившихся условиях отстаивала проект наступления «Сен-Жорж». Разные докладные записки дают подробную картину господствовавших тогда взглядов и соображений, высказывавшихся за или против предлагавшихся направлений наступления на английском фронте; они дают ценный материал для современной критики. При обсуждении принимались во внимание как тактическая, так и оперативная стороны. В противоположность методам наступления, практиковавшимся до тех пор нашими противниками, и вопреки некоторым взглядам, господствовавшим в германской армии, вместо многодневной артиллерийской подготовки наступления решающее значение придавалось эффекту неожиданности, без которого прорыв не может удасться. 27 декабря 1917 г. снова состоялось совещание ген. Людендорфа с начальниками штабов фронтов. Окончательное решение еще не было принято, но было решено, что группой армий кронпринца Руппрехта должно быть подготовлено наступление «Сен-Жорж» у Армантьера, связанное с наступлением на Ипре («Сен-Жорж» II), а также наступление у Арраса («Марс») и по обе стороны Сен-Кантэна («Михаэль»). Предполагалось также проведение более мелких операций силами групп армий германского кронпринца и герцога Альбрехта. Приготовления должны были начаться немедленно и вестись с таким расчетом, чтобы к 10 марта 1918 г. все было закончено. Все дальнейшие решения верховное командование оставило за собой.

3. ПЛАН МАРТОВСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ

Окончательное решение было принято лишь 21 января 1918 г. Ген. Людендорф вместе с командующими групп армий кронпринца

Руппрехта и германского кронпринца объездил в течение нескольких дней Западный фронт и обсуждал с командованием 4-й, 6-й, 2-й, 18-й и 7-й армий различные возможности наступления.

Вопреки мнению начальников штабов ген. Людендорф заявил 21 января, что наступление «Сен-Жорж» находится в слишком большой зависимости от погоды. Если весна окажется дождливой, то начало наступления может затянуться и до мая. Наступление «Марс» у Арраса также слишком трудно. Поэтому необходимо провести наступление «Михаэль» (по обе стороны Сен-Кантэна), которое может быть расширено на правом фланге до Скарпы. 18-я армия должна быть изъята из группы армий кронпринца Руппрехта и подчинена группе армий германского кронпринца. На долю этой армии выпадает задача флангового прикрытия наступления 2-й и 17-й армий, для выполнения которой она должна продвинуться к линии Соммы.— Перонн — Гам до канала Кроза. Наступление 2-й и 17-й армий должно быть решающим.

В скором времени верховное командование издало свои основные приказы для осуществления этого решения — приказы от 24 января, 8 февраля и 10 марта. Для их понимания нужно представить себе, что в конце декабря штаб 18-й армии находился в южной части района расположения 2-й армии. В конце января освободившийся в Италии штаб 14-й армии, под названием «Штаб 17-й армии», был помещен между 6-й и 2-й армиями; 18-я армия, находившаяся на левом фланге группы армий кронпринца Руппрехта, перешла в конце января в группу армий германского кронпринца.

В упомянутых выше приказах верховного командования от января и февраля было указано, какие наступления надо было прежде всего подготовить. Приготовления к наступлению «Михаэль» должны были вестись таким образом, чтобы последнее могло состояться около 20 марта. Наступление «Михаэль» I было поручено 17-й армии, «Михаэль» II — 2-й армии и «Михаэль» III — 18-й армии. Задача наступления была охарактеризована так:

„Наступление „Михаэль" должно прорвать неприятельский фронт, имея своей целью линию Ла-Фер (левое крыло)—Перонн-Гам, чтобы совместно с „Марс—левое крыло" продвинуться затем на Перонн—Аррас".

Наступление «Марс» (в районе Арраса) могло иметь место лишь южнее Скарпы (наступление «Марс — левое крыло») и только спустя несколько дней после наступления «Михаэль», т. е. после того, как здесь освободится и будет перегруппирована необходимая артиллерия. «Марс — правое крыло» (фронт у Арраса севернее Скарпы) должен был отпасть вследствие недостатка сил.

Наступления «Жорж» I (у Армантьера) и «Жорж» II (на Ипре) должны были подготовляться, независимо от наступления «Михаэль», с таким расчетом, чтобы все было закончено в начале апреля.

Основной приказ от 10 марта требовал, чтобы наступление «Михаэль» началось 21 марта. Задачи участвовавших двух групп армий были определены следующим образом:

„Первая крупная тактическая задача группы армий кронпринца Руппрехта состоит в том, чтобы отрезать англичан в районе Камбрэ и овладеть к северу от ручья Оминьон до его слияния с Соммой линией Круазиль—Бапом—устье Оминьона. При удачном продвижении наступления правого фланга (17-я армия), оно должно быть продолжено дальше на Круазиль.

Дальнейшая задача этой группы армий заключается в том, чтобы пробиться в направлении Аррас—Альбер, утвердившись левым флангом на Сомме у Перонн и сосредоточив удар на правом фланге, поколебать английский фронт, расположенный против 6-й армии, и освободить новые германские силы от позиционной войны для дальнейшего продвижения. Все дивизии, расположенные позади 4-й и 6-й армий, должны быть в случае надобности введены в дело.

Группа армий германского кронпринца овладевает южнее ручья Оминьон Соммой и каналом Кроза. В случае быстрого продвижения 18-я армия должна овладеть переправами через Сомму и через канал; при этом 18-я армия должна быть готова развернуть свой левый фланг до Перонн. Группа армий должна заботиться о подкреплении левого крыла 18-й армии дивизиями, входящими в состав 7-й, 1-й и 3-й армий".

В приказе было еще указано, что в случае большого французского наступления на 7-ю, 1-ю и 3-ю армии группа армий германского кронпринца должна сначала планомерно отступить. Что же касается группы армий Гальвица и герцога Альбрехта, то верховное командование оставило за собою решение вопроса о мерах, которые надо будет принять в случае большого французского наступления.

21 марта 1918 г. на фронте Аррас — Ла-Фер, шириной в 75 км, были готовы к наступлению 63 дивизии (из них 52 специально подготовленных ударных дивизии и 11 дивизий, находившихся до тех пор на позициях) и свыше 1 700 легких и тяжелых батарей. Дивизии стояли в трех боевых линиях, распределяясь следующим образом между армиями:

17-я армия — 19 дивизий
2-я „ — 20 „
18-я „ — 24 „

Кроме того верховное командование имело в своем распоряжении в резерве 3 дивизии (4).

При решающем значении, которое имели эти приказы для проведения крупнейшего германского наступления, предпринятого при помощи огромных сил и средств, и тем самым для исхода всей кампании 1918 г., необходимо выяснить, по возможности точнее, те цели, которые преследовало верховное командование этими приказами.

Как было уже упомянуто, существует мнение, что план мартовского наступления был выработан под слишком большим влиянием тактических соображений, перед которыми отступили на задний план крупные оперативные задачи. В известном смысле ген. Людендорф, высказывая свои мнения, мог дать повод к такой критике. В своих «Воспоминаниях о войне» Людендорф доказывает, что тактические условия при наступлении «Михаэль» были гораздо более благоприятными, чем при наступлении во

Фландрии или под Верденом. «Оно било в самую слабую точку, и местность не представляла никаких трудностей; кроме того оно было возможно во всякое время». Ген. Людендорф определенно утверждает, что «вопрос о времени и тактические соображения, из них прежде всего слабость противника», решили вопрос о выборе фронта наступления.

„Тактику надо было поставить выше чистой стратегии. Без тактического успеха нельзя заниматься стратегией. Стратегия, которая не думает о тактическом успехе, заранее обречена на безрезультатность“.

Смысл этих рассуждений, несомненно, заключается в том, что дело касалось прежде всего достижения прорыва. Выбор места, где этого можно было наилучшим образом достигнуть,— являлся вопросом тактики. В таком же духе высказалась и группа армий кронпринца Руппрехта в своем меморандуме от 15 декабря 1917 г. Но одновременно нужно было стремиться к тому, чтобы выбором направления прорыва были достигнуты, по возможности, большие решительные оперативные успехи. Оба эти требования редко могут быть осуществлены в одинаковой степени в одном и том же месте. Обычно вопрос заключается в том, чтобы взвесить различные доводы, говорящие «за» и «против» того или другого пункта, а затем выработать компромиссное решение. Совершенно исключается случай, чтобы выбор места наступления был сделан односторонне только по тактическим или только по оперативным соображениям.

То же самое хочет, повидимому, сказать ген. Людендорф своим утверждением, что тактику надо ставить выше чистой стратегии. Нельзя было выбирать место наступления, исходя только из стратегических соображений; надо было в первую очередь иметь уверенность, что мы тактически сможем прорвать позиции противника.

Оперативная задача при этом никоим образом не была отодвинута на задний план. В другом месте своих воспоминаний ген. Людендорф говорит, что можно было бы достигнуть большого стратегического успеха, если бы мы «разобщили главные части английской армии от французской и оттеснили бы их затем к побережью». Сообразно этому главный удар и был направлен на район между Аррасом и Перонн по направлению к побережью. Главное наступление провели 17-я и 2-я армии в направлении на Дулан, тогда как 18-я армия должна была прикрывать это движение на левом фланге на Сомме выше Перонн. Наступление, следовательно, было направлено против правого английского крыла и имело своей целью прорвать английский фронт, наступать далее к северу на фронт и фланг, поколебать его, отделить англичан от французов и отбросить их к побережью.

Наступление «Михаэль», как ген. Людендорф сам отмечает, имело очень широкие задачи. Насколько они были осуществлены и какое это оказало влияние на всю операцию, выяснится впоследствии, при рассмотрении самого проведения наступления.

Задача, возложенная на 17-ю армию, была очень трудна. Ближайшая задача 17-й армии, заключавшаяся в изолировании выступа у Камбрэ при содействии 2-й армии, направляла эту армию на юго-запад, в сторону Бапом. Отсюда 17-я армия должна была повернуть впоследствии на северо-запад, что было очень трудным маневром.

Принимая во внимание количество артиллерии, которым мы располагали, наступление на правом фланге могло быть развито только до Круазиль (на юго-востоке от Арраса); поэтому наступление 17-й армии было ограничено справа Аррасом и высотами Монши. Было во всяком случае очень желательно развить наступление на Аррас до Скарпы; этим было бы значительно облегчено предполагавшееся впоследствии оттеснение английского фронта к северу. Поэтому начальник штаба группы армий внес соответствующее предложение и просил усилить 17-ю армию за счет 18-й, задача которой была чисто оборонительной... Но верховное командование, обсудив это предложение в феврале, не согласилось с ним, так как 18-я армия должна была обеспечить свободу маневрирования.

Таким образом 17-я армия на первое время должна была ограничиться тем, чтобы обеспечить себе прикрытие против Арраса при наступлении в направлении на Бапом. Лишь позже, когда после наступления «Михаэль» освободится необходимая артиллерия, должно было произойти наступление «Марс» против Арраса. Группой армии кронпринца Руппрехта были сделаны все необходимые приготовления к быстрой перегруппировке артиллерии, чтобы как можно скорее начать наступление «Марс». Севернее Скарпы также были приняты меры к тому, чтобы правое крыло 17-й армии, 6-я и 4-я армии, могло присоединиться к наступлению в том случае, если бы после крупного успеха операции «Михаэль» дрогнул английский фронт. Но во всяком случае нужно было считаться с тем, что трудность наступления «Марс» против сильных позиций у Арраса еще более увеличилась бы, если бы оно было совершено хотя бы на несколько дней позже, чем наступление «Михаэль». Наступление «Марс», по сравнению с наступлением «Михаэль», могло быть подготовлено лишь в незначительной степени. Можно было предвидеть, что оно должно было столкнуться с успевшими прибыть резервами противника. О захвате противника врасплох не могло быть больше и речи.

В общем можно смело сказать, что 17-я армия была относительно слишком слаба для выполнения возложенных на нее задач.

Проще была задача 2-й армии. Она должна была наступать сначала в западном направлении. Позже, когда 17-я и 2-я армии достигнут линии Круазиль — Бапом — Перонн, 2-я армия, опираясь левым флангом на Сомму, должна была продвинуться дальше в направлении Альбер. Обе армии должны были отбросить английский фронт.

Для облегчения положения 2-й армии, 17-я армия, достигнув р. Соммы, должна была развернуть свое правое крыло до Пе-

ронн. Приказ не содержал никаких дальнейших указаний относительно того, что должна была делать 18-я армия, когда она достигнет Соммы и канала Кроза. Ей только было поручено овладеть переправами через реку и канал, чтобы обеспечить себе на всякий случай возможность дальнейшего продвижения. Главная же задача этой армии заключалась в прикрытии ударной группы в южном направлении. Для этой оборонительной задачи армия была очень сильна.

Возникает поэтому вопрос, соответствовали ли сила и снабжение армии наступательными средствами поставленным перед ней задачам и правильно ли был выбран центр удара на правом фланге армии между Аррасом и Перонн.

Странным кажется отделение 18-й армии от группы армий кронпринца Руппрехта, в руках которой было бы сосредоточено единое руководство всей операцией. Ген. Людендорф объясняет эту меру, главным образом, тем, что для него важно было иметь возможность широко влиять на ход сражения, а это было бы трудно, если бы руководство находилось в руках одной войсковой группы.

При дальнейшем обсуждении хода операций мы будем иметь случай подробнее остановиться на затронутых вопросах.

Нет никакого сомнения в том, что верховное командование хотело вызвать при помощи наступления решительный перелом в мировой войне, а не постепенно ослаблять противника рядом частных наступлений. Это определенно подтверждал ф.-Гинденбург:

„По моему убеждению, мы обладали необходимыми силами и боевым духом для решительной кампании за исход войны. Мы должны были стремиться к нанесению сильного и, по возможности, неожиданного удара... Как идеал мне рисовался полный прорыв неприятельских линий, который открыл бы нам путь к свободным действиям. Этот путь нужно было пробить на линии Аррас—Камбрэ—Сен-Кантэн—Ла-Фер[1].

А ген. Людендорф говорит:

„Венцом успеха была операция, в которой мы могли бы развернуть все наше превосходство; стремление к такому успеху было нашей последней задачей“[2].

Конечно, оба вождя сознавали всю трудность задачи. Невзирая на значительное численное и техническое превосходство наших противников, прорыв не удался им, несмотря на то, что сражения длились целые месяцы. Длительными сражениями мы не могли достигнуть нашей цели; и мы не должны были завязнуть в материальной войне; заниматься стратегией ослабления мы не могли. Успех должен был быть достигнут неожиданным ударом. Если в одном месте удар не удавался, то нужно было прекратить борьбу и возобновить ее в другом месте, чтобы достигнуть там прорыва.

„Если бы нам не удалось,—говорит фельдм.Гинденбург,—сломить одним ударом неприятельское сопротивление, то за этим ударом должен последовать ряд следу-

---

1 „Aus meinem Leben“, стр. 301.
2 „Kriegserin nerungen“, стр. 472.

ющих ударов в разных пунктах неприятельской линии сопротивления, пока мы не добьемся нашей конечной цели".

Так как, по мнению фельдмаршала, ни мартовским наступлением, ни апрельским во Фландрии эта цель не была достигнута, то наступление должно было продолжаться.

„Дважды Франция вывела Англию из критического положения; может быть в третий раз нам, наконец, удастся одержать решительную победу над этим противником. Наступление на северное крыло английских сил продолжало оставаться основным стержнем наших операций. В счастливом проведении этого наступления заключался, по моему мнению, окончательный исход войны".

Ген. Людендорф говорит то же самое:

„Если нам не удалось достигнуть цели при первом наступлении, то мы должны были достигнуть ее при следующих наступлениях, хотя положение было тогда менее благоприятным" [1].

В связи с этим нам становится понятным доклад, который ген. Людендорф сделал кайзеру в Гомбурге 13 февраля 1917 г.:

„Не следует думать, что нам предстоит наступление такого рода, как в Галиции или Италии; это будет великая борьба, которая начнется в одном месте, а будет продолжаться в другом и потребует много времени; это тяжелая борьба, но она будет победоносной".

Так ген. Людендорф заранее предостерегал от слишком больших ожиданий.

Поэтому-то уже во время подготовки наступления «Михаэль» подготовлялось наступление «Сен-Жорж» и принимались меры к своевременной перегруппировке артиллерии.

Наступление «Сен-Жорж» рассматривалось как второй акт, если бы наступление «Михаэль» не удалось.

К сожалению, главным образом, вследствие недостатка артиллерии,— мы должны были отказаться от диверсий на других фронтах и заменить их демонстрациями. Это причинило нам много вреда. Частичное наступление на Ипре или под Арментьером произвело бы большое впечатление на англичан, которые тревожились всегда за безопасность побережья канала, и сковало бы там английские резервы. Таким путем значительно облегчилось бы наступление «Михаэль».

4. ПОДГОТОВКА К НАСТУПЛЕНИЮ

Вдвойне важна была поэтому неожиданность. Для этой цели прежде всего надо было сохранять в самой строгой тайне все приготовления к наступлению. Даже наши собственные войска должны были узнавать о наших намерениях по возможности позже и в минимальных размерах. Еще 21 января, т. е. за 2 месяца до наступления, было вынесено решение о том, какое именно наступление предпринять. В этом заключалась большая опасность. Поэтому командование группы армий кронпринца Рупрехта еще в течение долгого времени держало армии в неизвестности о том, какой из планов наступления будет осуществлен, и сообщило о принятом решении лишь в течение февраля.

[1] „Kriegserinnerungen", стр. 472.

Был отдан приказ о постепенной переброске сил из двух северных армий во 2-ю и 17-ю армии. Никакие изменения в составе армий на фронте, никакие слухи среди войск на позициях о дальнейших намерениях главного командования, никакие передвижения днем не должны были обнаружить наших намерений относительно наступления. Все грузы выгружались далеко в тылу и были распределены на широком пространстве. Все более или менее значительные маневры производились ночью. Была создана особая обширная организация с целью сохранения тайны. Войска находились под наблюдением. Особенно следили за перепиской. Все мероприятия для сохранения тайны находились под наблюдением и руководством так называемых «офицеров безопасности».

Они были обязаны издавать соответствующие распоряжения, касавшиеся регулирования движения, строжайшей дисциплины в пользовании телефоном даже в тылу, переговоров по радио (чтобы воспрепятствовать появлению таких радиотелеграфных знаков, из которых противник мог бы делать какие-нибудь выводы), маскирования всех новых сооружений от воздушной разведки, образа действий осведомительных штабов, сношения с гражданским населением, обозначения военных служебных пунктов и построек (чтобы затруднить неприятельскую агентурную службу). Ко всякому приказу, касавшемуся подготовки к наступлению, прилагались особы «распоряжения о секретности». Офицер безопасности должен был наблюдать за всеми этими мероприятиями в своем районе. В этой области сосредоточивалась его главная деятельность. В его распоряжении находились офицеры для поручений с автомобилями, воздушные наблюдатели с фотографическими аппаратами и наблюдатели на аэростатах, чтобы следить и днем, и ночью, на земле и в воздухе, за поведением войск, за их деятельностью, за своевременной воздушной обороной военных сооружений, за освещением убежищ и т. д. Они наблюдали за телефонной связью и поручали тайной полевой полиции наблюдать за поведением солдат в ж.-д. поездах и на станциях и за их разговорами о подготовительных мерах к наступлению. Каждый проступок карался строжайшим образом.

В районе фронта наступления нужно было избегать в период подготовки усиленной деятельности самолетов. Нельзя было устраивать новых аэродромов; не допускались ни летная работа на старых аэродромах, ни усиленная разведывательная деятельность и бомбометание, ни появление новых типов самолетов-истребителей. Проведение всех этих мер было очень затруднительно, так как для наступления необходимо было стянуть все свободные воздушные силы со всего остального фронта к трем предназначенным для прорыва армиям, чтобы достигнуть превосходства. В общем было стянуто к трем армиям 62 авиационных отряда, 38 отрядов воздушной обороны, 39 отрядов истребителей и 5 эскадрилий бомбовозов.

Подкрепления были подвезены по возможности позже, а так как для них невозможно было построить помещения, то на

определенных пунктах были приготовлены палатки, которые были разбиты лишь перед самым наступлением. Чтобы дать возможность вспомогательным самолетам ориентироваться в районе наступления и чтобы не перебрасывать целых отрядов, эти самолеты прикомандировывались поодиночке к уже находившимся там отрядам; точно так же поступали и с посланными в подкрепление аэростатами. Были выяснены пункты подъема, а наблюдатели вспомогательных аэростатов прикомандированы к неподвижным аэростатам для ознакомления. Новые отряды аэростатов перебрасывались по возможности позже. До подъема аэростаты были спрятаны ненаполненными. До начала наступления одновременно могли подниматься на воздух только те аэростаты, которые находились в данном пункте.

Значительную роль при артиллерийской подготовке наступления играло применение в широком масштабе химических снарядов. При их помощи выводилась из строя артиллерия и парализовались действия пехоты.

Решающее значение имел новый артиллерийский прием, который давал возможность начинать стрельбу на поражение без предварительной пристрелки. Необходимо вкратце остановиться на этом пункте, ибо многие утверждали, что продолжавшееся и дальше схематическое применение наших приемов наступления привело в июле к неудаче нашего наступления под Реймсом и содействовало этим коренному изменению военного положения.

В прежних материальных сражениях наступлению наших противников большей частью предшествовали многодневная пристрелка и артиллерийская стрельба на разрушение, прежде чем пехота начинала атаку. Если тысяча готовых к наступлению батарей занимается пристрелкой, то возможность неожиданного нападения на врага совершенно исключается, а между тем захватить врага врасплох было весьма существенно. Раз противник имел время стянуть свои резервы, то прорвать неприятельские позиции, пожалуй, возможно, но добиться оперативного прорыва, имеющего решающее значение, очень трудно. В доказательство можно сослаться на наш опыт во время сражения у Камбрэ в ноябре 1917 г., когда англичане без всякой артиллерийской подготовки, при помощи многочисленных танков, неожиданно прорвали наши хорошо укрепленные позиции. К сожалению, мы подобного средства не имели, как уже было указано в первой части настоящего исследования. Поэтому нужно было достигнуть неожиданного удара, открыв утром в день наступления внезапный артиллерийский огонь на поражение без предварительной пристрелки незадолго до того, как двинется в атаку пехота. При помощи одного остроумного приема это оказалось возможным. Этот прием заключался в том, что «особые влияния», т. е. индивидуальные особенности каждого отдельного орудия, были изучены еще позади фронта, а в исключительных случаях и на самом фронте, и поправки на «суточные влияния» (температура и свойства пороха, давление атмосферы, ветер и

атмосферные осадки) были изъяты из ежедневных таблиц атмосферных влияний. Позиции батарей были определены тригонометрически и геодезически и внесены в батарейные планы. В этих планах, составленных самым тщательным образом, имелись все неприятельские позиции, выявленные сухопутной и воздушной разведкой.

Этот новый прием встретил вначале сильные возражения в штабах и в армии. С разных сторон настоятельно требовали предварительной пристрелки и основательной и длительной стрельбы на поражение. Но в таком случае оказался бы невозможным оперативный прорыв. Лишь после того как многократные испытания нового способа в стрелковой школе в Мобеже доказали его пригодность, было дано распоряжение применить его в мартовском наступлении. Этот метод так же блестяще оправдал себя в этом, как и в последующих наступлениях. Позже мы рассмотрим вопрос о том, почему он оказался непригодным во время июльского наступления.

Как было уже указано, наши боевые силы и средства для наступления не были достаточны для того, чтобы мы могли начать где-либо в другом месте диверсионное наступление. Поэтому надо было попробовать оттянуть при помощи мнимых наступательных операций неприятельские резервы в ложном направлении.

Верховное командование выработало для всего Западного театра военных действий обширный план введения неприятеля в заблуждение, в основу которого была положена мысль, будто мы находимся на английском фронте в состоянии обороны и собираемся начать главное наступление против французов между Реймсом и Аргоннами и под Верденом при вспомогательном наступлении на р. Эн и в Эльзас-Лотарингии. Кроме того, англичане должны были быть удержаны на северном фронте демонстрациями наших 4-й и 6-й армий.

Такие попытки обмана чрезвычайно трудны и могут достигнуть цели только тогда, когда не только неприятель, но и наши собственные войска и население верят в серьезность наших намерений. Неловкие попытки обмануть, сделанные при помощи недостаточных или неподходящих средств, очень легко разгадываются и приносят больше вреда, чем пользы. Лучшее средство, предложенное верховным командованием, заключалось в том, чтобы в каждой войсковой части по всему фронту, вплоть до стрелковых окопов, вызвать такое чувство, словно наступление произойдет именно у них.

Для проведения мнимых операций были составлены точные планы и хронологические таблицы и назначены для этого отдельные дивизии. Продвижение вперед подкреплений и артиллерии, усиленная пристрелка и радиотелеграфирование, эвакуация жителей, подвоз боевых припасов, мнимое развертывание артиллерии и минометов, усиленная деятельность самолетов и аэростатов, усиленная разведка на фронте, продвижение пехоты на позиции для наступления, обстрел химическими снарядами не-

приятельских батарей — все это было проведено на основании хронологических таблиц и достигло кульминационного пункта за несколько дней до начала мартовского наступления. Как выяснится позже при изложении положения противника, все эти меры имели успех, и французы даже после начала мартовского наступления верили в наступление в Шампани.

Гигантская работа, которую должны были проделать штабы и войска для подготовки наступления, с трудом поддается описанию, даже если не входить в подробности. Здесь мы можем указать только на объем этой работы.

Она включала в себя главным образом следующее:

а) устройство дорог, подъездных путей, полевых железных дорог и вокзалов;

б) организацию сети связи для военного командования, артиллерии и самолетов;

в) определение путей подхода, позиций для дежурных частей и участков атаки для дивизий;

г) организацию командных пунктов и наблюдательных вышек для командующих лиц;

д) оборудование аэродромов и убежищ для вспомогательных самолетов; приготовление палаток.

Особенно большой работы требовали развертывание и снабжение боевыми припасами артиллерии и минометов. Прежде всего требовалось иметь точный учет потребностей в боевых припасах; затем эти припасы необходимо было подвезти и доставить на позиции. Для артиллерии имелся всегда 4-дневный запас, что составляло для одной только армии 3 млн. снарядов. Для доставки боевых припасов требовалось 6 ночей, для доставки орудий на заранее намеченные позиции — 4 ночи.

Во избежание несчастных случайностей с весьма гибельными для проведения этих мероприятий последствиями требовались самые точные распоряжения.

Пехотные дивизии сначала размещались далеко позади с таким расчетом, чтобы их можно было быстро перебросить на позиции в несколько последних ночей.

Для подвоза штабов, войск и формирований было выработано точное расписание, по которому отдельные части, в зависимости от надобности в них, должны были быть доставлены группами в период времени от конца февраля до 20 марта в следующей последовательности:

а) штабы корпусов, командиры артиллерии, части связи и т. д.;

б) начальники штабов дивизий, штабы артиллерии, штабы саперных войск, колонны артиллерийского транспорта, автомобильные парки и т. п.;

в) вся артиллерия, зенитная оборона, крепостные строительные и дорожные роты, самолеты, аэростаты, прожекторы и пр.;

г) дивизии, ремонтные депо, понтонно-мостовые парки, продовольственный транспорт, санитарные отряды, полевые лазареты и пр.

Если кроме того принять во внимание, что для наступающей армии необходим 16 — 20-дневный запас продовольствия, то можно себе представить, какая работа выпала на железные дороги. Требовались огромные транспорты для доставки всякого рода боевых средств, необходимых как для наступления, так и для дальнейшего продвижения вперед. Нужно было изменить всю систему снабжения еще задолго до начала наступления. Если до тех пор, главным образом, нужен был строительный материал для возведения позиции, колючая проволока, деревянные балки, цемент, гравий и пр., то теперь требовался материал для нужд наступления. Все это нуждалось в самой тщательной обдуманности и централизации снабжения.

Таким образом ежедневная транспортная масса, доставлявшаяся по ширококолейным дорогам и перебрасывавшаяся оттуда по подъездным путям и полевым железным дорогам на фронт трех наступавших армий, поднялась до 25 000 т в 60 ширококолейных ж.-д. составах.

Необходимо было также позаботиться о снабжении во время движения вперед после удачного прорыва. Нужно было считаться с тем, что неприятельская ж.-д. сеть окажется сильно разрушенной. Поэтому надо было заранее заготовить материал для восстановления ширококолейных и полевых железных дорог, для баласта, для платформ, водопроводных станций, для сооружения мостов и пр. Было собрано 60 ж.-д. рот, 48 строительных рот и других рабочих команд — в общей сложности около 36 000 чел.

К сожалению, наступление должно было вестись па местности, изрытой воронками еще во время прежних боев, и нужно было позаботиться о быстром исправлении дорог для подвоза снабжения. Были доставлены дорожно-строительные роты, щебень и мостовое оборудование. Специальные дорожные коменданты при помощи караульных и полицейских команд должны были наблюдать за порядком на путях походного движения. Были организованы подвижные этапные комендатуры, которые должны были собирать отстававшие части и поддерживать порядок позади фронта. Был выработан точный план доставки продовольствия и боевых припасов. Надо было принять специальные меры для водоснабжения во время движения 2-й и 17-й армий по местности, бедной водой.

Одной из труднейших задач главного командования в течение зимы 1917/18 г. были о р г а н и з а ц и я и п о д г о т о в к а армии к наступлению. К сожалению, оказалось возможным в достаточной степени снабдить пополнениями, лошадьми, средствами передвижения и пр. только 56 дивизий — так называемых ударных, или маневренных, дивизий. Но это было достигнуто за счет позиционных дивизий, которые в значительной степени утратили в результате этого свои маневренные свойства; в этом заключался явный вред.

В течение зимы 1917/18 г. ударные дивизии и части полевой и тяжелой артиллерии снимались поочередно с фронта

для отдыха и подготовки в возможно лучших условиях в тылу и отсылались затем обратно. После многолетней позиционной войны и оборонительных сражений войска должны были подготовиться опять к наступлению и к маневренной войне. Были составлены учебные планы для 4-недельного отдыха; специальные учебные корпусные штабы наблюдали позади фронта за общим ходом подготовки. В Валансьене при учебной дивизии были организованы специальные курсы для начсостава. Изданный верховным командованием устав о «Наступлении в позиционной войне» оказался очень полезным.

При тактическом обучении пехоты обращалось внимание, главным образом, на решительное продвижение вглубь района наступления и на сотрудничество с артиллерией. Боевые методы и вооружение пехоты постепенно изменились. Пехота сражалась стрелковыми отделениями: главными носителями огневого боя стали пулеметы. При наступлении нужно было совершенствоваться в применении легкого и станкового пулеметов, легких минометов и пехотных орудий. Относительно применения средних и тяжелых минометов нужно было дать определенные указания. Весьма важно было сотрудничество с пехотными самолетами и с истребителями; много труда было затрачено на обучение подвижному заградительному огню.

Пехота должна была следовать по возможности вплотную за предварительным заградительным огнем артиллерии, которая прокладывала ей путь. «Огневой вал» не должен был ни слишком быстро двигаться вперед и отдаляться от пехоты, ни препятствовать движению пехоты слишком медленным продвижением. Было сделано очень много опытов для регулирования движения заградительного огня при помощи световых сигналов или часов, пока не был выработан удовлетворительный метод.

В артиллерии кроме того важно было еще целесообразное распределение батарей для борьбы против неприятельской артиллерии, для обстрела позиций и для поддержки своей пехоты. Особенно важно было быстрое продвижение артиллерии после удачного прорыва.

Организация и вооружение частей должны были быть приспособлены к новым требованиям.

В пехоте нужно было урегулировать: прикомандирование и доставку легких минометов и легких пулеметов; распределение пехотных орудий и гранатометов; снабжение патронами, патронными повозками, гранатами и ракетными пистолетами; сокращение снаряжения; состав боевого и тяжелого обозов; расчет и доставку дополнительного количества повозок и лошадей.

В артиллерии необходимо было организовать распределение полевой и тяжелой артиллерии по дивизиям, а также снабжение повозками для боевых припасов и запряжками для всех видов повозок.

Чтобы обеспечить пополнение и снабжение во время маневренной войны, надо было обратить особое внимание на парки и обозы. К сожалению, работоспособность лошадей была очень

ослаблена вследствие постоянного недостатка корма. Лишь с 1 марта возможно было дать им добавочные концентрированные корма. Поэтому пришлось уменьшить предельный груз повозок, тем более, что им предстояло двигаться по плохим дорогам. К каждой дивизии было прикомандировано определенное количество парков. Кроме того, нужно было определить число транспортов с боевыми припасами и продовольствием, с инженерным имуществом и санитарными отрядами.

Все меры должны были приняты для того, чтобы можно было пройти местность, изрытую воронками, в кратчайший срок. Для этого служили доски, мостовые настилы и фашины, а к артиллерии были прикомандированы небольшие саперные отряды.

Состав дивизий надо было заново установить. Нужно было придать дивизиям кавалерию, легкую и тяжелую артиллерию, инженерные роты, телефонные и радиотелеграфные команды, санитарные отряды и полевые лазареты, транспорты боевых припасов и продовольствия, дорожно-строительные роты.

Штабы и войска были снабжены хорошими картами. К сожалению, как уже было указано в первой части настоящей книги, нам недоставало танков — этого весьма ценного орудия для наступления.

Мы считали необходимым дать сжатое изложение тех соображений, которые привели к большому мартовскому наступлению, и тех приготовлений, которые были для этого нужны.

Поразительное организационное и тактическое достижение состояло в том, что 3 армии удалось переключить с обороны на наступление и к 21 марта прекрасно их обучить, вооружить, снабдить и привести в полную боевую готовность. В этом — личная заслуга ген. Людендорфа, который проделал всю эту работу благодаря своему необыкновенному организаторскому таланту и своей огромной трудоспособности и необычайной силе воли. Он без устали работал, чтобы при помощи письменных инструкций, устройства опытов и учений, а также советов опытных военачальников найти наиболее целесообразное решение возникавших вопросов. Его заслуги в этом отношении слишком малоизвестны и недостаточно оценены, но эти заслуги хорошо известны всем принимавшим участие в наступлении. Все штабы оказывали посильное содействие усилиям ген. Людендорфа.

Военный критик полк. Риттер утверждает, что весною 1918 г. удалось лишь «воспитать боевое воодушевление». Позиционная война привела, по его мнению, «к гибели мысли о наступлении и поколебала в то же время краеугольный камень дисциплины — повиновение».

Ген. Мозер[1] также утверждает, что 1917 г. надломил внутреннюю силу Западного фронта; что значительная часть военачальников, как и вся армия, несколько отупела под влиянием не-

[1] „Kurzer strategischer Überblick über den Weltkrieg", стр. 93 и далее.

скончаемой позиционной войны и что способность к порыву была парализована. По словам ген. Мозера,

„германская наступательная армия 1918 г. походила на топор, рукоятка которого, вследствие слишком долгого и усердного употребления, обнаружила множество трещин и царапин, замазанных только для вида, а острие было лишь слегка отточено для нового употребления. Но таким оружием можно было нанести очень мало ударов“.

Если эти утверждения были правильны, то германское наступление базировалось на очень слабых основаниях. Поэтому вопрос о том, стояли ли армии весною на высоте своей задачи, имеет первостепенное значение для выяснения причин неудачи нашего наступления. Необходимо, следовательно, подробнее остановиться на всей предварительной работе, на организации, обучении и состоянии армии.

Армия, готовая к наступлению в марте 1918 г., совершенно не походила на армию 1914 г. Армия, с которой мы начали кампанию в 1914 г., была несомненно самой блестящей в мире. Это откровенно признает даже противник. Нет ничего удивительного в том, что $3\frac{1}{2}$ года тяжелой борьбы не прошли бесследно для армии. В первой части книги было уже указано на недостатки армии: печальное положение с комплектованием, ограниченная маневренность, недостаток танков, горючих и смазочных веществ. Оба вышеупомянутых критика правильно указывают на то, что пополнения приходили из тыла уже зараженные нежелательными идеями и что зародыши разложения начали проникать в организм армии. Нельзя также отрицать того, что весьма понятное стремление избавиться от невыносимых лишений окопной войны и от потрясающего действия ураганного огня при оборонительных боях весьма существенно содействовало стремлению армии к наступлению. Но в общем армия весною 1918 г. была еще превосходна.

Пылкое воодушевление 1914 г. уступило место серьезному чувству долга. Каждый человек на фронте был убежден в том, что наступил решительный момент и что отечество рассчитывает на него. Мысль о том, что мы превращались из наковальни в молот, вызывала величайший подъем и удвоила силы армии. Все трудности окопной войны были забыты и всякий стремился из окопов, чтобы принять участие в штурме. Оружие, хотя оно и имело зазубрины, было не «слегка отточено», а достаточно отточено для того, чтобы нанести англичанам самое тяжелое поражение, какое они когда-либо испытывали. Кто видел армию во время наступления, тот навсегда сохранит об этом неизгладимое впечатление.

Организацию такой боеспособной армии весной 1918 г.,— после всего, что этому предшествовало,— нужно считать одним из величайших подвигов верховного командования и особенно ген. Людендорфа.

Можно лишь присоединиться к тому, что говорит о тех незабываемых мартовских днях кронпринц Вильгельм в своей книге «Мои воспоминания о героической борьбе Германии»:

„После двух лет утомительной обороны в окопах Западного театра впервые пробил час освобождения для сынов Германии — прозвучал приказ к наступлению для решительной борьбы в открытом поле. Как бы освободившись от громадной тяжести, наша пехота вышла из окопов и, опрокидывая в своем беспримерном одушевлении всякое сопротивление, перешагнула через неприятельский оборонительный фронт. Еще раз проявили свои качества наша довоенная выучка, физическое и моральное превосходство наших офицеров и рядовых, дисциплина и германский дух, образцовая подготовка и работа нашего командования...

Всюду вокруг моего автомобиля, который с трудом прокладывает себе путь, веселые лица, ликование и приветствия, непреодолимое стремление вперед, живое биение пульса победоносной армии, которая знает только один закон: вперед, навстречу врагу!".

5. ХОД МАРТОВСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ

Здесь речь будет итти не о тактических подробностях «великого сражения во Франции», а о ходе событий в общих чертах, из которых для нас будут выясняться намерения командования по мере развития операций. Необходимо рассмотреть, в какой степени силы, которыми мы располагали, соответствовали этим намерениям и почему намеченная цель не была достигнута.

21 марта в 4 ч. 40 м. утра артиллерия начала подготовку к наступлению, а в 9 ч. 40 м. утра пехота пошла в атаку.

Оперативная цель наступления была ясна из приказов верховного командования. Центр удара приходился на группу армий кронпринца Руппрехта, которая в случае удачного прорыва должна была вместе с 17-й и 2-й армиями оттеснить английский фронт в северо-западном направлении, в то время как 18-я армия из группы германского кронпринца должна была прикрывать фланг операций на Сомме выше Перонн и канала Кроза.

В первые же дни выяснилось, что 17-я армия натолкнулась на упорное сопротивление и могла продвигаться вперед лишь с большим трудом и с тяжелыми боями. В центре фронта 2-я армия продвигалась значительно быстрее. Неожиданно крупных успехов добилась 18-я армия, которая наткнулась, повидимому, на самое слабое место противника.

Уже 22 марта левый фланг этой армии достиг канала Кроза, а 23-го перешел через канал и дошел до р. Соммы. Левое крыло 2-й армии также достигло Соммы между Перонн и Сен-Крист, тогда как ее правое крыло и левое крыло 17-й армии к востоку от Бапома значительно отстали.

Верховное командование было поставлено перед трудной задачей: следовало остановить победоносное движение 18-й армии для того, чтобы, усилив напор, добиваться решительного успеха на правом крыле, несмотря на предстоявшее сильное сопротивление неприятеля, или же тактическое положение вынуждало изменить первоначальный план.

Первый толчок к такому изменению был дан многократными переговорами 18-й армии и группы германского кронпринца с верховным командованием. В основном приказе верховного командования о наступлении от 10 марта группе армий германского кронпринца было поручено прежде всего овладеть Соммой южнее ручья Оминьон и достигнуть канала Кроза.

Дальше в приказе однако говорилось:

„В случае быстрого продвижения 18-я армия должна овладеть переправами через Сомму и канал".

Следовательно, здесь содержалось указание на возможность дальнейшего продвижения. Поэтому группа армий германского кронпринца приказала 18-й армии пробиться до Соммы и

„для дальнейшего продвижения овладеть переправами между Сен-Крист и Терньи".

Командование 18-й армии развило эту мысль 15 марта в виде следующего предложения:

„После перехода через Сомму и канал Кроза задача 18-й армии будет заключаться в том, чтобы привлечь против себя французские резервы, предназначенные для подкрепления англичан, разбить их и прервать связь между англичанами и французами. Нужно полагать, что французы двинут значительные резервы на ж.-д. участки Рой—Шон и Мондидье—Амьен, чтобы выставить их затем ниже Перонн против фланга 2-й армии и против фронта 18-й армии. Даже в случае значительного наступления на французском фронте французы не откажутся от намерения непосредственно поддерживать англичан. Кроме того для защиты правого фланга вплоть до канала Кроза и Соммы будут, вероятно, двинуты дальнейшие силы на Шон—Нуайон по железной дороге Компьень—Нуайон. Передвижение войск начнется, как только обнаружится наша боевая деятельность с целью маскировки на тех участках фронта, на которых мы не ведем наступления; это должно случиться не позже, чем на второй день наступления.

Поэтому от 18-й армии требуются быстрые и решительные действия как при овладении участком фронта на Сомме и у канала Кроза, так и при дальнейшем продвижении. Чем раньше армия достигнет линии Шон—Рой, тем более она может рассчитывать настигнуть французов еще в период их развертывания и тем благоприятнее сложатся для нее условия во время маневренной войны".

Группа армий кронпринца предложила 18 марта верховному командованию этот план наступления 18-й армии и прибавила, что эта операция подготовлена приказом группы армий, данным 18-й армии (приказ этот касался необходимости овладеть переправами через Сомму и через канал с целью дальнейшего продвижения).

„Чем сильнее будет французское противодействие группе армий Руппрехта, тем сильнее поразит французов предложенная операция. Противник очень скоро поймет ее решающее значение и увидит, что его столица находится под угрозой; поэтому надо рассчитывать на его сильнейшее противодействие и потому ввести в дело для этой операции больше сил".

Верховное командование не сделало никаких изменений в своих основных приказах. Возможность продвинуться за Сомму и канал Кроза предусматривалась распоряжением овладеть переправами. Было вполне целесообразно подготовиться ко всяким случайностям. В зависимости от хода наступления надо было решить, следовало ли дать движение мысли, выдвинутой 18-й армией и группой германского кронпринца. Из телефонного разговора от 20 марта между ген. Людендорфом и штабом группы кронпринца Руппрехта ясно, что верховное командование обсуждало мысль о наступлении 18-й армии через Сомму и канал. В этом разговоре Людендорф изложил свои соображения о дальнейших задачах армий и их совместных действиях, если будет

достигнут крупный успех. Тогда 18-я армия должна была продвинуться на Брей — Нуайон, 2-я — на Дулан — Амьен, 17-я — в направлении на Сен-Поль. Здесь уже намечены те направления, которые были фактически указаны армиям 23 марта.

Такое расчленение операций по трем направлениям, как говорил ген. Людендорф, было мыслимо лишь в том случае, если был достигнут значительный успех, т. е. если бы противник был разбит по всему фронту. Но и тогда нужно было взвесить, располагали ли мы достаточными силами для таких широких операций. Во всяком случае такое наступление указывало на существенное изменение первоначального оперативного плана.

23 марта не было еще тех условий, с которыми ген. Людендорф связывал выполнение подобной операции. Продвинулись вперед только центр и левый фланг, правый же фланг южнее Арраса повис в воздухе. Положение было, следовательно, совсем иное. Вопрос заключался лишь в том, следовало ли использовать крупный успех 18-й армии, чтобы при ее дальнейшем продвижении увлечь вперед центр и правое крыло.

23 марта в 9 ч. 30 м. утра верховное командование отдало следующий приказ:

„17-я армия энергично наступает в направлении Аррас—Сен-Поль; ее левое крыло—в направлении Миромон; направление походного движения 2-й армии — Миромон — Лион. 18-я армия, построенная глубокими эшелонами, направляется к Шон — Нуайон и выводит крупные силы на Гам".

В беседе ген. Людендорфа с начальниками штабов групп армий кронпринца Руппрехта и германского кронпринца 23 марта в Авене (Avesnes) были сделаны дальнейшие сообщения о точке зрения и намерениях верховного командования. Они заключались в следующем (5).

„Значительная часть английской армии разбита. Можно считать, что у англичан имеется еще около 50 дивизий; теперь больше нет оснований считать, что французы еще в состоянии предпринять диверсионное наступление; они вынуждены оставаться перед фронтом „Михаэль". Французы располагают приблизительно 40 дивизиями.

Цель нашей операции заключается теперь в том, чтобы отделить французов от англичан при помощи быстрого движения вперед по обеим сторонам Соммы. 17-я и 6-я армии, а также и 4-я армия, ведут наступление против англичан севернее Соммы, чтобы оттеснить их в море. Поэтому они атакуют все новые и новые пункты („Марс", „Валькирия" и пр.), чтобы поколебать весь английский фронт. 17-я армия избирает главное направление на Сен-Поль и пробивается левым флангом на Дулан (Doullens) в направлении на Аббевиль. Южнее Соммы наступательные операции ведутся против французов: проникнув сквозь линию Амьен — Мондидье—Нуайон, наступление продолжается в юго-западном направлении. Для этой цели 2-я армия должна наступать по обеим сторонам Соммы, имея главное направление на Амьен и сохраняя тесную связь с 18-й армией".

Таким образом верховное командование решилось на полное изменение своего плана. До тех пор главный удар должны были нанести англичанам 2-я и 17-я армии, а 18-я армия должна была служить прикрытием этой операции против французов. Теперь нужно было разъединить англичан и французов и одновременно их атаковать. Это вынуждало перенести всю линию наступление влево.

2-я армия должна была продвигаться по направлению к Амьену по обеим сторонам Соммы,— а не только севернее Соммы, как было предписано раньше,— с целью разъединить французов и англичан.

17-я армия должна вести наступление против англичан в северо-западном направлении. Ее объекты удалены на большое расстояние в направлении Сен-Поль — Аббевиль.

18-я армия не сменяет более 2-й армии на участке Перонн — Сен-Крист, расположенном на Сомме, а переходит Сомму и канал в районе Сен-Крист — Ла-Фер, чтобы повести наступление на приближавшихся французов на Шон — Нуайон в юго-западном направлении.

Таким образом линии наступления расходились лучеобразно к северо-западу, западу и юго-западу. Как замечает в своих «Воспоминаниях о войне» ген. Людендорф, операция теперь значительно расширилась. Возникало опасение, не был ли взят слишком широкий масштаб и не угрожала ли опасность распыления сил.

Поэтому приведенное решение встречало много возражений. Находили, что было бы лучше сохранить старый оперативный план. Если бы мы оставались на левом фланге на Сомме в состоянии обороны, то освободившиеся там силы могли бы быть переброшены к 2-й армии, чтобы заставить ее продвинуться вперед и увлечь таким образом также и 17-ю армию.

Но против этого возражали, заявляя, что подобное передвижение сил отняло бы слишком много времени и легко могло бы закончиться слишком поздно. 18-я армия, очевидно, наткнулась на слабое место неприятельского фронта. Если бы крупный успех этой армии оказался неиспользованным, то легко могло бы случиться, что вся операция на обоих флангах должна была приостановиться.

Приходится поэтому согласиться с решением, которое приняло верховное командование в этом крайне затруднительном положении. Трудность положения объяснялась первоначальными установками оперативного плана. К сожалению, из-за недостатка артиллерии правое крыло фронта наступления не могло быть дотянуто до Арраса и задерживалось там сильными неприятельскими позициями. Наоборот, 18-я армия была заранее усилена, а вскоре после начала операций еще более подкреплена резервами. Таким образом пункт главного удара передвинулся, и теперь наиболее целесообразно было наилучшим образом использовать успех, достигнутый центром и левым крылом. Но тут надо было считаться с опасностью распыления сил. Пришлось отказаться от первоначальной мысли: сосредоточить все силы в одном месте для решающего удара, ограничиваясь в других пунктах лишь обороной.

Ближайшие дни принесли значительные успехи на внутренних флангах 17-й и 2-й армий, а 18-я армия продвигалась неудержимо вперед и взяла 26 марта Руа — Нуайон.

26-го вечером последовал приказ верховного командования, означавший дальнейшее расширение и без того слишком широких границ операций. 17-й армии было повторено приказание пробиваться дальше на Дулан — Сен-Поль. Но это наступление должно было быть расширено на правом фланге наступлением «Марс» (наступление на Аррас по обе стороны Скарпы); 6-я же армия должна была присоединиться к наступлению в северном направлении до Ланса.

Главные силы 2-й армии должны были пойти навстречу французам, а ее левый фланг, как и вся 18-я армия, должен был направиться в юго-западном направлении на Авр. Перед армиями были поставлены очень отдаленные цели: перед 6-й армией — Булонь, перед левым крылом 18-й армии — Компьен. На Уазе принять участие в наступлении должна была также и 7-я армия с задачей продвинуться до р. Эн.

Наступательная сила армий для выполнения всех этих задач, как вскоре обнаружилось, оказалась недостаточной.

Но едва ли можно порицать решение от 26 марта, если принять во внимание, что 23 марта было решено вступить на новый путь, перенести главный удар влево и расширить район наступления. Впоследствии высказывались мнения, сводящиеся к тому, что верховное командование должно было 26 марта ограничиться наступлением на правом фланге, отказаться от наступления «Марс» и от наступления дальше к северу, чтобы при помощи всех имевшихся сил нанести удар на Амьен с целью отрезать англичан от французов. Нужно было отказаться от намерения уничтожить весь английский фронт... Но это еще большой вопрос, удалось ли бы такое клинообразное продвижение на Амьен, если 17-я армия так сильно отстала, а противник не был скован в северном районе под Аррасом. Мы не можем поэтому осуждать попытки достигнуть очень крупной цели при помощи напряжения всех сил. Крупные перегруппировки сил были в тот момент уже невозможны. Поэтому прежде, чем отказаться от наступления, пришлось испытать крайнее средство, какие бы опасения ни вызывали новые планы.

Трудности дали себя почувствовать очень скоро. Хотя 18-я армия и достигла 27 марта Мондидье, но 17-я армия, вследствие упорного сопротивления противника, добилась весьма незначительного успеха. Поэтому ее наступление было приостановлено до тех пор, пока наступление «Марс» не принесло бы известных результатов. Но наступление «Марс» наткнулось на подготовленного противника и 28 марта окончилось неудачей к северу от Скарпы, а к югу от Скарпы имело очень ограниченный успех. Предполагавшееся расширение к северу пришлось оставить. Общее наступление против англичан, бывшее первоначально главной целью, рухнуло. После этого 17-я армия должна была лишь сковывать англичан.

Было подготовлено новое наступление на р. Лис в направлении на Хазебрук — сокращенное по размерам наступление «Сен-Жорж» и потому названное «Жоржет». Последним объек-

том на Сомме, достижения которого надо было добиваться с крайним напряжением сил, был важный ж.-д. центр — Амьен, являвшийся главным пунктом связи между англичанами и французами. Сюда было направлено наступление 2-й армии южнее Соммы, в то время как 18-я армия должна была продвинуться дальше в юго-западном направлении.

30 марта наступление приостановилось повсюду (6), пришлось отказаться от содействия 7-й армии. Противодействие противника повсюду усилилось. Следовало ли совсем прекратить наступление или же возобновить его через несколько дней? Шансов на успех было мало, и наступление явно завязло. На этот случай уже заранее было предусмотрено не тратить сил в бесполезных кровопролитных боях, а возможно скорее перегруппироваться для наступления в другом месте.

Но верховное командование упорно не желало отказаться от своей последней задачи. На войне упорство нередко приводило к успеху в последний момент, когда почти всякая надежда была потеряна. Ведь мы не знаем, что делается у противника — может быть и у него силы приходят к концу. Но лишь к 4 апреля могли быть закончены приготовления, подвезены новые дивизии и пополнены боевые припасы. Противник тоже использовал это время. На неожиданность рассчитывать больше нельзя было; сопротивление противника становилось особенно упорным именно у Амьена, значение которого на стыке французских и английских линий прекрасно сознавал новый главнокомандующий боевых сил Антанты. Поэтому наступление осталось без результата, свежих сил в распоряжении не было, и борьба вела только к дальнейшей значительной трате сил. Ввиду этого теперь пришлось отказаться также и от Амьена.

Конец боев застал наши армии, особенно на Авре, на очень невыгодных позициях, что привело к весьма крупным потерям.

Стратегически наступление не удалось, но тактический результат его был очень велик. Наступавшие армии в течение нескольких дней проникли вглубь неприятельских позиций на 60 км, значительно глубже, чем когда-либо удавалось проникнуть англичанам и французам во время материальных сражений, длившихся целые месяца. Добыча была огромная; было взято в плен 90 000 чел. Наступательные действия были блестящи, войска дрались превосходно. Но большая тактическая победа стоила и больших потерь; в дело было пущено около 90 дивизий. Это была та тень которая омрачала нашу победу.

Лишь теперь, — после того как мы познакомились из обнародованных материалов наших противников с их положением в последние дни марта 1918 г., — мы можем составить себе понятие о значении этой победы и о том тяжелом потрясении неприятельского фронта, которое она вызвала. Нехватало очень малого для окончательного прорыва. Этого не следует забывать, когда осуждают упорную настойчивость военачальника при достижении своей цели. «Побеждает тот, кто имеет моральную волю к победе», сказал принц Фридрих-Карл в пояснение своего реше-

ния возобновить наступление вечером 16 августа 1870 г. на поле сражения при Вионвиле. Наполеон только потому выиграл сражение при Прейсиш-Эйлау, что остался на поле сражения на всю ночь, несмотря на то, что он уже решился на отступление. Противник оказался малодушным и в течение ночи отступил.

Поэтому, чтобы изменить масштаб нашей победы, надо познакомиться с положением противника.

Германское наступление совершенно уничтожило 5-ю английскую армию. С английской стороны на это поражение указывают как на самое крупное, которое они когда-либо потерпели. Между англичанами и французами образовалась широкая брешь. Фельдм. Хэйг собирался отступать к морю, а ген. Петэн думал прежде всего о защите Парижа. Уже были приняты подготовительные меры к эвакуации Парижа и к погрузке на суда английской армии. Ожидали отделения английской армии от французской. По свидетельству фельдм. Хэйга и ген. Манжена, германцы могли бы вбить клин между французской и английской армиями, если бы они располагали несколькими кавалерийскими дивизиями, которые проникли бы в образовавшуюся брешь и использовали положение. «Расстояние, отделявшее германцев от окончательной победы, можно было измерить шагами», говорит англичанин Райт.

Здесь повторилось явление, имеющее место во всех коалиционных войнах: в минуту крайней опасности каждый из союзников думает только о своих интересах. Нужно поэтому считать поворотным пунктом в войне то обстоятельство, что в эту тяжелую минуту Антанте удалось создать единое верховное командование. Передача ген. Фошу 26 марта руководства всеми операциями имела решающее значение для войны. Именно ему Антанта должна быть благодарна за то, что удалось подчинить противоречивые интересы входящих в нее держав одной высшей и единой цели, что удалось заполнить брешь и организовать отпор на стыке французской и английской армий. Таким образом Амьен был спасен. Очень жаль, что нам не удалось во время войны достигнуть твердого, безусловного и единого руководства. От этого страдали наши операции и в предыдущие годы, и в 1918 г.

6. ОЦЕНКА МАРТОВСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ

Германское мартовское наступление имело исключительно важное значение для исхода войны. Вполне понятно поэтому, что военная критика у нас и за границей уделяет ему большое внимание.

Прежде всего возникает вопрос, было ли необходимо вообще это наступление и нельзя ли было в начале 1918 г. положить конец войне при помощи мирного соглашения? Ген. Людендорф стал на ту точку зрения, что «в этой войне дело шло только о победе или поражении; принимая во внимание стремление врага к уничтожению, среднего выхода не было». Насколько обосновано это мнение? Мы не можем здесь заниматься выяснением

вопроса о том, каковы были перспективы достигнуть соглашения дипломатическим путем и почему не были использованы имевшиеся тогда возможности. Но пока не удалось привести никаких доказательств того, что в начале 1918 г. Антанта была готова к соглашению.

Все, что стало за это время известно о намерениях противника, скорее подтверждает правильность точки зрения Людендорфа. Этот вопрос будет подробнее рассмотрен в третьей части настоящего исследования. Напомним вкратце лишь о том, что с 15 ноября 1917 г. во главе французского правительства находился Клемансо — человек, олицетворявший собой идею уничтожения и явившийся выразителем единой воли всей нации; человек, который в своей внутренней и внешней политике думал только о «войне до последнего вздоха». В один из труднейших для Франции моментов, когда Париж находился под угрозой, Клемансо на заседании палаты 4 июня 1918 г. воскликнул:

„Мы победим, если власти будут на высоте своей задачи. Я буду драться под Парижем, в самом Париже и за Парижем!“.

В то время как германский рейхстаг принял 19 июля 1917 г. известную резолюцию о мире, французские палата и сенат выразили в июне того же года свою твердую решимость вести войну вплоть до достижения широких военных целей. Они были уверены, что длительный мир возможен только после победы армий Антанты.

Все это мало похоже на желание притти к соглашению. Наше предложение мира от 12 декабря 1917 г. было понято как признак слабости.

Французский военный писатель Корда отмечает в своей истории мировой войны, что настроение Антанты к концу 1917 г. было очень воинственным.

„В противоположность интригам и темным манипуляциям Германии, находившейся в страхе и нужде, но требовавшей под давлением прусского милитаризма заключения мира без компенсаций, у Антанты к концу 1917 г. все больше укреплялась твердая решимость продолжать борьбу до победы, несмотря на разгром России, и с тем большим единением добиваться мира, основанного на праве и справедливости“.

Точка зрения германского верховного командования к началу 1918 г. в том виде, в каком ее высказал Людендорф, была таким образом вполне обоснована. С военной точки зрения главнокомандующий не мог мыслить и действовать иначе, если политические руководители не указывали ему никакого другого надежного пути для окончания войны. А что этот путь существовал, пока ничем не доказано.

Поэтому решение Германии начать наступление весною 1918 г. признается иностранной критикой вполне обоснованным. Наступление было лучшим решением вопроса, пока не прибыли в полном составе американцы.

„Если бы немцы не начали наступления,—рассуждает начальник французского генерального штаба ген. Бюа.—Антанта подождала бы, пока с прибытием американцев она не достигла бы превосходства и пока промышленность не сдала бы заказанного годом раньше огромного количества военных материалов. Немцы выиграли бы время, что имело для них большое значение. Но тогда Антанта получила бы возможность истощить рядом последовательных наступлений германские резервы и добиться такого положения, при котором ничто не могло бы ей помешать достигнуть последнего успеха".

„Вера в самого себя,—говорит один французский военный критик,—и вера в германскую армию, а также политическая необходимость кончить скорее войну заставили Людендорфа решиться на риск, хотя он и предвидел все трудности прозорливым оком своего военного гения"[1].

Как нам теперь известно, французский главнокомандующий ген. Петэн решил ограничиться в 1918 г. обороной. В одном из циркуляров от 22 декабря 1917 г. он подчеркивает, что Антанта лишь тогда достигнет численного превосходства, когда в достаточном количестве прибудут американские войска. До того времени необходимо держаться выжидательно, твердо решив перейти при первой возможности в наступление, которое одно только и может привести к конечной победе. Ген. Петэн был твердо убежден, что исход войны не внушает никаких сомнений, если Антанта дождется безусловного численного и технического превосходства.

Таким образом мы никак не могли ограничиться обороной и выжидать, что предпримут наши противники. Частичные наступления могли лишь ослабить наши силы, не принося окончательного решения и не ослабляя стремления наших противников уничтожить нас. Оставалось только решительное наступление с целью добиться окончательной победы.

Конечно, возможность совершенно уничтожить противника должна была казаться сомнительной, но мы имели основания сделать попытку к этому. Боевое счастье ненадежно. Во всяком случае мы имели полное основание надеяться, что нанесем врагу такой тяжелый удар, что наше военное положение значительно улучшится, а противники станут более склонны к миру. Какую бы цель ни преследовал полководец — уничтожить ли врага или сделать его склонным к миру, — средство оставалось одно и то же: он должен был стремиться к решительной победе, связанной с возможно более широким оперативным эффектом.

Военная критика большей частью одобряет решение верховного командования начать наступление на англичан. Наступление на Верден было, правда, тоже привлекательно, но именно здесь можно было ожидать очень упорного сопротивления. Если бы даже удар и удался, то еще вопрос, оказался ли бы он решающим для войны и побудил ли бы он англичан заключить мир. Если бы дело дошло до операций в открытом поле, то нужно было бы считаться с тем, что французы были в них гораздо искуснее, чем англичане.

---

[1] „Revue militaire générale" 15/III 1922.

Целью операции против английского фронта был захват побережья канала. Мы уже указали раньше, какие серьезные последствия имел бы подобный успех. Вопрос заключался только в том, в каком пункте начать наступление на англичан. Рассматривались, главным образом, два направления наступления: «Михаэль» под Сен-Кантэном и «Сен-Жорж» во Фландрии. Было очень много споров о том, какое направление сулит больший успех; и то и другое направления имели свои преимущества и неудобства. Более поздняя критика склоняется к тому, чтобы отдать предпочтение наступлению во Фландрии.

Действительно, очень многое говорило в пользу этого направления. Можно было надеяться нащупать под Армантьером слабый пункт и прорвать в этом пункте фронт противника. Тогда перед наступающей стороной открылись бы широкие оперативные возможности. Следовало предполагать, что значительные части английской армии находились в ипрском мешке; атакованные с фланга, они могли быть отброшены к расположенному поблизости морю и уничтожены. Тогда к нам в руки попали бы порты, расположенные на берегу канала. Это был не только крупный, но и достижимый объект, находившийся в правильном соотношении с нашими силами и с маневренностью нашей армии.

Если бы здесь прорыв завел нас так же далеко, как в марте при наступлении «Михаэль», то мы бы достигли морского берега. Все эти преимущества были хорошо известны верховному командованию, но оно отказалось от этого наступления, ибо его невозможно было начать достаточно рано, вследствие условий местности во Фландрии. Между тем, в связи с предстоявшим прибытием американцев, более раннее выступление имело огромное значение. Время не ждало.

Главным образом по этим соображениям было вынесено решение в пользу наступления «Михаэль». Но было заранее предусмотрено, что, как только это наступление приостановится, силы будут перегруппированы для наступления во Фландрии. Действительно уже 9 апреля началось наступление под Армантьером. Невозможно было заранее предвидеть, что погода будет стоять сухая, что окажется возможным такое раннее начало операций.

Наступление у Сен-Кантэна не было связано с временем года и могло быть начато во всякое время. По предположению командования, это наступление должно было наткнуться на слабое место позиций противника. Нам было известно, что англичане растянули свой фронт к югу за р. Уаза. Предполагалось, что английские резервы находятся главным образом позади левого фланга и центра английского фронта и в небольшом количестве позади правого фланга. Это предположение подтвердилось.

Как теперь уже известно, фельдм. Хэйг распределил свои силы таким образом, чтобы были безусловно защищены порты на побережье канала — Дюнкирхен, Кале и Булонь. Здесь, в

северном участке своего расположения, он не считал возможным отступить ни на один шаг. В среднем участке, в котором был расположен французский угольный бассейн и проходила связь по фронту, тоже необходимо было избежать потери территории. Хэйг скорее считал возможным уступить напору противника на правом фланге юго-восточнее Арраса; очевидно, он рассчитывал здесь на поддержку французов.

Такое построение соответствовало, главным образом, собственным интересам англичан, чем еще раз подтвердилось правило, основанное на опыте всех коалиционных войн. Таким образом наш удар на правый английский фланг наталкивался лишь на сильно растянутую и слабую 5-ю армию.

Наши демонстрации против французского фронта также имели успех. Французский главнокомандующий ген. Петэн после начавшегося наступления «Михаэль» все еще верил в германское наступление у Реймса. Наступление у Сен-Кантэна он считал сначала диверсией. У Антанты не было общих резервов, обслуживавших весь фронт; вместо этого англичане и французы торговались по поводу каждого случая отправки подкреплений. Наступление против стыка французского и английского фронтов оказалось особенно благоприятным.

Расчеты Людендорфа оказались, таким образом, вполне правильными.

Невыгодным при наступлении «Михаэль» было то обстоятельство, что это направление вело по трудно проходимой местности, усеянной воронками после сражения на Сомме, и по району, разрушенному германцами при отступлении в 1917 г. на позиции Зигфрида. Вследствие этого снабжение было связано с большими затруднениями.

Оперативное направление наступления шло на северо-запад, чтобы оттеснить английский фронт. Исходные позиции между Аррасом и Ла-Фер, обращенные фронтом на юго-запад, были неблагоприятны для этой цели. Изменение направления во время наступления было затруднительно, особенно для 17-й армии на правом фланге.

Как было уже упомянуто, ген. Людендорф высказался сам в том смысле, что движение приняло слишком широкие размеры. Действительно, это было так. Путь к побережью был длиннее, чем при наступлении «Сен-Жорж», но если бы прорыв удался, успех мог бы быть значительно крупнее. Главное командование группы армий кронпринца Руппрехта еще раньше указывало на то, что «обязательным условием для такой операции являются крупные силы — значительно более крупные, чем при операции «Сен-Жорж». Поэтому было настоятельно необходимо ограничить наступление таким образом, чтобы главные силы были сосредоточены для удара в решающем северо-западном направлении, тогда как в юго-западном направлении фланг ради экономии сил должен был опираться на Сомму. Иначе грозила опасность, что наше наступление распылится и закончится выпячиванием наших линий по направлению к неприятелю, что было для нас

крайне невыгодно. При разработке плана наступления с этой точкой зрения считались бы больше, если бы в нашем распоряжении было больше артиллерии.

Тот, кто судит только по результатам, может теперь легко сказать, что наступление во Фландрии было бы лучше. Ген. Людендорф отмечает в своей книге «Ведение войны и политика»:

„Если бы наступление в том направлении, которое было принято верховным командованием, привело к стратегическим и оперативным успехам и если бы при помощи этого наступления удалось разъединить французскую и английскую армии или даже только взять Амьен, то весь мир стал бы на точку зрения верховного командования. Теперь же вполне естественно, что лучшими считаются часто другие пути, но невозможно доказать, что эти другие пути дали бы лучший результат, ибо испробовать эти пути теперь уже нельзя".

Трудно решить, какое направление надо было предпочесть другим. Обе дороги могли привести в Рим. Наступление «Михаэль» имело более широкие задачи; оно могло бы иметь решающее значение для исхода войны, если бы удалось окончательно разбить англичан. Но оно требовало больших сил. Задачи наступления «Сен-Жорж» были более ограничены, но имели тоже огромное значение. Они соответствовали имевшимся в нашем распоряжении силам. Но у нас не было уверенности в том, что это наступление можно будет начать своевременно.

Нужно бороться с отрицательной критикой наступления «Михаэль», которая недостаточно взвешивает все «за» и «против». Такой критикой занялся в своей работе «Стратегический обзор мировой войны»[1] ген. Мозер:

„При более подробном разборе плана наступления Людендорфа и первого приказа о наступлении 1918 г. оказывается, что в полную противоположность операциям 1914 и 1915 гг. на востоке, они лишены не только великого, смелого и вместе с тем ясного и простого размаха, но и яркой идеи, которая могла бы увлечь младших командиров и войска. Ибо требовался не великий прорыв сквозь английские позиции до берега для оттеснения и уничтожения противника, а лишь проникновение до Соммы и оттеснение противника на широком фронте по линии Бапом—Перонн—Гам".

После высказанных раньше соображений нет больше надобности доказывать неосновательность этих упреков. Оперативная цель — оттеснение английской армии — была ясно указана и не вызывала ни у кого никаких сомнений. Незадолго до начала наступления кронпринц Баварский еще раз совещался со всеми командующими генералами и еще раз убедился, что всем им были ясны и общая цель наступления и те задачи, которые выпали на долю каждого в отдельности. В тактическом приказе о наступлении от 21 марта не могли, конечно, содержаться мысли оперативного характера. Но план наступления достаточно часто излагался и устно, и письменно; ген. Мозер сам признает, что в основе наступления на Перонн лежала мысль — отрезать англичан от французов и отбросить их на север к побережью. Бесспорно, это был «великий план наступления», содержавший «яркую увлекательную идею».

[1] „Strategischer Überlick über den Weltkrieg", стр. 100.

Мы не будем оспаривать того, что можно быть различного мнения относительно частностей при проведении наступления «Михаэль».

Ген. Мозер сомневается, обладала ли германская армия и 1918 г. силой и подвижностью, а также средствами снабжения и дорогами, необходимыми для такой многообещающей, но вместе с тем очень трудной операции, которая могла оказаться очень опасной в случае неудачи. Эти опасения небезосновательны. Но ведь ген. Мозер сам выступал в защиту наступления по очень широкой линии Ипр — Ланс через Сен-Омер на Булонь, которое могло быть продолжено до линии Соммы на Валери — Амьен и, «если бы Антанта все же не сдалась», до линии Сены на Руан — Париж. Против такой обширной операции можно было высказать по меньшей мере те же возражения, какие высказывал ген. Мозер в связи с вопросом о маневренной способности армии и о возможности снабжения при наступлении «Михаэль».

Причина того, что, несмотря на блестящий тактический успех, наступление «Михаэль» не привело к оперативному прорыву заключается отчасти в несоответствии плана операции с силами, которыми мы располагали. Центр тяжести операции лежал на 17-й и 2-й армиях, тогда как первоначально на долю 18-й армии выпала второстепенная задача, для выполнения которой она хотя и должна была прорвать неприятельские позиции, но не нуждалась в такой крупной силе, какая оказалась в ее распоряжении в результате общего распределения сил. Начальник штаба 18-й армии говорит в своем письме от 18 января 1918 г. следующее:

„Наступление к юго-востоку от Сен-Кантэна на фронте 2-й и 18-й армий будет самым легким. Оно делает возможным наступление к северу от Сен-Кантэна, значительно его облегчая. Если наши атаки окажутся удачными, в чем я не сомневаюсь, то в течение двух-трех дней мы достигнем Соммы и канала Кроза".

Это предсказание исполнилось. Армия не нуждалась для этой цели в особенно крупных силах.

Поэтому можно было вполне забрать из 18-й армии несколько дивизий для 17-й армии. Здесь при помощи наступления «Марс» надо было развить наступление по крайней мере до р. Скарпы, иначе армия повисла бы в воздухе своим правым флангом против Арраса; но хотя количество дивизий и было достаточным, с самого начала нехватало артиллерии, необходимой для такого развития операций.

Оказалось также невозможным параллельное наступление — например, во Фландрии — для отвлечения неприятельских резервов, хотя такая операция могла бы иметь решающее значение.

Вопрос о том, насколько сравнительно большая численность 18-й армии соответствовала идее о разрешении поставленной ей задачи при помощи наступления, остается открытым. 18-я армия, во всяком случае, стремилась к такому разрешению этой задачи. Если она хотела уничтожить спешившие на помощь французские резервы, то ее надо было сделать сильной. Но это

не соответствовало первоначальному плану. Может быть повод к расхождению во взглядах подало то обстоятельство, что 18-я армия принадлежала не к той группе армий, в состав которой входили остальные две армии, принимавшие участие в наступлении.

Ген. Людендорф тоже считался с возможностью наступательных действий 18-й армии, но только в случае крупного успеха со стороны 2-й и 17-й армий. Если бы противник был здесь основательно разбит, то 18-я армия могла бы без колебаний начать наступление. Но когда 23 марта 18-й армии было поручено продолжать наступление за Соммой и каналом, положение было иное. 17-я армия осталась без прикрытия на своем правом фланге. Новое распоряжение, данное 18-й армии, было вызвано стремлением использовать поразительно крупный успех, которого она достигла. Благодаря этому, а также вследствие дальнейшего прикомандирования резервов, произошло перемещение центра тяжести, в то время как план наступления 17-й армии против английского фронта остался без изменения. Здесь скорее надо было перенести наступление к северу. Последовавшее затем наступление «Марс» не удалось. Наступление центра на Амьен, правого фланга на англичан и левого на французов не увенчалось успехом.

Несмотря на затруднительность подвоза, наступление не страдало от недостатка боеприпасов.

Танки могли бы нам оказать существенную помощь для использования прорыва.

Мы изложили все обстоятельства, имевшие какое-либо влияние на исход борьбы, поскольку это возможно в настоящее время. Весьма вероятно, что с течением времени окажется возможным лучше осветить некоторые отдельные события. Поэтому оценки могут быть даны только с оговоркой. Во всяком случае вся военная история свидетельствует о том, что полководец редко стоял перед такой трудной задачей. Несомненно подготовка наступления была одним из самых блестящих организационных и тактических достижений, а само наступление проводилось с такой настойчивостью, что оно вполне заслужило лавры победы. Хотя полководцу и не суждено было получить эти лавры, все же мартовское наступление останется в истории одним из величайших подвигов германской армии — и солдат и командиров.

7. АПРЕЛЬСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ У АРМОНТЬЕРА

Мартовское наступление было самым крупным германским наступлением в 1918 г., предпринятым при помощи наиболее многочисленных сил и средств и ставившим себе очень широкие задачи; поэтому на нем надо было остановиться более подробно, чтобы дать картину необычайно широкого размаха приготовлений, получить представление о трудностях организации прорыва и о тех требованиях, какие предъявлялись командованию. Последующие наступления могут быть изложены в бо-

лее сжатом виде. Главное внимание обращено нами на изучение основных решений командования и тех обстоятельств, которые имели существенное влияние на ход операций.

Решение начать наступление под Армантьером многократно менялось, пока оно не было осуществлено 9 апреля 1918 г. Мы уже говорили о тех причинах, которые побудили верховное командование предпринять в марте наступление «Михаэль» вместо наступления «Сен-Жорж». Но оперативные преимущества наступления «Сен-Жорж» были настолько очевидны, что уже заранее было решено отложить его проведение на более позднее время, если наступление под Сен-Кантэном не даст ожидаемых результатов.

В своей докладной записке от 12 декабря 1917 г. о «наступлении на Западном фронте и его вероятных успехах» начальник оперативного отдела штаба действующей армии подполк. Ветцель предложил немедленно начать вслед за наступлением под Сен-Кантэном наступление во Фландрии, но сделать это совершенно не так, как фактически поступили в апреле. Здесь надо остановиться еще раз на существенных пунктах его доклада, поскольку они касаются наступления во Фландрии.

Подполк. Ветцель утверждал, что не следует предаваться большим надеждам на быстрый прорыв при наступлении на западе. По мнению Ветцеля, если наши противники будут действовать планомерно и быстро, то через известный промежуток времени им удастся остановить наше наступление. «Поэтому нам удастся достигнуть действительно крупного и решительного успеха только при удачном комбинировании нескольких наступлений, находящихся в тесном взаимодействии».

Подполк. Ветцель предложил поэтому разделить все наступательные действия на два акта.

Первый акт должен был заключаться в широком наступлении в районе расположения 2-й и 18-й армий (Камбрэ — Сен-Кантэн), а второй, который должен был начаться двумя неделями позже — в прорыве в районе 4-й и 6-й армий с общим направлением на Хазебрук.

Наступление под Сен-Кантэном следовало вести только до определенной линии, для того чтобы заставить англичан оттянуть свои резервы с фландрского фронта. Тогда задача главного наступления на Хазебрук заключалась в том, чтобы прорвать лишенный резервов английский фронт во Фландрии, поколебать весь английский фронт и заставить англичан отступить с севера.

Эти соображения основывались на той несомненно правильной мысли, что ввиду громадных затруднений, связанных с наступлением, было крайне желательно отвлечь при помощи диверсионного наступления неприятельские резервы в другое место. В предложениях, которые делало командование группы армий кронпринца Руппрехта зимою 1917/18 г. относительно предстоявшего наступления, также всегда подчеркивалась необходимость диверсионного наступления.

Но верховное командование считало необходимым отказаться от диверсионного наступления из-за недостатка сил и не присоединилось к плану подполк. Ветцеля.

Наступление под Сен-Кантэном рассматривалось как решающее наступление, при помощи которого при удачном прорыве была бы достигнута крупная оперативная цель — отделение французов от англичан и свертывание английского фронта к северу. Наступление артиллерии в качестве второго акта командование имело в виду только на тот случай, если бы наступление «Михаэль» не привело к цели.

Прежде чем принять окончательное решение относительно места наступления, верховное командование отдало еще 27 декабря 1917 г. приказ о том, чтобы, кроме наступления под Сен-Кантэном («Михаэль») и под Аррасом («Марс»), были приняты подготовительные меры к наступлению «Сен-Жорж» I (под Армантьером) и «Сен-Жорж» II (против ипрского мешка). После того как 24 января 1918 г. было принято окончательное решение о наступлении «Михаэль», был отдан приказ, чтобы приготовления к наступлениям «Сен-Жорж» I и II продолжались 6-й и 4-й армиями и были закончены в начале апреля. О целях, которые преследовались этими распоряжениями, дает нам понятие телеграмма верховного командования от 10 февраля 1918 г., адресованная группе армий кронпринца Руппрехта. В телеграмме говорится:

„Верховное командование решило, что главной операцией будет наступление „Михаэль", а потому наступления „Сен-Жорж" I и II могут быть лишь вторым актом борьбы, и то лишь в том случае, если наступление „Михаэль" не достигнет крупного прорыва и будет остановлено стянутыми английскими и французскими резервами. В зависимости от положения, которое создастся в последнем случае, будет организовано наступление „Сен-Жорж" I и II при помощи перегруппировки сил, в особенности артиллерии, участвовавших в наступлении „Михаэль". Проводить операцию „Сен-Жорж" в той форме, какая выработана командованием 4-й и 6-й армий, и с предусмотренной этим вариантом затратой сил окажется невозможным и ненужным. Мы не сможем располагать даже приблизительно таким количеством сил и не сможем подвезти их в кратчайший срок, — а это весьма важно,—и бросить в дело. Таким образом, операции на левом фланге (южное наступление „Сен-Жорж") будут сильно ограничены и даже совсем отменены, ибо невозможно получить своевременно 20 дивизий (кроме позиционных) для операций „Сен-Жорж" I и 12—15 дивизий (кроме позиционных) для операций „Сен-Жорж" II. Но можно твердо рассчитывать, что операции „Сен-Жорж", проведенные как второй акт борьбы, тоже будут иметь решительный успех, так как можно быть уверенным, что главная масса английских резервов будет скована в южном направлении наступлением „Михаэль".

Верховное командование отдало приказ о подготовке операции „Сен-Жорж" на этой измененной основе.»

Приготовления эти были выполнены 4-й и 6-й армиями в течение февраля и марта одновременно с приготовлениями 17-й, 2-й и 18-й армий к наступлению «Михаэль». Важно было, чтобы наступление «Сен-Жорж» следовало непосредственно за наступлением «Михаэль». Значительная часть сил и средств, нужных для «Сен-Жорж», должна была быть доставлена с фронта «Михаэль» по окончании операций. В таком тяжелом положении, когда перед каждым новым наступлением приходилось тратить

драгоценное время на перегруппировки, мы находились в течение всей первой половины 1918 г. К тому же, во время наших дальнейших наступлений появилась необходимость по окончании первого наступления предоставлять дивизиям время для отдыха и пополнения и лишь затем посылать их снова в бой.

Нашему военному командованию не раз ставили в упрек, что наши наступления следовали одно за другим со слишком большими промежутками, так что в каждом отдельном случае противник имел достаточно времени для отдыха и организации обороны против нового наступления. Поэтому для понимания мероприятий верховного командования надо указать на огромную работу по перегруппировкам и на возникавшие при этом трудности.

Предварительная работа по перегруппировке, проделанная под руководством командования группы армий кронпринца Руппрехта, была основана на том, что нужно было рассчитать, насколько 4-я и 6-я армии, которые должны были вести наступление «Сен-Жорж», будут нуждаться в войсках и формированиях, кроме уже имевшегося у них контингента. Затем необходимо было сделать приблизительный расчет того, какие силы освободятся при наступлении «Михаэль» непосредственно после прорыва неприятельских позиций, во время дальнейших операций и по окончании наступления «Михаэль» и, наконец, какие силы могло дать верховное командование.

Предполагалось, что непосредственно после удачного прорыва позиций противника в результате наступления «Михаэль» может освободиться часть артиллерии, минометов, саперных отрядов, рабочих команд, прожекторных взводов, огнеметных рот, световых сигнальных команд, голубиной почты, санитарных отрядов и пр.

Но главная масса войск и формирований могла быть отправлена во Фландрию лишь после приостановления наступления «Михаэль». Кроме вышеуказанных формирований и выделенных дивизий, нужно было перебросить еще корпусные и другие штабы (артиллерийские, авиационные и др.), полевую артиллерию особого назначения, тяжелые батареи, зенитные орудия, саперные войска, парки тяжелой артиллерии, минометные батальоны и роты, батареи пехотных орудий, части связи, строительные команды, понтонные парки, воздушные части, отряды истребителей, эскадрильи бомбовозов, батарейные парки, транспорты боевых припасов и продовольствия, автомобильные колонны полевых хлебопекарен, санитарные отряды, полевые и ветеринарные, крепостные и дорожно-строительные роты. Нужно было еще принять во внимание, что часть формирований не могла быть переброшена сразу по окончании наступления «Михаэль», так как большую часть транспортных средств пришлось бы оставить в армиях, пока не были бы перестроены железные дороги. То, чего не доставало, должно было дать верховное командование.

Нужно было обдумать, какие войска и формирования могли быть доставлены к новому месту назначения по железной дороге, а какие пешком. Железные дороги были перегружены. В общем считалось необходимым заготовить перед началом наступления на 16 дней продовольствия и 4 стандартных нормы снабжения артиллерийскими снарядами. Поэтому сейчас же после начала наступления «Михаэль» нужно было предусмотреть изменения во всем порядке снабжения армий, которые должны были принять участие в наступлении «Сен-Жорж». Расчет количества ж.-д. транспортов, нужных для доставки продовольствия и боевых припасов, показал, каким количеством ж.-д. составов можно было располагать для перегруппировки войск и формирований. Оказалось, что большая часть войск должна будет передвигаться пешком. Пеший порядок был предусмотрен, главным образом, для 17-й армии, расположенной ближе, а более отдаленной 2-й армии были предоставлены имевшиеся в нашем распоряжении ж.-д. составы.

Нужно было заранее заготовить ведомости перевозок и подготовить пункты погрузки и разгрузки. Передвижения войск по возможности должны были быть скрыты от наблюдения противника, а потому происходить, главным образом, ночью.

При этой перегруппировке войска, формирования и штабы не могли быть доставлены в планомерной последовательности, по мере надобности в них, как это было при первом мартовском наступлении. Их доставка, главным образом, зависела от того, когда они освободятся от наступления «Михаэль».

Из этого краткого обзора становится ясным, какую огромную работу нужно было проделать при перегруппировке сил для нового наступления и какие трудности нужно было преодолеть при этом. Нужно было время не только для извлечения войсковых частей и формирований из боя, для перегруппировки и переброски артиллерии и пехоты,— войскам надо было еще дать отдохнуть. Для оценки наступления под Армантьером и всех позднейших наступлений необходимо знать обо всех этих обстоятельствах. Мысль о быстрой перегруппировке сил для нового наступления, развитая в докладной записке подполк. Ветцеля, очень заманчива, но очень трудно осуществима на деле.

После того как начатое 21 марта наступление «Михаэль» значительно продвинулось в течение же первых дней, операция «Сен-Жорж» как самостоятельный крупный второй акт борьбы стала казаться излишней. Казалось гораздо важнее, расширив фронт наступления к северу на Аррас до Ланса, поколебать весь английский фронт. В виде последнего заключительного удара, силами 6-й армии предполагалось предпринять наступление «Сен-Жорж» в сокращенном масштабе («Жоржет») против португальцев на севере от канала Ла-Бассе в направлении на Хазебрук — на тот случай, если операции «Марс» и «Пляска валькирий» не приведут к решительному успеху. Кроме дивизий, находившихся на линии фронта 6-й армии, предполагалось дать еще 6 дивизий и достаточное количество артиллерии. Для той же цели

предполагалось предпринять наступление 4-й армии против бельгийцев.

Но дальнейшее развитие наступления «Михаэль» не оправдало возложенных на него надежд. Правый фланг армии не продвинулся достаточно вперед; наступление «Марс» от 28 марта под Аррасом не удалось, и вследствие этого не состоялась «Пляска валькирий» к северу. Наступление против англичан приостановилось, но наступление на Амьен продолжалось. Теперь опять приобрели большое значение операции «Жоржет». Наступление против англичан можно было бы возобновить, если бы удалось поколебать англо-португальский фронт на Лисе. Важно было наступать по возможности быстро и неожиданно и притом широким фронтом при помощи по возможности многочисленных сил.

С 28 марта перегруппировка ускорилась. Вместо 6 дивизий в распоряжение 6-й армии были переданы 7 дивизий. С 29 марта началась переброска полевой и тяжелой артиллерии, минометных батальонов, понтонно-мостовых парков, крепостных и дорожных рабочих команд и пр., хотя и не в таком большом объеме, как предполагалось первоначально при наступлении «Сен-Жорж». Отчасти эти силы были выделены 17-й армией, отчасти прикомандированы по приказу верховного командования.

Дальнейшее наступление 4-й армии против бельгийцев через канал Лоо было подготовлено, но могло быть начато лишь после операций «Жоржет».

После 30 марта наступление «Жоржет» еще более выступило на первый план. Наступление «Михаэль» больше не развивалось. Великая операция не удалась. Теперь надо было добиваться последней цели — Амьена. Но наступление было отложено до 4 апреля, так как к нему необходимо было подготовиться и дать войскам отдохнуть.

Условное название «Жоржет» было сохранено, но теперь речь шла о новом самостоятельном наступлении против англичан — о втором акте борьбы, предусмотренном приказом от 10 февраля. Верховное командование заявило, что оно придает теперь величайшее значение наступлению под Армантьером, которое должно быть как можно сильнее. Все подробности этого наступления были устно выяснены на совещаниях ген. Людендорфа с начальником штаба группы армий кронпринца Руппрехта и с начальниками штабов армий, которые принимали участие в наступлении в Сен-Кангэне 1 апреля и в Сент-Аманде 3 апреля. Наступление было назначено на 8 апреля, но по настоянию штаба группы армий кронпринца Руппрехта оно было отложено на 9 апреля, так как 6-я армия не могла раньше закончить своих приготовлений.

Между тем наступление на Амьен 4 апреля не удалось; наступление «Михаэль» закончилось. По приказу верховного командования от 5 апреля все армии, принимавшие участие в наступлении, прекратили свои операции.

Целью наступления «Жоржет» были, главным образом, высоты при Годеверсвельде и Кассель. Если бы удалось проникнуть на эти высоты, то можно было ожидать, что противник очистит Ипрский выступ по крайней мере до Диксмюдена; тогда, может быть, удалось бы достигнуть берега канала. Поэтому 6-й армии было поручено продвигаться по линии Армантьер — канал Ла-Бассе в северо-западном направлении с главным ударом на Хазебрук и, опираясь левым крылом на систему каналов Ла-Бассе — Бетюн-Эр-Сентомер, подобно тому, как первоначально при наступлении «Михаэль», мыслилось опереться левым флангом на Сомму и канал Кроза.

4-я армия должна была днем позже, т. е. 10 апреля, присоединиться своим левым флангом к наступлению и продвигаться из местности, расположенной по обе стороны Варнетон в направлении Мессин — Вульфергем, чтобы поддержать наступление 6-й армии.

9 апреля в 6-й армии были готовы к наступлению 17 дивизий, из них 11 специально переброшенных для этой цели, в 4-й армии — 5 дивизий, выделенных из ее же состава. Позади фронта были сосредоточены несколько дивизий,— сначала одна как резерв войсковой группы и 5 как резерв верховного командования. Во время боев были подвезены еще новые дивизии, так что в общем, включая наступление на Кеммель, в операциях принимали участие 36 дивизий.

Кроме дивизий 6-й армии были приданы: 3 корпусных штаба, 7 полков тяжелой артиллерии, 94 батареи полевой артиллерии, 130 тяжелых и 7 самых тяжелых батарей, 7 воздушных отрядов, 6 штурмовых отрядов, 5 отрядов истребителей, 7 воздухоплавательных парков, 6 минометных батальонов, 12 минометных команд, многочисленные саперные части и части связи, транспорты всякого рода и 14 крепостных и дорожно-строительных рот. Вместе с имевшимися раньше батареями 6-я армия располагала при наступлении, кроме дивизионной артиллерии, больше чем 105 батареями полевой артиллерии, 206 тяжелыми и 24 самыми тяжелыми батареями. Организацию транспорта и походного движения всех этих формирований в течение короткого времени нужно считать большим достижением.

Были приняты подготовительные меры к тому, чтобы перебросить все свободные силы с фронта группы армий кронпринца Руппрехта на тот случай, если наступление под Армантьером будет иметь крупный успех. 17-я и 2-я армии должны были иметь наготове для этой цели некоторые формирования (саперы, части связи, транспорты, санитарные части, крепостные и дорожно-строительные роты и т. д.). 9 апреля 17-я армия получила приказание срочно выделить часть этих формирований.

Таким образом, было сделано все, что можно было сделать при данных условиях в течение ограниченного времени для усиления наступления «Сен-Жорж». Однако надо было все же принять во внимание и некоторые немаловажные отрицательные стороны.

В числе дивизий, принимавших участие в наступлении, было много таких, которые прибыли сюда истощенными борьбой на фронте наступления «Михаэль» или были сняты с позиций.

Дивизии, снятые с позиций, были весьма малоподвижны. Еще во время своих первых подготовительных работ к «Сен-Жоржу» 6-я армия докладывала 5 марта, что позиционные дивизии из-за слабости их конского состава едва ли будут в состоянии принять участие в наступлении. Каждой дивизии нехватало 500—600 лошадей. Особенно силен был недостаток в лошадях в полках полевой артиллерии. В пехоте нехватало лошадей для перевозки боевых припасов и легких минометов. До начала наступления все же удалось доставить в армию несколько транспортов лошадей, которыми воспользовалась, главным образом, артиллерия. Были также взяты лошади и повозки из тех дивизий, которые не участвовали в наступлении. Кроме того, были подготовлены запряжки для перевозки (эшелонами) артиллерии и минометов. Пехота должна была ограничиться сокращенным количеством перевозочных средств.

Большие затруднения вызвало снабжение наступления необходимым обозом. Боевой обоз, транспорты продовольствия и автомобильные колонны по мере возможности были выделены из 17-й армии. Из 2-й армии, вследствие неблагоприятных ж.-д. условий, можно было привлечь колонны лишь в очень небольшом объеме. Вследствие плохого состояния дорог и большой перегрузки в работе всех колонн в последнее время их работоспособность нужно было считать равной только половине нормальной. 6-ю армию удалось снабдить в достаточной мере; более скудно была снабжена 4-я армия.

До начала наступления необходимо было обеспечить снабжение продовольствием, боевыми припасами и пр. Это было очень трудно сделать в такой короткий срок. Как видно из донесения группы армий кронпринца Руппрехта верховному командованию от 7 апреля, положение со снабжением было следующее.

Подвоз из тыла для 6-й армии в последние дни был крайне слабым и покрывал потребность только наполовину. В зерновом фураже ощущался недостаток. Снабжение боевыми припасами наталкивалось на затруднения. Несмотря на то, что наступление 2-й и 17-й армий было прекращено, расход боевых припасов, вследствие создавшегося там положения, был все еще очень велик. 2-я и 17-я армии нуждались в ежедневной доставке 8—10 ж.-д. составов с боевыми припасами (не считая химических снарядов). Ежедневная потребность 6-й армии в боевых припасах после начала наступления определялась после опыта, полученного при наступлении «Михаэль», в среднем в 14—15 ж.-д. составов. Нужно еще принять во внимание потребность 4-й армии. Таким образом в общем итоге вся группа армий после начала выступления «Жоржет» нуждалась ежедневно в 30—35 ж.-д. составах боевых припасов (не считая химических снарядов). Поэтому железным дорогам предъявлялись особенно повышенные требования.

9 апреля началось наступление 6-й армии, а 10 апреля была захвачена переправа через Лис. Наступление имело в первые дни большой успех, но вскоре натолкнулось на значительное сопротивление, оказанное на местности, пересеченной многочисленными канавами, лесистой и не поддававшейся обозрению. Продвижение артиллерии и снабжения было очень затруднено. В центре армия продвинулась до района Байель — Мервиль, между тем как левый фланг задержался в районе Бетюн перед Фестюбер и Живанши.

Еще 19 апреля группа армий кронпринца Руппрехта предложила приостановить наступление 6-й армии и перейти к обороне, обосновывая это следующим образом. Противник, расположенный против 6-й армии, настолько усилился, что возможны только ограниченные наступательные действия, подготовленные сильнейшим действием артиллерии. Против многочисленных пулеметов и сильной артиллерии противника наша артиллерийская подготовка оказалась в последние дни недостаточной. Перед новыми наступлениями в течение нескольких дней нужно вести сильнейшую артиллерийскую подготовку, направленную против артиллерии и пехоты противника.

„Находящиеся теперь на фронте дивизии, вследствие крупных потерь, особенно в офицерском составе, сильно поредели и устали. Они нуждаются в пополнении и отдыхе, прежде чем смогут стать опять способными к наступлению. Поэтому для предполагаемого возобновления наступления широким фронтом необходимо некоторое количество свежих дивизий. Спрашивается, оправдает ли себя подобная жертва. Принимая во внимание силу неприятельского сопротивления, мы, даже при самом деятельном участии артиллерии, можем захватить очень ограниченное пространство, подобно англичанам во время Фландрского сражения. Бои превратятся в материальное сражение. Материальное же сражение лишено перспектив, и его необходимо избежать. Поэтому предлагается приказать 6-й армии перейти к обороне.“

Верховное командование присоединилось к этому предложению и 20 апреля отдало 6-й армии приказ прекратить наступление. Нужно было лишь овладеть Фестюбером и Живанши, но и это не удалось.

4-я армия должна была еще провести наступление на Кеммель. 10 апреля она двинулась своим левым флангом по направлению на Мессин и овладела этим районом. 25 апреля после основательной артиллерийской подготовки 4-я армия атаковала Кеммель. Но так как на помощь противнику прибыли значительные французские подкрепления, то 4-я армия 1 мая тоже прекратила наступление.

Противнику был опять нанесен тяжелый удар. Штурм Кеммеля был крупным успехом. Но в общем поставленная цель не была достигнута.

Наступление не удалось довести до решающих позиций на высотах у Касселя и Годеверсвельде, захват которых заставил бы противника очистить Ипрский выступ и позиции на Изере. До крупной маневренной операции дело не дошло, и мы не достигли портов на побережьи канала. Наши войска на левом фланге находились на отбитых у неприятеля позициях в

неблагоприятном положении, ибо подвергались сильному продольному огню противника. Хотя под напором нашего наступления англичане очистили Ипрский выступ и покинули местность, завоеванную ими в длившихся целые месяцы фландрских боях, но они остановились непосредственно за Ипром.

Кроме обращенного к неприятелю выступа у Мондидье в результате мартовского наступления образовался новый выступ под Армантьером. Линия наших позиций имела неблагоприятный для нас профиль и давала противнику возможность атаковать нас с фланга.

Таким образом второе большое наступление тоже не привело к ожидавшемуся решению войны.

Ген. Людендорф предвидел, что наше наступление весною 1918 г. не будет походить на наступления в Галиции или в Италии и что эта упорнейшая борьба потребует много времени. Он высказал это в своем докладе в Гомбурге 13 февраля 1918 г.

Если бы удался тактический прорыв, то противника надо было победить в открытом поле. Если бы прорыв не удался, то нужно было бы попытаться достигнуть прорыва в другом месте. Таково было мнение Людендорфа. Мартовское наступление было тем большим ударом, который должен был привести к окончательному решению войны. Это наступление не удалось, и потому за ним последовало второе наступление под Армантьером. Но при возобновлении наступления обнаружились значительные затруднения, которые должны были дать себя почувствовать во время всех последующих наступлений.

Часть сил, необходимых для нового наступления, нужно было получить при помощи перегруппировки; но нужно было дать им время для отдыха, а это вызвало бы нежелательную продолжительную паузу; если же новое наступление последовало бы быстро, то пришлось бы ограничиться более слабой подготовкой и снабжением.

Наступление у Армантьера представляет собою попытку второго рода. Оно должно было последовать непосредственно за наступлением «Михаэль», как только после нее приостановилось. Было очень кстати, что приготовления к этому могли быть сделаны значительно раньше. Но свежих сил и новых средств для наступления в достаточном количестве не было. Расход сил при наступлении «Михаэль» был очень большой. В этом наступлении принимали участие около 90 дивизий, большая часть которых принадлежала к числу лучше всех снабженных, отдохнувших и обученных. Но теперь они были истощены боями, понесли крупные потери и нуждались в пополнении. Поэтому пришлось прибегнуть к дивизиям, расположенным на позициях.

Артиллерию и прочие формирования, а также боевые средства надо было получить при помощи перегруппировки. Мы уже раньше говорили о том, с какими трудностями и с какой потерей времени сопряжена такая перегруппировка. В данном случае, благодаря четким подготовительным мерам, она была

произведена довольно быстро, хотя и не так быстро, как это было бы желательно.

Поэтому наступление было начато силами только 36 дивизий на фронте шириной в 40 км, тогда как наступление «Михаэль» происходило на фронте, вдвое более широком и почти с двойным количеством сил. Если во время наступления «Михаэль» нам не удалось достигнуть решительного успеха, то при втором наступлении эта задача была еще труднее. Таково было мнение ген. Людендорфа, который говорит в своих «Воспоминаниях о войне»:

„Раз мы не достигли успеха при первом наступлении, его надо было достигнуть при дальнейших наступлениях. Но тогда положение было уже гораздо менее благоприятным".

Можно спросить, не лучше ли было бы приостановить наступление «Михаэль» несколько раньше — около 31 марта — и отказаться от наступления на Амьен 4 апреля и от наступления 7-й армии при Куси-ле-Шато, которое должно было выравнять угол между внутренними флангами 7-й и 18-й армий. Тогда (хотя с некоторым опозданием) можно было сделать наступление при Армантьере значительно более сильным, приблизив его по размерам к первоначально намечавшемуся наступлению «Сен-Жорж».

Это может быть и верно, но тогда противнику было бы предоставлено время для отдыха и перегруппировки; кроме того очень трудно было определить момент приостановки наступления. Часто, чтобы достигнуть цели, бывает достаточно еще одного последнего натиска. Мы уже видели, какое громадное значение имел бы для нас захват Амьена и как близко мы были к этому. Каков был бы приговор истории, если бы впоследствии, по ознакомлении с положением противника, оказалось, что наступающая сторона малодушно и слишком рано сложила оружие?

Многие указывают на то, что войска не проявили прежнего воодушевления и повиновения и были задержаны захватом продовольствия и вина.

Но в общем войска были еще превосходны, хотя и не все дивизии стояли на одинаковой высоте. Нельзя считать признаком падения дисциплины те случаи, когда войска наталкивались случайно на крупные запасы продовольствия, вызывавшие беспорядок. С подобными явлениями, обычными во время войны, мы встречались во все эпохи в лучших армиях, и они понятны всякому, кто испытал на себе огромное душевное напряжение солдата во время боя. Можно привести множество подобных примеров из военной истории.

Более обоснованным является сомнение, обладали ли бы все войска после удачного прорыва достаточной маневренной способностью для крупных операций в открытом поле. Но в задачи наступления не входило продвижение на слишком далекие расстояния. Если бы, нанеся удар, нам удалось проникнуть на такое же расстояние, как при «Михаэль», то мы стояли бы на

побережье канала. Во время наступления «Михаэль» наибольшее расстояние, на которое мы проникли вглубь неприятельского фронта, было равно 60 км, т. е. расстоянию от Армантьера до морского берега у Дюнкирхена.

Во всяком случае такой успех находился в пределах возможного. Это видно из тех сведений, которыми мы располагаем теперь о положении противника в то время. Если мы хотим вынести правильное суждение о наступлении у Армантьера, то должны обратить на эти сведения самое серьезное внимание.

Фельдмаршал Хэйг говорит, что после мартовского наступления английские резервы были совершенно истощены. Во время мартовского наступления он был вынужден снять с северного участка английского фронта во Фландрии десять дивизий, заменив их там дивизиями, истощенными в боях. Он рассчитывал при этом на то, что при нормальных условиях состояние почвы во Фландрии препятствовало крупным операциям. Когда началось наше наступление, во Фландрии находились также две португальских дивизии. Они были нами совершенно разгромлены и должны были быть сменены на следующий день. Пункт наступления был, следовательно, выбран правильно.

Английский ген. Морис подтверждает, что во время наших наступлений мы были очень близки к успеху. 12 апреля мы были очень близки к тому, чтобы овладеть важным узловым пунктом Хазебруком. Предполагалось даже занять подступы к Дюнкирхену и Кале.

Реш («Mr. Lloyd George and the war») говорит:

„Некоторое время казалось, что наши армии будут сжаты на таком небольшом пространстве, на котором, имея в тылу море, они не будут больше в состоянии действовать. Тогда они были бы вынуждены отдать порты Ламанша и отступить к южному берегу Соммы, чтобы не терять связи с французами".

В таком положении Хэйг был вынужден обратиться за помощью к французам. По французским данным до 30 апреля во Фландрии были сосредоточены 14 пехотных и 3 кавалерийских французских дивизий.

Таким образом силы противника, очевидно, тоже были крайне напряжены. Очень ценным является моральное значение нашего второго тактического успеха, лишившего противника всех преимуществ, которых он достиг в результате сражения во Фландрии. Наша база для подводных лодок во Фландрии была в безопасности. Наши новые позиции во Фландрии являлись выгодным исходным пунктом для продолжения наступления и облегчали захват промышленного и угольного района Бетюн — Избергюс (Bethune — Isberghues).

8. ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЛАНЫ НАСТУПЛЕНИЯ

Непосредственно после прекращения наступления во Фландрии 23 и 30 апреля состоялись совещания ген. Людендорфа с начальниками штабов групп армий кронпринца Руппрехта и германского кронпринца относительно дальнейших операций. Верховное командование решилось на наступление у Шмен-де-

Дам (Chemin des Dames) в районе расположения группы армий германского кронпринца. Там можно было рассчитывать нащупать слабое место французского фронта и заставить французов стянуть туда свои резервы из Фландрии.

„Это наступление, — говорилось в приказе верховного командования от 1 мая 1918 г.,— имеет своей целью расшатать единый фронт Антанты в районе расположения группы армий кронпринца Руппрехта и таким образом создать возможность успешного продолжения наступления против англичан“.

Наступление должно было состояться к концу мая.

Таким образом речь шла о наступлении для отвлечения неприятельских резервов. Помимо этого осталась прежняя главная задача — сокрушить англичан. Большое наступление на англичан должно было последовать непосредственно за диверсионным наступлением у Шмен-де-Дам.

Вопрос о том, в каком направлении следовало вести главное наступление против англичан, обсуждался еще на совещании 29 апреля. Группа армий кронпринца Руппрехта вместо возобновления наступления во Фландрии («Новый Жорж») предложила наступление по линии Аррас — Сомма по направлению на Дулан (Doullens) — «Новый Михаэль». Верховное командование решило вопрос 1 мая в пользу второго варианта по следующим соображениям:

„Антанта сосредоточила свои главные оборонительные силы на фландрском фронте. Поэтому наступление „Новый Михаэль“ будет по всей вероятности направлено против наиболее слабого, а „Новый Жорж“— против наиболее сильного участка фронта противника“.

Однако, у командования группы армий кронпринца Руппрехта возникли некоторые опасения по поводу направления, выбранного для наступления. Оно высказало их в своем докладе верховному командованию 1 мая, в котором говорится следующее:

„Наступление в направлении на Дулан („Новый Михаэль“) подготовляется соответственно данным распоряжениям. Но это наступление имеет сравнительно узкий фронт. Его подготовка в тактическом отношении очень затруднительна, ибо его ограничивает справа система сильных позиций у Арраса, а слева — реки Анкр и Сомма. Судя по опыту нашего мартовского наступления, крупный успех сулит только прорыв на широком фронте. Поэтому от наступления „Новый Михаэль“, если не появятся какие-нибудь особенно благоприятные обстоятельства, едва ли можно ждать чего-нибудь большего, чем некоторого тактического успеха и вдавливания неприятельского фронта в сторону Дулана. Для достижения крупного оперативного успеха необходимо, чтобы наряду с наступлением „Новый Михаэль“ было предпринято второе большое наступление из района Бетюн в направлении на Сен-Поль („Губертус“).

Цель обоих наступлений — прорвать английский фронт на большом протяжении, поколебать при помощи обхода английский фронт у Арраса и оттеснить англичан к морю так, чтобы они не могли больше удержать своих позиций.

Но оба наступления требуют очень крупных сил (фронт наступления равен около 55 *км*). Сомнительно, сможем ли мы собрать такие силы.

Если это невозможно, то одновременно с наступлением „Новый Михаэль“ надо провести по крайней мере ограниченное диверсионное наступление в районе Бетюн, инсценируя тогда же наступление во Фландрии. Все же сомнительно, чтобы этих мероприятий было достаточно для достижения решительного успеха при наступлении „Новый Михаэль“. К тому же наступление „Новый Михаэль“

будет несомненно очень трудным еще и потому, что едва ли возможно сохранить втайне приготовления на лишенной прикрытия местности Бапом—Альбер и захватить неприятеля врасплох.

Если же наших сил недостаточно, чтобы провести оба наступления („Губертус" и „Новый Михаэль"), и если мы должны ограничить нашу деятельность в соответствии с нашими силами, то мы предлагаем провести наступление „Новый Жорж".

Правда, наступление „Новый Жорж" может привести только к нанесению нового удара англичанам и к большему или меньшему изгибу фронта по направлению к Поперинг—Кассель (Poperingue-Cassel), и связать английские резервы при помощи диверсионных действий. Но политическое и военное значение такого успеха во Фландрии значительно больше, чем ограниченный успех в районе Альбера. Англичанам и бельгийцам будет нанесен чувствительный удар, если даже при ограниченном успехе „Нового Жоржа" нам удастся подвести под действие нашего губительного огня прибрежный район до Дюнкирхена и находящиеся там богатые английские материальные склады и угрожать Кале".

На это верховное командование ответило 2 мая, что Антанта сосредоточила свои главные оборонительные силы на фландрском фронте. Поэтому «Новый Михаэль» будет направлен против самого слабого участка, а «Новый Жорж» — против самого сильного участка фронта наших противников. Остается выждать, не улучшится ли это положение в результате наступления группы армий германского кронпринца. Поэтому нужно прежде всего подготовить наступление «Новый Михаэль». Но для наступления «Новый Жорж» нужно оставить столько сил, сколько требуется, чтобы сохранить возможность к его осуществлению.

4 мая, в беседе ген. Людендорфа с начальником штаба группы армий Руппрехта в Турне, последний снова высказал свои опасения по поводу наступления «Новый Михаэль». По его мнению это наступление трудно в тактическом отношении и его фронт слишком узок, расширить же фронт также трудно. Наступление «Новый Жорж» по линии к северо-востоку от Ипра — Неф — Беркен (Ipern — Neuf — Berquin) имеет определенную достижимую цель, которая соответствует нашим силам, предполагая, конечно, что стоящие во Фландрии французские дивизии будут отвлечены наступлением группы армий германского кронпринца.

5 мая верховное командование издало следующее приказание:

„На основании вчерашней беседы в Турне решено подготовить в первую очередь наступление „Новый Жорж", а во вторую — „Новый Михаэль".

Группа армий кронпринца Руппрехта в интересах сохранения тайны распорядилась об одновременной подготовке обоих наступлений. Лишь 22 мая, когда положение обозначилось яснее, армии были поставлены в известность о предстоящих задачах, и для наступления «Новый Жорж» были собраны рабочие команды и транспортные средства.

Чтобы не дать возможности противнику догадаться о чем-либо, условные названия «Новый Жорж» и «Новый Михаэль» были заменены другими: «Гаген» и «Вильгельм».

Относительно целей наступления верховное командование дало 5 мая следующие указания:

„Первым крупным объектом наступления „Новый Жорж“ является линия Безинген — Поперинг — Годеверсвельде — Борре (Bösingen — Popringhe — Godewaerswelde — Borre) — к востоку от Хазебрука. Но эта цель должна быть достигнута частями; прежде всего нужно достигнуть линии Северная сторона Ипра — Ренингельст—Ле-Мон-Нуар—Флетр—Штрацеле (Ipern—Reninghelst—Le Mont-Noir—Fletre—Strazeele). Лишь после достижения первого крупного объекта можно будет продолжать дальнейшие операции.“

В этих распоряжениях обращают на себя внимание известная сдержанность и осторожность как в отношении целей наступления, так и в отношении тех способов, какими они должны были быть достигнуты. Основная мысль всех дальнейших операций после апреля заключалась в том, чтобы добиться снова решительного успеха против англичан, которого не удалось достигнуть при помощи всех предыдущих наступлений. Для этого при помощи диверсионного наступления группы армий германского кронпринца в конце мая необходимо было оттянуть резервы, расположенные позади английского фронта. Ограничительные распоряжения верховного командования от 5 мая, казалось, не вполне соответствовали стремлению к решающему успеху. Выяснение этого вопроса имеет большое значение для установления тех намерений, которые преследовало верховное командование при продолжении наступления. Поэтому нужно остановиться на этом вопросе подробнее.

Группой армий — так же, как и командованием 4-й армии, которому было предложено высказаться по поводу приказа верховного командования от 5 мая,— были высказаны относительно него некоторые опасения. Командующий 4-й армией (ген.-от-инфантерии Сикст-ф.-Арним) подчеркнул в своем письме от 11 мая, что большое наступление имеет тем больше шансов на успех, чем шире фронт, на котором оно ведется. Главное преимущество наступления широким фронтом заключается, по его мнению, в том, что наша артиллерия может сковать в фронтальном направлении очень большое количество неприятельской артиллерии и лишить ее таким образом возможности действовать в зоне наступления фланкирующим огнем. При широком фронте наступления можно лучше использовать всякий значительный успех, достигнутый в отдельных пунктах, ибо для тактического руководства создается большой простор. Иногда против ожидания наступление продвигается значительно медленнее там, где мы сосредоточили силы для главного удара, тогда как на других участках поля сражения, где не был сосредоточен главный удар, достигаются быстро и неожиданно крупные успехи. При широко поставленном наступлении высшее командование получает более здоровые основы для быстрых решений, чем при наступлении узким фронтом.

Поэтому главное командование 4-й армии высказалось за то, чтобы наступление, ограниченное справа местностью, подвергающейся наводнениям, было расширено влево до леса Ньепп (Nieppe), к западу от Мервилля. Если бы левое крыло наступало только из Метерана (Meteren) или Штрацеле (Strazeele), то оно могло бы быть фланкировано из Ньеппского леса.

Далее главное командование 4-й армии не считало целесообразным ограничивать цель наступления так, как этого хотело верховное командование. Первоначальный крупный тактический успех наступления должен быть быстро использован для достижения широких далеко идущих оперативных целей. Для этого нужна оперативная свобода. Если бы после нашего первоначального успеха противник отступил в беспорядке, то лучшим решением было бы беспощадное преследование.

В заключение главнокомандующий 4-й армией писал:

„По всем этим соображениям главное командование высказывается против ограничения оперативных действий и против заранее предусмотренного постепенного достижения первого оперативного объекта и предлагает: одновременное наступление на фронте от озера Бланкаарт (Blankaart) до Ньеппского леса (Nieppe), решительное продолжение наступления в зависимости от положения операции и постепенное планомерное наступление лишь в том случае, если сопротивление противника потребует такого тактического решения."

Главное командование группы армий кронпринца Руппрехта в письме к верховному командованию от 13 мая высказалось в этом же смысле. В письме говорилось, что отказываться от мощного наступления севернее Ипра не следует и что левое крыло наступающих частей необходимо растянуть в направлении, указанном 4-й армией. Разделение наступления на части, по мнению главного командования, невыгодно. В одном лишь пункте командование группы армий не было согласно с мнением командования 4-й армии:

„Если сопротивление противника на протяжении всего фронта наступления настолько усилилось, что может быть преодолено лишь шаг за шагом после планомерной подготовки в каждом отдельном случае, то продолжение такого наступления не имеет никаких шансов на успех. В этом случае можно только говорить о частичных планомерно подготовленных наступлениях с целью создания более благоприятных условий для прекращения операций".

Таким образом речь шла о принципиальных вопросах первостепенной важности. От них зависело продолжение наступления. Ответ верховного командования группе армий очень характерен для общего положения. В письме верховного командования от 15 мая было сказано:

„Командование 4-й армии, группа армий и верховное командование — все одинаково желают разбить врага. Ясно, что для этого нужны наступления широким и глубоким фронтом. В этом отношении существует полное единомыслие. Ширина и глубина фронта наступления определяются теми силами, которыми мы можем располагать для этой цели.

Если, считаясь со своими силами, мы должны будем сократить размах наступления,— а я боюсь, что это окажется необходимым,— то это сокращение прежде всего должно быть произведено на северном участке. Распространение наступления к югу весьма желательно. Надо подготовиться к наступлению такого размаха, который был предложен, окончательное же решение может быть принято лишь впоследствии.

Глубина удара зависит не только от размера наших собственных сил, но и от ожидаемого сопротивления неприятеля, от численности его резервов и т. д. Здесь мнения расходятся.

При наступлении „Михаэль" 18-я армия, как и ожидали заранее, достигла большого успеха, ибо имела против себя более слабого врага. Этот успех увеличился благодаря тому, что французы послали свои резервы слишком поздно,

а англичане бросили свои резервы против 17-й и 2-й армий. Резервы, брошенные против 2-й армии и 17-й армии, тоже запоздали.

2-я армия на своем левом фланге разделила успех 18-й армии.

При нынешнем положении 4-й армии приходится рассчитывать и на упорное в первое время сопротивление противника, и на сильные неприятельские резервы. Первое сильное сопротивление должно быть сломлено главным образом при помощи мощной артиллерии; неприятельские резервы, которые придут лишь позже, но все же достаточно скоро, должны быть сокрушены скорее всего лишь после вторичного развертывания артиллерии. Таким образом в самом процессе наступления получается частичное наступление при помощи мощной массы артиллерии и снарядов. Южная часть „Михаэль" и „Жоржет" были в первое время направлены против слабого, без резервов противника; „Новый Жорж" направлен против сильного противника с сильными резервами. На этом положении основана моя точка зрения на способ ведения наступления. Если изменится соотношение неприятельских сил на фронте 4-й армии, то изменится и мой взгляд на ведение наступления. Как только окажется возможным, я еще вернусь к этому вопросу в личной беседе.

Я считаю необходимым выяснить все точки зрения, ибо иначе опасаюсь разочарований и тяжелых потерь. Мы не можем их больше переносить: людей мало.

Первая указанная мною цель наступления в положении 4-й армии уже является очень крупной тактической целью. Ее можно будет достигнуть лишь через несколько дней. Если она будет достигнута, тогда — вперед с божьей помощью!

Людендорф".

Из этого письма ясно, что верховное командование должно было внести в план следующего крупного наступления на англичан некоторые ограничения, по сравнению с планом мартовского наступления. Верховное командование считало необходимым, во избежание тяжелых потерь, более осмотрительное, постепенное наступление против сильного противника и ограничение поставленных раньше целей. «Мы больше не в состоянии выдерживать потерь». Но все же было сомнительно, сумеем ли мы добиться таким путем решительного успеха. Но верховное командование рассчитывало до начала наступления отвлечь неприятельские резервы другим наступлением и перейти тогда к более решительным наступательным действиям.

После 1 мая армия перешла по всему фронту к обороне, и все зависело теперь от того, чтобы как можно скорее собрать крупные силы для дальнейших операций. В наступлении «Михаэль» участвовало около 90 дивизий, а в наступлении «Жоржет» — около 36. Группы армий немедленно приняли необходимые меры, чтобы изъять с фронта дивизии полевую и тяжелую артиллерию, саперные части, минометы, части связи, рабочие команды, транспортные средства и обоз, понтонно-мостовые парки и пр., без которых там можно было обойтись, и позаботиться об их отдыхе и пополнении.

Изъятие, пополнение и подготовка к наступлению большого количества особых ударных дивизий могли быть совершены только за счет дивизий, расположенных на позициях. Таким образом из одной лишь группы армий кронпринца Руппрехта были выделены в первой половине мая 32 ударных дивизии. Возникло опасение того, что дивизии, расположенные на позициях, вводимые в бой без передышки, со временем выдохнутся, тем более что возникшие после прекращения боев новые позиции

были во многих случаях расположены неудачно. Существовали слабые места, особенно на позициях у Альбера и у Морейля, на которых мы терпели в течение долгого времени значительные потери.

24 апреля 2-я армия попыталась улучшить свои позиции у Вилле-Бретонне и продвинуться ближе к Амьену, но без значительного успеха. 4-я армия еще долгое время продолжала сражаться на участке Авра и у Креммеля. Положение 18-й армии тоже еще долго было напряженным, а потери значительными. Под непрерывным огнем противника было трудно организовать новые позиции.

Таким образом в мае, перед началом нового наступления на реке Эн, положение во многих отношениях существенно изменилось по сравнению с положением перед мартовским наступлением.

Наступление группы армий германского кронпринца было возможно лишь в конце мая. Несомненно оно было связано с дальнейшим расходом сил. Предполагавшийся крупный удар против англичан мог начаться не раньше, чем в июне. Таким образом пауза между обоими наступлениями была довольно длинной. В течение этой паузы англичанам было дано время оправиться от поражения и подтянуть резервы. Это означало отказ от непосредственного использования успехов, достигнутых в марте и апреле; надо было также считаться с возможным прибытием американцев.

Возобновленное наступление против англичан после понесенных до сих пор потерь не могло уже вестись с такой силой и в таком объеме вширь и вглубь, как это было бы желательно. Число свежих дивизий уменьшилось, боевая сила артиллерии, минометов, самолетов и пр. также страдала от непрерывных перегруппировок от одного наступления к другому. Положение с комплектованием обстояло неважно и заставляло по возможности избегать крупных потерь.

Неблагоприятное расположение наших позиций на выпяченном в сторону неприятеля выступе у Мондидье и Армантьера не внушало опасений лишь до тех пор, пока немцы сохраняли инициативу, продолжая наступление. Оно стало угрожающим, как только мы перешли в оборону.

Как это большей частью бывает на войне, верховному командованию приходилось считаться в своих решениях с самыми разнообразными трудностями. Необходимо было их преодолеть, а не принимать то, что продиктует нам противник. Нужно было действовать. В этом вопросе сходятся почти все критики действий германского военного командования. Но относительно выбора направления наступления мнения значительно расходятся.

Французы считают, что было бы лучше, если бы тот месяц, который германское командование потратило на подготовку наступления на р. Эн, оно использовало для восстановления путей сообщения завоеванной местности, чтобы продолжать там же

свое наступление до того, как англичане могли бы окончательно укрепиться и обосноваться на новых позициях. По мнению ген. Манжена, своим наступлением у Шмен-де-Дам немцы пожертвовали теми преимуществами, которых они добились при операциях против англичан, и дали англичанам время восстановить свои силы. Начальник французского генерального штаба ген. Бюа также считает, что более целесообразным было бы продолжение наступления против англичан в направлении на Кассель, но еще выгоднее было бы наступление через Амьен на Аббевиль, чтобы отрезать всю бельгийскую и английскую армии.

Из предыдущего изложения видно, почему нельзя было продолжать наступления во Фландрии, когда оно было уже приостановлено. Было бы большой ошибкой опять бесполезно растрачивать силы в операциях против Амьена, где французское сопротивление оказалось наиболее упорным.

Ген. Мозер («Strategischer Uberblick über den Weltkrieg») высказался в пользу наступления на Ланс против неприятельских позиций между Бетюн и Аррас, где оно при «сравнительно небольшой ширине фронта могло бы быть проведено с большой энергией и быстротой». Но, как мы уже выяснили, наступление в этом направлении вело через крайне неудобную местность и имело очень мало шансов на быстроту продвижения, несмотря на «сравнительно небольшую ширину фронта».

Для оценки решения верховного командования весьма важно знать, каково было положение противника. Противник тоже понес большие потери в прежних боях.

Фельдмаршал Хэйг считает критическим положение английской армии в конце апреля, когда наступило затишье в боях. Британская армия была истощена. В начале мая пришлось расформировать 8 дивизий, 2 другие были очень малочисленны. 5 дивизий не годились для применения на боевом участке фронта и в конце апреля были отправлены на спокойный участок французского фронта.

В общем оставалось 45 английских дивизий, большей частью очень слабых численно, которые можно было бы использовать на английском фронте.

Но три четверти этих дивизий принимали участие в предшествовавших боях и крайне нуждались в отдыхе. Они насчитывали в своих рядах значительное число недостаточно обученных и неопытных новобранцев. Подкрепления из Англии и с других театров военных действий поступали очень скудно.

Французы также израсходовали большую часть своих резервов на Сомме и к северу от Лиса.

„Одним словом,— говорит фельдмаршал Хэйг, — фронт Антанты не был прорван неприятельским наступлением, но Антанте пришлось использовать все вспомогательные средства, когда противник приближался у Амьена и Хазебрука к стратегическим пунктам первостепенной важности. При таких обстоятельствах возможность непосредственного продолжения неприятельского наступления внушала сильное беспокойство“.

Из этого ясно виден значительный успех предыдущих германских операций. Если бы германское верховное командование имело возможность продолжать в мае наступление против англичан со свежими крупными силами и если бы оно могло пойти на крупные потери, неизбежные в тяжелых и продолжительных сражениях, то правы были бы те критики, которые считали более правильным продолжение наступления против англичан.

Правильность принятого верховным командованием решения подтверждает еще одно обстоятельство. Начиная с конца апреля, Антанта рассчитывала на то, что немцы подготовляют новый удар, и полагала, что они возобновят наступление широким фронтом на линии Аррас — Амьен — Мондидье, чтобы захватить Амьен и разъединить французскую и английскую армии. Англичанам стало известно, что позади фронта группы армий кронпринца Руппрехта сосредоточиваются резервы. Англичане, ставшие очень нервными после горького опыта, требовали подкреплений. Таковы были причины, по которым Фош решил сгруппировать свои резервы на Сомме и на Лисе. Распределение дивизий дает нам картину значительного накопления боевых сил Антанты и на фронте и в резервах на левом фланге от Уазы до северной Фландрии.

Таким образом возобновление германского наступления на Сомме или на Лисе натолкнулось бы на подготовленного и сильного противника. Нужно поэтому считать правильным решение верховного командования отвлечь часть расположенных там резервов в другое место раньше, чем будет возобновлено наступление во Фландрии.

9. МАЙСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Майское наступление было направлено против французских позиций между Суассоном и Реймсом и должно было быть проведено 7-й армией и правым крылом 1-й армии. Наступление должно было в первую очередь преодолеть сильные позиции у Шмен-де-Дам.

Ген. Людендорф говорит в своих «Воспоминаниях о войне», что нельзя было предвидеть, как далеко завело бы нас это наступление. «Я надеялся, что оно вызовет такой расход сил со стороны противника, что мы сможем продолжать наступление во Фландрии». В другом месте Людендорф говорит: «Я полагал, что нам удастся лишь достигнуть района Суассон и Фим (Fismes)».

Кронпринц Вильгельм в своих «Воспоминаниях о героической борьбе Германии» указывает, что цель нового наступления простиралась только до р. Эн у Суассона и до р. Вель.

Судя по официальным документам, первоначальной целью наступления была река Эн. Но в течение мая, во время приготовлений, эта задача была расширена, и целью наступления стали высоты между реками Эн и Вель, а затем и р. Вель. За несколько дней до начала наступления его цель была опять рас-

ширена за реку Вель к югу, так как шансы казались благоприятными и 7-я армия обладала в первые дни наступления численным превосходством в три раза в отношении пехоты и во много раз в отношении артиллерии и минометов. Наступление должно было быть вынесено за участок на р. Эн по обе стороны от Суассона и за р. Вель до высот к юго-востоку и к юго-западу от Суассона и на несколько километров южнее реки Вель.

Главное командование группы армий германского кронпринца приступило к подготовке наступления. Оба крыла должны были быть усилены, чтобы правое крыло могло двигаться вдоль р. Уазы по направлению на Компьень, а левое крыло, окружив с востока Реймс, овладеть лесом на горах к югу от Реймса. Неприятельские позиции в районе Компьень — Нуайон — Мондидье к северу от Уазы против южного фронта 18-й армии пали бы тогда сами собой. Таким образом можно было бы достигнуть выгодного направления линии наших позиций между Реймсом и Мондидье.

К сожалению, верховное командование было лишено возможности предоставить группе армий германского кронпринца необходимые для этого силы и в особенности артиллерию. Положение в группе армий кронпринца Руппрехта не позволяло забрать столько артиллерии. Правда, кронпринц Вильгельм высказывает в своих «Воспоминаниях» мнение, что необходимые силы и тяжелая артиллерия могли бы быть собраны, если бы было решено привлечь к наступлению 7-й армии часть многочисленных дивизий и артиллерийских частей, собранных в тылу группы армий Руппрехта.

Но, как уже было сказано, после окончания крупных операций в группе армий кронпринца Руппрехта было много слабых мест — у Кеммеля, на Анкре и Авре,— которые находились под большой угрозой и вызывали кровопролитные бои. Дивизии, отведенные в мае в тыл этой группы армий для отдыха и подготовки, были предназначены для предполагавшегося наступления «Гаген» во Фландрии, которое должно было начаться немедленно после майского наступления на реке Эн. Если бы часть этих сил была привлечена к участию в диверсионном наступлении на р. Эн, то это привело бы к ослаблению главного наступления во Фландрии и к изменению всего оперативного плана.

Поэтому верховное командование сочло себя вынужденным разбить наступление на две части. За наступлением 7-й и 1-й армий в направлении Суассон — Фим — Реймс должно было позже последовать наступление 18-й армии на западном берегу Уазы с линии Мондидье — Нуайон в направлении на Компьень. Это было сделано в силу крайней необходимости, но к этому принуждали обстоятельства.

Наступление не могло начаться раньше конца мая, хотя первые приказы верховного командования были отданы группе армий германского кронпринца еще 17 апреля. Общие приготовления и подготовка отдохнувших ударных дивизий отнимали значительное время и не позволяли торопиться. Наступление на

11*

мощные позиции на р. Эн требовало тщательной артиллерийской подготовки и значительного снабжения.

Утром 27 мая на фронте шириной в 55 км были готовы к наступлению 30 дивизий и 1 158 батарей, входивших в состав 7-й и 1-й армий. Дополнительные дивизии находились в пути. В операциях в общем принимали участие 41 дивизия. В числе этих дивизий находились 30 дивизий, предоставленных верховным командованием, и 11 дивизий, снятых с позиций. Из общего числа дивизий 26 принимали участие в наступлениях «Михаэль» и «Марс». Дивизий, принимавших участие в наступлении «Жоржет», среди них не было.

Уже в первый день наступления, 27 мая, немцы взяли штурмом Шмен-де-Дам, перешли Эн и достигли к вечеру реки Вель у Фима. В течение одного дня германские войска проникли на 20 км вглубь неприятельских позиций. 28 мая верховное командование расширило задачу и в полдень отдало следующее приказание:

„Группа армий должна достигнуть приблизительно следующей линии: высоты к юго-западу от Суассона—Фер-ан-Тарденуа (Fère en Tardenois)—высоты к югу от Кулонж—южный фронт у Реймса (линия фортов). В настоящий момент еще не ясно, будет ли полезно дальнейшее продвижение по направлению к линии Компьень — Дорманс—Эпернэ. Это можно иметь в виду в благоприятном случае".

28 мая немцы перешли широким фронтом р. Вель. 29-го центр продвинулся далеко в направлении на Дорманс и захватил Суассон, но оба фланга сильно отстали у Суассона и Реймса. Верховное командование распорядилось продолжать наступление в направлении на Компьень — Дорманс — Эпернэ. Главный удар должен был быть направлен к юго-западу, тогда как левое крыло, зайдя за Реймс, должно было овладеть высотами южнее Реймса. Через Марну переходить не предполагалось, но необходимо было завладеть переправами.

30 мая верховное командование еще более расширило цель наступления в надежде, что Реймс падет в результате двухстороннего охвата. Оно отдало следующий приказ:

„1-я армия должна усилить свой правый фланг южнее р. Вель за счет центра, чтобы иметь возможность наступать энергичнее на своем боевом участке на юг и на юго-восток. Этим облегчится окружение Реймса, и продвижение левого крыла 7-й армии не будет задержано. Прошу также взвесить, можно ли продолжать окружение Реймса с востока".

30 и 31 мая центр перешел через Марну у Шато-Тьерри и у Дорманса, но на флангах действия против Реймса были безуспешны, а в западном направлении успехи оказались ничтожны. Не удалось овладеть ни лесом Виллер-Коттере (Villers-Cotterêts), ни лесистой местностью к югу от Реймса. Сила неприятельского сопротивления росла, между тем как силы наступающих армий ослабевали.

5 июня наступление было приостановлено. Тактический успех его превзошел все ожидания. Взятие Шмен-де-Дам было блестящим делом. В четыре дня было достигнуто вторжение глуби-

ною до 60 км. Противник потерпел тяжелое поражение. Было взято в плен свыше 50 000 человек и захвачено 600 орудий.

В конце мая началась переброска артиллерии 7-й и 1-й армий в 18-ю армию для наступления с линии Мондидье — Нуайон в направлении на Компьень, но наступление не могло начаться раньше 9 июня. Оно натолкнулось на хорошо подготовленного противника и могло продвинуться лишь за реку Матц. 11 июня последовал энергичный французский контрудар, и наступление должно было прекратиться. Этим была закончена вся операция, фронт Мондидье — Реймс перешел в оборону и в половине июня наступило полное затишье.

Сражение под Суассоном и Реймсом показывает, чего можно достичь, действуя неожиданно. Если бы и в будущем удалось захватить неприятеля врасплох, то верховное командование могло бы продолжать наступление с полными шансами на успех и было бы вправе надеяться на успешное проведение своего оперативного плана.

Расчеты верховного командования оказались правильными: Неприятельские резервы были сосредоточены главным образом на Сомме и на Лисе. Французы не ожидали наступления на Шмен-де-Дам, ибо считали эту позицию неприступной.

Поэтому она оценивалась, как спокойный участок фронта, на котором частично находились истощенные в боях английские дивизии, нуждавшиеся в отдыхе. Наши приготовления к наступлению были проведены с такой тщательностью, что они ускользнули от внимания противника.

Совершенно правильным был план верховного командования — отвлечь перед главным наступлением во Фландрии находившиеся там резервы противника при помощи диверсионного наступления на р. Эн. Но это диверсионное наступление превратилось в большое сражение, в котором была далеко превышена поставленная раньше задача. По окончании боев на линии Нуайон — Реймс образовался клинообразный выступ в сторону р. Марны, гораздо худший, чем в Мондидье после мартовского наступления. 7-я армия была в очень плохом положении. Оба фланга выступа подвергались большой опасности из-за лесов у Виллер-Коттере и у Реймса. Снабжение было также очень затруднено из-за плохого состояния ж.-д. сети.

Критика уделяла очень много внимания майскому наступлению. Совершенно очевидно, что наступление на более широком фронте и с более значительными силами, предложенное кронпринцем Вильгельмом, было бы выгоднее, чем расчленение наступления на два акта. Но с другой стороны было ясно, что силы и средства, которыми мы располагали, вынуждали ограничить операции.

То обстоятельство, что первоначальная задача была превышена, оказалось впоследствии роковым. Нельзя было оставаться там, где мы стояли в момент окончания боев. Поэтому возникает вопрос, правильным ли шагом был переход через р. Вель? Ген. Мозер полагает, что если бы движение по линии Суассон —

фим было приостановлено, то можно было бы переместить центр тяжести наступления на правое крыло и успеть достигнуть линии Компьень — Суассон раньше, чем к противнику подошли бы свежие подкрепления. «Но германское командование слишком поздно приступило к перемещению главного удара в юго-западном направлении»,— говорит ген. Мозер.

Штегеман в своей «Истории мировой войны» тоже подчеркивает, что с переходом через реку Вель диверсионный маневр принял характер решительного сражения. «Вспомогательный маневр превратился в операцию». По мнению Штегемана успех увлек германское командование к продолжению наступления до полной потери превосходства над противником.

30 мая была достигнута линия, которая выступала огромным клином до Марны, между тем как стороны этого клина были отогнуты назад к Суассону и Реймсу. Тогда наступил благоприятный момент, чтобы приостановить наступление на р. Урке (Ourcq), и на Адре и создать новый фронт по линии р. Вель, «ибо южнее реки Вель с 30 мая немцы сражались под возраставшей угрозой для флангов, страдая от недостатка тыловой и фронтовой связи». Штегеман считает, что взоры германского командования были отвлечены от Фландрии:

„Немецкая армия отказалась от уничтожения разбитой, но еще не вытесненной с поля сражения английской армии, чтобы разбить французов у Вилле-Коттере и взять Реймс".

Если бы немцы вспомнили, что они предприняли наступление на Шмен-де-Дам только для того, чтобы сковать французскую армию и главные резервы Фоша, и если бы они твердо держались основного плана уничтожения английской армии, то они должны были бы 30 мая остановиться в своем движении.

„Если в Авене (Avesnes) помнили еще о руководящей мысли—об уничтожении английской армии при помощи нового наступления во Фландрии и в Артуа и при полном оперативном использовании результатов сражения на Вель, то, вследствие отклонения от первоначальной стратегической идеи, этой мысли все же угрожала гибель".

Эта критика основана главным образом на ходе дальнейших событий. С этой точки зрения можно согласиться с мнением, что решение продолжать наступление имело решающее влияние на ход всего нашего наступления в целом. Мы это увидим из дальнейшего изложения.

Но в тот момент ни один солдат на фронте и ни один военачальник не понял бы, почему не использовать неожиданных преимуществ положения и не попытаться превратить в крупный успех победу, одержанную в результате полной неожиданности нашего наступления для противника. Нельзя было требовать от командования, чтобы оно остановилось посреди победоносного движения и дало разбитому врагу возможность уйти.

В начале операций было еще много оснований для надежды на расширение вторжения направо и налево. Каков бы был приговор истории, если бы впоследствии оказалось, что было бы

достаточно еще только одного удара для сокрущения французского фронта и что полководец не воспользовался случаем, который дало ему в руки боевое счастье?

Неверно, что верховное командование упустило из виду главную цель всего наступления, состоявшую в операциях против английской армии. Все приготовления для этого наступления проводились весьма тщательно. Чем больше был успех операций против французской армии, тем более увеличивались шансы на успех главных операций против англичан.

10. ПОЛОЖЕНИЕ ПО ОКОНЧАНИИ БОЕВ

Теперь мы подходим к последнему акту нашего наступления — к июльскому наступлению. Как известно, оно потерпело неудачу. Поэтому весьма важно выяснить не лучше ли было бы приостановить наступление по окончании июньских боев. Но если бы военное командование отказалось от продолжения наступления, то мы должны были бы перейти к обороне на протяжении всего фронта и вернуться для этой цели на наши исходные позиции от 21 марта. Оставаться же на позициях, достигнутых во время наступления, мы не могли. Нам бы снова предстояли ужасные материальные сражения, к которым противники прибегли бы, как только они оказались бы в состоянии бросить на чашу весов подавляющее превосходство. Потери в оборонительных боях были больше, чем при наступлении, а перспектива новой окопной войны должна была подействовать угнетающе на армию и настроение тыла. При чистой обороне с течением времени мы должны были быть побеждены, хотя бы нам и удавалось наносить частичные удары. С каждым месяцем, благодаря прибытию американцев, положение противника должно было улучшаться, тогда как сила сопротивления наших союзников — Австро-Венгрии, Болгарии и Турции — грозила полным истощением. Начатое 15 июня в Италии наступление австрийцев окончилось полной неудачей.

Ген. Людендорф («Kriegsführung und Politik», стр. 221) говорит:

„При таком положении вещей верховное командование твердо решило добиваться победы и начать 15 июля наступление. Победа в июле могла нанести неприятельским армиям гораздо большее потрясение, чем наши успехи год тому назад. Только эта победа могла бы заставить Антанту подойти ближе к вопросу о мире. Только победа дала бы нам возможность преодолеть внутренние раздоры. Верховное командование приняло это решение в полном сознании тяжелой ответственности, которую возложил на него долг; это по крайней мере должны были оценить солдаты“.

С военной точки зрения надо оценить это решение достойным образом. Пока у военачальника не было никаких реальных шансов на переговоры, он мог стремиться только к победе. В течение весенних операций, конечно, значительно ослабела надежда так разбить неприятеля, чтобы можно было навязать ему мир. Но все же при помощи дальнейших операций — особен-

но при помощи еще одной решительной победы над англичанами — казалось вполне возможным поставить противника в настолько неблагоприятное положение, что он пожелал бы мира. Например если бы мы овладели портами на побережьи, какое бы это могло иметь влияние на все военное положение!

Поэтому верховное командование решило продолжать наступление. Но прежде чем возобновить наступление на англичан (наступление «Гаген»), нужно было еще раз атаковать французов на Марне и под Реймсом. 14 июня верховное командование отдало приказ о том, чтобы наступление на Марне и к востоку от Реймса под условными названиями «Защита Марны» («Marneschutz») и «Реймс» было подготовлено группой армий германского кронпринца. Начало наступления было назначено на 10 июля. Около 20 июля должно было последовать наступление группы армий кронпринца Руппрехта во Фландрии «Гаген».

Но планы командования простирались еще дальше; из них видно, как оно себе представляло дальнейшее развитие военных действий.

22 июня оно отдало следующий приказ:

„По окончании наступательных действий, указанных в приказе от 14/VI 1918 г., возникнет вопрос о наступлении между Соммой и Марной. Его необходимо вести широким фронтом при помощи всех имеющихся в нашем распоряжении сил в направлении на Амьен и Париж... Приготовления должны быть проведены таким образом, чтобы развертывание артиллерии, минометов и дивизий могло начаться во второй половине июля".

Согласно телеграфному сообщению верховного командования от 3 июля, наступление предполагалось вести так, чтобы группа армий германского кронпринца действиями 18-й и 9-й армий по обеим сторонам р. Уазы в направлении на Бретейль (к западу от Мондидье) — Вилле-Коттере одновременно с наступлением 7-й армии к югу от лесистой местности Вилле-Коттере устранила выпячивание нашего фронта у Компьеня и уничтожила угрозу флангу 7-й армии со стороны Вилле-Коттере. Группа армий кронпринца Руппрехта при помощи операций 2-й армии должна была расширить наступление в общем направлении на Амьен. В приказе было определенно указано, что дело идет только о приготовлениях. Вопрос о том, какими силами можно было располагать для этого наступления, был еще совершенно неясен. Условное название этого наступления — «Курфюрст».

Однако, в связи с предпринятыми подготовительными мерами скоро выяснилось, что наступление 2-й армии на Амьен могло увенчаться успехом лишь в том случае, если бы оно было расширено к северу. В телеграфном сообщении верховного командования от 12 июля говорится:

Для этого расширенного наступления („Курфюрст") понадобятся новые силы, которых мы несомненно не в состоянии собрать. Поэтому мы должны будем отказаться от одновременного наступления на Амьен и на Париж и после наступлений „Реймс" и „Гаген" выбрать что-нибудь одно, поскольку у нас еще вообще хватит сил. Я прошу поэтому группу армий кронпринца Руппрехта представить

новый план широкого наступления от Соммы на Амьен. Решение о том, в каком направлении вести наступление — на Амьен или на Париж — и в каком масштабе его вести, можно будет вынести лишь после наступлений „Реймс“ и „Гаген“ в зависимости от того положения, какое создастся в результате боев. Раньше половины сентября это наступление никоим образом не может быть проведено“.

Нельзя, конечно, упрекать верховное командование за то, что оно слишком рано задумывалось о возможности того, что после наступления Марна — Реймс наступление «Гаген» не принесет ожидаемого решения. Казалось весьма сомнительным, чтобы к тому времени мы располагали достаточными силами для достижения крупных целей в направлении на Амьен или Париж. Предположительный срок этого наступления все более и более откладывался еще в период подготовки. В сентябре необходимо было считаться с прибытием крупных американских сил, между тем как у нас положение с комплектованием к тому времени должно было стать очень тяжелым.

11. ИЮЛЬСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Ген. Людендорф ясно высказался в своих «Воспоминаниях о войне» и в своей книге «Ведение войны и политика» о тех целях, которые преследовались при наступлениях «Защита Марны» и «Реймс». Начать предполагавшийся главный удар во Фландрии считалось еще несвоевременным. Хотя французские резервы и были уведены оттуда под давлением майских и июньских наступлений, но во Фландрии оставались еще крупные английские резервы.

„Неприятель стал во Фландрии опять настолько сильным, что в июле германская армия не могла начать там наступление. Тогда верховное командование решилось на двойное стратегическое наступление. За наступлением по обе стороны Реймса должно было непосредственно последовать наступление во Фландрии. Можно было надеяться, что в случае удачи противник настолько израсходует свои резервы, что наступление во Фландрии станет, наконец, возможным“

Таким образом речь шла о повторном диверсионном наступлении. При выборе места наступления верховное командование правильно исходило из стремления нащупать слабое место противника. Оно предполагало, что это место находилось по обеим сторонам Реймса, ибо от Шато-Тьерри до Вердена силы противника казались слабыми. При помощи этого наступления одновременно должна была быть улучшена связь с тылом 7-й армии между реками Эн и Марной и выпрямлена неблагоприятная линия наших позиций у Реймса.

Спрашивается, не являлось ли положение 7-й армии решающим в вопросе о наступлении Марна — Реймс?

Кронпринц Вильгельм говорит по этому поводу следующее:

„По окончании июньских операций тактическое и стратегическое положение 7-й армии, занимавшей выдвинувшиеся вперед позиции, было крайне неблагоприятным. Оба ее фланга находились под угрозой. Скрытая местность давала противнику возможность незаметно развернуть свои силы и совершить неожиданное нападение. Как позиции, оборудованные для длительной обороны, позиции 7-й армии требовали слишком большого количества войсковых частей. По-

этому их надо было или продвинуть вперед или перенести назад за реку Вель. Был избран первый вариант главным образом ради того, чтобы в дальнейшем при помощи мощного удара обеспечить перевес. Для германского командования более чем когда-либо было важно не давать противнику ни возможности ни времени беспрепятственно использовать свое непрерывно возраставшее численное превосходство в избранном по своему усмотрению пункте. Но к несчастью на этот раз верховное командование тоже не располагало необходимыми силами для нанесения нового удара".

Нельзя было решиться начать наступление в отдаленном пункте во Фландрии в такой момент, когда 7-я армия находилась на Марне в таком неустойчивом положении.

Это было затруднительно еще и потому, что к наступлению «Гаген» можно было приступить лишь спустя некоторое время, так что французы имели бы время оправиться. На наступление во Фландрии они бы вероятно ответили наступлением против 7-й армии.

Против выдвижения позиций 7-й армии ради улучшения ее положения говорил связанный с каждым новым наступлением расход сил. Не было никакой уверенности в том, что при помощи мощных ударов можно было надолго сохранить перевес и помешать противнику развернуть свои превосходящие силы. Нужно было выяснить, не создастся ли у нас таким образом перенапряжение сил, которое сможет быть беспрепятственно использовано более сильным противником.

Наступления «Защита Марны» и «Реймс» устраняли невыгодность положения 7-й армии только на ее восточном фланге, между Марной и Реймсом, но нисколько не избавляли ее от опасности, грозившей ей со стороны леса Вилле-Коттере. По словам кронпринца Вильгельма, вследствие этого

„должно было вскоре последовать наступление 7-й, 9-й и 18-й армий с целью достигнуть короткой линии фронта Мондидье—Шато-Тьерри, чтобы оставить позади фронта большие леса у Компьеня и Вилле-Коттере. Поэтому после проведения наступления 7-й, 1-й и 3-й армиями, их в случае надобности имели в виду направить опять на Марну между Шато-Тьерри и Шалоном. В общем это новое наступление также не преследовало никаких широких оперативных целей, которые бы имели решающее значение. При помощи нескольких самостоятельных боевых операций оно должно было привести к улучшению нашей несколько выдвинутой линии фронта, путем ее сокращения. Верховное командование надеялось при этом, что французы — так же как во время майского и июньского наступлений — будут вынуждены бросить в дело все свои свободные резервы и увести значительные силы из Фландрии, заметно ослабив таким образом фландрский фронт. Если бы это удалось, то заключительный и решающий акт борьбы выразился бы в уничтожении английской армии во Фландрии приблизительно в начале августа".

Такая расширенная диверсионная программа очень ослабила бы силу «решающего акта борьбы». Повидимому кронпринц впал здесь в ошибку. По другим источникам о намерении вести наступление против линии Мондидье — Шато-Тьерри еще до наступления «Гаген» ничего неизвестно. Наоборот, все распоряжения верховного командования исходят из того, что наступление «Гаген» должно непосредственно следовать за наступлением по обеим сторонам Реймса. Повидимому кронпринц перепутал это наступление с наступлением «Курфюрст», которое предполагалось начать после наступления «Гаген».

Наступление по обеим сторонам Реймса было так рассчитано, чтобы оно не коснулось непосредственно самого города Реймса и леса, расположенного на горах под Реймсом. Реймс должен был быть обойден с двух сторон. Для этого 7-я армия должна была перейти Марну к востоку от Шато-Тьерри и продвигаться по обеим сторонам Марны на Эпернэ, а 1-я и 3-я армии должны были наступать восточнее Реймса на Шалон. Внутренние крылья этих армий должны были сойтись у Эпернэ. Таким образом наступление имело фронт шириною в 120 км, включая и выделенный фронт у Реймса. В наступлении должны были участвовать 47 дивизий и 2 000 батарей. Переход через Марну и движение по лесистой местности представляли для армии большие трудности. Наступление началось 15 июля.

Наступление через Марну хотя и удалось, но скоро приостановилось. Восточнее Реймса неприятель планомерно отступил перед 1-й и 3-й армиями на вторую линию позиции. В силу этого наши прежние приемы наступления оказались непригодными. Погода стояла для газовой атаки неблагоприятная. 16 июля наступление пришлось приостановить. 17-го было приказано отвести части 7-й армии обратно за Марну. Но это могло быть выполнено лишь в ночь с 20 на 21 июля, так как для переправы необходимо было создать соответственные условия. Теперь оставалось еще сделать попытку захватить Реймс при помощи местного наступления.

В первый раз германское наступление потерпело тактическую неудачу. Из занятых в нем дивизий большая часть участвовала и в наступлении на Шмен-де-Дам и потому была крайне утомлена.

Мы знаем теперь из источников, опубликованных противником, что с начала июля французы твердо ждали германского наступления в Шампани. Об этом неосторожно говорили и в Германии. В начале июля французская разведка в Бельфоре получила об этом точные сведения через Швейцарию. На основании показаний германских пленных можно было считать вероятным германское наступление приблизительно около 10 июля. В самое последнее время, за день до наступления, французы получили от германских пленных даже точные сведения о часе, когда артиллерия и пехота начнут наступление. Неожиданность наступления, являющаяся главной предпосылкой успеха, не могла быть достигнута. Противнику удалось ускользнуть только благодаря этим обстоятельствам. Главным образом из-за этого не удалось наше наступление. Фош снял с фландрского фронта французские войска (около 8 дивизий) и перебросил их на французский фронт. Хотя Хэйг испытывал некоторое беспокойство, узнав о находившихся позади группы армий Руппрехта резервах, ему все же пришлось перебросить 4 английские дивизии на французский фронт и еще 4 дивизии послать на Сомму в район Амьена. Таким путем Фош получил возможность продвинуть оттуда 4 дивизии дальше вправо. Эти передвижения были сделаны своевременно — до 15 июля. При этом ясно обна-

ружилось важное значение единого командования, которое находилось в руках Фоша. Без этого едва ли удалось бы согласовать противоречивые интересы французов и англичан.

Таким образом мы в данном случае попали не в слабо укрепленный пункт, как мы надеялись, а столкнулись с сильным и хорошо подготовленным противником. Хотя нам и удалось оттянуть резервы противника с фландрского фронта, но зато потерпело неудачу наше наступление под Реймсом. Не удалось также улучшить неблагоприятное положение 7-й армии. Весьма печальным был тот факт, что мы наткнулись в Шампани на одну, а у Шато-Тьерри на 3 американские дивизии, оказавшие упорное сопротивление.

В положении на фронтах наметился перелом.

12. ФРАНЦУЗСКОЕ КОНТР-НАСТУПЛЕНИЕ 18 ИЮЛЯ

После неудавшихся наступлений «Защита Марны» и «Реймс» положение 7-й армии и расположенной рядом с ней в районе Суассона по обеим сторонам реки Эн 9-й армии, образовавших клинообразный выступ от р. Эн по направлению к Марне, было крайне неблагоприятно. Ни на правом, ни на левом фланге выступа не удалось выправить линии фронта. Оба фланга могли подвергнуться контрнаступлению противника. Несмотря на это, вечером 16 июля уже началась отправка первых транспортов из-под Реймса на фландрский фронт для наступления «Гаген». Ген. Людендорф отправился 18 июля к группе армий кронпринца Руппрехта, чтобы обсудить дальнейшие мероприятия для наступления «Гаген». Здесь в полдень получилось первое известие о крупном французском наступлении между р.р. Эн и Марна против западного фронта 7-й и 9-й армий.

Из лесистой местности Виллер-Коттере (к юго-западу от Суассона) противник продвинулся в направлении на Суассон и грозил отрезать выступавшую к Марне дугу. Пути связи войск, расположенных в южной части этой дуги и к югу от Марны, подвергались большой опасности. После тяжелых боев верховное командование было вынуждено отвести войска за р. Вель на линию к северу от Суассона — Реймса. Эта линия была достигнута в ночь с 1 на 2 августа. Пришлось очистить весь Марнский выступ, завоеванный в мае. Бесспорно, нам был нанесен тяжелый контрудар. Войска сражались превосходно, и отступление было проведено в полном порядке. Но потери были очень велики; многие дивизии были уничтожены, и для восстановления положения требовались свежие силы. От наступления «Гаген» пришлось отказаться. В операциях 1918 г. наступил перелом.

Чем был вызван этот перелом? Может быть в нем виновато военное руководство или войска? Принимая во внимание огромную важность события — этот вопрос надо выяснить.

В книге «Из моей жизни» («Aus meinem Leben», стр. 347) ф. Гинденбург говорит:

„Предпосылкой успеха для нашего наступления под Реймсом (15 июля) была устойчивость того участка фронта, который выдавался на запад до Марны между

Суассоном и Шато-Тьерри. Можно было предвидеть, что наше наступление вызовет противодействие французских сил, сосредоточенных у Компьеня и Виллер-Коттере. Если ген. Фош имел возможность проявить хоть какую-нибудь активность, то он должен был выйти из своего прежнего пассивного состояния, как только для него выяснилось наше наступление на Реймс и через Марну".

Если по мнению верховного командования, которое исходило из общего положения, было вполне вероятно наступление на фланг 7-й и 9-й армий, то с начала июля признаки, указывавшие на его возможность, стали увеличиваться. Об этом все чаще и чаще говорили агентурные сведения и показания перебежчиков и пленных. В лесу Виллер-Коттере были якобы сосредоточены войска с мощной артиллерией. Трудно было узнать, что происходит в лесистой местности, но, судя по всем сообщениям, наступление казалось весьма вероятным.

7-я и 9-я армии просили подкреплений, но группа армий и верховное командование не считали положение столь угрожающим. Главной задачей была подготовка к наступлению «Защита Марны» и «Реймс». Ничто не должно было делаться в ущерб этому наступлению. Нужно было полагать, что как только начнется это наступление, французские резервы будут направлены для противодействия ему. Считалось мало вероятным, чтобы противник располагал еще крупными резервами для наступления со стороны Виллер-Коттере. Группа армий сделала все, что было в ее силах, для подкрепления и замены истощенных дивизий на угрожаемом фланге, а верховное командование напоминало о необходимости глубокого эшелонирования на оборонительных позициях.

По полученным 10 июля сведениям французское наступление должно было начаться 14 июля. Но в этот день оно не состоялось, и напряжение на фронте, казалось, несколько разрядилось. В связи с этим мнения относительно наступления противника совершенно переменились. В войсках перестали вообще верить в возможность наступления, тем более, что 15 июля началось наше наступление по обеим сторонам Реймса, которое должно было втянуть в операции неприятельские резервы.

11 июля группа армий германского кронпринца еще сообщала:

„По показаниям перебежчиков предстоит неприятельское наступление против корпуса Ваттера и прилегающих к нему с обеих сторон участков. Наступления можно твердо ожидать 15 июля, если оно не начнется еще раньше. 9-я и 7-я армии организуют оборону угрожаемых фронтов".

Однако, 15 июля командующий 9-й армией сообщил:

„11 июля я просил подкрепления в размере 4 боеспособных пехотных дивизий полного состава; но положение стало с тех пор менее напряженным. Контрнаступления едва ли можно ожидать; поэтому я беру назад свое предложение о присылке 4 свежих дивизий".

Армия просила все же подкреплений и перегруппировки сил, ибо для удержания фронта нужны были надежные и непереутомленные войска. Из ответа верховного командования от

17 июля, т. е. за день до французского контрнаступления, видно, что оно не считалось с возможностью такого наступления. Там сказано:

„По окончании боев вокруг Реймса нужно будет произвести новую перегруппировку сил по всему фронту группы армий. Лишь тогда видно будет, как помочь 9-й армии. В настоящее время свежие дивизии не могут быть подвезены хотя бы в связи с положением на железных дорогах".

В последний момент, рано утром 18 июля, два перебежчика принесли известие о том, что в это утро начинается крупное наступление между Марной и Эном. Шум моторов, который был слышен ночью в районе Кютри (к юго-западу от Суассона), свидетельствовал о наличии у противника танков. Оба известия оказались запоздавшими.

Вполне понятно, что господствовавшее среди высшего командования мнение о разрядившемся напряжении на фронте в дни перед 18 июля распространилось также и в войсках. Но войска все же нельзя винить в неприятельском вторжении 18 июля. Войска и в частности якобы «сдавшая» 11-я баварская дивизия, сражались блестяще. Но часть дивизий была переутомлена и во всех дивизиях нехватало пополнений. Кроме того численность дивизий заметно сократилась в результате свирепствовавшего гриппа, так что наличный боевой состав рот составлял не больше 65 человек, часто доходя всего лишь до 30—40 человек. Некоторые дивизии не были достаточно и глубоко эшелонированы для обороны. В общем, 9-я и 7-я армии не были в состоянии противодействовать наступлению между Эном и Марной в том огромном масштабе, в котором оно началось 18 июля.

Французский контрудар не был вызван только нашим наступлением от 15 июля; он проектировался еще с июня месяца после окончания тогдашних боев. Ген. Фош оставался при этом решении и после того, как он получил в начале июля полную уверенность в предполагавшемся в середине июля германском наступлении. Марнский выступ должен был быть атакован с запада 10-й и 6-й армиями, а с юго-востока — стоявшей к юго-западу от Реймса 5-й армией. В ночь на 14 июля уже началось сосредоточивание дивизий. Все передвижения происходили ночью, а днем все войска, обозы и парки оставались без движения, если не могли пользоваться прикрытием лесов Вилле-Коттере. Противник продолжал готовиться к наступлению, несмотря на германское наступление 15 июля. Французские ударные дивизии прибыли на линию фронта лишь в ночь на 18 июля.

Утром 18 июля французские 6-я и 10-я армии перешли в наступление без всякой артиллерийской подготовки. По французским данным это наступление ошеломило немцев. Это оказалось возможным только благодаря применению танков. Так же как при английской танковой атаке 20 ноября 1917 г. у Камбрэ, танки и теперь сыграли в наступлении главную роль. В 10-й армии находилось около 400, а в 6-й — около 200 танков. Значительную поддержку оказали американцы своими 9 дивизиями.

Вышеизложенные обстоятельства достаточно объясняют успех французского наступления против относительного слабого германского фронта. У противника были достаточно многочисленные резервы, которые дали ему возможность сосредоточить крупные силы для флангового наступления, несмотря на наше наступление 15 июня.

13. ОЦЕНКА ИЮЛЬСКИХ БОЕВ

Исход июльских боев был роковым для дальнейшего хода военных действий. Поэтому германская критика резко осуждала наше наступление по обеим сторонам Реймса. Но оценка этого наступления не должна основываться исключительно на его результатах.

Иностранная критика оценивает наше реймское наступление более благосклонно. Начальник французского генерального штаба ген. Бюа считает, что наше наступление хорошо проводилось тактически, когда французский фронт, выступавший у Реймса, был охвачен с двух сторон. В оперативном отношении перспективы также были блестящи. Если бы немцам удалось овладеть участком на Марне от Шато-Тьерри на Эпернэ до Шалона, то они могли бы использовать этот успех в восточном направлении, чтобы оттеснить всю оборонительную линию в Аргоннах и под Верденом и заставить французов отступить на линию Шато-Тьерри — Шалон — Сен-Миель. Но германские планы, конечно, так далеко не заходили.

Наступление по обеим сторонам Реймса должно было отвлечь с французского фронта резервы и создать таким путем благоприятные условия для главного натиска на англичан. Таким образом это было второе диверсионное наступление. Как мы уже говорили в первой части настоящего исследования, наши силы были ограничены, пополнения грозили иссякнуть и положение требовало быстрых и решительных действий, пока силы наших противников не возросли благодаря вмешательству американцев. Каждое диверсионное наступление было связано с значительным расходом сил, тем более что, как показало майское наступление, исхода таких диверсионных наступлений невозможно было предвидеть. Между отдельными наступлениями были довольно значительные паузы, так что наступление «Гаген» не могло быть начато раньше августа. Начиная с первых чисел мая, англичанам был предоставлен покой. Следовало полагать, что в августе английская армия давно уже оправилась от понесенного поражения и была готова к обороне, между тем как французский фронт был усилен прибывшими тем временем американскими дивизиями.

Таким образом наступление «Гаген» было отложено на такой долгий срок, что возникло сомнение, хватит ли у нас сил для решающего главного удара и будет ли нам еще благоприятствовать положение противника. Исходя из этих соображений, утверждают («Kritik des Weltkrieges», стр. 232), что:

„подготовлявшееся в июле новое наступление, какую бы чувствительную брешь оно ни нанесло неприятельским резервам, должно было привести к растрате германских сил, имевшихся еще в нашем распоряжении для обеспечения главного удара необходимым минимумом живой силы".

Если бы решительный удар был действительно предпринят, он превратился бы в последний удар истощенными силами и никогда больше германская армия не была бы в состоянии достаточно усилиться для решительного наступления.

„Удар на Реймс был последним проявлением нашей силы, и поскольку он не должен был иметь решающего значения, германское командование, само того не сознавая, отказалось тем самым от проведения главного удара еще до того, как маршал Фош вырвал у нас инициативу".

В таком же духе высказывается и кронпринц Вильгельм, соглашаясь со своим начальником штаба, графом Шуленбергом:

„Мысль верховного командования—искать боевого решения на суше—не на фронте моей группы армий, а на правом крыле во Фландрии, в наступлении против англичан — казалась нам теоретически правильной. Но принимая во внимание прежние потери и предстоявший в новом наступлении крупный расход сил, казалось сомнительным, чтобы верховное командование было еще в состоянии накопить необходимые массы вооруженных сил и боевых средств, чтобы достигнуть своей крупной цели и вообще вести решительное наступление. В этом отношении мы были настроены скептически ввиду состояния дивизий, предназначенных для наступления, и особенно ввиду приходящих из тыла все более и более скудных пополнений, далеко неполноценных по своим внутренним качествам. В наших глазах предполагавшееся под давлением законов динамики наступление Марна—Реймс было последним наступательным успехом, на который мы были способны".

Эти соображения, высказанные против июльского наступления, были, конечно, обоснованы. Но спрашивается, что должно было предпринять верховное командование в том крайне тяжелом положении, в каком оно находилось?

Считаясь с положением, создавшимся в середине июня, Штегеман говорит, что наступление должно было быть приостановлено.

„Большие сражения увенчались крупными успехами, но тактические победы, одержанные героическими усилиями, в значительной степени утрачивали свой эффект в интервалах между отдельными боевыми действиями и потому терялось их стратегическое значение. Каждая пауза в операциях ставила под угрозу конечный успех. Эти паузы вызывались не только расстояниями между пунктами отдельных предполагавшихся сражений и переменами фронтов наступления. Главной причиной была та экономия в применении своих сил, которую были вынуждены соблюдать немцы. Поэтому, после того как весенние бои не принудили противника заключить мир и даже не сделали его склонным к соглашению, не оставалось ничего другого, как отказаться от наступления".

Но ведь приостановкой наступления вопрос не решался. Как надо было дальше вести войну? Прекратить наступление это значило перейти к обороне. Но в последнем случае, как было уже доказано, война была бы проиграна и ее могли продолжать только для того, чтобы достигнуть мало-мальски приемлемых условий мира. Но для такого малодушного решения не было никаких оснований до тех пор, пока не была сделана последняя попытка добиться благоприятного для нас решения.

Руководимое твердой волей верховное командование с полным основанием отклонило подобное предложение.

Тогда был предложен другой выход[1].

Можно было бы, быть может, обойтись без реймского наступления, если бы вместо него было немедленно начато наступление во Фландрии, а в обеих подвергавшихся опасности дугах у Мондидье и Дорманс на случай неприятельского нападения было подготовлено отступление к хорде дуги.

В этом случае, конечно, нужно было бы отказаться от нового отвлечения неприятельских резервов из Фландрии. Но было ли оно вообще так необходимо? Достигнутые нами во время наступления позиции против Амьена, Компьеня, на Марне и у Реймса представляли собой сильную угрозу французскому фронту и опасность для Парижа.

Майские и июньские бои уже оттянули бо́льшую часть французских резервов к району Компьень и на Марну. Поэтому следовало полагать, что при возобновленном наступлении на Марне мы столкнулись бы с значительными французскими силами. В противоположность майскому наступлению в июне мы имели против себя сильный фронт.

Наступление по обеим сторонам Реймса, переход через Марну и продвижение по неудобной лесистой местности были сами по себе очень трудны. Принимая во внимание сильную угрозу на фланге со стороны Вилле-Коттере, переход через Марну был рискованным. Наступление могло увенчаться успехом лишь в том случае, если бы противника удалось застигнуть врасплох и если бы это наступление настолько сковало силы противника, что сильный неприятельский контрудар на находившемся в опасности правом фланге оказался бы невозможным. К сожалению, эффект неожиданности на этот раз совершенно не удался, и мы недооценили резервы противника.

Отсутствие неожиданности при наступлении было главной причиной его неудачи. Утверждают, что к крушению нашего июльского наступления под Реймсом привело повторное схематическое применение тех же самых приемов наступления, какие были с успехом применены 21 марта. О приемах наступления нашей артиллерии мы уже раньше говорили. Они были главным образом основаны на внезапном открытии стрельбы на поражение, для которой при помощи специальных приемов были заранее подготовлены все необходимые условия без предварительной пристрелки. Этот прием оказался неудачным под Реймсом только потому, что французы были своевременно осведомлены о предстоящем наступлении и отступили на вторую линию позиций.

Других приемов мы тогда не нашли или они для нас не годились. Неожиданно поразить противника танковой атакой мы, к сожалению, не имели возможности.

---

[1] Автором настоящей книги в „Preussische Jahrbücher", 1921, ноябрь, стр. 182, и ген. Мозером в его цитированной выше книге, стр. 110.

После происшедшей 16 июля неудачи реймского наступления уже не могло быть больше речи о наступлении во Фландрии. Отправка транспортов из-под Реймса во Фландрию, с целью перегруппировки сил для наступления «Гаген», потеряла теперь всякий смысл. 7-я армия находилась под сильной угрозой на обоих флангах. Нас окружал мощный враг. По всем признакам со стороны Вилле-Коттере нам угрожало наступление.

В заключение мы можем сказать, что хотя июльское наступление и вызывало серьезные опасения, все же оно могло бы увенчаться успехом. После него несомненно можно было бы еще провести наступление во Фландрии. Но нет никакой уверенности в том, что после многочисленных диверсионных наступлений у нас хватило бы сил для решительного сражения с усилившимися тем временем англичанами во Фландрии. Поэтому дальнейшие планы наступления на Амьен и Париж оказались бесцельными.

14. ПЛАН НАСТУПЛЕНИЯ «ГАГЕН»

По словам ген. Людендорфа («Воспоминания о войне»), наступление «Гаген» рассматривалось как продолжение приостановленного в конце апреля наступления во Фландрии. Оно должно было быть проведено 4-ю и 6-ю армиями к северу от р. Лис, чтобы овладеть затем высотами между Поперинг и Байель (Poperinghe — Bailleul) и возвышенностью у Хазебрука. Эта местность считалась первым крупным объектом. Продолжать дальнейшие операции можно было только, овладев ею. По указанию верховного командования от 27 июня 1918 г. центр тяжести наступления надо было сосредоточить на правом крыле 4-й армии: «Чем сильнее будет там натиск с целью охвата, тем лучше разовьется вся операция и тем скорее она превратится в сильный удар». Верховное командование надеялось, что влияние этой операции распространится в направлении Дюнкирхен — Кале и приведет к решительному успеху против англичан.

Соответственно с этим был произведен расчет необходимой потребности в дивизиях, артиллерии и пр. Наступление предполагалось вести на фронте в 43 км ширины. Для его проведения считалось необходимым иметь 47 дивизий и 1 100 — 1 200 батарей.

Еще в начале мая начались приготовления группы армий кронпринца Руппрехта, исходившие из принципов и опыта наступления «Михаэль». Прежде всего надо было позаботиться о разработке планов наступления; о постройке железных и шоссейных дорог; о заготовке материала для прикрытия самолетов от наблюдения; о подготовке артиллерии (наблюдательные и командные пункты, позиции для батарей, склады боевых припасов и т. д.), минометов, воздушных боевых сил (аэродромы, палатки, бензин и т. д.), средств связи; о подвозе из тыла четырехдневного рациона боевых припасов и двухнедельного рациона продовольствия, а также саперного и санитарного оборудования. Нужные для этого рабочие команды были взяты из 2-й и 17-й армий и в конце мая направлены в 4-ю и 6-ю армии.

Снабжение артиллерией было связано с большими трудностями. Для полевой артиллерии был найден выход в том, что к каждой батарее были прибавлены 5-е и 6-е орудия, взятые из технического запаса, хотя это и причиняло тактические и технические неудобства. Что же касается тяжелой артиллерии, то 4-я и 6-я армии должны были получить отчасти ту артиллерию, которая участвовала в наступлениях «Защита Марны» и «Реймс» и которая должна была быть отправлена во Фландрию, как только без нее можно было бы обойтись.

Часть необходимого количества минометов, самолетов и пр. должна была быть доставлена таким же путем. Для этой цели был составлен точный план перевозок. Но для перевозки требовались две недели, и потому была неизбежна некоторая проволочка в наступлении «Гаген».

Сначала предполагалось, что «Защита Марны» и «Реймс» начнутся 10 июля, а 20 июля за ними последует наступление «Гаген». Но наступление «Гаген» было отложено, и потому «Защита Марны» и «Реймс» начались лишь 15 июля. Наладить перевозки из района Реймса во Фландрию с такой быстротой не удалось, вследствие чего наступление «Гаген» предполагалось начать только в первых числах августа.

В первых числах мая группа армий кронпринца Руппрехта начала выделять из находившихся в ее составе армий дивизии, предназначенные для наступления — всего 32 дивизии, которые были отправлены в тыл для подготовки. Они в первую очередь получали пополнения личным и конским составом. С фронта было взято все, без чего можно было обойтись, из артиллерии, самолетов и пр. Но этим приготовлениям сильно вредило то обстоятельство, что группе армий германского кронпринца пришлось выделить крупные части для наступления «Защита Марны» и «Реймс». Пришлось отдать рабочие команды, транспортные средства, самолеты и т. д. и даже несколько сформированных с таким трудом дивизий. В общем из 32 ударных дивизий пришлось отдать 14; таким образом осталось всего 18 дивизий. Верховное командование было намерено дать 8 дивизий, и потому с позиций надо было снять 21 дивизию, чтобы собрать необходимые для «Гагена» 47 дивизий. Естественно, что при таких условиях шансы этого наступления значительно ослабели.

По мере возможности группа армий старалась получить вместо выделенных ею дивизий новые с фронта. Но с течением времени становилось все труднее сменять дивизии, расположенные на позициях, дивизиями из тыла или с фронта и подготовить необходимые ударные войска и резервы.

Пришлось увеличить участки расположения каждой дивизии на позициях. Дивизии были совершенно истощены и таяли.

«Необходимо в ближайшее время обратить внимание на трудности, возникающие для дивизий, расположенных на позициях, ввиду их слабого в области сторожевой службы и возведения позиций боевого состава», — говорится в одном из приказов группы армий кронпринца Руппрехта от 8 июня 1918 г. Была

сделана попытка заменить дивизии, расположенные на позициях на спокойных участках фронта, дивизиями с более опасных участков, на которых потери были больше. Несмотря на это, положение дивизий на позициях становилось все тяжелее по мере того, как откладывалось наступление «Гаген». Дивизии на позициях были недовольны тем, что им приходилось без всякого перерыва нести всю тяжесть позиционной службы без замены и отдыха. Условия жизни 2-й и 7-й армий в разоренной местности были почти невыносимы. Войска постоянно подвергались воздушной бомбардировке. Но и вспомогательные дивизии не имели отдыха и возможности подготовиться, так как их нельзя было отвести достаточно далеко в тыл.

Все это влияло удручающим образом на эти дивизии и, при сравнении с положением ударных дивизий, вызывало недовольство.

Пополнения становились все более и более скудными. Текущие потери в группе армий кронпринца Руппрехта в мае и июне составляли в среднем 1 000 — 1 150 человек в день. Поступавшие пополнения покрывали лишь текущие потери, но их не хватало для покрытия убыли после крупных сражений. К тому же в начале лета вспыхнула сильная эпидемия гриппа. Некоторые дивизии насчитывали 1 000 — 2 000 больных.

На тяжелое положение в связи с недостатком конского состава и овса мы уже указывали в первой части настоящей книги.

Еще в мае в дивизиях, расположенных на позициях, не хватало в среднем 2 000 — 3 000 человек в каждой. Средний боевой состав батальона в дивизиях группы армий кронпринца Руппрехта, включая и ударные дивизии, был равен на 21 мая около 700 человекам, а на 13 июля — лишь 673 человекам.

Главное командование этой группы армий предложило в июне временно использовать дивизии, предназначенные для наступления, для замены дивизий, расположенных на позициях и крайне нуждавшихся в отдыхе. Но верховное командование находилось в затруднительном положении и 3 июня отклонило это предложение:

„Ставшее необходимым использование дивизий группы армий германского кронпринца, предназначенных для „Гагена", и дальнейшее выделение колонн приведет к необходимости отсрочить наступление „Гаген" на несколько недель. Поэтому, принимая во внимание общее положение, дальнейшее использование ударных дивизий не может быть допущено".

23 июня верховное командование подчеркнуло еще раз:

„Для предстоящих в ближайшее время боевых операций мы должны располагать хорошо обученными боевыми дивизиями. Для их подготовки требуется не меньше 5—6 недель. Нам ничего больше не остается, как примириться в течение ближайших недель с напряженной работой дивизий, находящихся на позициях".

Но в конце концов пришлось все же заменить некоторые дивизии, расположенные на позициях.

Как мы уже говорили, несмотря на неудачу реймского наступления, 16 июля началась перевозка войск из района Реймса

во Фландрию для наступления «Гаген». Но 18 июля перевозки прекратились, а 20 и 21-го последовали распоряжения верховного командования, на основании которых наступление «Гаген» было отменено. Оно стало невозможно вследствие необычайно крупных потерь, вызванных боями на рр. Марна и Вель, начиная с 18 июля.

22 июля фронт группы армий кронпринца Руппрехта перешел к обороне. Дивизии, предназначенные для наступления, должны были частью вернуться в группу армий германского кронпринца и частью заменить особенно пострадавшие дивизии на позициях. Но для последней цели их нехватило, и целый ряд истощенных борьбою дивизий на позициях должен был остаться на линии фронта.

Германское наступление было закончено.

Мы считали нужным более подробно остановиться на подготовке к наступлению «Гаген», чтобы получить ясное представление о силах, которые имелись для этого наступления, и о тех трудностях, которые нужно было при этом преодолеть. Ведь при помощи этого наступления, подготовленного несколькими крупными диверсионными наступлениями, должен был быть нанесен решительный удар против англичан,— удар, к которому мы так долго стремились.

Значительный первоначальный успех, по всей вероятности, мог бы быть достигнут, но едва ли он мог бы иметь решающее значение. О дальнейших крупных наступлениях на Амьен и на Париж теперь больше не могло быть речи.

Как только все фронты перешли к обороне, стали обнаруживаться те огромные затруднения, которые были вызваны крупной потерей сил и состоянием дивизий, расположенных на позициях.

15. ОБЗОР ВЕСЕННЕГО И ЛЕТНЕГО НАСТУПЛЕНИЙ

Германскому наступлению весною 1918 г. приходилось преодолевать огромные трудности. Превосходство противника росло с каждым месяцем, тогда как пополнения германской армии становились все более и более скудными. Их не хватало для того, чтобы хоть приблизительно покрыть потери. Армия обладала крайне ограниченной подвижностью. Лишь немногие дивизии могли быть достаточно хорошо снаряжены для наступления, между тем как слабые дивизии на позициях были постоянно в деле, не имея времени ни для отдыха, ни для обучения. Таким образом войска постепенно убывали, тогда как боеспособность противника сильно увеличивалась в результате прибытия американцев и применения нового боевого средства — танков.

Несмотря на это наступление диктовалось необходимостью. Мы одержали блестящие победы и совершили большие подвиги. Мы были многократно почти у самой цели — не хватало очень немногого. В самом плане наступления заключались нежелательные ограничения. Неоднократно наступление с самого начала не удавалось организовать на достаточно широком фронте, и нам при-

ходилось разбивать его на два отдельных последовательных акта. Поэтому-то 21 марта оказалось невозможным наступление на Аррас и наступление «Марс» пришлось отложить на более поздний срок. Майское наступление также должно было быть разделено на два отдельных акта.

Мы не имели возможности начинать каждое новое наступление со свежими силами. Артиллерия, самолеты, минометы и др., а также часть дивизий при помощи перегруппировок должны были переходить от одного наступления к другому. Такая быстрая перегруппировка наталкивалась на затруднения. Ликвидация предыдущего наступления происходила не так быстро, как это было желательно. Стремление по возможности ускорить новое наступление приводило к сокращению его силы. Но если бы мы не торопились так, как это было в мае и июне, то тем самым мы предоставили бы противнику время для отдыха и перегруппировки.

После того как первые наступления не привели к решению войны, наших сил на продолжительный срок уже не хватало. Сомнительно, чтобы мы после нескольких диверсионных наступлений были достаточно сильны для решительного удара во Фландрии, если бы даже и удалось последнее из этих наступлений — июльское.

Командование могло заранее предвидеть и действительно предвидело многие отрицательные стороны, обнаружившиеся во время наступлений. Но это не могло удержать командование от стремления решить войну силой оружия, пока существовала еще возможность добиться успеха. У него не было выбора. Было вполне возможно, что военное счастье поможет нам достигнуть того немногого, чего нам нехватало для окончательного успеха.

Хотя были допущены отдельные ошибки и мы не добились успеха, но надо не только порицать и хулить, но и восхищаться тем великим, которого мы достигли и которое безоговорочно признает противник.

II. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ БОИ ЛЕТОМ И ОСЕНЬЮ 1918 г.

1. ПОЛОЖЕНИЕ В НАЧАЛЕ АВГУСТА

В начале августа линия германского фронта была отодвинута за р. Эн — Суассон — Реймс; сражение в районе Суассон — Реймс было закончено. Армия по всему фронту перешла к обороне, и инициатива очутилась в руках противника. Сильнейшее напряжение сил германской армии оказалось недостаточным, чтобы добиться победы до прибытия больших сил американцев.

Отныне чаша весов упорно склонялась не в пользу Германии. Война была проиграна, хотя мы еще долго могли оказывать упорное сопротивление.

В задачу настоящего исследования не входит подробное описание дальнейших кровопролитных боев, происходивших летом и осенью 1918 г., после того как в войне произошел решитель-

ный поворот. Мы хотим лишь установить, каким способом, как долго и с какой целью война могла продолжаться далее. Важно также выяснить, какие причины привели Германию к катастрофе в ноябре 1918 г., хотя противнику и не удалось нанести германской армии решительного поражения на поле сражения.

Мероприятия военного командования в течение этого периода были часто тесно связаны с политическим положением. Поэтому некоторые вопросы могут быть пояснены лишь в свете политического положения. Более обстоятельное рассмотрение этого должно стать предметом специального исследования, здесь же мы займемся политическими вопросами лишь постольку, поскольку это необходимо для выяснения вопросов военного характера.

Военное положение Германии в начале августа 1918 г. не было в такой же степени ясно главному командованию, как оно ясно нам теперь, когда стали известны последующие события и положение противника.

Ген. Людендорф говорит в своих «Воспоминаниях о войне»:

„Попытка склонить народы Антанты к заключению мира при помощи германских побед еще до прибытия американских подкреплений потерпела неудачу.

Энергия армии оказалась недостаточной, чтобы нанести противнику решительное поражение раньше, чем прибудут значительные американские силы. Я ясно сознавал, что вследствие этого наше положение становится очень серьезным".

Хотя ген. Людендорф и считался с возможностью продолжения неприятельского наступления, но полагал, что речь может итти лишь о частичных наступлениях в том или ином пункте, ибо «неприятель в общем был не менее истощен, чем мы». Людендорф твердо надеялся на возможность отражения предстоящих частичных наступлений и рассчитывал, что мы тоже сможем наносить контрудары, хотя и в меньшем объеме, чем раньше.

„Даже в самых серьезных положениях до сих пор нам всегда удавалось находить стратегический выход; я не видел оснований, которые заставляли бы думать, что в данном случае нам это не удастся". Если бы фронт оказался способным к сопротивлению, „мы с рейхсканцлером приняли бы самые решительные меры".

Намерения верховного командования ясны из его приказа от 2 августа 1918 г. В приказе говорится:

„Положение требует, чтобы мы, с одной стороны, перешли к обороне, а с другой,—как только представится возможность, перешли бы опять в наступление.

После значительного расхода сил Антанты между рр. Вель и Марной в ближайшее время не следует ожидать крупных наступлений в других местах, тем более что противник рассчитывает на возможность нашего контрнаступления. В ближайшее время не исключается продолжение наступления на р. Вель. Более позднее крупное наступление противника может быть направлено против всех участков нашего фронта".

Далее в приказе перечислены все пункты, в которых возможно наступление противника. Затем в нем говорится:

„Организуя оборону, мы в то же время подготовляем наступление. При этом надо иметь в виду:

1. Наступление на „Гаген“ в меньшем объеме.

2. Наступление „Курфюрст“ по обеим сторонам р. Уазы, между Мондидье и Суассоном.

3. Может быть мелкие наступления к востоку от Реймса на фронте Помпель (Pompelle) и у Вокуа (Vouquois).

4. Наступление более или менее широким фронтом на участке расположения группы армий герцога Альберта.

При наступлениях, особенно к западу от р. Мозель, задача должна заключаться не столько в завоевании территории, сколько в том, чтобы разбить врага и занять более благоприятные позиции“...

Нельзя не согласиться с теми намерениями, на которые решилось верховное командование, исходя из оценки положения в тот момент. Сначала надо было укрепить фронт, чтобы иметь возможность отразить ожидавшиеся неприятельские наступления. Совершив это, надо было «принять вместе с рейхсканцлером самые решительные меры». Под ними надо понимать попытку начать переговоры. Конечно, это понадобилось бы лишь при условии, если бы фронт оказался неспособным к сопротивлению. Во всяком случае нужно было быть готовыми к тому, что при переговорах неприятель поставит очень тяжелые условия. О так называемом «мире по соглашению» не могло быть больше речи.

Положение в том виде, как оно тогда рисовалось, допускало не одну лишь оборону, но и контрудары, хотя в ограниченном объеме. Такого же мнения держалось и главное командование войсковых групп. Командование группы армий кронпринца Руппрехта считало возможным провести наступление «Гаген» в уменьшенном объеме и сделало в этом смысле представление. Главное командование группы армий Гальвица, ссылаясь на распоряжение верховного командования от 2 августа, подчеркнуло в своем письме от 6 августа, что возврат к обороне в чистом виде совершенно исключается, хотя и надо экономить силы. По его мнению, продолжение наступательных действий безусловно необходимо, а потери личного и материального состава при наступлении не больше, чем при обороне.

„Только наступление делает нас независимыми от воли противника. Я безусловно согласен с мнением верховного командования, что главной целью всех наступлений должно быть стремление разбить врага“.

Тем не менее нельзя было откладывать предполагавшихся политических переговоров. Резервы приходили к концу, и было ясно, что это создаст в течение лета величайшие затруднения. Направление позиций в том виде, какой оно приняло в результате весенних боев, было неблагоприятно. Хотя позиции у Анкра и Авра и были очищены в начале августа, но оставались еще выступы у Мондидье и к западу от Армантьера.

Относительно противника германское верховное командование находилось в заблуждении. Скоро выяснилось, что он был в состоянии предпринять большое наступление, а германская армия после огромного напряжения всех прошлых лет войны начала терять свою твердость.

Кронпринц Вильгельм считал положение более неблагоприятным, чем верховное командование. В представленной им кайзеру в конце июля «общей оценке положения» он высказывается следующим образом.

„Необходимо задать себе вопрос: что будет дальше, если, невзирая на нашу готовность, неприятель не будет склонен к миру?

Мы, т. е. Германия, можем еще довольно долгое время продолжать войну, хотя вопросы сырья, продовольствия и производственных возможностей будут затруднять положение. Если военная промышленность и будет в состоянии давать все необходимое для продолжения войны, то у нас в недалеком будущем истощатся резервы, необходимые для армий. К сожалению, по соображениям внутренней политики пришлось отказаться от попытки получить резервы, еще имеющиеся в тылу, при помощи расширения закона о военной службе и трудовой повинности. Какой успех будут иметь принятые вместо этого меры, еще не известно. Но не подлежит сомнению, что сила нашей армии постепенно уменьшается. Особенно чувствительным становится все растущий недостаток в офицерах, который, впрочем, трудно было бы пополнить и при более благоприятном положении с комплектованием.

Таким образом, наши противники на Западном фронте, непрерывно получающие американские подкрепления, будут постепенно приобретать все большее и большее численное превосходство. Не надо, конечно, переоценивать американских подкреплений, но их не следует также и недооценивать или не признавать огромной мощности американской военной промышленности. Чем дальше будет продолжаться война, тем сильнее будут влиять все эти обстоятельства и тем более будет укрепляться неприятельский Западный фронт.

Возможно, что мы опять будем вынуждены вести только оборонительные бои. Тогда мы будем, конечно, в состоянии вести войну еще очень долго, хотя и при постепенной потере территории, и причинить значительный урон противнику, которому и в 1919 г. предстоит нелегкая задача. Но при этом не следует забывать что подобная навязанная нам оборона отразится на настроении армии, которое перенесется в тыл и крайне обострит внутреннее положение в стране. Ощущаемый уже теперь недостаток единения и твердой решимости может уступить место пессимизму, который вызовет сильнейший подъем радикально-демократического движения и стремление к миру во что бы то ни стало. Но именно вследствие этого стал бы невозможен справедливый мир. Если же под давлением обстоятельств состоится плохой мир, то внутренние затруднения не будут устранены, а наоборот, тогда лишь только начнутся. Если даже положение и не будет таким скверным, как в России, то все же надо считаться с возможностью угрозы для династии и с возможностью осуществления демократически-коммунистических идей. Нарисованная картина, может быть, покажется печальной, но краски ни в каком случае не сгущены, если событиям внутри страны будет предоставлено свободное течение и их развитию своевременно не будет дан самый решительный отпор.

Этой борьбы нам не миновать; теперь бороться еще сравнительно легко. Если же мы уклонимся от борьбы, то исход войны, а вместе с ним и благополучие отечества будет под знаком вопроса. В побежденной Германии неизбежно наступит такое внутреннее положение, какое мы видим теперь в России. Поэтому необходимо действовать и не может быть даже вопроса о том, как именно действовать“.

Соображения, высказанные в этой оценке, касались, главным образом, отношений между армией и тылом и внутриполитической ситуации.

Несомненно было не мало оснований для опасений. Но пока правительство не начало переговоров о мире или пока эти переговоры не имели успеха, необходимо было действовать военным путем.

В докладе кронпринца, однако, нет каких-либо определенных предложений в этом направлении.

Была весьма слабая надежда на то, что противник будет расположен к заключению мира после нашего неудачного наступ-

ления и после достигнутого им 18 июля значительного успеха. Выше уже было упомянуто, какого мнения на этот счет держался Клемансо. Что касается ген. Фоша и Петэна, то указывают, что они считали июль подходящим временем для перехода в наступление. Значительные силы американцев стояли за расположением французов и англичан, артиллерия и танки были значительно усовершенствованы и имелись в большом количестве.

Английская армия в конце июля была опять восстановлена. Фельдмаршал Хэйг в своих военных докладах оценивал положение следующим образом:

„Германская армия развернула свои силы и потерпела крушение. Высший предел ее мощности был уже позади, а накопленные в течение зимы массы резервов были израсходованы. Напротив положение Антанты в отношении численности армий значительно улучшилось. Пополнения, прибывшие в конце весны и начале лета, были обучены и влиты в части. Британская армия была готова начать наступление, а американская армия росла с величайшей быстротой и дала уже много разительных примеров боеспособности своих солдат“.

2. 8 АВГУСТА

Таким образом противники были в состоянии и намеревались перейти в крупное наступление. 24 июля Фош пригласил в свою ставку Дугласа Хэйга, Петэна и Першинга и изложил им свои взгляды. Прежде всего, по мнению Фоша, необходимо вдавить выступы у Мондидье и к западу от Армантьера, а затем — германские позиции, выдавшиеся в сторону Сен-Мишель. Этим был бы устранен нажим немцев на Амьен и освобожден французский промышленный район; была бы также уничтожена угроза портам, расположенным на побережье канала (Ламанша) и обеспечено сообщение по железным дорогам Париж — Амьен и Париж — Нанси — Аврикур. Общим направлением в дальнейших операциях французов и американцев должен был служить Мезьер, в то время как англичане должны были продвигаться через Сен-Кантэн — Камбрэ в направлении на Мобеж. В конце августа и в начале ноября эта директива была расширена в том смысле, что бельгийцы, усиленные английскими и французскими дивизиями, должны были наступать в направлении на Брюгге.

8 августа последовал первый удар. Под главным командованием маршала Хэйга выступила 4-я английская и 1-я французская армии в районе Амьена, между Анкром и Авром и в Мондидье. Наступление привело к вторжению сил Антанты на позиции 2-й германской армии, так что расположенной значительно южнее 18-й армии пришлось отойти назад на большое расстояние. Неприятельское вторжение удалось задержать, но положение было чрезвычайно серьезным, как и указывает ген. Людендорф в своих «Воспоминаниях о войне»: «2-я армия была сильно подорвана внутри, а 18-я армия вполне сохранила способность к обороне».

Противники добились успеха, главным образом, благодаря неожиданности. Все приготовления были проведены при тща-

тельном соблюдении тайны. Эффект неожиданности снова был достигнут благодаря применению танков. 400 танков 4-й английской армии вторглись на позиции 2-й германской армии во время сильного тумана. Этим объясняется значительная глубина вторжения, достигнутая именно этой армией; французы атаковали 18-ю армию значительно позже и лишь со сравнительно небольшим числом танков.

Ход этого сражения показал ген. Людендорфу, что наш боевой механизм уже более не полноценен.

„Наша боеспособность ослабла, хотя подавляющее большинство наших дивизий сражались героически. 8 августа определенно установило ослабление нашей боевой силы и, принимая во внимание положения с пополнениями, лишило меня надежды найти такой стратегический выход, который мог бы укрепить опять наше положение... Войну надо было кончать" („Воспоминания о войне", стр. 551).

К тому же заключению пришел и император. На состоявшемся вскоре после 8 августа совещании в Авен (Awesnes) он сказал, что не может освободиться от впечатления, что на войска возложена слишком тяжелая задача.

„Я ясно вижу, что необходимо подвести итог. Мы достигли предела наших возможностей. Война должна быть окончена"[1].

14 августа состоялось совещание в ставке главнокомандующего в Спа под председательством кайзера. После подписания протокола участниками совещания министр иностранных дел заявил, что, по мнению начальника генерального штаба действующей армии, мы не можем надеяться сломить силой оружия стремление врага к продолжению войны и должны поставить себе целью постепенно парализовать его волю к продолжению борьбы при помощи стратегической обороны. Из этого министр сделал вывод, что «в нашей политике мы должны считаться с военным положением». Кайзер высказал мнение, что «нужно уловить подходящий момент, когда мы могли бы притти к соглашению с врагом». Рейхсканцлер тоже согласился с этим мнением:

„Дипломатическим путем нужно нащупать нити для соглашения с врагом в соответствующий момент. Такой момент мог бы представиться после наших ближайших успехов на западе".

В заключение ф. Гинденбург заявил, что

„нам удастся все же остаться на французской земле и таким путем продиктовать в конце концов врагу свою волю".

Мы не рассматриваем вопроса о том, сделана ли была после коронного совета попытка к соглашению с неприятелем и была ли вообще возможность заключить мир. Речь здесь идет лишь о том, насколько точно и верно было оценено военное положение, и могла ли эта оценка послужить надежным основанием для политических решений. Что касается возможности мира по соглашению, то следовало учесть то, что очевидный для всех перелом в военном положении не будет содействовать

[1] Niemann, Kaiser und Revolution, стр. 43.

миролюбию ни Клемансо, ни Фоша и Петэна, ни американцев, лишь теперь достигавших зенита развертывания своих сил.

Военное командование должно было поэтому сохранить твердость, принять целесообразные меры для обороны, не допускать катастрофы и держать армию в возможно лучшей боевой готовности. Остальное должно было быть предоставлено политическому руководству. Но для этого правительство должно было быть точно и определенно осведомлено о военном положении и о перспективах в случае продолжения войны.

В этом отношении необходимо указать, что информация на коронном совете могла бы быть дана более точная. Ген. Людендорф, как он об этом свидетельствует в своих «Воспоминаниях о войне» (стр. 552), за день до коронного совета весьма определенно высказал свое мнение министру иностранных дел. Людендорф заявил, что

„при помощи наступления мы больше не в состоянии заставить врага склониться к миру. Оборонительными действиями этого также вряд ли можно достигнуть. Мы должны поэтому добиться окончания войны дипломатическим путем"

Правда, ген. Людендорф выразил при этом твердую надежду, что армия удержится во Франции. Он еще упомянул, что ф.-Гинденбург оценивает наше положение более оптимистически.

Действительно, как видно из протокола от 14 августа, фельдмаршал, в отличие от мнения Людендорфа, высказался в том смысле что, оставаясь на французской территории, нам удастся навязать неприятелю свою волю. Министр иностранных дел истолковал мнение начальника штаба действующей армии в том смысле, что хотя сломить волю неприятеля к войне больше уже невозможно, но эту волю надо постепенно парализовать при помощи обороны.

Здесь мы сталкиваемся с очевидными противоречиями и неясностями. Если верховное командование на основании падения боеспособности армии и сокращения пополнений сделало вывод, что война должна быть закончена, то оно не должно было оставить у правительства никаких сомнений в том, что необходимые для этого шаги должны быть предприняты немедленно.

Употребленная министром иностранных дел неопределенная формулировка, что отныне политическое руководство будет считаться с положением дел на фронте, является недостаточной. Еще менее допустимо было оставлять рейхсканцлера при мнении, что нужно начать дипломатические переговоры для достижения соглашения лишь в подходящий момент, после наших ближайших успехов на западе.

До 8 августа ген. Людендорф все еще верил в возможность найти стратегический выход из положения; после этого дня он потерял всякую надежду на то, что спасти положение можно будет при помощи стратегического маневра.

Военные вопросы, которые подлежали разрешению после 8 августа, были теснейшим образом связаны с политикой. Если бы дипломатические шаги для подготовки мира были предприняты немедленно и если бы они давали надежду на благоприят-

ный исход, то можно было бы считать вполне основательным заявление Людендорфа во время совещания в Авен: «не уступать ни единой пяди земли без упорной борьбы»[1]. Если же дипломатические переговоры должны были быть начаты лишь впоследствии, или если попытки к посредничеству оказались бы безрезультатными или грозили затянуться слишком долго, то самое главное заключалось бы для нас в том, чтобы продолжать оказывать сопротивление возможно дольше, сохранить армию по возможности в боеспособном состоянии и предохранить ее от катастрофы. Тогда не надо было бы больше бороться за каждую пядь земли на наших тогдашних частично неблагоприятных позициях, а следовало бы отвести армию назад на тыловые позиции и начать накоплять резервы.

Судя по результатам совещания от 14 августа, нельзя было рассчитывать на скорое начало мирных переговоров. Поэтому большая часть военной критики высказывается в том смысле, что был необходим немедленный отход на тыловые позиции.

Многие даже утверждают, что отступление на позиции «Зигфрид» должно было состояться еще до 8 августа. Но эта критика основывается на дальнейшем ходе операций, который тогда еще нельзя было предвидеть. Но после 8 августа отступление армии на позиции «Зигфрид» было бы правильным мероприятием с военной точки зрения, как было ни жаль отдавать завоеванную ценою крупных жертв территорию. Нужно было мириться с неблагоприятным впечатлением такой меры на армию и тыл, а также и с ростом уверенности противника. Добровольное отступление было все же лучше, чем если бы нас заставили отступить после крупных потерь.

Верховное командование не могло, однако, решиться на такую меру. Уже было сказано, что ген. Людендорф, как он заявил императору, не хотел уступить врагу ни единой пяди земли без упорной борьбы. Еще до вторжения 8 августа верховное командование 4 августа отдало приказ войсковым группам укрепить позиции, занятые в тот момент. Верховному командованию нужно было составить планы предполагаемого распределения рабочей силы и вероятной месячной потребности в строительных материалах. Наряду с укреплением передовых боевых участков надо было подготовить затем возможность отступления на тыловые тактические позиции. Но верховное командование не было в состоянии предоставить рабочую силу, и войсковые группы должны были обойтись собственными средствами. Очень скоро выяснилось, что при весьма слабом численном составе дивизий на позициях и при крайне ограниченных прочих ресурсах рабочей силы возведение позиций могло подвигаться очень медленно. Стянутые позади фронта дивизии сильно нуждались в отдыхе и подготовке и в скором времени не могли быть привлечены к работе.

---

[1] Niemann, „Kaiser und Revolution", стр. 43

По вопросу о том, нужно ли задерживаться на месте или отступать, мнения главных командований групп армий были различны. В письме главного командования группы армий Гальвица к верховному командованию от 11 августа указано, что оборона против ожидаемого большого неприятельского наступления — так же как в 1916 и 1917 гг. — связана с крупным расходом сил. Поэтому не следует ограничиваться чистой обороной, а надо приступить к планомерным контрнаступлениям, направляемым, главным образом, против фланга большого наступления противника:

„Если мы чувствуем в себе силу изменить настоящее положение, то мы этого достигнем скорее, если принятую теперь подвижную форму ведения войны мы не будем применять преимущественно на тыловых позициях с целью обороны, но перенесем ее вперед в виде крупных контрнаступлений".

Наоборот, главное командование группы армий германского кронпринца в конце августа пришло к заключению, что мы окончательно вынуждены перейти к обороне. В письме верховному командованию от 26 августа, направленном ген. Людендорфу, оно развивает мысль, что

„во всяком случае мы должны рассчитывать на продолжение неприятельского наступления в течение довольно продолжительного времени и на новые сильные атаки на участках фронта, весьма важных для нас в стратегическом или политическом отношении. Обширному плану наступления противника мы должны предусмотрительно противопоставить соответствующие оборонительные меры...

Противник сознательно старается уничтожить наши резервы. Этого мы можем избегнуть только в том случае, если мы будем принимать атаку только там, где существуют благоприятные условия для обороны. Если же этого условия нет, то нужно отступать от рубежа к рубежу по заранее разработанному плану до тех пор, пока не представится благоприятная возможность для контрнаступления или удачной обороны. Разумеется, планомерное отступление является только выходом поневоле. Оно должно быть приостановлено при достижении прочных позиций, которые создали бы благоприятные условия для длительной обороны, а при значительном сокращении фронта дали бы возможность накопить резервы. Эти новые позиции должны быть настолько удалены от нынешних полей сражений, чтобы у нас оставалось достаточное свободное пространство для планомерного отступления даже при длительном продолжении боев с переменным успехом".

В качестве таких позиций, оборудованных для длительной обороны, были намечены для группы армий кронпринца Руппрехта и Бена исходные позиции перед началом весеннего наступления — позиции «Зигфрид», а для группы армий германского кронпринца — позиции «Гундинг»—«Брунгильда» и Аргоннские (за рр. Серра, Суш и верхним течением р. Эн).

В своем ответе от 27 августа ген. Людендорф в общем вполне согласился с вышеизложенными соображениями, но добавил:

„Во всяком случае я считаю отступление на наши исходные мартовские позиции—позиции „Зигфрид"—самой крайней мерой, на которую мы можем решиться, принимая во внимание неблагоприятное положение в вопросе о пополнениях".

Если благодаря отступлению мы экономили силы, то ведь и враги их тоже экономили. Рабочей силы тоже едва ли хватило бы для оборудования наших прежних позиций.

Ген. Людендорф подробно изложил в своей работе «Ведение войны и политика» серьезные причины, по которым, по его мнению, не следовало слишком рано отступать на тыловые позиции. Кроме позиций «Зигфрид» и «Гундинг»—«Брунгильда» у нас больше не было крупных тыловых позиций. Их постройка прекратилась из-за отсутствия рабочей силы зимой 1917/18 г. Вся рабочая сила, вплоть до последнего человека, была употреблена на подготовку наступления, как это известно всем, кто работал тогда в штабах. Еще в первой половине 1918 г. рабочей силы едва хватало для восстановления захваченных позиций и для подготовки дальнейших наступлений. Войска же не могли быть использованы для возведения позиций.

В первой части настоящего исследования было уже рассмотрено, существовала ли возможность перебросить на Западный фронт для работ несколько дивизий с Восточного фронта из числа таких, которые не годились для применения в бою. Во всяком случае было настоятельно необходимо начать рекогносцировку и определение крупных стратегических тыловых позиций значительно раньше, чем это было сделано в действительности. Еще до начала наступления нужно было себе уяснить, что в случае его неудачи война скорее всего будет проиграна. Поэтому надо было заранее обсудить все меры, служащие для продолжения войны в случае неудачи наступления.

Необходимость вывезти огромное имущество, накопившееся в тылу армий в течение ряда лет, говорила против быстрого отступления. Но в ряду тактических и стратегических соображений это требование отступило на второй план. В конце концов, несмотря на наше медленное и постепенное отступление, мы все же были вынуждены бросить огромное количество военного имущества.

Отступление ни в коем случае не должно было совершаться так быстро, чтобы у нас не осталось времени для основательного разрушения железных дорог. Противника надо было лишить возможности быстро двигаться вперед; но для подготовки этих разрушений нужна была большая работа и значительное число рабочих рук.

В заключение можно сказать, что нам обязательно надо было задержать движение противника вперед. Нельзя было допустить, чтобы театр войны слишком рано приблизился к отечественным границам. С другой стороны, попытка удержать позиции, захваченные во время нашего наступления, и стремление оспаривать у противника каждую пядь земли, привели бы с течением времени к такой растрате боевых сил наших армий, которая могла иметь роковые последствия для продолжения обороны. Поэтому было настоятельно необходимо заблаговременно подготовить постепенный отвод армии на промежуточные позиции.

Но ни в коем случае нельзя было бы согласиться с предложением, выдвинутым впоследствии и заключавшемся в том, чтобы немедленно после августовских боев отвести армию на позиции Антверпен — Маас, которые тогда еще совсем не были

подготовлены. Помимо рассмотренных раньше возражений против слишком быстрого отхода нужно еще иметь в виду значительное ухудшение состояния дорог позади каждой тыловой позиции, особенно же позади позиции Антверпен — Маас. Позади этой позиции невозможно было создать развитой сети полевых железных дорог и обширных станций для выгрузки, какие существовали обычно. Но особенно сильно ухудшились условия передвижения войск позади фронта. Это обстоятельство, с которым часто не считаются, заслуживает особого внимания. Снабжение армии также становилось все затруднительнее по мере того, как мы лишались при отступлении своей густой железнодорожной сети с многочисленными станциями.

3. ОТСТУПЛЕНИЕ НА ТЫЛОВЫЕ ПОЗИЦИИ

После тяжелых боев, особенно 2-й и 17-й армий, правое крыло отступило в начале сентября на позиции «Зигфрид».

Лишь теперь стали приниматься меры для рекогносцировки и возведения дальнейших тыловых позиций. Выбор пал на позиции «Герман» (для правого крыла армии), а затем на позиции Антверпен — Маас.

Линия позиций «Герман», используя рр. Лис и Шельду, проходила из района к востоку от Брюгге на Турне — Валансьен — Солем — Гиз, соединяясь к юго-востоку с устроенными там еще раньше позициями «Гундинг»—«Брунгильда», линия которых проходила позади расположения групп армий германского кронпринца и Гальвица к Аргоннам вдоль рр. Серры, Суш и и Эн через Ретель. Отступление на эти позиции обозначалось условным названием «движение Гудрун» (Gudrunbewegung).

Линия позиций Антверпен — Маас проходила на западе мимо Антверпена и Брюсселя к Шарлеруа, затем к Живе и к р. Маас, вдоль которой она следовала через Мезьер — Седан до района Вердена.

Первые указания о постройке тыловых позиций позади расположения группы армий кронпринца Руппрехта были даны верховным командованием лишь 6 сентября. Одновременно группе армий германского кронпринца был дан приказ продолжать оборудование уже имеющихся позиций «Гундинг»—«Брунгильда»—Аргонны.

12 сентября после одобрения верховным командованием предложения группы армий кронпринца Руппрехта относительно оборудования линии позиции «Герман», командованием группы был отдан приказ о постройке этих позиций. Если подумать, какую огромную работу надо было проделать при их постройке, то станет ясно, что позиции не могли быть закончены своевременно. Нужно было сделать рекогносцировку, составить план занятия позиций войсками, создать руководящие строительные штабы, предоставить рабочую силу и перевозочные средства, оборудовать помещения для рабочих, построить парки и дороги для подвоза строительных материалов, определить необходимое количе-

ство материального оборудования и принять меры к доставке его по железной дороге и водой, организовать топографические измерения местности (для изготовления правильных карт), провести предварительные гидротехнические и геологические работы, устроить запруды на рр. Лис, Шельда и Скарпа, разрушить местность перед позициями и т. д.

О раннем отступлении на эти позиции не могло быть поэтому и речи. Вследствие этого верховное командование отдало 30 сентября следующее телеграфное распоряжение:

„На доставку резервов верховным командованием нельзя больше рассчитывать. Несмотря на это, ни при каких обстоятельствах нельзя допустить неприятельского прорыва. Войсковые группы должны вести свои операции таким образом, чтобы там, где это безусловно вызывается необходимостью, они планомерно отступали от рубежа к рубежу, сохраняя связь с соседними частями. При этом важно выиграть время, причинить неприятелю крупные потери, выделить резервы, отвести в тыл собственное военное имущество и неуклонно разрушать железные дороги и телеграф. Надо всеми средствами ускорить оборудование позиций Лис—„Герман"—„Гудрун" для длительной обороны.

Я вполне сознаю, что это распоряжение требует крайнего морального напряжения войск и больших трудов со стороны военачальников. Но германская армия должна выполнить эту задачу. Необходима твердая решимость отбить натиск врагов и не отступать слишком поспешно. О намерении отступить более широким фронтом должно быть предварительно сообщено верховному командованию. *Ф.-Гинденбург.*"

В соответствии с этим приказом командование группы армий кронпринца Руппрехта отдало 11 октября следующее распоряжение:

„Общее положение требует, чтобы мы удержались на нынешних позициях по возможности дольше. Решение отступить на позиции Лис—„Герман" будет принято лишь тогда, когда оно станет безусловно необходимым вследствие положения на фронте. Поэтому все армии должны укрепиться на занимаемых теперь позициях".

12 октября верховное командование обратилось к армиям с тем же самым призывом:

„Дипломатические переговоры с целью окончания войны начались. Их результаты будут тем более благоприятны, чем тверже нам удастся держать армию в руках, лучше закрепить завоеванную территорию и нанести врагу больший ущерб... Каждое движение назад указывает на тяжелую необходимость, оно вредит духу войск и стоит нам потери имущества. Силы освобождаются не только у нас, ни и у противника. Я прошу группу армий снова подвергнуть самому серьезному рассмотрению предложение относительно отступления. Мы не хотим недооценивать врага, но не должны также его переоценивать. *Ф.-Гинденбург.*"

Группа армий кронпринца Руппрехта старалась, пока можно было, удержаться впереди позиций «Герман». 16 октября верховное командование было вынуждено отдать приказ о планомерном отступлении на позиции «Герман», это отступление было проведено между 17 и 20 октября. Однако, для оборудования позиций, хотя бы частичного, времени было недостаточно.

В лучшем положении оказалась группа армий германского кронпринца, отступившая между 11 и 15 октября на лучше оборудованные позиции «Гундинг»—«Брунгильда» («движение Гудрун»).

Незадолго до этого, в начале октября, были даны первые распоряжения об ускоренной рекогносцировке позиций Антверпен — Маас. 12 октября верховное командование предложило ускорить постройку этих позиций. Но штабы по строительству и рабочие команды группы армий кронпринца Руппрехта могли освободиться лишь после окончания работ на позициях «Герман». Группа армий могла дать более подробные указания относительно постройки позиций только 15 октября. Принимая во внимание недостаток времени, командование группой распорядилось о постройке в кратчайший срок как бы остова позиций, который мог бы дать войскам твердую опору и сделал бы возможной быструю организацию обороны. Хотя верховное командование 19 октября опять настаивало на усиленном строительстве позиций, но ясно, что создать пригодные позиции было невозможно.

Поэтому 19 октября верховное командование приказало удерживать позиции «Герман» — «Гудрун» до тех пор, пока это окажется возможным.

Из письма группы армий Бена от 4 октября, адресованного верховному командованию, видно, в какое тяжелое положение попадали войска, вследствие стремления по возможности дольше удерживать позиции и отступать по возможности позже и медленнее. В письме говорится:

„Для сегодняшнего сражения группа армий должна была ввести свои последние боеспособные резервы после того, как очень скоро потеряли свою боеспособность две дивизии, которым был дан сравнительно с другими больший отдых".

Дальнейшим введением в бой 2-й гвардейской пехотной дивизии, которая тоже была весьма истощена боями, но имела прекрасное руководство, положение на левом фланге 2-й армии было снова настолько восстановлено, что оказалось возможным оставить 4-й резервный и 54-й армейский корпуса на оборудованной позиции между Кревкер (Crevecoeur) и Шатле (Chatelet). При этом прежде всего имелось в виду, что почти весь фронт войсковой группы, за исключением небольшого числа дивизий, занимали войсковые части, сильно истощенные в боях и имевшие угрожающе слабый боевой состав.

Я знаю, что верховное командование ничем помочь не может, так как и в других войсковых группах положение такое же. Само собой разумеется, что все будет сделано, чтобы согласно указаниям верховного командования, удержать нынешние частично недостроенные позиции. Но при повторении неприятельских атак, которых я жду с уверенностью и в скором времени, может наступить момент когда, вследствие недостатка у нас резервов, вторжение противника может дойти до размеров прорыва. И тут мы, несмотря на величайшую энергию командного состава, можем попасть в самое неблагоприятное положение. Я знаю, что определенные политические моменты также требуют, чтобы мы шли на риск и твердо стояли на месте, несмотря на связанные с этим опасности. Но если не предполагается отступления по фронту от моря до Мааса, то принимая во внимание, что дальнейшие бои в районе расположения группы несомненно еще больше обессилят войска, я считаю возможным занимать позицию „Герман" для длительной обороны только в том случае, если войсковой группе будет предоставлено несколько боеспособных дивизий взамен выдохшихся. При отсутствии такой помощи я считаю рискованным оставаться на позиции „Герман", которая до занятия ее нами была только поверхностно оборудована и имела в районе расположения моей группы только на очень немногих пунктах более или менее пригодные противотанковые препятствия.

Состояние нашей армии повелительно требует выделения в тыл сильных резервов, которым необходимо дать достаточно времени для отдыха, пополнения и учебы. На позициях „Герман" этой возможности не имеется.

Если мы желаем сохранить армию для войны в течение дальнейших месяцев, а может быть и лет, то только немедленное отступление на позиции Антверпен—Маас даст нам эту возможность (значительное сокращение фронта). Без потери военного имущества нельзя осуществить этого решения. Но потерю имущества я считаю меньшим злом; главной задачей остается сохранение нашей армии, с которой мы будем защищать отечество до последнего человека.

Я считаю своим долгом высказать верховному командованию свое мнение, чтобы внести полную ясность в оценку положения. *Ф.-Бен*".

Верховное командование ответило по телеграфу 4 октября:

„Я вполне сознаю серьезность положения, особенно на фронте группы Бена. При недостатке в резервах нам ничего больше не остается, как отступать от рубежа к рубежу в надежде, что потери врага во время его сильных атак, а также наши дипломатические переговоры постепенно ослабят неприятельское наступление. Поскольку позиция „Герман" почти совершенно не оборудована, немедленное отступление туда нецелесообразно, так как неприятель будет быстро следовать за нами, и условия боя для нас не улучшатся.

Верховное командование считает в данный момент неприемлемым предложение о немедленном планомерном отступлении. Незначительная подвижность и сильное утомление нашей армии, отсутствие каких-нибудь подготовленных позиций, потеря огромных запасов армии и страны, которых мы не сумеем возместить, поставят войска в невыносимое положение. Неприятель мог бы преследовать нас небольшими частями, но в Лотарингии он мог бы сосредоточить значительные силы и вторгнуться туда. Резервы, которые мы сэкономили бы при отводе армии в тыл, тоже не имели бы времени для отдыха и подготовки, а должны были бы рассчитывать на участие в крупных боях.

Как только рекогносцировка позиций на Маасе будет закончена, я намерен отдать приказ о постройке этих позиций. При устройстве разных складов и прочих сооружений, не вызываемых непосредственной боевой потребностью, нужно считаться с предстоящим отступлением к Маасу. Но решение вопроса об отступлении я оставляю за собой! *Людендорф*".

Группа армий германского кронпринца в половине октября также настаивала на дальнейшем отступлении. В своих воспоминаниях («Воспоминания о героической борьбе немцев», стр. 358) кронпринц Вильгельм говорит:

„Верховное командование приказало удерживать позиции „Герман" и „Гудрун", учитывая то моральное впечатление, какое оказало бы дальнейшее отступление именно теперь на ход ведущихся дипломатических переговоров. Стратегическое отступление было допустимо лишь в том случае, если бы дальнейшая борьба на тогдашних растянутых позициях угрожала опасностью катастрофы. Поэтому необходимо было терпеливо выжидать Крепкие позиции нового фронта „Гудрун" не могли однако компенсировать все растущее в течение длительного времени неравенство в соотношении сил. Боевой состав дивизии растаял до такой степени, что в некоторых случаях составлял значительно меньше 1 000 штыков. Смена дивизий, находившихся в бою, становилась невозможной в течение целых недель. Резервы армейской группы были израсходованы. К тому же требования, предъявлявшиеся 18-й армии и обеим соседним армейским группам, все возрастали. Освободившиеся после отхода на позицию „Гудрун" дивизии немедленно направлялись в эти армейские группы. Сила сопротивления и стойкость отдельных войсковых соединений, вследствие перенапряжения, постепенно ослабевала.

Начальник моего штаба и я выдвигали мысль, что независимо от хода дипломатических переговоров нам прежде всего необходимо сократить длину фронта и получить, таким образом, недостававшие нам до сих пор резервы. Ибо только при этом условии могла быть надежда на успешное продолжение оборонительной борьбы до начала мирных переговоров. Мы считали поэтому продиктованным необходимостью немедленное отступление на позиции Антверпен—Маас, имея в виду еще и дальнейшее крупное отходное движение на тыловые позиции по линии Маастрихт—Люксембург—Мец—Страсбург—верховье Рейна. Мы не скрывали от себя всей тяжести потери значительной части военного имущества, которое

невозможно быстро спасти, а также ущерба от перегрузки и заторов на железнодорожных линиях. Но по нашему мнению, нужно было лучше пойти на все это, чем допустить возможность катастрофы в армии".

Верховное командование в своей телеграмме от 23 октября снова подчеркивает, что оно оставляет за собой право определить момент, когда армейские группы кронпринца Руппрехта, германского кронпринца и правое крыло группы Гальвица должны отойти на позицию Антверпен — Маас.

„Чем позже будет проведено это отступление, тем лучше будет для общего положения, для сооружения позиций и для возможности основательно очистить местность, которую придется сдать. Пока же остается в силе приказ о том, что нынешние позиции должны быть удержаны при всех условиях".

На предложение группы германского кронпринца от 27 октября об отдаче приказа двинуться на линию Антверпен — Маас ввиду истощения армии и отсутствия боеспособных резервов верховное командование ответило 28 октября по телеграфу следующее:

„Правительство решило как можно скорее добиться перемирия. Если армии удастся еще в течение некоторого времени отбивать неприятельские атаки, теряя при этом лишь незначительную территорию, то Антанта поставит нам значительно менее тяжкие условия, нежели тогда, когда отступит весь наш фронт между морем и Верденом. В настоящий момент это имело бы самые серьезные последствия внутри страны и за границей. По сообщению начальника полевого железнодорожного управления погибли бы миллиардные ценности и незаменимое военное имущество. Я не могу поэтому в данный момент согласиться с предложением группы армий германского кронпринца и ожидаю, что группа будет продолжать в ближайшие дни, как и раньше, стойко отбивать неприятельские атаки. Приготовления к отходу в тыл продолжаются. *Ф.-Гинденбург*".

Лишь ночью 7 ноября началось отступление на позиции Антверпен — Маас. Перемирие вступило в силу еще до того, как эти позиции были достигнуты и заняты. Не оправдалась надежда верховного командования добиться путем отсрочки отступления менее тяжелых условий. А миллиардные ценности и незаменимое военное имущество большей частью все же погибли.

Задержка отступления армии на тыловые позиции, происшедшая в августе, сентябре и октябре, главным образом, из политических соображений не дала ожидавшихся от нее результатов, между тем как боеспособность армии вследствие этого почти совершенно упала. Армия отнюдь не потерпела решительного поражения, как это утверждали некоторые; наоборот, до последнего момента она оказывала геройское сопротивление и, смыкая каждый раз свои ряды, препятствовала неприятельскому прорыву. Но если бы армия отступила своевременно и добровольно на заблаговременно подготовленные тыловые позиции, сохранив свою боеспособность, то это имело бы большое значение при переговорах о перемирии. Ниже мы покажем, что состояние армии и общее военное положение позволяли даже в ноябре продолжать борьбу и ни в каком случае не вызывали необходимости капитуляции.

В то время когда происходил вышеописанный отход, общее стратегическое положение Германии значительно ухудшилось вследствие разгрома Болгарии и Турции. Болгария заключила перемирие 29 сентября, а Турция — 30 октября. В конце октября франко-сербская восточная армия достигла Дуная, и немецкие войска должны были очистить Румынию. 30 октября, после того как в конце октября был разгромлен австрийский фронт в Италии, начались переговоры о перемирии между Австрией и Италией.

28 сентября германское верховное командование вынуждено было принять тяжкое решение — предложить правительству объявить о перемирии и выступить с предложением мира. 5 октября президенту Вильсону была отправлена первая нота, в которой правительство обратилось к нему с просьбой добиться немедленного заключения всеобщего перемирия и взять в свои руки дело восстановления мира. Лишь 11 ноября закончились переговоры о заключении перемирия на тягчайших условиях, которые обрекли Германию на почти полную беззащитность.

4. ПРИЧИНЫ РАЗГРОМА

На вопрос о том, какие обстоятельства привели к такому резкому изменению военного положения в период времени с июля до ноября, ответ был уже отчасти дан в предыдущем изложении. Решающее значение имело состояние армии.

Неудивительно, что армия была сильно истощена после 4 лет войны, после тяжелых оборонительных боев 1917 г., после проведения в первой половине 1918 г. наступления, потребовавшего напряжения всех сил, и после длительных упорных боев при отступлении летом 1918 г. Позиционные дивизии, которые были вынуждены слишком долго оставаться на позициях, буквально растаяли и не могли отбивать натиска противника, когда он летом 1918 г. начал наступление. Прежние ударные дивизии были сильно истощены.

Тяжелые потери не могли быть больше возмещены. Резервы иссякли. В августе 1918 г. пришлось расформировать 10, а в октябре 22 дивизии.

В первой части настоящей книги мы уже подробно останавливались на вопросе о пополнениях, который имел чрезвычайно важное значение. Чтобы уяснить себе какое влияние он оказывал на обстановку на фронте, мы остановимся более подробно на положении, существовавшем в группе армий кронпринца Руппрехта.

При определении численного состава войск за основу брался боевой состав батальонов. Кроме бойцов в боевой состав входили также и откомандированные, больные, пропавшие без вести, обозные и отпускники. Штатный состав батальона перед началом весеннего наступления был установлен в 850 унтерофицеров и рядовых. Он соответствовал фактическому положению, существовавшему в конце 1917 г. Средняя численность батальона

в конце 1917 г. определялась в 900 человек. За вычетом больных, отпускных, откомандированных и пр. средний боевой состав батальона на Западном фронте составлял около 640 человек.

Не считая контингента 1899 г., в качестве резерва в нашем распоряжении имелись лишь выздоравливавшие и части, выделенные с Восточного фронта. Поэтому, как подчеркнуло верховное командование в декабре 1917 г., положение требовало «самого бережливого отношения к имеющемуся человеческому материалу».

В начале 1918 г., в дивизии были направлены первые новобранцы призыва 1899 г. Группа армий получила в течение января и первой половины февраля 26 350 новобранцев, которых предполагалось отправить на фронт к концу марта.

При таких условиях невозможно было полностью снабдить пополнениями все дивизии. Поэтому основная масса пополнений была передана дивизиям, предназначенным для наступления.

Ход боев во время мартовского наступления показал, что потери не могут быть покрыты пополнениями. Поэтому в апреле были расформированы некоторые полки спешенной кавалерии, а в мае в распоряжение группы армий были предоставлены две дивизии, подлежавшие расформированию для распределения между другими дивизиями. Тем не менее в апреле и мае не удалось заполнить пробелов, образовавшихся после наступления под Армантьером, и довести ударные дивизии до полного численного состава. Средняя численность батальона, равная еще в конце февраля 807 человекам, в конце мая сократилась до 692 человек.

Затем наличные резервы были направлены в дивизии, намеченные группой армий для наступления «Гаген». Позиционные дивизии все более и более таяли. Бои в мае, июне и июле причинили группе армий германского кронпринца крупные потери. Поэтому верховное командование было вынуждено снизить штатный состав батальона на Западном фронте с 850 до 700 человек.

Однако вскоре выяснилось, что мы не сможем сохранить также и этот боевой состав. Была сделана попытка изыскать новые источники пополнений. Из ведомства ген.-квартирмейстера, начальника полевых железных дорог, начальника автомобильных частей и военно-воздушных сил были выделены 60 000 человек, годных для боевой службы. Обслуживание этапов было сокращено; пришлось уменьшить численный состав батальонов ландштурма и сократить команды выздоравливающих. Комиссии по освидетельствованию забирали из тыла и с этапов последние остатки годных людей. Пришлось пойти на дальнейшее расформирование дивизий и мириться со значительным сокращением рабочей силы позади фронта и с отправкой плохих солдат в фронтовые войска и на сборно-учебные пункты.

Все эти вспомогательные средства не могли остановить непрерывного снижения боевого состава армии. Начиная с июля,

бои на Западном фронте требовали все больших и больших жертв. В августе боевой состав батальонов, входивших в группу армий, был равен в среднем 660—665 человек. Но фактически боевой состав далеко не соответствовал этой цифре, особенно в позиционных дивизиях, находившихся продолжительное время на фронте. Кроме коечных и амбулаторных больных, отпускников и откомандированных, в боевой состав в течение целых трех месяцев входили пропавшие без вести, число которых в течение лета неуклонно возрастало. Поэтому фактический боевой состав дивизий, находившихся долгое время в деле и потерявших много людей пленными, был значительно ниже списочного состава.

В половине августа верховное командование было вынуждено отдать приказ о том, чтобы в дивизиях со средним численным составом батальонов ниже 650 человек батальоны состояли только из трех рот. В конце сентября было решено, что при дальнейшем сокращении состава батальона ниже 400 человек пехотные полки должны состоять только из 2 батальонов. До середины сентября было расформировано 15 дивизий. Благодаря прибытию пополнений, выпавших на долю войсковой группы в результате этой меры, в конце сентября удалось достигнуть среднего численного состава батальонов в 594 человека.

Размещенный в середине июля в тыловых запасных частях контингент 1900 г., численностью около 300 000 человек, был направлен в конце сентября и в октябре на полевые сборно-учебные пункты. Благодаря переброскам с Восточного фронта стал расти численный состав частей на сборно-учебных пунктах.

Но все эти средства не дали почти никакого усиления боеспособности. Войска, прибывавшие с востока — отчасти из русского плена,— были сильно заражены большевизмом. Часть пополнений состояла из молодежи, взятой из военной промышленности имевшей до сих пор на заводе большой заработок. Часть этой молодежи была настроена антимилитаристски и оказывала на армию разлагающее влияние. Остальная часть состояла из людей мало пригодных, которые вели раньше сравнительно спокойную и безопасную жизнь позади фронта. Очутившись в чуждых им войсковых частях, не знакомые ни с товарищами, ни с начальниками, они нисколько не способствовали росту боевой мощи войск, а лишь увеличивали число ненадежных и больных.

Во время тяжких оборонительных боев в октябре средняя численность в батальоне снизилась в начале месяца до 545 человек, в середине месяца — до 508 и в конце до 450 человек. Если отсчитать людей, не участвовавших в бою, то эти цифры сократятся соответственно до 250,208 и 142 человек. Дивизии насчитывали большей частью от 800 до 1 200 штыков.

22 октября верховное командование распорядилось об отправке в армию первой части контингента 1900 г. Таким образом на фронт попали восемнадцатилетние.

Понятно, что при таких обстоятельствах неприятельские танки достигли летом и осенью 1918 г. решительных успехов в операциях против тонкой линии истощенных немецких войск.

20 октября 1918 г. представитель верховного командования следующим образом высказался перед лидерами партий в рейхстаге по поводу танков:

„Противник неожиданно применил танки крупными массами. Там, где они появлялись неожиданно, вдобавок при искусном устройстве дымовых завес перед нашими позициями, против них часто не могли устоять нервы наших людей. Танки прорывались сквозь наши позиции передовой линии, прокладывали путь своей пехоте, появлялись в тылу, производили местами панику и вносили путаницу в ведение боя. Как только их замечали, наши противотанковые орудия и артиллерия быстро с ними справлялись. Но это происходило после того, как несчастье уже свершалось. Только успехами танков объясняется огромное количество пленных, которое так чувствительно сократило нашу численность, приводя к гораздо более быстрому расходу резервов, чем раньше. Мы не были в состоянии противопоставить неприятелю такие же массы немецких танков. Построить их было не по силам нашей промышленности, работавшей с величайшим напряжением".

Дополнительно следует отметить, что огромное число пленных объяснялось и другими серьезными причинами.

В первой части нашего исследования мы подробно разобрали вопрос о танках, а также говорили о том, как, вследствие ускоренной доставки американских войск, из месяца в месяц летом и осенью 1918 г. росло численное превосходство наших противников.

Сила сопротивления германской армии была ослаблена не только численным превосходством противника, пострадал и дух армии. Неудача наступления, предпринятого с такими большими надеждами на победу, подействовала удручающе на настроение армии. Кроме того, как мы указывали, независимая социал-демократическая партия уже давно вела из тыла подрывную работу в армии, в высшей степени опасную для дисциплины.

Первый крупный результат революционной пропаганды выразился в восстании во флоте в июле 1917 г. По собственному признанию независимых социал-демократов, с начала 1918 г. ими стал планомерно подготовляться также и в армии переворот и развал фронта; солдат обрабатывали и призывали к дезертирству. Фактически агитация из тыла началась значительно раньше. Еще в 1917 г. солдат обрабатывали при помощи листовок: «Будьте солдатами революции!» Результатом было то, что осенью 1918 г. наблюдалось «массовое дезертирство; бесконечные толпы отпускников возвращались обратно на фронт с большим опозданием или вовсе не возвращались; перебежчики убегали целыми батальонами и дивизиями; все это доказывало, что солдаты начали сбрасывать с себя ярмо» [1].

Действительно, число попадавших в плен солдат росло с исключительной быстротой. Позади фронта на всех ж.-д. станциях и в крупных городах скоплялись сотни тысяч солдат, уклонявшихся от отправки на фронт. Отпускники, возбужденные про-

[1] Drahn und Leonhard, Unterirdische Literatur.

пагандой в тылу, бродили массами по всему фронту, вместо того чтобы вернуться в свои части. Таким образом в самый решительный момент фронт терял сотни тысяч людей. Не только в потерях во время боев при отступлении, но и в этом заключалась причина того, что наши войска таяли.

Справиться со всеми этими уродливыми явлениями было невозможно, несмотря на организацию в армиях сборных пунктов для отсталых, ж.-д. станций для распределения пополнений и для отпускников, где имелись справочные бюро и где обеспечивалось продовольствие и жилье.

Молодое пополнение, прибывавшее из тыла, было заражено и развращено. Еще при следовании транспортов с пополнением обнаруживалась недисциплинированность солдат, переходившая в прямое неповиновение и открытый бунт. От такого пополнения фронт ничего не выигрывал. Это были люди, которые кричали во время боя хорошим войскам, шедшим вперед, что они «удлиняют войну», а нашу стойкую артиллерию они называли «штрейкбрехерской».

Однако, отнюдь нельзя утверждать, что война была проиграна исключительно вследствие разложения армии. Только при стечении очень многих обстоятельств Германия при ее огромных достижениях могла быть доведена до крушения. Но несомненно, что в нашей катастрофе в значительной степени виноваты пацифистские, интернационалистские и антимилитаристские стремления и исходившее из тыла революционное разложение армии.

5 МОГЛИ ЛИ МЫ ОСЕНЬЮ ПРОДОЛЖАТЬ ВОЙНУ?

Несмотря на все сказанное выше, осенью 1918 г. мы были в состоянии продолжать войну. Правда, не для того, чтобы победить, ибо война была проиграна, но ради таких условий перемирия и мира, которые были бы совместимы с нашей честью.

Осенью 1918 г. в тылу, в военной промышленности и хозяйстве было занято 2 424 000 пользовавшихся отсрочками; их них годных к строевой службе было 1 187 000 человек. В октябре 1918 г. военный министр вызвался предоставить в распоряжение армии единовременное крупное пополнение в 600 000 человек, правда при условии значительного сокращения материального снабжения и уменьшения текущих месячных пополнений.

На некоторое ограниченное время было бы вполне возможно извлечь из военной промышленности еще несколько сотен тысяч человек.

Нельзя отрицать, что после падения македонского фронта дунайский фронт подвергался большой опасности. Но пока Восточная армия ген. Франше д'Эсперэ была бы в состоянии напасть на Германию с юга, прошло бы несколько месяцев. Для этого она должна была бы пройти длинный путь по местности с недостаточными и ненадежными путями сообщения. Переброска этой армии была немыслима без большой потери

времени на восстановление разрушенных железных дорог. По той же причине можно усомниться, были ли итальянцы в состоянии двинуться через Тироль и Штирию после крушения австро-венгерской монархии.

Несмотря на истощение и непрерывно сокращавшуюся численность, наши войска сражались геройски до последнего дня. Солдаты, пришедшие уже зараженными из тыла или развращенные на фронте революционной пропагандой, разбегались под неприятельским ураганным огнем. После отсева дезертиров и перебежчиков в армии осталось здоровое ядро, которое было в состоянии оказывать упорное сопротивление. Особенно геройски, до последнего момента сражались пулеметчики.

Но враг также был истощен и, по общему мнению наших фронтовиков, уже не наступал с прежней энергией.

На заседании министров в октябре 1918 г. ген. Людендорф заявил, что возможность продолжать войну находится в зависимости от того, будет ли нам дана передышка. Как можно теперь доказать, эта передышка действительно могла бы быть получена. В ноябре у нас было бы достаточно времени, чтобы укрепиться и привести себя в порядок на позициях Антверпен — Маас; мы могли бы также продолжать сопротивление в более глубоком тылу и поставить неприятеля перед необходимостью выбирать: допустить ли до тяжелых боев, которые захватят и 1919 г., или согласиться на более умеренные условия мира.

В ноябре 1918 г. армии Антанты не были больше в состоянии преследовать нас, ибо они не могли своевременно восстановить разрушенных нами путей сообщения, — особенно железных дорог. В день заключения перемирия был достигнут крайний предел, до которого могло подвозиться снабжение. По разрушенным дорогам грузовики не были в состоянии обеспечивать связь между конечными ж.-д. пунктами и фронтом. На этот счет мы имеем точные сведения относительно английской армии. Снабжение американской армии также пришло в полное расстройство вследствие плохой организации транспорта. Фактически англичане могли выступить только через шесть дней после окончания военных действий, т. е. 17 ноября, и то имея лишь менее третьей части своих дивизий. Но даже и эту небольшую часть армии оказалось невозможным снабдить всем необходимым. В начале декабря пришлось сделать опять остановку, так как снабжение по железным дорогам не шло наравне с движением армии вперед.

Положение со снабжением у французов и у бельгийцев было такое же.

Англичанин, ген. Морис, подтверждает в своем обстоятельном исследовании военного положения в ноябре, что немцы могли бы укрепиться за Маасом на значительно более короткой линии фронта на очень сильных позициях. В этом случае потребовалось бы крупное сражение, которое стоило бы очень многих

человеческих жертв, пришлось бы обречь на разрушение большую часть Бельгии, включая Брюссель, Антверпен и промышленный район Шарлеруа.

Фельдмаршал Хэйг в своих военнных докладах подтверждает эти соображения. Часть дивизий в смысле снабжения была связана с ж.-д. пунктами, находившимися на расстоянии 130—160 км. от фронта, кроме того, к этим пунктам вели очень плохие дороги.

„Наступление значительно замедлилось, если бы его пришлось вести при сопротивлении хотя бы даже и разбитого врага. Затруднения, связанные с снабжением, крайне возросли бы во многих отношениях, особенно вследствие необходимости подвозить крупные массы боевых припасов".

Сведущие люди из французского лагеря указывают, что военные операции должны были бы приостановиться на много месяцев, если бы разрушение ж.-д. путей, производимое немцами, продолжалось до Рейна.

Понимание этих трудностей, частью уже существовавших, а частью лишь предстоявших, заставило фельдм. Хэйга высказаться на совещании полководцев Антанты от 25 октября за более умеренные условия перемирия. Он заявил, что силы победоносных армий кончаются, между тем как Германия еще не сломлена в военном отношении. В течение последних недель германские армии отступали в полном порядке, храбро сражаясь. Ген. Петэн высказался за тяжелые условия, но полагал, что они не будут приняты Германией. В последнем случае, если бы война продолжалась, то, по мнению маршала Фоша, никто не мог бы сказать, сколько она продлится. Она могла бы продолжиться еще 3, а может быть и 4 и 5 месяцев.

Таким образом, бесспорно, что Германия имела возможность продолжать войну. Помешала этому только революция, вырвавшая у полководца меч из рук, подорвавшая порядок и дисциплину в армии и особенно позади фронта и сделавшая невозможным всякое дальнейшее сопротивление. Тот, кто пережил опустошающее действие революции на армию, никогда не забудет этого потрясающего впечатления. Вследствие этого, не смотря на ужасные условия, ф.-Гинденбургу тоже пришлось дать телеграммой от 10 ноября свое согласие на заключение перемирия. Лишь революция сделала Германию вполне беззащитной.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Исследование проф. Г. Дельбрюка

ОТ АВТОРА

Оба помещенные ниже исследования[1] были первоначально разработаны как содоклады к двум исследованиям ген. от инфантерии ф. Куля и полк. Швертфегера. Но характер предмета заставлял меня многократно выходить из рамок, которые сначала поставили себе оба автора, ибо оба исследования являются лишь первыми частями, за которыми должны последовать другие. Поэтому я придал своей работе не форму содоклада, а форму самостоятельного реферата, который предусматривает, однако, по своему характеру знакомство с исследованиями Куля и Швертфегера. Я повсюду исхожу из твердо установленных фактических данных, изложенных в обоих упомянутых рефератах.

Г. Дельбрюк.

НАСТУПЛЕНИЕ 1918 г.

Ген.-фельдм. (Гинденбург) и ген. Людендорф особенно подчеркнули при их опросе во второй подкомиссии (заседание 18 ноября 1919 г.), что они приняли верховное командование и руководили им с безусловным стремлением к победе, которым, как они предполагали, был воодушевлен также и весь германский народ. Если понять это заявление дословно, то оно будет противоречить одному из основных положений Клаузевица, который признает победу как таковую, т. е. победу, которая мыслится только в военном отношении,— нелепостью, ибо победу нельзя отделять от политической цели; бессмысленно передавать полководцу все имеющиеся средства войны, чтобы затем составить чисто военный план войны или похода.

Ни один из основных планов, необходимых для войны, не может быть составлен без учета политических отношений[2]. Поэтому заявления обоих генералов надо истолковать в том

[1] См. также раздел четвертый.—*Прим. ред.*
[2] Клаузевиц. О войне, т. VIII, 6-я глава.

смысле, что они стремились лишь дать сильную формулировку требованию чрезвычайного напряжения сил. В действительности они отнюдь не упускали из виду связи германского наступления, которое должно было начаться в 1918 г., с целью войны. На заседании коронного совета 11 сентября 1917 г. в Белльвю, по предложению государственного секретаря ф. Кюльмана, кайзер вынес решение в том смысле, что можно было бы отказаться от Бельгии, если бы на этой основе удалось достигнуть мира в скором времени. Мы не будем рассматривать здесь, почему, несмотря на такие полномочия, ф.-Кюльману не удалось завязать мирных переговоров. Лишь к концу года (11 декабря) 1917 г. верховное командование заявило рейхсканцлеру, что ввиду исчезновения предпосылки, легшей в основу решения в Белльвю и состоявшей в стремлении достигнуть мира в течение этого же года, а также чрезвычайно благоприятно сложившегося для нас военного положения — оно не может более признать необходимость отказа от Бельгии и вновь поддерживает выставленные в Крейцнахе требования, имевшие в виду военный контроль над Бельгией до тех пор, пока она не созреет для оборонительного и наступательного союза с Германией, а также — переход Льежа и фландрского побережья во владение Германии. По заявлению верховного командования следовало ходатайствовать перед императором о новом решении по бельгийскому вопросу (см. приложение, стр. 227). По словам ген. Людендорфа[1] верховное командование по вопросу о Бельгии осталось при решении в Белльвю, хотя оно до июля и августа 1918 г. в своих помыслах продолжало настаивать на более обширных целях войны, но не имело случая снова принципиально высказаться по этому вопросу. Как видно из сказанного выше, это заявление неверно. Людендорф настаивал на более обширных целях в отношении Бельгии не только в своих «помыслах»: он с величайшей решительностью и открыто выставил опять эти свои требования, указывая на то, что решение от 11 сентября было принято только при том условии, если оно приведет к миру еще в 1917 г. Верховное командование отнюдь не удовлетворилось только этим предложением и в письме от 7 января 1918 г. на имя императора претендовало на «ответственное» содействие мирным переговорам. Оно жаловалось на то, что хотя министерство иностранных дел и выслушивает его, но идет все же своими путями; командование дошло даже до предостережения:

„Ваше величество не потребует, чтобы искренние люди, верно служившие вашему величеству и родине, участвовали своим авторитетом и своим именем в действиях, в которых они не могут участвовать в силу глубочайшего убеждения во вредности этих действий для короны и империи".

Этой претензии и императором и канцлером был дан, хотя и вполне любезный, но все же весьма решительный отпор. Импе-

[1] Людендорф, Ведение войны и политика, стр. 252.

ратор высказал «надежду», что верховное командование, «не поддаваясь влияниям, посвятит себя задаче непосредственного ведения войны». Верховное командование со своей стороны настаивало на том, что оно, правда, не в государственно-правовом отношении, но

„перед германским народом, перед историей и перед своей собственной совестью,— тоже несет ответственность за мир". „Даже решение его величества не может освободить генералов от ответственности перед совестью"[1].

Последняя фраза представляет собою замечание, которое сделал ген. Людендорф по поводу последовавшего высочайшего решения. Его смысл может заключаться только в том, что Людендорф оставлял за собой право,— как это достаточно ясно сказано в его письме от 7 января,— проводить свои мнения в жизнь при помощи прошения об отставке, чем вынудил императора сместить совет министров и рейхсканцлера, которым он доверял.

Цель войны, которую имел в виду ген. Людендорф, выражена следующей фразой[2]:

„Пока Бельгия не созреет политически и экономически для оборонительного и наступательного союза, она должна находиться под политическим и военным контролем Германии".

Такой военный контроль,— так же как и имевшийся в виду позже союз,— означал для Франции и Англии столь длительный гнет, что в глазах обеих наций подобное положение было равноценно мировой гегемонии Германии. При этом вспоминаются слова Наполеона: «Антверпен — это пистолет, направленный на сердце Англии». Никто не мог сомневаться в том, что такая цель войны могла быть достигнута лишь после полного сокрушения силы сопротивления Франции и Англии и что соответственно этой цели должны были быть направлены операции 1918 г.

„Борьба на западе, которую принесет 1918 г.,—писал ген. Людендорф 13 февраля в заметках для доклада императору,— является величайшей военной задачей, которая когда-либо стояла перед армией и разрешить которую тщетно пытались в течение двух лет Франция и Англия".

„Ваше величество не потребует, чтобы я представлял вашему величеству предложения относительно операций, которые принадлежат к самым трудным в мировой истории, если бы они не были необходимы для достижения определенных военно-политических целей»[3].

Командование армией, которое не хочет подвергаться справедливым критическим нападкам, должно уметь взвешивать, находятся ли поставленные цели и наличные средства для их достижения в правильном соотношении. Из обстоятельного сообщения содокладчика, ген. ф.-Куля, видно, насколько ограничены были во многих отношениях военные средства Германии. Правда, после окончания войны на востоке представлялась возможность перебросить оттуда весьма значительные подкрепления на Западный фронт; однако, если на стороне Германии и могло

---

[1] Архив верховного командования, стр. 466.
[2] Там же, стр. 467.
[3] Архив, письмо от 7 января; там же, стр. 455.

быть численное превосходство, то оно было бы крайне незначительным; что же касается вооружения, то во многих случаях существовали опасные недочеты. Ни численность, ни упитанность конского состава не отвечали поставленным требованиям. Как раз перед самым наступлением поступали донесения в военное министерство о том, что лошади голодают. Бензина, необходимого для автомобилей, было чрезвычайно мало. Если, как и следовало предполагать, были бы потери, то в тылу не имелось больше пополнений ни для людского, ни для конского состава. Если бы из военной промышленности и с железных дорог были изъяты находившиеся там годные к военной службе люди, то остановилось бы ж.-д. движение и не поступало бы пополнений оружия и боеприпасов. К тому же решения надо было добиваться как можно скорее, ибо летом и осенью на фронте следовало ждать американцев. В представлении, которое сделал ф. Гинденбург при решении вопроса о неограниченной подводной войне (письмо Бетмана-Гольвега рейхсканцлеру принцу Максу Баденскому от 23 октября 1918 г.) [1], американским военным судам была дана низкая оценка, во всяком случае он их не считал решающим фактором; эта оценка была отброшена, и стало ясно, что надо сделать все для того, чтобы добиться решения войны до прибытия американской помощи. В 1916 и 1917 гг. Антанте не удалось прорвать германский фронт, несмотря на почти двойное численное и материальное превосходство, а также на громадные усилия и огромные потери. Мыслимо ли было, чтобы немцы достигли этой цели теперь, не имея превосходства в силах?

При всей своей уверенности ген. Людендорф сознавал все же свою слабость, и это привело его к составлению весьма примечательного плана наступления. Для того чтобы действительно достигнуть поставленной крупной цели, надо было нанести Антанте такое поражение, которое привело бы ее к сокрушению, и в этих целях следовало повести наступление так, чтобы прорыв привел к крупной стратегической операции. Людендорф так и описывает во второй книге (стр. 324) свои намерения.

В «Воспоминаниях о войне» (стр. 472) на план делают только намеки. Но здесь же находится и роковое положение (стр. 474): «Тактику надо было поставить выше чистой стратегии». Другими словами, это означает, что наступающая сторона чувствовала себя слишком слабой, чтобы предпринять наступление в том пункте неприятельского фронта, где представлялся лучший шанс для стратегической операции, а выбирала такое место, куда легче всего было проникнуть. Это было, несомненно, правильно задумано, если учесть существовавшее соотношение сил, но этот принцип находится в резком противоречии с основами всей кампании. Эти основы требовали кампании сокрушения. Наступление в тактически благоприятном, но стратегически мало действительном участке давало надежду только на более или менее

[1] Архив верховного командования, серия 2-я, документ № 237.

крупный тактический успех, который все же не мог бы быть достаточным для поставленной цели войны. Стратегическая операция неправильно задумана, если она не обещает тактического успеха, т. е. успеха в бою. Если ген. Людендорф не верил в то, что ему удастся тактически вторгнуться в те места, где была надежда на достижение стратегической цели, и потому начал наступление на таком месте, которое в стратегическом отношении вело в пустоту, то в этом заключается *признание генералом собственной слабости; он был слишком слаб для той задачи, которую он поставил перед собой*,— и цель и средства не находились в должном равновесии.

Чтобы достигнуть стратегической цели — отделения английской армии от французской, которое могло повлечь откат англичан, наступление несомненно лучше всего было бы организовано, если бы оно шло вдоль р. Соммы. Но Людендорф растянул фронт наступления приблизительно на четыре мили дальше к югу, так как противник казался там особенно слабым и, когда Гутиер (Hutier) добился здесь большого успеха, центр тяжести наступления еще в большей степени перенесли на этот участок фронта. Однако,— ввиду того что одновременно перед глазами мелькала все же крупная стратегическая цель,— немцы приступили к новому расширенному наступлению на северном участке против Арраса. Тем самым, по выражению одного военного критика, наступление «было раздроблено». Оно было слишком широко задумано. Оно нигде не было достаточно сильно. Дала себя почувствовать и несогласованность стратегической и тактической установки. Оба наступления,— и на Аррас, и на Амьен,— остановились. Хотя, как прекрасно рассказывает на основании собственных воспоминаний ген. ф.-Куль, армия была блестяще подготовлена для своей великой задачи и шла в атаку бодро и весело и хотя была уничтожена целая английская армия — армия Гофа (Gough), в результате чего возникла брешь шириной в две мили, где не было ни одного неприятельского солдата, тем не менее основная цель наступления — разгром английского фронта — не была достигнута, так же как и цель, поставленная в ходе наступления,— захват Амьена, ибо наступление, предпринятое в благоприятных тактических условиях, стратегически было организовано неправильно.

Но в плане наступления заключалась еще и вторая основная ошибка. Атаки противника в течение двух предшествовавших лет учили нас, что даже тогда, когда казалось, что прорыв удался, он всегда в конце концов приостанавливался, ибо никакая мобилизация технических средств и никакая организация не были в состоянии обеспечить подвоз продовольствия и боеприпасов через захваченную местность. Это положение напоминает стратегию Фридриха Великого, когда атаки и преследование после немногочисленных маршей всегда приостанавливались потому, что за ними должны были поспевать магазины. Можно ли было предполагать, что германская армия с ее плохим конским составом и скудно снабженным автомобильным

парком на местности прежних боев, изрытой воронками, достигнет того, чего не могли добиться гораздо лучше снабженные французы и англичане, действовавшие к тому же на удобной территории?

При всех этих отрицательных сторонах и недостатках германского наступления оно обладало одним преимуществом, которое — что весьма знаменательно — совсем не упоминается ген. Людендорфом и как будто не принимается им в расчет. Это — факт раздельного главного командования неприятельским фронтом и отсутствие единой базы армий Антанты. Базой для англичан служило побережье Ламанша, а для французов — внутренняя Франция с Парижем. Положение это напоминает кампанию 1815 г., когда Наполеон рискнул напасть на пруссаков и англичан, стоявших рядом в Бельгии, хотя они были в полтора раза сильнее его; он рассчитывал, что вследствие наличия различных баз и раздельного командования пруссаки и англичане будут действовать не совсем согласованно. Наполеон был очень близок к победе, если бы Гнейзенау, после поражения у Линьи, не решился отказаться от связи с немецкой базой и не присоединился к англичанам у Бель-Алльянс.

Из разоблачений Райта о событиях в главных квартирах неприятеля мы узнали, что на самом деле англичане в 1918 г. только и думали о своей связи с портами на побережье Ламанша, а французы были озабочены только прикрытием Парижа. Вследствие этого,— вместо того чтобы действовать совместно, англичане и французы действовали вразброд. Они вполне сознавали опасности, проистекавшие из этого разлада, и весною 1918 г. они решили создать общий верховный военный совет в Версале под председательством ген. Фоша, в распоряжении которого должны были находиться резервы, состоявшие из войск обеих наций. Однако, оба главнокомандующие, находившиеся на фронте, фельдм. Хэйг и ген. Петэн, саботировали это решение — не выделяли войск для резерва и вместо этого договорились между собой о том, как они будут поддерживать друг друга в случае необходимости. Но над этой договоренностью господствовала забота каждой армии о своем собственном благополучии, т. е. о собственной базе, а не об общем деле. Было условлено, что подвергшийся нападению передает соседу участок своего фронта, ближайший к стыку с соседом, после чего освободившиеся на переданном участке дивизии могут притти на помощь своим соотечественникам. Но чтобы не дать себя ввести в заблуждение ложной атакой, было решено начинать это движение только на четвертый день после начала неприятельского наступления. Таким образом, должна была пройти почти целая неделя, пока подвергшаяся нападению часть фронта могла получить поддержку другой нации. Поистине чудовищное распоряжение! К довершению зла англичане очень слабо укрепились на самой южной части своего фронта, примыкавшей к французам, ибо, дескать, прежде всего надо было защищать северную часть — перед портами на берегу Ламанша.

Именно на эту южную часть английского фронта и направил ген. Людендорф германскую атаку, ибо, как он передает, было замечено,— причем, как известно, правильно замечено,— что на этом участке было особенно мало войск. По мнению англичанина Райта, выбор для наступления именно этого участка был в сущности стратегической ошибкой, так как если бы англичане и французы действовали правильно и выставляли бы общие главные резервы, то именно там, где англичане соприкасались с французами, эти резервы могли бы очень быстро подкрепить любую армию, используя уже оборудованную линию ее этапов.

Однако, ввиду того что никакого главного резерва не было, а резервные дивизии стояли разбросанно позади фронта, немцы попали на такой участок, где они почти в продолжение целой недели могли нажимать с огромным превосходством сил.

Людендорф не мог этого не знать. В своих «Воспоминаниях» о войне» (стр. 479) он объясняет недостаточную подготовку противника к обороне и запоздавшее прибытие его резервов тем, что он не заметил стягивания наших войск, и нападение было для него неожиданным. Из работы Райта мы знаем, что неожиданность нападения в сущности не удалась, и, что, с другой стороны, были точно известны и пункт и день наступления, но что разброд в главном командовании Антанты исключал возможность всякой рациональной обороны.

Ширина фронта германского наступления по обе стороны от Сен-Кантэна составляла около 10 миль. На северном участке, у Камбрэ, где должен был быть нанесен главный удар, сначала было достигнуто немного. Людендорф до некоторой степени возлагает вину за это на командование (ген. Отто ф.-Белов, нач. штаба Крафт ф.-Дельмензинген). По его мнению, взаимодействие пехоты и артиллерии проводилось недостаточно хорошо и отдельным группам было предоставлено слишком много тактической свободы. Но главная причина заключалась, несомненно, в том, что эта армия, как отмечает и сам Людендорф, имела перед собой сильнейшего врага и весьма густо насыщенный войсками фронт. Большого успеха добился ген. Гутиер (Hutier) на южном участке против английской армии Гофа (Gough), где английский фронт не был густо насыщен, а под рукой не было резервов. Райт утверждает,— впадая, однако, в сильное преувеличение,— что Гутиер бросил 25 дивизии против трех или четырех английских.

Ввиду того что армия Гофа была почти целиком выведена из игры, и в первые шесть дней наступления на помощь ей небольшими частями пришли не более, чем одна британская и семь французских дивизий, частично без артиллерии, превосходство Гутиера и примыкавшей к нему второй армии ф. дер-Марвица было достаточно, чтобы взять Амьен, если бы во всей организации наступления не проявилась другая ошибка. Людендорф описывает ее сам в своих «Воспоминаниях о войне» (стр. 482).

„Подвоз боеприпасов был недостаточен; кроме того наступили продовольственные затруднения. Восстановление дорог и железнодорожных линий, несмотря на заблаговременную подготовку, отнимало слишком много времени“.

Эта задержка дала неприятелю возможность осознать те ошибки, которые он сделал. В ближайшем тылу, в Дулансе (Doullens), состоялось совещание английских и французских государственных деятелей и генералов, в котором приняли участие лорд Мильнер, ген. Вильсон, Пуанкаре, Клемансо, Фош. Совещание вынесло решение о крайней необходимости единого командования, которое и было возложено на Фоша. Фош немедленно перебросил в районе Амьена с другого участка французского фронта три дивизии, хотя вследствие этого на ослабленном участке образовалась пустота; столкнувшись с сопротивлением этих дивизий, как пишет Райт, «истощенные голодом и лишениями» немцы залегли на расстоянии тысячи метров от города Амьена (27 марта). Борьба продолжалась еще целую неделю, но, в виду того, что теперь со всех сторон сюда устремились резервы Антанты, она была безуспешна. В изложении Людендорфа, первый период — когда германское наступление остановилось вследствие своих внутренних затруднений, и второй,— когда враждебный фронт усилился и сам перешел в наступление, недостаточно противопоставлены, и тем самым затемнена их стратегическая взаимозависимость.

Тактический успех германского наступления был очень велик, но его нельзя было превратить в стратегический успех. Напротив, продвижение немцев привело к выпячиванию германского фронта, которое, как сразу заметил Фош, было крайне опасно в стратегическом отношении и привело нас в конце концов к гибели. Как бы превосходно ни было подготовлено и проведено наступление в тактическом отношении, ничем нельзя было исправить стратегическую ошибку, лежавшую в основе его организации.

Но еще хуже было то, что последовало затем. Основное положение учения о войне Клаузевица состоит в том, что военный успех лучше всего можно использовать в том месте, где он достигнут. Военное командование, не стремящееся к абсолютному решению,— к сокрушению врага, а удовлетворяющееся отдельными ударами, может наносить их то в одном, то в другом месте. Но такое военное командование, которое хочет добиться решения, должно стремиться к этому там, где оно нанесло первый успешный удар. Если обнаруживается, что у него нет больше для этого сил, то и в другом месте оно тоже не сможет этого добиться. Но Людендорф — хотя он и хотел провести большое, решительное наступление — заранее имел в виду, что ему придется лишь бить то по одному, то по другому участку неприятельского фронта.

„Не следует думать,—говорится в заметках к докладу 13 февраля,—что у нас будет такое же наступление, как в Галиции или в Италии; это будет жестокая борьба, которая, начавшись в одном месте, будет продолжаться в другом и потребует много времени“.

Так же сказано и у Гинденбурга (стр. 301):

„Если нам не удастся сокрушить одним ударом сопротивление врага, то за этим первым ударом должны последовать дальнейшие удары в других местах линии неприятельского сопротивления“.

Заведомо безнадежное начинание! Ввиду того что нападающая сторона имела возможность сосредоточить превосходные силы в одном пункте, можно было опять добиться тактических успехов, которые действительно и были достигнуты, чем противник был сильно испуган. Но таким путем нельзя было достигнуть действительного решения; после того как не удалось его добиться при первом натиске, можно было достигнуть результата при последующих ударах. Причины все время оставались одни и те же: наступление не может быть перенесено (на новое место) так скоро, чтобы противник не имел времени подтянуть свои резервы.

Ссылаются на то, что мы были очень близки к победе именно у Амьена; но неверно утверждение, что лишь неблагоприятные случайности помешали нам одержать настоящую, полную победу. Наоборот, непостижимые ошибки противника, которых никак нельзя было ожидать, дали нам, как мы видели, возможность, несмотря на ошибки нашего собственного плана сражения, так близко подойти к победе. Как это ни больно, это надо высказать со всей откровенностью и решительностью.

Конечным результатом указанного выше плана действий является отказ от всякой настоящей стратегии и, по выражению ф.-Гинденбурга в его «Воспоминаниях», надежда на то, что при повторных частичных ударах здание неприятеля все же когда-либо «случайно» обрушится или, как сказал Людендорф кронпринцу Руппрехту, к нам на помощь также, по образцу России, придет переворот в Париже или в Лондоне.

Стратегия, прибегающая к подобным надеждам, уже отчаялась сама в себе и сознает, что ее средства недостаточны для поставленной цели.

Возникает вопрос, могла ли германская армия на Западном фронте быть сильнее? Ген. ф.-Куль всесторонне и тщательнейшим образом рассмотрел этот вопрос. Мы могли бы получить, если бы мы решительно на этом настаивали, некоторое количество австрийских дивизий, а также приобрести немалое количество войск,— как боевых частей, так в особенности столь необходимых рабочих команд,— при условии, если бы мы отказались от оккупации Украины. Ген. ф.-Куль указывает, что эта мысль была оставлена, ибо все подлежащие власти сходились на том, что без оккупации Украины мы должны были умереть от голода.

Но не следует, однако, закрывать глаза на то, что этот расчет в отношении Украины оказался ложным. По сообщению Куля, всего было доставлено 9132 вагона хлеба, из которых только 7/17 пришлись на Германию, т. е. около 3750 вагонов. Если считать, что в вагоне 200 центнеров это составляет 75 млн.

фунтов хлеба, т. е. при населении в 67 млн. около одного фунта на человека. Вместе с другими предметами продовольствия получается немного меньше 4 фунтов на душу населения. При этом надо принять в расчет, что часть предметов продовольствия прибыла в Германию в испорченном виде. Германская армия получила около 56 тыс. лошадей, или 5½% всего конского состава, имевшегося в начале наступления (992 тыс.), т. е. немалое пополнение, хотя выражение, которое употребляет в своих «Воспоминаниях о войне» ген. Людендорф, «лошади прибыли крупными массами», кажется нам преувеличенным. 50 тыс. голов рогатого скота, пригнанного в Германию, тоже составляли немаловажную помощь. Но если это сопоставить с тем фактом, что 17 пехотным и 3 кавалерийским, т. е. всего 20, хотя и малочисленным, дивизиям было поручено оккупировать Украину, то приходится притти к выводу, что все это предприятие было неправильным шагом, и задать вопрос, разве нельзя было достигнуть примерно того же самого путем торговли и контрабанды? Конечно, получить таким путем большое количество хлеба и продовольствия нельзя было, ибо железнодорожное сообщение могло поддерживаться только благодаря присутствию германских войск. Но то, что передвигается самостоятельно — как например, лошади и рогатый скот, т. е. главное из того, что мы фактически получили,— мы могли бы получить, как меня уверял знающий это дело крупный немецкий помещик на Украине, и без оккупации. Этот вопрос имеет большое значение, так как ведь именно из-за недостатка рабочих команд не были построены тыловые позиции позади Западного фронта. Принимать во внимание 1919 г. не следовало, ибо в таком виде, как организовал кампанию ген. Людендорф, мы в 1918 г. должны были либо победить, либо погибнуть.

Критика не должна ограничиваться указанием на совершенную ошибку, но обязана также поднять вопрос о том, как можно было поступить лучше. Для этой цели надо вернуться к исходному пункту — политической цели кампании. Эта цель была поднята на такую высоту, что ее нельзя было достигнуть без полного сокрушения неприятельской армии. Ошибка плана кампании заключалась в том, что полководец сам сознавал — или по крайней мере, наполовину сознавал — что для этой цели у него нехватало сил. Если бы он этого не сознавал и если бы вследствие этого организовал последовательно кампанию с целью достижения крупного стратегического решения, т. е. повел бы наступление дальше к северу, где на английском фронте находились густые линии войск, то наступление, если бы оно не оказалось совсем безуспешным, вероятно, приостановилось бы еще раньше, чем наступление у Сен-Кантэна. Суровая действительность — соотношение сил, которое тогда имело место, должна была бы побудить последовательно мыслящую стратегию с самого начала заявить что абсолютное решение исключилось и что поэтому надо отказаться и от великой цели войны. Оставалось лишь истощать врага отдельными тяжелыми ударами и

настроить его «на мирный лад» — выражение, которое часто употребляет в своих книгах также и ген. Людендорф. Но, для того чтобы такое мирное настроение могло принести какой-либо действительный результат, противнику надо было дать уверенность в том, что мы удовлетворимся миром по доброму согласию.

Возвращаясь еще раз к основному положению Клаузевица, отметим, что никакая стратегическая идея не может быть додумана до конца без политической цели.

Подобное снижение политической цели давало стратегическое преимущество, состоявшее в том, что для предпринимаемых атак можно было выбирать наиболее благоприятные в тактическом отношении пункты, т. е. те, которые легче всего обеспечивали достижения успеха, и отказаться от крупного стратегического эффекта. Тогда, например, можно было бы избежать той ошибки, которая испортила нам успех нашего сражения между Сен-Кантэном и Амьеном, а именно — противоречия между стратегической и тактической основами наступления.

Два последующих больших наступления на Ипре и на Шмен-де-Дам (Chemin bes Dames) тоже приобрели бы при этой предпосылке более разумный смысл.

Дальнейшим последствием установления такого более правильного равновесия целей и средств была бы возможность подумать, не даст ли наиболее благоприятных шансов наступление не на Западном фронте, а где-либо в другом месте, особенно в Италии. По кажущимся нам весьма вразумительными словам австрийского генерала Крауса, был большой шанс уничтожить всю итальянскую армию. Различными писателями делаются темные намеки на то, почему эта идея наступления на Италию не подверглась более близкому рассмотрению. Я пока отказываюсь итти по этим следам, ибо самая мысль об итальянской кампании с самого начала не соответствовала основным понятиям ген. Людендорфа, а именно, что безусловного решения надо было достигнуть до прибытия американцев. Итальянская кампания, как ни велик мог быть ее успех, оставалась бы все же второстепенной операцией. Главное решение могло состояться только на Западном фронте.

Следует упомянуть также о третьей по меньшей мере возможности, а именно о возможности повести наступление на Петербург и Москву, свергнуть советскую республику, создать буржуазное правительство и заключить с ним союз. Такой политико-стратегический оборот нельзя считать совершенно немыслимым, ибо нам очень повезло в том смысле, что в обстановке внутренних несогласий, раздиравших английское правительство и командование армией, нам был сообщен английский план войны. Полк. Репингтон, с согласия прежнего начальника генерального штаба Робертсона, сообщил всему миру в статье в «Морнинг Пост» от 10 февраля 1918 г. о том, что Антанта после неудачных, сопровождавшихся большими потерями наступлений 1916 и 1917 гг. откажется искать решения на французско-

бельгийском фронте и перенесет — до прибытия американцев в 1919 г.— центр тяжести ведения войны на Восток. Германское верховное командование могло, таким образом, с полной уверенностью рассчитывать на то, что Западный фронт будет оставаться спокойным, если оно само не начнет наступления; таким образом, тем легче можно было бы направить наступление на Италию или на Россию. На войне не существует ничего, что обещало бы больше выгод, чем знание неприятельского плана кампании. Но ген. Людендорф не сумел ничего извлечь из этого подарка фортуны и даже, насколько я помню, не упомянул о нем в своих книгах.

Правда, еще теперь часто выставляют то положение, что мир по доброму соглашению с отказом от прежних целей был невозможен в начале 1918 г., ибо на него не согласились бы враждебные державы. Если, как мы это видели, безусловная победа центральных держав исключалась, то указанное положение, взятое дословно, означало бы, что Германия проиграла уже в то время. Едва ли можно сделать такое допущение относительно державы, обладавшей еще тогда огромной мощностью; надо было заранее предполагать, что правильно оценив силы и взвесив положение, можно было бы все же притти каким-либо путем к приемлемому для Германии соглашению. Поэтому путь к почетному миру должен был бы заключаться в том, чтобы, нанося как можно более тяжелые удары, одновременно предложить противнику настолько умеренные условия, чтобы воюющие нации предпочли заключение мира продолжению кровопролития. Предварительным условием такой политики, связанной с подобной стратегией, явился бы отказ верховного командования от поставленных целей войны. Ибо при том настроении, которое господствовало среди германского народа,— безусловном доверии, с которым некоторые широкие круги смотрели на верховное командование, и доверии, которым они были преисполнены по отношению к министерству иностранных дел,— без полного и открытого согласия верховного командования едва ли была возможна политика мира без аннексий, (Verzichtfrieden), как тогда ее называли. Человеку масштаба Бисмарка это может быть и удалось бы. Но такого человека у нас не было. Тот же, кто благодаря внушительной силе своей личности часто производил впечатление, что он призван к роли вождя,— ген. Людендорф не только не указал общественному мнению правильного пути, но толкнул его в противоположном, гибельном направлении. Людендорф представлял себе, что ради поддержания на высоком уровне боевого настроения и воли к войне общественному мнению надо указать как можно более крупные цели войны. Он тягчайшим образом упрекал Бетман-Гольвега за то, что последний этого не делал. Я считаю это в психологическом отношении совершенно ложной установкой и осмеливаюсь даже назвать полнейшим заблуждением тот взгляд, что вся армия сплошь была на стороне его политики крупных военных целей. Конечно, среди офицеров, особенно в штабах,

было немало таких, которые ему сочувствовали. Но вся масса солдат, особенно старших возрастов, была бы очень довольна и приняла бы с ликованием, если бы Германия заключила мир, не потерпев никакого ущерба. Это будет доказано в другом реферате.

Германская армия была брошена на войну, представляя ее себе навязанной нам и носящей оборонительный характер. Правда, после первых побед в широких кругах возникло представление, что Германия должна выйти из войны только с большим выигрышем и ценными гарантиями. Но под влиянием тяжелых страданий в годы войны это настроение опять улетучилось, и политически мыслящие люди понимали, какую огромную пользу (косвенно) оказало Германии разрушение российского колосса. Если бы верховное командование возвысилось до того, чтобы сказать германскому народу, что для величия и безопасности его будущего мирового положения он не нуждается в прямом или косвенном улучшении своей западной границы, то огромное большинство германского народа, и особенно действующей армии, охотно бы удовлетворилось этим.

Ген. Людендорфу этот образ мыслей был тоже не совсем чужд. По его поручению военное управление печати дало директиву «не ослаблять собственной воли к борьбе раньше, чем враг не проявит действительной готовности к соглашению». Но, как мы видели, верховное командование не сделало стратегических выводов из этой политической установки.

Существовала ли в самом деле какая-нибудь надежда на то, что, если бы мы проявили готовность к миру, враги наши пошли бы на него?

Сам Людендорф придерживался такого мнения:

„Изучение двух первых наступлений,— пишет он,— конечно, не закончено. Их политический успех состоял в появлении Вильсона и в том, что Англия заговорила в Гааге с немцами о мире. Политике не приходилось быть недовольной достижениями военного командования“.

Более подробное изучение этих мирных возможностей будет предметом более поздних работ.

Мы устанавливаем лишь, что в мышлении ген. Людендорфа содержалось внутреннее противоречие. Он неизменно называет в своих книгах мысль о мире по соглашению преступлением и говорит нам, что до июля — августа 1918 г. он настаивал на своих крупных целях войны. Но в факте сближения американцев и англичан после наших весенних побед он усматривает возможность мира и уверяет нас в другом месте своей книги в том, что он совсем не был так далек от мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов[2].

Действительно ли существовали в 1918 г. возможности заключения мира и что именно для этого было сделано,— это будет предметом особого исследования, снабженного свидетельскими

---

[1] «Ведение войны и политика», стр. 218.
[2] Там же 253.

показаниями,— исследования, которое должно быть увязано с изучением неудачи мирных стремлений в 1917 г. Мне кажется, что лучшая постановка вопроса заключается не в том, был ли возможен мир, ибо это всегда можно будет изобразить под знаком вопроса, а было ли со стороны Германии сделано все возможное, чтобы достигнуть мира. В настоящее время я со своей стороны хотел бы сопоставить все доводы, которые, как мне кажется, свидетельствуют о том, что весною 1918 г. соглашение, отнюдь не было исключено. В январе 1918 г. и президент Вильсон и Ллойд-Джордж произносили речи, которые сильно отличались от их прежних выступлений. Вильсон разговаривал так вежливо, что французская и итальянская печать была вне себя от возмущения. Ллойд-Джордж, провозглашавший раньше политику разгрома (Knock-out Politik), тоже строил приветливую мину. Могло, конечно, показаться очень сомнительным, хотел ли он действительно отметить этим поворот,— это могла быть также военная хитрость с целью выбить почву из-под ног у приобретавшей авторитет партии мира Асквита — Грея — Лэнсдоуна. Но даже в таком случае это был симптом того, что в Англии существовала склонность к миру, с которой Ллойд-Джорджу приходилось считаться. Впоследствии мы узнали, что, как ни маловероятно это казалось, Ллойд-Джордж действительно был готов вступить в переговоры. В «Национальном обозрении» («National Review») (сентябрьская книжка за 1919 г.) один из самых ярых врагов Германии Л е о М э й к с (Leo Maxse) выболтал, что в течение всего периода с июля 1917 г. до июля 1918 г. Ллойд-Джордж был полон такого пессимизма, что он был готов пойти на всякое приемлемое мирное предложение.

„Признаем откровенно,— прибавил он,— что своим спасением мы опять-таки обязаны нашим врагам". „Если бы не существовало верховного командования и отечественной партии, Берлин мог бы дать такой ответ (в июле 1917 г.), который довел бы наших паникеров до такого состояния, что они продолжали бы настаивать на своем до тех пор, пока не были бы принесены в жертву все наши военные цели". „Если бы противник тогда сделал хотя бы сколько-нибудь удовлетворительное заявление о Бельгии, то начались бы переговоры, и беда совершилась бы еще до того, как публика узнала об интриге".

Обычно говорят, что мирное предложение со стороны Германии было бы истолковано ее противниками как признак слабости и не уменьшило бы воли неприятеля к войне, а наоборот — усилило бы ее. В этом якобы увидели доказательство уменьшения веры германского командования в собственную силу. Несомненно, об этом писали бы тысячи враждебных газет, точно так же как наши газеты беспрерывно вскрывали симптомы сокращения боевой силы враждебных народов. Наоборот, всякое мирное предложение, которое не было бы принято, вызывало бы как на одной, так и на другой стороне среди стремившихся к миру народных масс благоприятное впечатление о предлагающей мир стороне и неблагоприятное об отвергающей: «Почему же не заключить мира, если другая сторона готова к миру? Мы ведь не хотим ничего, кроме обороны, а она достигнута!» Ведь руководящие германские государственные деятели постоянно заяв-

ляли, что Германия готова к соглашению, а противная сторона возражала, указывая, что не то, что она-де не хочет соглашения, но что соглашение задумано неискренно, что за ним скрывается военная хитрость, что хотят таким образом добиться раскола Антанты и что именно у стола, за которым будут вестись переговоры, Германия заявит такие претензии, которые несовместимы с независимостью других народов. Когда в июле 1917 г. германский рейхстаг вынес резолюцию о мире, враждебная печать отнюдь не писала, что Германия исчерпала все свои силы; однако, печать отмечала, что резолюция не раскрывает истинных намерений германской политики, ибо рейхстаг не является в Германии решающей инстанцией. К сожалению, приходится согласиться с тем, что в этом отношении враждебные органы были правы. Ибо решения, принятые непосредственно после этого в Крейцнахе и в Берлине о целях войны, не упоминают и не считаются с резолюцией рейхстага, за которой по подсчетам стояло 10 млн. избирателей, тогда как противная партия насчитывала всего лишь 1300 тыс. сторонников. То, чего хотел весь мир, заключалось не в голом заверении общего характера, что Германия, мол, готова к миру, а в твердой, налагающей абсолютное обязательство гарантии первого и самого важного из всех условий — неприкосновенности и суверенитета Бельгии. Без такой гарантии какие бы то ни было мирные переговоры были бы для Англии невозможны. Нельзя понять политическое положение того времени, если не иметь постоянно в виду, что, с одной стороны, Германия обладала тем козырем, что в ее руках находились обширные неприятельские территории, а с другой, что враждебному ей союзу принадлежало будущее, что в его распоряжении находилось гораздо большее количество вспомогательных средств. Весь мир предвидел, что в близком будущем пополнения Германии людским составом и техническим оборудованием истощатся, тогда как у враждебной ей Антанты этого не будет. Хотя адм. ф.-Тирпиц (председатель германской отечественной партии) заявил в январе 1918 г., что «военная помощь Америки была и остается призраком», но по крайней мере верховное командование знало истинное положение гораздо лучше; противник же тоже. Вступить просто с нами в мирные переговоры для враждебного нам союза означало бы возможность выпустить из рук шанс на мир в результате победы. Антанта могла вступить в переговоры только в том случае, если бы Германия равным образом со своей стороны отказалась от своего преимущества, а именно от лучшего военного козыря, т. е. другими словами заранее сделала бы безоговорочное, ничем не компенсированное и не могущее быть взятым обратно заявление о Бельгии. Относительно других условий мира можно было бы договориться за столом мирных переговоров. Подозрение, что немецкое мирное предложение является признаком слабости, можно было бы полностью рассеять указанием на то, что Германия уже давно объявляла о своей готовности к миру по соглашению и, что теперь она подробнее уточняет лишь то, что высказывала ранее

принципиально. Особенно легко было бы уничтожить подозрения в слабости правильным выбором времени для предложения. 21 марта 1918 г. началось большое наступление. Представим себе, что германский рейхсканцлер — скажем, недели за две до наступления — заявил бы в каком-либо учреждении публично со всей определенностью, что Германия придерживается политики, выраженной в резолюции рейхстага от июля 1917 г., которая отвергала всякое насильственное приобретение территории, а также отказывается от политического, экономического или финансового насилия и в частности не намерена нарушить неприкосновенности и суверенитета Бельгии ни в политическом, ни в экономическом отношении. Быть может во враждебной печати и было бы тогда опубликовано с язвительной насмешкой: «Смотрите, немцы находятся при последнем издыхании; они сами не доверяют своему наступлению, о котором было так громко объявлено: скоро они будут умолять о пощаде». Мог ли весь мир наслаждаться этими картинами, когда начался штурм: «Бапом и Перонн были взяты — 50 тыс. пленных; Нуайон и Альбер взяты — 80 тыс. пленных; Клемансо сообщил президенту Пуанкаре, что ему, может быть, придется покинуть Париж; Армантьер и Байель (Bailleul) взяты, кровавые, полумиллионные потери в армиях Антанты; английская армия сражалась, припертая спиной к стене». Что сказали бы народы, если бы в этот момент германский рейхсканцлер заявил снова:

„Мы ничего не меняем в оглашенных нами основах мира. Как и раньше, неприкосновенность и суверенитет Бельгии остаются гарантированными. Мы приглашаем народы встретиться с нами на мирном конгрессе“.

Неужели сохранили бы и тогда перевес те голоса, которые стремились представить все заявления о мире признаками нашей слабости?

Но наряду с этими принципиальными соображениями существует еще исторический документ, проливающий свет на готовность Антанты к переговорам. В марте 1918 г., незадолго до начала нашего наступления, полк. ф.-Гефтен имел за границей беседу с лицом, которое было осведомлено о целях и намерениях официальных учреждений в Лондоне и Вашингтоне. Как рассказывает нам сам ген. Людендорф в своих книгах, это лицо поставило начало официальных мирных переговоров в зависимость от следующих предварительных условий: безусловная эвакуация Северной Франции и Бельгии; уплата расходов на восстановление; предоставление самостоятельности Эльзас-Лотарингии; объявление об уничтожении только что возникших на востоке мирных соглашений; передача всех восточных вопросов мирной конференции, которая должна быть созвана Антантой; полное изменение правительственной системы в Германии в том смысле, как позже потребовал и добился Вильсон. Последнее из этих условий, как потом объяснил ф.-Гефтен, должно было состоять не в упразднении монархии, а означало лишь введение парламентаризма. Ввиду того что парламентаризм уже суще-

ствовал в развитом виде, эта статья не имела практического значения. Самое замечательное из всех прочих условий состоит в том, что было выставлено требование не уступки, а лишь автономии Эльзас-Лотарингии. Еще 19 декабря 1917 г. лорд Роберт Сесиль произнес к величайшему беспокойству французов речь, которая давала понять, что Англия не стала бы безусловно настаивать на передаче Франции Эльзас-Лотарингии. Под впечатлением ужаса, вызванного нашими победами в марте и мае, были бы несомненно сделаны дальнейшие уступки в том или другом отношении. Ген. Людендорф тоже пишет[1], что в мае и июне мысли Антанты, устремленные к заключению мира, приобрели более твердые очертания, чем когда-либо в течение всей войны! Итак действительно ли исключалась принципиальная возможность мира по соглашению? Или может эта возможность опровергалась тем, что никогда не имели успеха многочисленные попытки завязать то тут, то там мирные переговоры? Или тем, что германский рейхсканцлер делал неоднократные, но тщетные заявления в пользу мира «без аннексий и контрибуций»?.. На это следует возразить, что все эти попытки не могли быть успешными, ибо не было выполнено обязательное предварительное условие — гарантия полного и безусловного освобождения Бельгии[2], что составляет больше, чем простое обещание мира «без аннексий». Это заявление было сделано в налагающей обязательства форме в комиссии рейхстага рейхсканцлером графом Гертлингом только в июле 1918 г., когда было уже слишком поздно, когда уже начался поворот в военном положении и наше поражение.

Я не думаю, что мир по соглашению потерпел неудачу только из-за стремлений враждебного нам союза уничтожить нас, и нельзя извинить или объяснить поведение верховного командования тем, что ген. Людендорф не сознавал возможности заключения мира по соглашению **(7)**.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Я согласен с генералом ф.-Куль, что германская армия должна была наступать в 1918 г., но наступление должно было преследовать цель — нанести как можно более тяжкие удары, отнюдь не стремясь к полному сокрушению всех неприятельских боевых сил. Итак, это должно было быть наступление с ограниченной целью, и оно должно было быть связано с четным и открытым предложением мира на основе полного суверенитета и неприкосновенности Бельгии.

Дополнительно я отмечаю, что мои взгляды совпадают с исследованием ген. ф.-Куля еще в значительно большей мере, чем я полагал выше. В своей статье июльской книжке «Прус-

[1] Людендорф, Война и политика, стр. 295.

[2] В подлиннике формулировка Дельбрюка несколько неясна, ибо он говорит о необходимости в целях достижения мира „полного и безусловного освобождения Бельгии", тогда как на протяжении всей статьи он требует лишь гарантии полного и безусловного освобождения Бельгии в виде декларации правительства. *Прим. перев.*

ской летописи» ф.-Куль говорит, что организация первого наступления у Сен-Кантэна кажется ему, отнюдь, не безусловно правильной и что следует также усомниться в целесообразности последнего наступления в Шампани. Далее, он согласен со мной в том, что нам следовало бы объявить об освобождении Бельгии. На мой взгляд, это самые важные пункты. Относительно тех выводов, которые из них нужно сделать, мы различного мнения.

СООБРАЖЕНИЯ, ДОПОЛНЯЮЩИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКСПЕРТА ШВЕРТФЕГЕРА

По существу исследования полк. Швертфегера (первая часть) я могу сделать очень мало замечаний. Я иначе понимаю стратегию Фридриха Великого, и у меня другие сведения об обращении рейхсканцлера Михаэлиса. Но все это имеет второстепенное значение. Во всем существенном я могу лишь целиком согласиться с объективными данными, имеющимися в исследовании, но в оценках я считаю нужным сделать шаг дальше.

Прежде всего в верховном командовании я делаю большее различие между ф.-Гинденбургом и ген. Людендорфом, чем это делает полковник Швертфегер. Совершенно ясно, что фельдмаршал находился под сильным обаянием своего первого ген.-квартирмейстера и даже соглашался из-за него на такие вещи, которые были противны его внутренней природе. По собственной инициативе фельдмаршал ф.-Гинденбург никогда бы не решился насильно принудить своего верховного повелителя распустить совет министров и уволить в отставку рейхсканцлера, которым доверял император. Таким образом, когда говорят о величайшей ответственности в мировой войне и хотят избежать неясности, надо говорить не о верховном командовании, а о ген. Людендорфе.

Из слов полк. Швертфегера вытекает, что хотя формальная ответственность продолжала лежать на императоре и рейхсканцлере, фактическое руководство Германией перешло к верховному командованию, установка которого была чисто военной. Для того чтобы освободиться от этой чисто военной установки, ген. Людендорф должен был быть крупной личностью. По общему признанию, этого нельзя требовать ни от одного человека, если он только не является великим; исключение составляет, конечно, тот случай, когда кто-либо сам, без принуждения извне берется за такое дело, которое требует крупного человека. Тот, кто добровольно берется за такое дело и оказывается затем для него непригодным, не должен протестовать, если к нему подходят с меркой великого человека и осуждают его в зависимости от того зла, которое он причинил вследствие своих недостаточных способностей.

Но здесь речь идет не об одних только умственных способностях. Надо еще исследовать, не наблюдалось ли здесь отсутствие полного нравственного чувства ответственности.

Только твердокаменная вера в решительное и окончательное поражение всех наших противников, говорит полк. Швертфегер, могла бы оправдать взгляды верховного командования. По мнению полк. Швертфегера, после изумительных побед 1914 и 1915 гг. на востоке генералы могли бы почувствовать, что у них нехватало способностей определить границы успехов, которых они должны были добиваться вооруженной рукой.

Мне теперь кажется,— и это можно доказать собственными писаниями ген. Людендорфа,— что у него не было этой твердокаменной уверенности, которая может быть и могла бы субъективно его извинить, и что сам он скорее думал, что Германия могла бы заключить почетный мир, но все же не сделал всего, что было в его силах, для достижения этого мира. Я доказал в другом исследовании, что ген. Людендорф отнюдь не рассчитывал с безусловной уверенностью на успех наступления на Западном фронте в 1918 г. Это вытекает из самого стратегического плана наступления, и если при первом натиске и возникла уверенность в успехе, она во всяком случае сильно ослабла, когда, несмотря на весь блеск, это первое наступление не оказалось в состоянии достигнуть действительной цели. Во всяком случае если не с самого начала, то с этого момента то обстоятельство, что мы продолжали итти по начатому пути, не было больше великой стратегической смелостью, которая характеризует великих полководцев, а преступной игрой будущим отечества, при предположении, что по представлению полководца не исключалась возможность почетного «мира по соглашению». Во многих местах своих произведений ген. Людендорф уверяет, что он считал такой «мир по соглашению» невозможным, что мы могли либо одержать победу, либо потерпеть поражение,— о середине же для нас нельзя было и помышлять, и требование «мира по соглашению» было преступлением. Но в других местах он сам нам говорит, что он думал, что Америка сочтет долгом своей чести добиться для нас Вильсоновского мира; Людендорф считал также возможным, что Вильсон осуществит свои намерения вопреки Англии и Франции[1].

Вильсоновский мир, который был бы заключен, пока наша военная сила еще не была сломлена, был бы «миром по соглашению»; вдобавок Людендорф уверяет, что он со своей стороны не был очень далек от мира без аннексий и контрибуций,— от мира, который предоставил бы полную свободу праву самоопределения народов[2]. Он хочет, чтобы военные успехи весны 1918 г. были использованы в дипломатическом отношении, а между тем желать этого он мог только в том случае, если бы он верил в возможность мира по соглашению. Это утверждение можно было бы принять за отговорку задним числом, имеющую целью отразить упрек в наполеоновских стремлениях, но этому предположению противоречит то, что генерал фактически действовал в этом

[1] Людендорф, Воспоминания о войне, стр. 581.
[2] Людендорф, Ведение войны и политика, стр. 253.

именно направлении. Он назначил в качестве представителя верховного командования при министерстве иностранных дел полк. ф.-Гефтена, работавшего со всей решительностью в направлении «мира по соглашению», и оставил его на этом посту, несмотря на то, что другие военные инстанции обвинили полковника в пораженчестве и требовали его отозвания из министерства. Внутреннее противоречие в поведении ген. Людендорфа ясно. Если он действительно верил в возможность «мира по соглашению», то он сам отрезал пути к нему, выдвигая такие требования, которые заведомо были неприемлемы для противников, пока они не были окончательно разбиты и сокрушены.

Можно ли объяснить это внутреннее противоречие неясностью и непоследовательностью мысли? Из показаний ген. ф.-Гефтена, имеющихся в приложениях, для нас становится ясен еще другой момент. Наружу верховное командование выставляло крупные военные цели, без которых оно, совершенно не зная психологии масс, не считало возможным поддерживать на должном уровне настроение армии. По отношению к министерству иностранных дел верховное командование не оказывалось уже столь неподатливым, по крайней мере судя по тем предложениям, с которыми выступал там его представитель. Это можно истолковать только так, что, хотя само верховное командование и настаивало на победном мире, оно не посмотрело бы с безусловным недовольством на такое положение, при котором дипломатия одержала бы в конце концов над ним верх и против его голоса был бы заключен «мир по соглашению». Если таково было внутреннее убеждение ген. Людендорфа,— а после заявлений ген. ф.-Гефтена едва ли в этом можно сомневаться,— то нет достаточно резких слов для осуждения такого поведения. Прежде всего здесь налицо снова неясность, недостаточное понимание того, что при том настроении, которое господствовало в то время в широких кругах германского народа, при том доверии, которое они неизменно питали к верховному командованию, заключить мир, против которого возражало верховное командование, было почти невозможно. Но еще хуже неискренность, стремление уклониться от ответственности за то, чего желали сами, и переложить ее на другое ведомство и на императора из-за нежелания сделаться непопулярными. Ибо несомненно, что даже если бы верховное командование согласилось на «мир по соглашению», то как раз в тех кругах, которые ценил ген. Людендорф, в так называемой Отечественной партии, руководимой адм. Тирпицом, этот мир подвергся бы сильным нападкам. Всегда было самой благоприятной позицией изображать большого патриота и гнушаться слабостью действительной политики. Особенно охотно солдаты повторяли выражение, исходящее, вероятно, от Блюхера, но давно признанное научной историей неправильным, что перо дипломата портит то, что завоевал меч солдата.

Если это говорится с твердой верой, то это такой же взгляд как и все прочие. Если же это произносится вопреки убеждению в том, что дипломатия выполняет необходимый и потому благо-

творный для отечества акт, то это бесчестно. Представление о том, что таким путем можно удержать бодрое настроение на фронте, во-первых, неправильно, во-вторых, если бы оно даже и было правильно, то и тогда оно не могло бы явиться оправданием для Людендорфа. Если ген. Людендорф сознавал, что «мир по соглашению» возможен; если он знал, что перспективы на победный мир ненадежны, то он обязан был не только не протестовать против «мира по соглашению» и его условий, но всеми силами настаивать на том, чтобы дипломатия действовала в этом смысле. Попытка к оправданию, что у него как у солдата была военная установка, не может быть принята во внимание. Мы видели достаточно солдат, которые своевременно понимали необходимость «мира по соглашению» и выступали за него. В первую очередь следует назвать предшественника ген. Людендорфа ген. ф.-Фалькенгайна, который, хотя и выступал одно время за аннексию Бельгии, однако, в своей книге «Верховное командование 1914—1916 гг.» (стр. 129) со всей решительностью высказался в том смысле, что мы не должны и не можем стремиться ни к чему другому, как к «миру по соглашению». Далее следует назвать обоих кронпринцев — Вильгельма и Рупрехта, военного министра ген. Шейха (Scheuch), ген.-майора Гофмана. Сошлемся кроме того на письмо ген.-от-инфантерии ф.-Даймлинга от 4 августа 1919 г., которое свидетельствует о том, что не только он, но и «дальновидные командиры на фронте» горько жаловались и проклинали «ужасное ослепление верховного командования наряду со слабостью рейхстага и бесхарактерностью рейхсканцлера», которые препятствовали политике соглашения. Таких свидетельств много.

Вследствие этого я не могу присоединиться к мягкому оправдательному суждению полк. Швертфегера и считаю своим долгом открыто сказать, что действия ген. Людендорфа в кампании 1918 г. отнюдь не определялись чистыми мотивами любви к отечеству; в значительной степени они определялись необузданным честолюбием. Были ли способны рейхсканцлер граф Гертлинг и государственный секретарь ф.-Кюльман достигнуть «мира по соглашению», если бы первый ген.-квартирмейстер занял позицию, которая была бы продиктована серьезным чувством откровенности, и если бы он настойчиво требовал этого мира, — это вопрос, выходящий за пределы настоящего исследования.

---

1. Ген.-фельдм. ф.-Гинденбург — рейхсканцлеру графу ф.-Гертлинг

„Берлин, 13 декабря 1917 г.

Секретно.

Плес (Большой генеральный штаб)
11 декабря 1917 г.

Заявления, сделанные графом Черниным 7 декабря о Бельгии, дают мне основания вновь изложить мою точку зрения по бельгийскому вопросу.

Основой для наших намерений в Бельгии является одобренная его величеством императором записка о Крейцнахском совещании 23 апреля 1917 г.

„Бельгия продолжает существовать и будет находиться под германским военным контролем до тех пор, пока она не созреет в политическом и экономическом отношении для оборонительного и наступательного союза с Германией... Тем не менее по военно-стратегическим причинам Льеж и Фландрское побережье с Брюгге остаются в длительном германском владении (или 99-летней аренде). Эти уступки являются неизбежными условиями мира с Англией. К местности, лежащей впереди Льежа, должны принадлежать Тонгерен (Tongeren) и ж.-д. линия Льеж—Ставело—Мальмеди... Развертывание германской армии против Франции на франко-бельгийской границе должно быть обеспечено путем оккупации".

Во время совещания с предшественником вашего превосходительства в Крейцнахе 9 августа 1917 г. верховное командование повторило эти требования (15-й пункт „Результатов").

На совещании, состоявшемся 11 сентября 1917 г. в Берлине под председательством его величества императора, после тягостного раздумья было вынесено решение об отказе от длительного владения Фландрским побережьем в том случае, если этой ценой мы достигнем мира в этом же году и англичане уйдут из Франции (см. также мою телеграмму от 27 сентября 1917 г., № 22936 П.).

Условие, которое привело к этому решению коронного совета, более не существует. Кроме того, так как наше военное положение сложилось особенно благоприятно, я не могу признать необходимости частичного отказа от военных требований и должен снова выставить их в полном объеме — так, как они были сформулированы с общего согласия на Крейцнахских совещаниях 23 апреля и 9 августа 1917 г.

Поэтому я считаю необходимым теперь новое решение по бельгийскому вопросу.

Ф.-Гинденбург".

2. Секретарь миссии ф.-Лерснер—рейхсканцлеру

„Телеграмма № 1913

Срочно.

Плес (Большой генеральный штаб)
17 декабря 1917 г.

Фельдм. ф.-Гинденбург распорядился телеграфировать вашему превосходительству:

„Я не согласен с заявлениями вашего превосходительства по бельгийскому вопросу постольку, поскольку в моем письме № 25205 Р. отнюдь не высказано мнение, отклоняющееся от решений коронного совета. Решение коронного совета было принято при том условии, если еще до конца этого года будет заключен мир с Англией. Таким образом, решение коронного совета скоро потеряет свою силу. При таких обстоятельствах я считаю безусловно необходимым, чтобы ваше превосходительство как можно скорее добилось у его величества нового решения, для чего в ближайшие дни в Крейцнахе должна представиться возможность, тем более что благодаря заключению перемирия положение на востоке значительно выяснилось и потому всегда можно рассчитывать, судя по дипломатическому положению, на то, что может последовать непосредственное рассмотрение бельгийского вопроса.

Лерснер"

3. Выписка из протокола заседания 2-й подкомиссии парламентской следственной комиссии в четверг 2 и пятницу 3 марта 1922 г.

Допрос генералов ф.-Гефтена и Бартенверфера

Свидетель ген. ф.-Гефтен: Начиная с лета 1916 г., я стоял во главе военного отдела министерства иностранных дел. По своему характеру моя деятельность — руководство военной и военно-политической разведывательной службой за границей — должна была вестись в сотрудничестве с министерством иностранных дел. Но наряду с этим,— поскольку вся разведывательная служба имела, конечно, также и очень сильную политическую сторону,— ген. Людендорф обсуждал со мною военное, военно-политическое и политическое положение. Таким путем между нами завязались сначала крайне формальные, а затем более или менее близкие отношения; ген. Людендорф обсуждал со мною вопросы и выслушивал мои мнения о предметах, которые с точки зрения служебной и официальной не относились к моему ведомству. Если я должен сегодня высказаться по поводу этой части моих отношений с ген. Людендорфом, то я мог бы охарактеризовать свои показания следующим образом: они касаются больше личных и психологических взглядов ген. Людендорфа, которые он мне несдержанно высказывал, чем чисто официальных взглядов. Вскоре после этого часть этих высказываний я записал по пунктам.

Ген. Людендорф должен был до некоторой степени проявлять два облика, а именно, с одной стороны, военный лик, а с другой — политический. Иногда эта необходимость чисто с внешней стороны вызывала впечатление некоторого разлада. Он должен был иметь перед собой крупные военные цели, чтобы поддерживать настроение на фронте, ибо когда солдат видит, что он сражается всего лишь за „мир по соглашению", то у него отсутствуют необходимый пыл и подъем. Таким образом, ген. Людендорф должен был ориентировать армию на крупные цели, но с политической стороны ему надо было проявить уступчивость, готовность к „миру по соглашению". Как представитель пропаганды я может быть слишком сильно проявлял свое политическое лицо, и,— здесь я могу открыто заявить,— это причинило мне серьезные затруднения и повлекло за собой враждебное ко мне отношение. Когда в военных кругах стали известны мои усилия добиться отказа от Бельгии, против меня были выдвинуты ожесточенные обвинения,— каким образом я как солдат могу пренебречь столь важными военными интересами. Я могу здесь также сказать, что со стороны военного министра верховному командованию были сделаны представления с целью удалить меня с занимаемого мною поста, потому что я якобы „создаю уныние". Ген. Людендорф не пошел на это вопреки всем и удержал меня, сохранив ко мне полное доверие. Вследствие этого у меня создалось впечатление, что ген. Людендорф вполне одобряет мое более политическое, нежели военное, лицо, необходимое в моем положении. Таким образом, я мог занять ясную политическую позицию, а ген. Людендорф сделать этого не мог. Фронт был бы ужасно возмущен, если бы он узнал, что ген. Людендорф согласился на мир, сопровождаемый уступками на западе, и готов был отказаться от Бельгии. Таким образом, ген. Людендорф должен был постоянно считаться с фронтовыми настроениями, чтобы не потерять доверия фронта. По моему мнению, в вопросе о мире с лета 1917 г. до лета 1918 г. ген. Людендорф стоял неизменно на следующей точке зрения: следует добиваться „мира по соглашению", но только такого мира, при котором мы будем участвовать в переговорах с нашими противниками как равные с равными и при котором они не будут чувствовать себя победителями, а мы не окажемся в роли побежденных. Для достижения такого „мира по соглашению" нужно,— таков был взгляд ген. Людендорфа,— чтобы мы добились военной победы, будь то в результате подводной войны или сухопутных операций. Только тогда явится возможность говорить с врагом, как равный с равным. Но для того чтобы добиться военной победы, мы должны поддерживать бодрое настроение на фронте и в тылу. Для этого мы должны указать фронту и тылу на великие цели, ибо солдат хочет знать, за что он сражается, за что он при известных условиях должен умереть; точно так же и тыл хочет знать, за что он страдает и голодает. Только при помощи крупных целей мы можем поддерживать такое настроение, которое нам абсолютно необходимо для военной победы необходимой в свою очередь для „мира по соглашению".

Я не хотел бы высказывать окончательного суждения о том, было ли это психологически правильно во всех случаях или нет. Если бы мы одержали военную победу, это было бы правильно. Такова была точка зрения ген. Людендорфа, и этим до некоторой степени объясняется вся позиция генерала, который,— я говорю чисто субъективно,— по моему глубочайшему убеждению, был вполне готов итти на мир. В глубине души его цель и желание заключались в том, чтобы выйти из войны, имея лишь приличный, почетный мир. Этой позицией генерала объясняется то, что во-вне его считали часто сторонником аннексий и представителем завоевательной политики, потому что он постоянно повторял: мы должны поддерживать бодрое настроение так же, как это делает Антанта; Антанта же поднимает настроение своих народов тем, что она указывает им великие цели; мы тоже должны это делать, мы должны указывать тылу и фронту цели, за которые стоит сражаться и умирать, ради которых тыл в конце концов посидит еще одну зиму на брюкве. Такова была политика и таковы были взгляды ген. Людендорфа, а при таких взглядах исчезает кажущийся разлад.

Цели, которые он хотел указать армии и тылу, были чисто политического характера. Письмо от 14 сентября, а также телеграмма фельдмаршала от 27 сентября, которую я увидел только на этих днях, несомненно объясняются следующей тенденцией. Ген. Людендорф сказал себе: если теперь правительство публично объявит, что я, мол, до некоторой степени отказался от Бельгии, это подействует на внешнее окружение и на фронт прямо гибельно. Наши враги и войска на фронте будут говорить: ага, пораженческое, верховное командование! Так значит верховное командование не верит больше в свое же дело, оно отступает от своих крупных военных целей, о которых оно публично объявило. Для поддержания настроения на фронте для верховного командования было крайне нежелательно, чтобы правительство сказало: верховное командование отказалось от крупных целей. Когда стало известно, что 11 сентября я советовал ген. Людендорфу отказаться от Бельгии, многие из моих товарищей были вне себя: „Это неслыханно! Как вы могли посоветовать нечто подобное ген. Людендорфу?“ Я возражал: „Ген. Людендорф вполне с этим согласен“. — „Это совершенно немыслимо, надо знать психологию солдата, крайне чувствительную к таким вещам!“ Они считали невозможным, чтобы ген. Людендорф отказался от такой военной цели. Если бы ген. Людендорф открыто признал, что он отказывается от своих военных целей,— а на мой взгляд в отношении Бельгии он от них тогда отказался и сделал политически правильные выводы,— то это оказало бы очень дурное влияние на настроение на фронте.

Депутат Вармут: Итак, складывается впечатление, будто вы не хотите настаивать на том, что Людендорф был согласен с публичным заявлением относительно Бельгии; ибо, если я вас правильно понимаю, это находилось бы в противоречии с тем, что было его волей: показывать и дальше народу крупные цели, которые должны был поддержать его морально.

Свидетель ген. ф.-Гефтен: Нет, господин депутат, он был согласен, но он хотел, чтобы это сделало правительство; он не хотел, чтобы это коснулось верховного командования: оно не должно было в этом участвовать.

Если бы публичное заявление о Бельгии, которое я тогда предлагал, исходило только от правительства, то верховное командование молчало бы. Верховное командование с этим примирилось бы, и дело было бы сделано. Но если бы верховное командование затем подверглось нападкам общественности за то что оно согласилось на отказ от Бельгии,— а возможно, что так оно и было бы,— то возможно, что ген. Людендорф заявил бы: хотя верховное командование и стояло на своей точке зрения, но оно не могло ее провести. В этом смысле вам может быть и надлежит оценить письмо от 14 сентября и телеграмму от 27 сентября. По отношению к фронту было бы до некоторой степени оправданием, если бы можно было сказать (в действительности этому и представился случай): мы подчинились, но несмотря на это внутренне остались верны своим настоящим целям. Так следует психологически объяснить это дело. Полководец именно на войне часто должен иметь два лица: он должен поддерживать настроение на фронте и должен обладать политическим благоразумием.

. . . .

11 сентября 1917 г. депутаты рейхстага Д. Фридрих Науманн и Шейдеман горько жаловались мне во время беседы, состоявшейся по инициативе Д. Науманна в моем кабинете, на то, что вновь основанная Отечественная партия все время

прикрывается авторитетом верховного командования для проведения своих политических целей, не встречая в этом отношении никаких препятствий со стороны верховного командования. Остальные политические партии и в частности партии большинства, голосовавшие за резолюцию о мире, не могли больше, по его словам, пассивно смотреть на подобные действия. Депутат рейхстага Шейдеман в особенности подчеркнул, что верховное командование должно оставаться политически нейтральным органом, на который не должна претендовать ни одна политическая партия в отдельности. Для осуществления своих военных задач верховное командование нуждается в доверии всего народа. Этому доверию мешает, однако, какая бы то ни была партийно-политическая деятельность верховного командования. Партии большинства не могут больше оставаться безучастным свидетелем попыток Отечественной партии претендовать на полную поддержку

. . . .

верховного командования и будут вынуждены, со своей стороны, выступить против верховного командования в печати и в парламенте. Я возразил, что изложенная мне точка зрения вполне соответствует взглядам верховного командования. Между тем г-н Шейдеман подчеркнул, что как бы охотно он ни поверил моему заявлению, оно не может его удовлетворить. Ему кажется необходимым, чтобы верховное командование заявило об этой своей точке зрения также и публично, а именно в печати. Я считал себя вправе заверить Науманна и Шейдемана, что ген. Людендорф охотно на это согласится. Его решение я им сообщу.

После этого разговора я немедленно направился к ген. Людендорфу, находившемуся как раз в Берлине вследствие заседания коронного совета (таким образом, ясно, что дело происходило 11 сентября), и изложил ему мнение и желание обоих посетивших меня лиц. Ген. Людендорф согласился с мнением, выраженным гг. Науманном и Шейдеманом. Он немедленно приказал позвать майора Николаи и в моем присутствии отдал ему приказание указать прессе, чтобы она не вмешивала верховное командование в партийную политику. Верховное командование должно оставаться политически нейтральным органом. Об этом решении ген. Людендорфа я поставил в известность депутатов Науманна и Шейдемана в тот же самый день. Майор Николаи со всей решительностью сообщил прессе об указании ген. Людендорфа и пригрозил цензурными мероприятиями в случае его невыполнения. Два или три дня спустя „Дейче Цейтунг“ была закрыта на несколько дней за нарушение этого цензурного постановления.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

Ответ ген. ф.-Куля на исследование проф. Г. Дельбрюка

ОТВЕТ ГЕН. Ф.-КУЛЯ

Прежде всего сформулирую кратко взгляды, высказанные в исследовании г-на тайного советника проф. Дельбрюка. Ради краткости позволю себе называть его впредь «Д».

Д. направляет свою критику преимущественно лично против ген. Людендорфа, а не против верховного командования или других руководящих лиц, влиявших на ход войны. Как высоко мы ни будем расценивать влияние первого ген.-квартирмейстера, тоже разделяющего ответственность, эта ответственность в первую очередь лежит на ген.-фельдм. ф.-Гинденбурге, как на начальнике штаба действующей армии. В важнейших решениях принимал участие также и император, хотя в 1918 г. он и держался очень сдержанно. Писал ведь 7 января 1918 г. фельдм. ф.-Гинденбург императору:

„Чтобы обеспечить то политическое и экономическое мировое положение, в котором мы нуждаемся, мы должны разбить западные державы. Для этой цели ваше величество отдали приказ о наступлении на Западе".

По политическим вопросам, как подчеркнул рейхсканцлер граф Гертлинг в своей докладной записке от 23 января 1918 г., представленной императору, «делать доклады его величеству должно было лишь одно ответственное лицо, а именно рейхсканцлер». Вследствие особого положения, которое занимали ген.-фельдм. ф. Гинденбург и ген. Людендорф, их личные воззрения и мысли претендовали на большее значение, чем то, «которое признается обычно правительством за взглядами военного руководства». В составленной рейхсканцлером декларации о разграничении ответственности, одобренной обоими генералами, говорится: «По конституции только рейхсканцлер несет в государственно правовом отношении ответственность за мирные переговоры». Эта установка тем самым распространялась также и на установление целей войны — особенно в отношении Бельгии.

В своем письме к ген.-фельдм. ф. Гинденбургу от 24 января 1918 г. кайзер вынес решение в вышеуказанном смысле, высказав при этом надежду, что отныне ген.-фельдмаршал и ген. Людендорф «смогут, не подвергаясь никаким влияниям, посвятить себя задачам настоящего ведения войны».

Вышесказанное относится к вопросу о формальной ответственности.

По вопросу о наступлении и об ответственности ген. Людендорфа за это наступление Д. является сторонником следующего взгляда.

Военная цель, которую имел в виду ген. Людендорф: «Бельгия должна находиться под военным контролем Германии, пока она не созреет политически и экономически для оборонительного и наступательного союза с Германией». Этого можно было достигнуть лишь в том случае, если бы неприятельские армии были окончательно сокрушены. Такая безусловная победа центральных держав была исключена. Итак цель войны не находилась в соответствии с имевшимися средствами и силами.

Ген. Людендорф это сознавал. Он «сознавал, что слишком слаб для той задачи, которую он поставил перед собой».

Поэтому он и начал наступать «не в таком пункте неприятельского фронта, где было больше возможностей для стратегических операций, а выбрал такое место, где было легче всего прорваться». Это соответствовало имевшимся налицо силам, но не цели войны.

Мартовское наступление «хотя и было тактически благоприятным, в стратегическом отношении было предпринято неправильно». По тактическим соображениям наступление было предпринято слишком далеко на юге,— там, где враг был слабее всего. Поэтому не удалось взять Амьен. Оперативный прорыв как таковой исключался из-за трудностей снабжения. Правда, он все же почти удался, но исключительно вследствие невероятных ошибок, сделанных противниками.

Если стремиться к окончательному решению войны, то нужно себя чувствовать достаточно сильным, чтобы добиваться этого решения в том самом месте, где был нанесен первый победоносный удар. Но, зная, что этого решения нельзя было добиться при помощи имевшихся в распоряжении сил, ген. Людендорф с самого начала был намерен наступать то в одном, то в другом месте.

Ввиду того что окончательного решения невозможно было добиться, фактически в 1918 г. не оставалось ничего другого, как склонить врага к миру при помощи отдельных частичных ударов. Для этого нужно было ограничить политические цели,— в частности отказаться от овладения Бельгией в какой бы то ни было форме и удовлетвориться «миром по соглашению». Поэтому с частичными наступлениями следовало увязать соответствующие мирные предложения.

Исходя из этой основы, можно было наступать в благоприятных в тактическом отношении пунктах, отказавших от стратегического использования успеха. С этой точки зрения оправдало бы себя германское наступление в марте, апреле и мае. По мнению Д., рекомендовалось также предпринять наступление в Италии и в России на Петербург.

Такой «мир по соглашению», или мир при условии отказа от Бельгии, был бы вполне уместным. Не было необходимости выставлять перед народом и армией высокие военные цели для укрепления их боевого духа. Вильсон и Ллойд-Джордж временами были склонны к переговорам. Мирное предложение со стороны Германии, правда, было бы истолковано враждебными газетами как слабость, но отклонение такого предложения и у нас, и у врагов произвело бы среди стремившихся к миру народных масс впечатление, неблагоприятное для отвергшей его стороны.

Ген. Людендорф сам не верил в возможность решительного сокрушения всех врагов и считал «мир по соглашению» вполне приемлемым. Поэтому было неправильно предпринятое им наступление или по крайней мере продолжение этого наступления в широком масштабе после неудавшегося мартовского наступления. Людендорф считал, что он должен выставить перед армией широкие задачи и в то же время хотел переложить достижение по существу желательного для него «мира по соглашению» на дипломатов. Действия Людендорфа во время кампании 1918 г. в значительной степени определяются его необузданным честолюбием.

Такова суть заявлений проф. Дельбрюка.

Теперь, в противовес такому изображению событий я сформулирую кратко свои взгляды. Я изложу их по пунктам, чтобы затем подробнее обосновать. При таком методе неизбежны некоторые повторения.

1. Путем предложения и переговоров «мир по соглашению» мог быть достигнут только на таких условиях, которые были бы похожи на Версальский мир. В результате постоянных разговоров о «мире по соглашению» наш народ пришел бы к ложной уверенности, что этого мира можно было бы достигнуть в любое время, как только мы этого захотели бы. Это повредило бы воинственному духу Германии, между тем как на стороне Антанты оставалось бы безусловное стремление к уничтожению. Наличие в то время серьезных, но неиспользованных возможностей заключения мира следует оспаривать до тех пор, пока не будет дано убедительное доказательство противного.

Предложение мира в сочетании с частичными ударами тоже не могло привести к цели. Всякое мирное предложение было бы истолковано как признак слабости.

Окончание войны для нас, если мы не хотели покориться, было достижимо только путем такого сокрушения противника, которое позволило бы продиктовать ему мир или, если последнее было невозможно, склонить его к миру при помощи наших побед.

2. В таком смысле и следует понимать заявление ген. Людендорфа о том, что для нас было возможно только одно из двух — либо победа, либо поражение.

3. В 1918 г. трудно было достигнуть полного сокрушения противника. Было очень сомнительно, хватило ли бы для этого

сил! Однако, к этому надо было стремиться. Военного счастья нельзя предвидеть,— часто наступают неожиданные повороты. Если бы это намерение сокрушить противника не удалось, то при помощи решительных побед надо было заставить противника настолько склониться к миру, чтобы он был готов вести переговоры. В военном отношении между обоими методами не было существенной разницы. В обоих случаях надо было стремиться не только к частичным тактическим успехам, но и к возможно более широкому оперативному использованию победы.

4. Однако, в политическом отношении не рекомендовалось намечать такие цели войны, которых можно было достигнуть только путем полного сокрушения противника. Такой военной целью был захват Бельгии. Никогда Англия не согласилась бы на это, разве только в том случае, если бы она была окончательно поставлена на колени. Если Германия хотела склонить врага к миру, то она должна была отказаться от Бельгии. Заявление о таком отказе, сделанное политическим руководством страны в соответствующей форме и в надлежащее время, было бы на мой взгляд безопасно. Даже если ген. Людендорф и продолжал, как он сам говорит, «в глубине души» держаться до лета 1918 г. своей военной цели в отношении Бельгии, то все же следует полагать, что он был бы готов ограничить эту цель, если бы представилась возможность заключить мир.

5. Стремление верховного командования должно было быть направлено к возможно более решительным победам с широкими оперативными результатами. Тактические частичные удары с ограниченной целью не могли иметь заметного влияния, и ген. Людендорф о них и не думал.

6. Соответственно с этим и было задумано мартовское наступление. Оно стремилось к крупной оперативной цели. Людендорф, а с ним и вся армия надеялись на решительный успех, и этот успех мог быть достигнут.

После того как мартовское наступление имело большой тактический успех, но не привело к ожидавшемуся решительному оперативному результату, а апрельское наступление во Фландрии также не кончилось захватом побережья, продолжение наступления было продиктовано необходимостью склонить противника к миру при помощи дальнейших побед. Майское и июльское наступления на р. Эн и в Шампани должны были подготовить решительный удар против англичан во Фландрии. Эта основная идея, на которой были построены все дальнейшие операции, была правильна даже если и придерживаться различных взглядов относительно ее выполнения. Другой возможности не было.

По этим отдельным пунктам я считаю нужным дать следующие разъяснения.

По пункту 1

Д. полагает, что путь к почетному миру заключается в «нанесении возможно более тяжких ударов одновременно с пред-

ложением противнику таких умеренных условий, которые бы заставили народы предпочесть заключение мира продолжению кровопролития». Таким образом, мы должны были бы «предпринять наступление с ограниченной целью, сочетав его с честным и открытым предложением мира на основе полного суверенитета и неприкосновенности Бельгии». По мнению Д., возможность соглашения не была исключена весною 1918 г. Президент Вильсон и Ллойд-Джордж произносили в январе 1918 г. такие речи, которые сильно отличались от их прежних выступлений, а Ллойд-Джордж изображал истинную приветливость.

Чего можно было ожидать от обещаний Вильсона, а также от речей и приветливых мин многоопытного Ллойд-Джорджа, мы впоследствии испытали в полной мере. Этим довольно туманным перспективам следует противопоставить нижеследующие заявления совершенно иного характера.

Все свидетельства французских военных кругов, насколько они известны из литературы о войне, сходятся на том, что в 1918 г. решить исход войны можно было только при помощи оружия. Мир без победителей и побежденных был невозможен, говорит ген. Манжен при рассмотрении военного положения на рубеже 1917 и 1918 гг.: «Войне могла положить конец только победа оружием». Можно привести еще много подобных заявлений. По этому случаю следует вспомнить жестокие слова французского генерала Кастельно, сказанные им в 1916 г. Репингтону: «Скорее весь французский народ погибнет на поле сражения, чем мы примем рабство из рук Германии».

Но прежде всего олицетворением французского стремления к победе был Клемансо.

В середине ноября 1917 г. Клемансо стал во главе правительства.

„У него была только одна цель: ведение войны. Благодаря ему еще более усилилась общая решимость Франции довести борьбу, чего бы она ни стоила, до победы тех, на стороне которых было право",—говорит французский военный писатель Корда".

Полк. Швертфегер приводил речь Клемансо, произнесенную им во французской палате 8 марта 1918 г. незадолго до начала германского наступления:

„Моя внешняя и моя внутренняя политика одна и та же. Внутренняя политика я веду войну. Внешняя политика: я веду войну. Я непрерывно веду войну.. Россия предала нас: я продолжаю вести войну. Несчастная Румыния вынуждена капитулировать: я продолжаю вести войну и буду ее вести до последней минуты, ибо последняя минута будет принадлежать нам".

Его воля к победе нисколько не поколебалась в результате тяжелых поражений Антанты в марте и в мае. Когда немцы стояли вторично на Марне и угрожали Парижу, он воскликнул в палате 4 июня 1918 г.:

„Мы одержим победу, если общественные силы будут стоять на высоте своей задачи. Я буду драться под Парижем, я буду драться в самом Париже, я буду драться позади Парижа".

Это не похоже на склонность к миру по соглашению.

Когда в начале 1918 г. во Франции уяснили себе, что после развала России нужно было ожидать большого германского наступления, было решено ограничиться на первое время обороной. Но главнокомандующий французской армией ген. Петэн с уверенностью смотрел на предстоящую борьбу. Козырем в руках французов было вступление в войну американцев. Считалось, что если американцы прибудут своевременно, то исход борьбы не должен внушать больше никаких сомнений. В упоминавшемся ранее обращении ген. Петэна к французской армии от 22 декабря 1917 г. говорится:

„Антанта достигнет численного превосходства только тогда, когда на фронт прибудут в достаточном количестве американские войска. До тех пор мы должны занять выжидательную позицию с твердым намерением, как только мы сможем, перейти опять в наступление, которое одно лишь принесет окончательную победу".

В то самое время, когда немцы расходовали свои силы, количество боевых средств Франции, особенно артиллерийского оборудования, самолетов и танков, должно было значительно увеличиться. В июле считалось, что пришло время наступать — значительное количество американцев было на месте и оружие готово. Мы не могли предполагать, что французы выпустят преждевременно оружие из рук, для того чтобы притти к соглашению.

Д. сомневается в том, что предложение мира со стороны Германии было бы истолковано народами как признак слабости. По его мнению отвергнутое мирное предложение произвело бы на жаждавшие мира народные массы благоприятное впечатление в пользу предложившей стороны и отрицательное против отвергшей. «Почему не заключить мира, если противная сторона к нему готова? Мы ведь не хотим ничего кроме собственной защиты, а последняя уже ведь достигнута!»

Однако, и англичане, и французы хотели значительно большего, чем защита. И у тех, и у других были далеко простиравшиеся военные цели. Германия же более чем достаточно говорила о соглашении и мире, не находя никакого отклика.

Английский министр торговли в январе 1916 г. заявил в палате общин, что нужно сделать все, чтобы совершенно расстроить немецкие финансы и задушить торговлю Германии. «При заключении мира надо будет обратить внимание на то, чтобы Германия никогда не могла больше поднять головы». В книге Деуора и Борестона — «Командование сэра Дугласа Хэйга» по поводу положения в конце 1917 г. говорится, что Англия отвергала заключение с центральными державами «мира по соглашению». «Английские народные массы не хотят такого мира и военный кабинет потребовал полного сокрушения противника».

На заседании 2-й парламентской подкомиссии граф ф.-Бернсторф заявил, что,— как сообщил ему по поручению американского президента полк. Хауз,— германское мирное предложение от 12 декабря 1916 г. было воспринято в Америке как признак слабости и как угроза американской мирной акции. У Антанты, по его словам, существовал взгляд, что Германия не высту-

пила бы с мирным предложением, если бы мир не был для нее крайне необходим. Этот же взгляд высказал также посланник ф. Ромберг:

„Факт,—и я неоднократно слышал подтверждения этого факта,—что впечатление, произведенное нашим мирным предложением, было впечатлением слабости Германии... Как я и предсказывал, действие, оказанное нашим предложением во враждебных нам иностранных государствах, выразилось в создании впечатления о нашей слабости и вследствие этого в значительном усилении стремления неприятеля к победе. Такие же результаты постоянно имели все многочисленные попытки, которое вообще делались в этой области“.

Русский генерал Гурко, бывший в конце 1916 г. начальником штаба действующей армии, говорит в своих воспоминаниях:

„Около середины декабря 1916 г. германское правительство выступило с ясным предложением мира. Это предложение требовало такого же ясного ответа. До сознания наших врагов надо было довести ту простую истину, что если для объявления войны достаточно одной стороны, то для заключения мира необходимо участие по крайней мере двух сторон“.

Когда германское мирное предложение стало известно во Франции, сражавшийся под Верденом ген. Манжен издал следующий приказ по армии:

„Напавшие на нас дикари, сознавая, что они не в состоянии победить нас на поле брани, осмеливаются расставлять нам грубую ловушку, предлагая мир. Собирая новые силы, они в то же время зовут нас товарищами. Вам знаком этот метод! На их лицемерное предложение Франция ответила жерлами ваших пушек и остриями ваших штыков. Вы—истинные посланцы республики, Франция благодарит вас“.

Переданный 10 января 1917 г. ответ держав Антанты на мирную ноту Вильсона.

„должен был окончательно рассеять последние остатки иллюзий относительно готовности наших врагов к миру... В этом ответе были выставлены такие военные цели, которые означали Версальский мир. Не может быть более убедительного документа об отсутствии всякой готовности к миру, чем эта ответная нота“ (доклад 2-й подкомиссии, доклад меньшинства Шульц-Бромберга).

Через полгода, 5 июня 1917 г., 467 голосами против 52 французская палата приняла резолюцию, которая требовала отказа Германии от Эльзас-Лотарингии и сокрушения силой оружия прусского милитаризма ради гарантии длительного мира, а также для обеспечения независимости крупных и мелких наций при помощи Лиги наций. Через день после этого французский сенат единогласно принял следующую резолюцию:

„Будучи убежден, что длительный мир может быть достигнут только в результате победы союзных армий, сенат подтверждает, что Франция, сильная своими союзами и верная своему идеалу независимости и свободы всех народов, готова вести войну до возвращения Эльзас-Лотарингии, до искупления Германией всех ее преступлений и возмещения всех убытков от войны и до предоставления гарантии против нового нападения германского милитаризма“.

Если мы освободим эти решения от обычных французских словесных прикрас (нехватает лишь выставлявшейся постоянно «защиты цивилизации»), то увидим, что из них вытекает твердая решимость окончательно сокрушить Германию силой оружия.

Иначе таких условий нельзя было достигнуть. Тардье[1] прибавил еще к сказанному выше:

„В Англии, в Италии, в Бельгии — всюду парламенты подтверждают подобными же постановлениями заявления правительств и образ мыслей народов. Все европейские союзники сходятся после трех лет войны в двух пунктах: во-первых, мир возможен лишь после их победы, во-вторых, после победы союзники требуют для себя и для всех права самоопределения народов, территориальных уступок, возмещения убытков, гарантий и Лиги наций... Отныне известно, что надо понимать под победоносным миром..."

Конечно, теперь мы знаем, что французы понимают под победоносным миром и правом самоопределения народов. Их вожделения тогда заходили еще гораздо дальше, чем признает Тардье. Они охватывали левый берег Рейна. Французский премьер-министр Бриан еще в начале 1917 г. пытался вести об этом переговоры с Англией и добился согласия российского царя. На этой военной цели Франция упорно настаивала до самого конца войны, а также во время мирных переговоров в 1919 г. и продолжает настаивать на ней еще и теперь. Вскоре после деклараций французского парламента германский рейхстаг принял 19 июля 1917 г. свою резолюцию о мире:

„Рейхстаг стремится к миру при наличии соглашения и длительного примирения народов. С таким миром несовместимы насильственные территориальные приобретения и политические, экономические или финансовые насилия".

Едва ли мыслим больший контраст!

Повторение мирного предложения в 1918 г. оказало бы точно такое же действие, как и прежние декларации. Д. полагает, что после значительных успехов наших мартовского и апрельского наступлений такое предложение имело шансы на успех.

„Что сказали бы народы, если бы в этот момент германский рейхсканцлер снова заявил: Мы ничего не меняем в провозглашенных нами основах мира. Мы, как и прежде, гарантируем неприкосновенность и суверенитет Бельгии. Мы приглашаем народы встретиться с нами на мирном конгрессе".

В 1918 г. народы сказали бы то же самое, что в 1916 и 1917 гг.

По пунктам 2 и 3

Германское верховное командование было право, добиваясь победы путем оружия. Я не могу найти никакого противоречия учению Клаузевица в заявлениях, сделанных ген.-фельдм. ф. Гинденбургом и ген. Людендорфом во время их опроса во второй подкомиссии. Они указали в этих заявлениях, что приняли и осуществляли верховное командование в безусловном стремлении к победе. Конечно, как говорит Клаузевиц, крупное военное событие или план, лежащий в основе такого события, не может ограничиться одной лишь чисто военной оценкой. «В ведении войны наивысшей точкой зрения, из которой исходят главные линии, может быть только политическая точка зрения». В 1918 г.

---

[1] „Мир", стр. 96.

положение было простое и ясное. Для того чтобы притти к правильному решению, не было нужды прибегать к Клаузевицу, как и вообще правильность каждой военной операции совсем не требуется доказывать положениями из Клаузевица. Как бы высоко ни ценил каждый солдат труд Клаузевица о войне, не все, что там написано, остается безусловно правильным через сто лет.

На мой взгляд ген. Людендорф вполне ясно охарактеризовал существовавшее тогда положение[1]:

„Рейхсканцлер и большинство рейхстага не могли и не хотели понять, что из нашей борьбы за существование не могло быть другого выхода кроме победы, иначе мы стояли бы перед перспективой уничтожения. Если бы мы добились победы, то мы могли бы попытаться осуществить наши жизненные нужды. Если бы победить нам не удалось, то был бы невозможен также и „мир по соглашению", и мы стояли бы перед насильственным миром. Мы имели противника, который не хотел входить с нами в какие бы то ни было соглашения до тех пор, пока у него не была отнята надежда на победу".

При таких обстоятельствах император был прав, когда, как мы уже говорили, он призывал обоих генералов, сосредоточивавших в своих руках верховное командование, «посвятить себя задачам подлинного ведения войны, не поддаваясь никакому влиянию».

Для нас оставался только один путь — путь решения войны при помощи оружия. Поэтому в 1918 г. наше верховное военное командование должно было быть проникнуто «безусловной волей к победе». Приходилось оставлять вопрос открытым, до какой степени мы достигли бы победы: до уничтожения ли противника, что было трудно достижимо, или до ослабления его воли к войне, чтобы он склонился к миру. Достоверно было только то, что склонить противника к миру можно было не путем мирных предложений и частичных наступлений с ограниченными целями, а лишь при помощи как можно более решительных побед, дающих оперативные результаты. Заранее определять подробно военные цели не следовало, — их надо было определить в зависимости от успехов. Надо было заранее уяснить себе максимум и минимум требований, а также пределы достижимого в случае успеха. Требование перехода Бельгии во владение Германии выходило за эти пределы, хотя, с другой стороны, было бы также ошибкой полагать, что отказ от Бельгии принес бы нам «мир по соглашению». Соответствующая декларация об отказе от Бельгии отняла бы лишь у противников предлог, который они использовали для пропаганды.

Приходится согласиться с ген. Людендорфом также и в том, что в случае неудачи наступления мы стояли бы перед насильственным миром. Тогда речь могла итти лишь о том, чтобы при помощи упорного и решительного сопротивления сделать более умеренными условия мира.

Я считаю весь ход мыслей верховного командования совершенно ясным и не могу усмотреть в нем никаких противоречий.

[1] Людендорф, Ведение войны и политика, стр. 254.

Конечно, как было мною указано в первой части настоящего исследования, надо было заранее рассчитывать на то, что энергии и продолжительности ведения нами войны были поставлены границы вследствие недостатка в людских резервах, лошадях, фураже, горючих и смазочных веществах и т. д.

В докладной записке подполк. Ветцеля, бывшего во время наступления 1918 г. начальником оперативного отдела верховного командования, написанной сразу же после войны, сказано:

„С самого начала было ясно, что при численной мощи и артиллерийских и материальных боевых средствах наших противников нам не удастся окончательно сокрушить или поставить их на колени при помощи наступления. Но вполне возможно было поставить себе цель, состоявшую в том, чтобы при помощи крупных поступательных операций постоянно сохранять инициативу, диктовать противнику свою волю и вынудить его притти к выводу, что победить нас невозможно, склонив его, таким образом, к справедливому, благоприятному для нас миру. Это было бы тем более возможно, если бы до вступления в дело американских главных сил удалось нанести английской и французской армиям настолько тяжелый удар, чтобы американские силы уж не могли добиться перелома".

Ген. Людендорф в глубине души ставил себе с самого начала более высокую цель и рассчитывал на возможность сокрушения врага. Так и подобает смелому полководцу. Но в своих заявлениях он более сдержан. До июля Людендорф надеялся «сломить волю врага и склонить его таким путем к миру»[1]. После неудавшегося июльского наступления «потерпела неудачу попытка склонить при помощи германских побед» народы Антанты к миру еще до прибытия американских подкреплений. Государственному секретарю ф. Гинце Людендорф заявил в Спа 13 августа 1918 г., что «для нас не представляется более возможным склонить врага к миру при помощи наступления»[2].

Мы уже говорили о том, что военные цели верховного командования, поскольку они касались Бельгии, при таких обстоятельствах простирались слишком далеко. Но это надо поставить в вину не только верховному командованию, но и правительству. В составленных рейхсканцлером 29 января 1917 г. условиях мира идет речь о восстановлении Бельгии лишь «при условии определенных гарантий безопасности для Германии». Правда, позже, в сентябре 1917 г., в коронном совете, вопреки мнению верховного командования было вынесено решение о том, что в основе всяких переговоров должна лежать неприкосновенность Бельгии без каких-либо ограничений. Но с соответствующей публичной декларацией правительство так и не выступило.

Ген. Людендорф говорит[3], что он в глубине души до июля — августа 1918 г. продолжал оставаться сторонником поставленных раньше военных целей, но это не влияло на ход военных действий. Наступление должно было продолжаться до тех пор, пока хватит сил. Бельгийский вопрос играл бы решающую роль только тогда, когда враг стал бы склонен к миру, и дело дошло бы

[1] Людендорф, Ведение войны и политика, стр. 295.
[2] Людендорф, Воспоминания о войне, стр. 545 и 552.
[3] Людендорф, Ведение войны и политика, стр. 252.

до переговоров. Решать этот вопрос было делом правительства. Следовало полагать, что верховное командование склонилось бы перед фактом. По словам Людендорфа[1], оно ведь заявило 1 июня рейхсканцлеру, что согласно в любое время на переговоры с Англией, если бы Англия выразила к ним готовность. На это рейхсканцлер заявил: «Итак мы сходимся в мнении, что нам следует и впредь употреблять все наши силы, но мы готовы к разумным переговорам». 12 июля 1918 г. рейхсканцлер подчеркнул в рейхстаге:

„Когда обнаружатся такие (мирные) возможности и когда противной стороной будет проявлена серьезная готовность к миру, тогда, господа, мы немедленно пойдем этим возможностям навстречу, т. е. мы их не отвергнем; сначала мы будем говорить о мире в узком кругу. И я могу вам сказать, что это не только моя точка зрения, но что ее вполне разделяет также и верховное командование. Ведь верховное командование тоже ведет войну не только ради самой войны и заявило мне: как только с противной стороны будет замечена серьезная готовность к миру, мы должны на это пойти“.

Итак взгляды командования армией не могли в то время сильно отличаться от взглядов правительства.

По пунктам 5 и 6

Мартовское наступление было задумано как большая решающая операция. Ген. Людендорф не «имел с самого начала в виду», как думает Д., «нападать то на один, то на другой пункт неприятельского фронта».

Это вытекает из всего плана наступления в том виде, как он описан в моем исследовании. Точно так же изображает наступление и ген. Людендорф перед императором и рейхсканцлером в своем докладе в Гомбурге 13 февраля:

„Борьба на западе является величайшей военной задачей, которая когда-либо была поставлена перед армией,— задачей, которую Франция и Англия напрасно пытались разрешить в течение двух лет“.

Стратегическая операция должна была быть венцом успеха.

„Я доложил императору, что армия собрана и приступает вполне подготовленной к своей величайшей исторической задаче“.

Ген. Людендорф ясно понимал, что

„наступление на западе должно было стать одной из труднейших операций в мировой истории“[2].

Д. опирается в своем утверждении на одно выражение ген. Людендорфа[3], которое тот употребил в своем донесении императору в Гомбурге:

„Не следует думать, что наше наступление будет схоже с наступлением в Галиции или в Италии; это будет мощная борьба, которая начнется в одном месте, будет продолжаться в другом и окажется длительной,— борьба, которая будет тяжелой, но победоносной“.

---

[1] Людендорф, Воспоминания о войне, стр. 294.
[2] Там же, стр. 471, 472, 434.
[3] Там же, стр. 472.

Не говоря уже о том, что целью этого заявления несомненно было противодействие преувеличенным надеждам на молниеносное окончание войны, я полагаю, что Д. неправильно понял его смысл. Тактический прорыв сквозь систему позиций противника это еще было не все. Тогда лишь начиналась стратегическая операция, хода которой никто не мог предвидеть. Например, если бы в марте удался прорыв севернее Соммы, то, по всей вероятности, понадобились бы длительные операции, пока оказались бы отброшенными к побережью англичане и были бы отбиты контратаки французов. В операции были бы вовлечены, как и было действительно предусмотрено, также 6-я и 4-я армии, стоявшие к северу от первоначальных ударных армий, точно так же как в бои против французов была бы по всей вероятности втянута армия, стоявшая слева рядом с 18-й армией. Таким образом, борьба, «начавшаяся в одном месте, продолжалась бы в другом».

Следует также понимать иначе то место в книге фельдм. ф.-Гинденбурга [1], на которое ссылается в доказательство своего взгляда Д., правда, не в своем исследовании, а в другой работе. Действительно, в этом месте говорится:

„Мы и в дальнейшем хотим при помощи тесно связанных между собою частичных ударов настолько потрясти здание врага, чтобы оно как-нибудь случайно все же рухнуло".

Но это замечание относится к положению не в начале нашего наступления, а к положению, которое было в мае, после того как мартовское и апрельское наступления не принесли ожидавшегося успеха. При этом фельдмаршал тут же прибавил:

„Англия дважды была спасена Францией, когда находилась в остром критическом положении; может быть в третий раз нам удалось бы добиться окончательной победы над этим противником".

Все же слова при помощи «частичных ударов» и «как-нибудь случайно» были выбраны не совсем удачно. Ибо мы знаем, что дальнейшие операции в мае, июне и июле были организованы по твердому плану и что в августе за ними должен был последовать решительный удар во Фландрии.

Место из этой же книги (стр. 301), которое Д. приводит в своем исследовании, тоже отнюдь не допускает вывода, что с «самого начала предполагалось наступать то в одном, то в другом месте» и таким путем наносить лишь частичные удары. Это место гласит:

„По моему убеждению, мы обладали необходимой мощью и необходимым боевым духом для последнего решительного боя. Мы должны были решить, как и где мы хотим его дать. „Как" можно было в общем выразить словами: избежать риска увязнуть в так называемом материальном сражении. Мы должны были стремиться к крупному и, если можно, неожиданному удару. Если бы нам не удалось одним взмахом сокрушить вражеское сопротивление, то за этим первым ударом должны были последовать дальнейшие удары в других местах неприятельского фронта, пока не была бы достигнута наша конечная цель".

---

[1] Гинденбург, Из моей жизни, стр. 327.

После этого на мой взгляд не может возникнуть никаких сомнений относительно намерений верховного командования. В марте 1918 г. во всех ударных войсках было известно, что речь шла об окончательном решении, а не о наступлении с ограниченной целью.

Если бы с самого начала не удался этот первый удар, тогда, как подчеркнул фельдм. Гинденбург и ген. Людендорф, мы не должны были бы пускаться в материальные сражения,— в сражения на истощение, которые влекли за собою фронтальные бои в течение целых месяцев с потерею огромных сил без надежды на окончательный, решительный результат. В этом случае борьбу пришлось бы прервать.

„Если бы не удалось достигнуть успеха с первого раза, то его надо было достигнуть позже[1]“.

Правда,

„положение тогда было уже менее благоприятным и в значительной степени зависело от прибытия и ценности американских подкреплений и от тех потерь, которые принесли бы нам и нашим врагам предстоявшие бои“.

Тот факт, что шансов на успех при более поздних наступлениях становилось меньше, вытекает также и из моего исследования. Но ни в коем случае нельзя согласиться с Д. в том, что продолжение наступления было «заведомо безнадежным делом». Полководец, который отказался бы в апреле от борьбы на том основании, что она безнадежна, был бы поставлен историей к позорному столбу,— ибо при отказе от наступления война была бы для нас обречена на неудачу. Или, быть может, кто-либо думает, что в этот момент мирное предложение имело бы хоть малейший шанс на успех?

Д. говорит: «Критика не должна ограничиваться указанием на совершенную ошибку, но и должна поставить вопрос о том, как можно было бы сделать лучше». Конечно! Но задним числом легче доказывать «основные ошибки» и говорить о том, как можно бы было поступить, чем тогда, во время войны, когда приходилось принимать самые серьезные решения под гнетом тягчайшей ответственности и в тумане неопределенности. Несмотря на это и теперь необычайно трудно решить, «как можно было бы сделать лучше». Я не считаю себя вправе решать этот вопрос и ограничиваюсь лишь в отдельных случаях высказыванием соображений и предположений, сопровождаемых большими оговорками. Для окончательного ответа на спорный вопрос нужна зрелая тактическая и стратегическая оценка, богатый военный опыт, всеобъемлющие знания всех обстоятельств у нас и у нашего противника, влиявших на положение и на принятие того или другого решения. Впоследствии, когда карты противника раскрываются, они дают часто совершенно неожиданные разъяснения и бросают на события новый свет, который

---

[1] Людендорф, Воспоминания о войне, стр. 472.

заставляет нас сильно изменять наши прежние суждения о собственных мероприятиях.

Д. указывает, каким путем можно было бы действовать лучше. Надо было «истощить врага при помощи отдельных тяжелых ударов».

„Следовало предпринять наступление с ограниченной целью, и оно должно было сочетаться с честным и открытым предложением мира на основе полного суверенитета и неприкосновенности Бельгии".

Относительно Бельгии я уже высказался, а мирное предложение я склонен считать ошибочным шагом. Остается рассмотреть, имели ли надежду на успех предлагаемые Дельбрюком частичные удары вместо входившего в планы ген. Людендорфа решительного наступления.

Д. предлагает наступление в Италии или в России.

Наиболее благоприятных результатов можно было бы достигнуть в Италии. По словам австрийского генерала Крауса можно было бы добиться уничтожения всей итальянской армии.

Действительно, 3 января 1918 г. ген. Краус предложил наступление в Италии. Но тогда положение не было столь же благоприятным, как осенью 1917 г., когда двойное наступление из Тироля и с Изонцо могло бы привести к уничтожению итальянской армии, находившейся в неблагоприятной стратегической обстановке. Но в 1918 г. итальянцы стояли уже не на Изонцо, а на р. Пьява. Таким образом, «венецианский мешок», в который должны были быть пойманы итальянцы, как признает сам ген. Краус, «стал слишком короток». Теперь, по мнению генерала, наступление должно было вестись по обе стороны озера Гарда, в долине р. Эч и в Юдикарии. Здесь во всякое время было бы возможно движение и снабжение крупных сил. И прежний и последующий опыты показали, что такое большое наступление невозможно было осуществить без содействия крупных германских сил. Вследствие этого нашему Западному фронту пришлось бы выделить значительные войсковые части. Каков предположительно был бы дальнейший ход событий? Из 11 французских и английских дивизий, посланных в Италию осенью 1917 г. в качестве подкрепления, большая часть в начале 1918 г. оставалась еще в Италии. Если бы весною в Италии началось австро-германское наступление, то существовала бы двоякая вероятность: французы и англичане поддерживали бы итальянцев при помощи дальнейших отправок войск в Италию или для отвлечения сил с итальянского фронта начали бы наступление на нашем ослабленном Западном фронте во Франции и в Бельгии.

Французы были в любое время готовы к отправке крупных войсковых соединений в Италию. Мы теперь знаем, что, начиная с 1916 г., они постоянно считались с возможностью германского наступления через Швейцарию и оттуда через Юрские горы на Францию или на Милан против Италии и приняли тщательные меры к подготовке транспорта для отправки армий на

случай такого наступления. По всей вероятности, в Италии мы были бы втянуты в большие сражения, если бы туда прибыли крупные англо-французские силы. Никто не мог бы предвидеть их течения и исхода. Из-за снега наше наступление из горной местности не могло совершиться в достаточно раннее время года. Таким образом, наши крупные силы были бы связаны в Италии в течение значительной части 1918 г.; тем временем на Западный театр прибыли бы американцы, и наше положение должно было бы сложиться там неблагоприятно.

Еще менее, чем наступление в Италии, можно было бы рекомендовать движение на Петербург и Москву, «чтобы свергнуть советскую республику, установить буржуазное правительство и заключить с ним союз». Д. называет этот план «политико-стратегическим поворотом». Ген. Людендорф тоже обдумывал этот план, но безусловно правильно отклонил его, считаясь, главным образом, с тяжелыми препятствиями внутриполитического характера, которых следовало в этом случае ожидать. Кроме того, я не думаю, чтобы имевшихся на востоке войск было достаточно для такого предприятия, и не могу усмотреть никакого, хоть сколько-нибудь значительного преимущества в той цели, которая должна была быть достигнута. Продовольствия из России мы не получили бы, а в других отношениях такой союз, если бы дело действительно дошло до него, нам не принес бы большой пользы.

От Д. не ускользнули тяжелые затруднения, на которые натолкнулось бы германское командование в Италии или под Петербургом и Москвой в то время, когда на западе мы имели перед собой усиливавшегося с каждым днем противника. Но Д. полагает, что нам необычайно посчастливилось в том отношении, что благодаря известной статье полк. Репингтона в «Морнинг Пост» от 10 февраля 1918 г. нам был сообщен военный план англичан. По мнению Д., мы узнали из этой статьи, что после неудачных наступлений 1916 и 1917 гг. наши противники отказались от стремления к окончательному решению войны на французско-бельгийском фронте и до прибытия американцев в 1919 г. хотели перенести центр тяжести военных операций на восток.

„Таким образом, германское военное командование могло с большой уверенностью рассчитывать на то, что, если оно само не начнет наступления, Западный фронт будет оставаться спокойным. Тем легче ему было направить наступление на Италию или Россию. На войне не существует большего преимущества, чем знание плана кампании противника. Но ген. Людендорф ничего не сумел сделать из этого подарка фортуны и, насколько я помню, даже не упомянул о нем в своих книгах“.

Здесь по адресу ген. Людендорфа опять высказан такой тяжкий упрек, что мне кажется необходимым остановиться на этом вопросе подробно. Я считаю этот упрек совершенно неосновательным. Он построен на неправильной предпосылке.

Пресловутая статья полк. Репингтона появилась 11 февраля 1918 г. Она касалась позиции английского премьер-министра

Ллойд-Джорджа на военном совете в Версале в январе 1918 г. (8). В статье говорилось, что Ллойд-Джордж хотел толкнуть верховный военный совет на операцию на второстепенном военном театре, чтобы нанести смертельный удар Турции.

„Как может он (Ллойд-Джордж) думать о таких глупостях в то время, когда Германия стягивает на Западном фронте трехмиллионную армию, позади которой находится еще полуторамиллионный резерв,— это тайна, непостижимая для здравомыслящих людей“.

При этом Репингтон добавляет, что по его сведениям предложение Ллойд-Джорджа не имело, повидимому, успеха на верховном военном совете.

„Наши союзники полагали, что с этим второстепенным театром покончил Клемансо. Я в этом не вполне уверен... Я надеюсь, что парламент вынудит у Ллойд-Джорджа определенное обещание не выдвигать ни этого, ни какого-либо другого проекта войны на второстепенном театре. Я не знаю, согласились ли военные в Версале на эту явную глупость. Мне говорили, что они будто бы согласились, но я не могу этому поверить“.

В заключение в статье говорится:

„Заставляя голодать нашу действующую армию, являясь сторонником авантюр, которые не были одобрены соответствующими военными советниками, и согласившись на решение, которое лишило нашего главнокомандующего во Франции неограниченных полномочий командующего, Ллойд-Джордж, по моему мнению, вполне доказал свою неспособность управлять Англией во время войны“.

Прежде всего надо установить, что текст статьи гласит не так, как его приводит Д. В статье не сказано, что центр тяжести военных операций должен быть перенесен на восток и что это должно было произойти до прибытия американцев в 1919 г. Речь скорее идет просто о какой-то операции на второстепенном театре войны. Кроме того в статье нигде не сказано, что наши противники хотели отказаться от решительных действий на западе.

Теперь мы точно осведомлены о решениях верховного военного совета. Когда стало известно о переброске германских войск с востока на запад, то Антанта безусловно решила, что в 1918 г. немцы будут наступать на Западном фронте. Поэтому до прибытия американцев было решено действовать оборонительно. Если до тех пор враг устоял при всех наступлениях, то сможет устоять и Антанта. В целях обороны было достигнуто соглашение о необходимых мероприятиях. Кроме того план операции имел в виду наступление против Турции. Истощенную Турцию надеялись довести таким образом до разгрома.

Это звучит совсем иначе. Но даже если бы в статье было написано именно то, о чем говорит Д., то это не могло бы иметь влияния на решения германского верховного командования.

В свое время статья действительно дошла до сведения верховного командования. В «Милитер Вохенблатт» от 23 февраля 1918 г. был даже помещен ее перевод. Но ген. Людендорф совершенно прав, если он совсем не упоминает в своих книгах об

этой статье. Он не мог бы совершить большей ошибки, если бы построил свои операции на основании этой газетной статьи, одинаково известной и друзьям и врагам. Конечно, ценно знать план кампании противника, хотя это знание отнюдь и не «обещает на войне наибольшего преимущества». Но могли ли мы ручаться за достоверность этих сведений? Была ли уверенность в том, что этот план не подвергся изменениям? Враг не должен знать, что нам стал известен его план,— в противном случае он его изменит. Указанные условия не были соблюдены, раз информация была опубликована в газетах для всеобщего сведения.

Как говорилось выше, в начале 1918 г. мы предполагали, что в ожидании нашего наступления Антанта будет занимать на Западном фронте оборонительную позицию. В докладной записке группы армий кронпринца Руппрехта, рассчитывавшей ранее на продолжение английского наступления во Фландрии, сказано, что после развала России Антанта ограничится в ожидании нашего наступления обороной. Если же мы начнем наступление не на Западном фронте, а на другом театре, то наше верховное командование сделало бы крайне ложный вывод, если бы оно при этом совершенно изменившемся положении «с твердой уверенностью рассчитывало на то, что Западный фронт останется спокойным». Разумеется, враг решил бы поступить иначе.

Статья Репингтона не была «даром фортуны». Ни Людендорф, ни какой-либо другой генерал — даже если бы это был Наполеон или Мольтке,— ничего не мог бы сделать из этого дара. На войне существуют и другие факторы, которые обещают еще большие преимущества, чем знание плана кампании противника, а именно: способность судить и твердая воля.

После высказанных мною соображений не приходится оспаривать, что при наступлении «Михаэль» в марте верховное командование в первую очередь преследовало большой стратегический план, а не более или менее крупный тактический успех в тактически благоприятном пункте. Ген. Людендорф отнюдь не набросал плана в общих чертах, как думает Дельбрюк, а ясно его высказал:

„Центр тяжести должен был быть перенесен в местность между Аррасом и Перонн, к побережью. Если бы этот удар удался, то стратегический успех мог бы быть огромным: мы отрезали бы главные части английской армии от французской и затем оттеснили бы их к побережью".

Кроме того оперативные намерения настолько ясно высказаны в приведенных мною инструкциях и на совещаниях верховного командования, что всякие сомнения исключаются. Исходя из этих данных, нельзя говорить, что наступление было предпринято в таком пункте, который вел «стратегически в пустоту», потому что «в тех пунктах, где была перспектива достижения стратегической цели, ген. Людендорф не верил в успех тактического проникновения». Скорее можно было бы сказать, что стратегическая цель была поставлена значительно

большая, чем при наступлении во Фландрии («Сен-Жорж»), о котором тогда тоже шла речь, и что она была слишком велика.

Замечание ген. Людендорфа о том, что тактику надо ставить выше чистой стратегии, на мой взгляд, Дельбрюк толкует неправильно. По его мнению, это означает, что «наступающая сторона чувствовала себя слишком слабой, чтобы начать наступление в том пункте неприятельского фронта, где стратегическая операция имела большие шансы, а выбирала место там, где легче всего было прорваться».

Как было уже сказано выше, это скорее означает, что нельзя намечать наступление, руководствуясь исключительно оперативными соображениями, и что в первую очередь должна быть налицо возможность тактического прорыва.

С нашей стороны было сделано все, что могло способствовать успеху наступления. Даже при отказе от Украины мы не получили бы с Восточного фронта большего количества «ударных войск». Правда, нерасшифрованный Дельбрюком специалист и утверждал, что лошадей и рогатый скот можно было бы получить с Украины и без оккупации. Но это мнение опровергают приведенные мною доказательства того, что без военной оккупации использование Украины было лишено каких бы то ни было перспектив. «Специалисту» следовало бы еще указать, каким путем без железных дорог, без воинского прикрытия и без сопроводительных команд на Украине можно было бы собрать 100 тыс. голов рогатого скота и лошадей и переправить их в Германию.

Теперь из того, что опубликовали наши противники, известно, что наступление привело нас почти к самой цели — значительно дальше, чем мы тогда полагали. Но нельзя согласиться с мнением, что, главным образом, «невероятные ошибки врага, которых совершенно нельзя было ожидать, сделали возможным то, что, несмотря на ошибки нашего плана сражений, мы были так близки к победе». Эти «невероятные ошибки», которых нельзя было ожидать, по мнению Д., состояли в том, что англичане постоянно думали только о связи с портами, расположенными на берегу Ламанша, а французы — о прикрытии Парижа, что не был сформирован общий главный резерв и что на случай наступления не были приняты достаточные меры для оказания взаимной поддержки. Но эти ошибки при коалиции существуют как правило. Из опыта всех войн надо было считать более вероятным, что эти ошибки будут допущены, чем то, что союзникам удастся подчинить свои противоречивые интересы великой общей цели. Следовательно, участок наступления стратегически был выбран вполне правильно. Место стыка двух армий является всегда опасным для обороняющейся стороны и, как видно из опыта, благоприятным для нападающей.

Мы были так близки к победе вследствие признаваемой также Д. выдающейся подготовки наступления и его блестящего проведения нашими превосходными войсками, а не благодаря глав-

ным образом «невероятным ошибкам противника». Мы добились бы, по всей вероятности, победы, если бы противники, вместо того чтобы делать «невероятные ошибки», еще 26 марта не приняли своевременно неожиданного и великого решения о передаче единого командования операциями ген. Фошу. Только этим они спасли Амьен.

Наш метод наступления в значительной степени опирался на эффект неожиданности. Но по Д. эффект неожиданности «по сути дела не удался». Действительно фельдм. Хэйг говорит, что он был своевременно и правильно осведомлен о фронте, на котором должно было вестись наступление. Он также объясняет сам, почему вопреки этому его резервы не находились в должном месте. Ведь французы ждали также наступления на р. Эн или в Шампани, где по предположениям велись якобы приготовления к наступлению. Поэтому французские резервы были сосредоточены слишком далеко на востоке.

Вследствие этого, как признают также и французы, несмотря на все, для них явилось неожиданностью наступление против правого английского крыла. Когда наступление было уже начато, Петэн еще оспаривал, что это было главное наступление. Главное наступление, по его мнению, было направлено на Реймс, где уже начался обстрел. Несмотря на всю осведомленность, обороняющаяся сторона как правило никогда не знает с полной достоверностью, где будет происходить наступление. В мае на р. Эн неожиданность удалась нам еще в значительно большей степени, чем в марте и апреле. Мы в свою очередь тоже были застигнуты врасплох 18 июля и 8 августа. Прорыв в позиционной войне был возможен только благодаря неожиданности.

В моем исследовании изложены причины, почему при наступлении «Михаэль» не был достигнут оперативный успех. Эти причины не заключались преимущественно в невозможности подвести в изрытой воронками местности боеприпасы и продовольствие, хотя отнюдь нельзя не признать трудностей снабжения.

При продолжении наступления после наступления «Михаэль» шансы на решительную победу уменьшились. Д. полагает, что раз мы хотели достигнуть решительного результата и стремились сокрушить противника, то должны были чувствовать себя достаточно сильными, чтобы добиваться этого в том же самом месте, где был нанесен первый победоносный удар. Основным тезисом учения Клаузевица о войне, по мнению Дельбрюка, является то, что военный успех лучше всего использовать в том месте, где он был достигнут. Я должен снова указать на то, что учение Клаузевица о войне никак не может быть мерилом для всех военных действий во время мировой войны. Впрочем в такой форме я нигде не мог найти у Клаузевица этого основного тезиса. В позиционной войне успех наступления мог состоять только в прорыве. Мы этого успеха не достигли. Прорыв был возможен только при помощи неожиданности. Неожидан-

ность же исключалась в том самом месте, где прорыв не удался и где была сосредоточена основная масса войск противника. Тем более благоприятны были перспективы для наступления в другом месте. Лучшим доказательством этого служит майское наступление.

Но Д. вообще считает неуместным продолжение наступления в духе крупной операции и объявляет его «преступной игрой будущим отечества», ибо полководец якобы считал возможным «мир по соглашению». Однако ген. Людендорф будто бы объявил, что такой мир исключается. Мне же кажется, что понятие «мир по соглашению» следует толковать иначе. На полное уничтожение противника во время хода дальнейших боев ген. Людендорф, конечно, не надеялся. Но так же мало он мог допустить мысль, что к соглашению привело бы мирное предложение в сочетании с частичными наступлениями. Это предложение было бы с насмешкой отвергнуто. Соглашение, т. е. достижение единства на основе приемлемых условий, казалось возможным только тогда, когда противник склонился бы к миру в результате возможно более решительных побед, имевших оперативное значение. Это и была на самом деле та цель, к которой стремилось в дальнейшем верховное командование. Если бы дело дошло до переговоров, военные цели должны были быть применены к военному положению в тот момент. Что ген. Людендорф был готов к такому «соглашению», хотя внутренне он до начала лета еще держался крупных военных целей, он неоднократно заявлял и, как было упомянуто выше, это подтвердил рейхсканцлер.

„В период величайших военных успехов,— говорит ген. Людендорф,— верховное командование выступило перед рейхсканцлером в качестве сторонника декларации, содержащей уступки по вопросу о Бельгии, но не достигло успеха“[1]. „Оно (верховное командование) не оставило у рейхсканцлера никаких сомнений относительно своей готовности к миру“[2].

Во всяком случае ген. Людендорф рассчитывал на дипломатическое использование побед. Было ли такое использование возможно, мы сдесь рассматривать не можем.

В таком ходе мыслей ген. Людендорфа я не могу обнаружить никаких противоречий.

Но Д. другого мнения. Он усматривает в поведении ген. Людендорфа значительные противоречия. По Дельбрюку Людендорф публично отверг «мир по соглашению». Он выступал за крупные военные цели,— особенно в отношении Бельгии,— и считал, что без них ему не удастся поддержать дух в армии. По мнению Д. хотя Людендорф знал, что перспективы были очень ненадежны, он настаивал на мире только при условии победы. Но в глубине души Людендорф верил в возможность «мира по соглашению», который он сам расстроил своими высокими требованиями. Находясь в состоянии такого внутреннего

---

[1] **Людендорф, Ведение войны и политика, стр. 294.**
[2] **Там же, стр. 296.**

разброда, он был бы доволен, если бы дипломатия привела в исполнение «мир по соглашению», а он изображал бы в это время большого патриота. Людендорф, по мнению Д., хотел переложить ответственность за «мир по соглашению» на других.

В своих заявлениях Д. опирается на показания ген. ф. Гефтен (бывшего во время войны руководителем военного отдела министерства иностранных дел), данные во 2-й подкомиссии в 1922 г. По этим показаниям ген. Людендорф имел якобы два лика: публично он должен был требовать крупных военных целей и не мог заявить о своем согласии на отказ от Бельгии, чтобы поддержать дух на фронте, но, исходя из политических соображений, он должен был проявить «уступчивость и готовность к «миру по соглашению».

Ген. Людендорф, напротив, заявляет[1], что у верховного командования никогда не было двойного лица. Разговоры о «мире по соглашению» казались ему серьезной ошибкой. По словам Людендорфа, верховное командование сочло бы также ошибкой, если бы была сделана публичная декларация о Бельгии со ссылкой на его согласие, так как враг сделал бы из этого благоприятные для себя выводы. Но верховное командование было тем не менее вполне склонно к миру. Однако, от Антанты надо было добиться готовности к миру при помощи наступления.

Эти заявления совпадают с изложенной мною точкой зрения верховного командования. Не следовало и нецелесообразно было публично подчеркивать согласие верховного командования на декларацию относительно Бельгии. Выступать с такими декларациями политического характера было исключительно делом правительства.

Я согласен с Д. в том, что для поддержания бодрого духа в армии не нужно было демонстрировать крупные военные цели. Если бы Германии удалось утвердиться в своих прежних владениях против всех врагов, то тем самым была бы достигнута крупная цель, стоящая крупных жертв.

Во всяком случае ген. ф. Гефтен заявил перед упомянутой подкомиссией, что верховное командование примирилось бы, правда, с публичной декларацией относительно Бельгии, если бы она исходила только от правительства. И если бы верховное командование подверглось нападкам общественности за то, что оно согласилось на отказ от Бельгии, ген. Людендорф мог бы заявить о том, что верховное командование не сумело провести своей противоположной точки зрения.

Это действительно было бы двойственностью. Однако, ген. ф. Гефтен говорит только о возможности, которая по его личному взгляду могла бы наступить. Его заявление отнюдь не служит доказательством того, что ген. Людендорф поступил бы именно так. Следовательно, исходя из сказанного выше, существование двух ликов должно быть отвергнуто.

---

[1] „Militär Wochenblatt“, 21/11 1922.

Поэтому в конечном итоге мы решительно возражаем против заключений, которые г. тайный советник Дельбрюк делает из противоречий, усматриваемых им в поведении ген. Людендорфа.

„Если,— говорит он,— таково было действительно внутреннее убеждение ген. Людендорфа,— а судя по показанию ген. ф.-Гефтена, в этом едва ли можно сомневаться, то никакое выражение осуждения не должно показаться слишком резким для подобного поведения".

Д. говорит о нечестности и указывает в заключение на то, что действиями генерала во время кампании 1918 г. отнюдь не руководили чистые мотивы любви к отечеству, а в значительной степени его необузданное честолюбие.

Я не был призван в качестве защитника ген. Людендорфа 4-й подкомиссией. На меня, как на эксперта, было возложено обязательство показывать правду, ничего не утаивая и ничего не прибавляя. Свои показания я должен был давать под присягой.

Но с полным убеждением и на основании моего знакомства с событиями я должен решительнейшим образом протестовать, когда такой человек, как ген. Людендорф, без остатка отдавший на службу отечеству всю свою огромную силу, подвергается личным нападкам подобного рода. Все его действия воодушевлялись горячей любовью к родине. С этим согласны и друзья и враги. Если он в чем-либо ошибся, то он разделяет свою ошибку с каждым, кто находился на руководящем посту в действующей армии. Если его сильной воле не удалось довести Германию до конечной победы, то нельзя взваливать вину за неудачу, главным образом, на него. Виноваты были, главным образом, условия, преодолеть которые Людендорф не мог. Если мы не можем решиться признать огромные заслуги ген. Людендорфа в гигантской борьбе почти против всего мира, то по крайней мере на его родине нельзя оспаривать чистоты его натуры и его стремлений.

Я был вынужден перейти в область личного, ибо исследование Д. является по преимуществу обвинительным актом против личности ген. Людендорфа.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

Содоклад проф. Г. Дельбрюка к исследованиям ген. ф.-Куля и полк. Швертфегера

ОТ АВТОРА

Я уже изложил свое мнение в первом исследовании, написанном мною в июле 1922 г., и теперь вместо нового последовательного изложения могу ограничиться рассмотрением тех отдельных пунктов, в которых меня дополнили, исправили или подтвердили мои взгляды новые исследования двух других экспертов — ген. ф. Куля и полк. Швертфегера.

В конце своего исследования ген. ф. Куль подчеркивает, что он не был приглашен в качестве защитника Людендорфа, и как эксперт дает свои показания под присягой. Убежден, что я более других разделял это мнение относительно указанного исследования и личности господина эксперта. Но если ген. ф. Куль заявляет также протест против того, чтобы такой человек, как ген. Людендорф, подвергался персональной критике, какой я его подвергаю, то я в свою очередь сошлюсь не только на присягу, данную мною в качестве эксперта, но и позволю себе указать, что отношусь ко всей проблеме несколько иначе, чем ген. ф. Куль. Как честно люди ни стараются выявить истину, все же надо постоянно учитывать, не мешают ли им препятствия психологического характера, непреодолимые даже для самых сильных личностей.

Во время кампании 1918 г. ген. ф. Куль был начальником штаба войсковой группы кронпринца Рупрехта Баварского и как начальник штаба участвовал в руководстве этой кампанией в постоянном сотрудничестве с ген. Людендорфом. Куль не утаил от нас, что в некоторых важных пунктах он не разделял мнения Людендорфа, но в основном вопросе — о стратегии и ее связи с возможностью заключения мира — взгляды Людендорфа и ф. Куля настолько совпадают, что ген. ф. Куль поневоле должен был заниматься в своем исследовании самозащитой, чувствуя к этому внутреннюю потребность. Принимая во внимание ту резкость, с которой Куль отвергает мои доводы, я это должен констатировать в самом начале моей работы. Тем не менее я хочу тут же указать, что в конце исследования мое заявление будет несколько видо-

изменено в духе сближения. Однако, никто и ни в коем случае не может утверждать обо мне, что я подвержен в моих исследованиях психологическим влияниям. Если бы последние имелись, то они скорее были бы такого же рода, как и у г-на ф. Куля. Я с юных лет ощущал любовь к величию Пруссии и к славе прусской армии. Это знает всякий, кто читал мою биографию Гнейзенау,— и поистине я бы с большим удовольствием написал опять такую же биографию, чем занимался бы исследованиями, заставляющими вынести обвинительный приговор людям, которые командовали германской армией в мировую войну. Нет худшего преступления по отношению к нации, чем внушать народу отвращение к его героям и гигантам духа. Но нет для народа ничего более губительного, чем такое положение, когда он вручает свою судьбу людям, которые не обладают необходимой для этого гениальностью. Кажущиеся величины — это не герои, и тут борьба с необоснованными предвзятыми оценками является заслугой перед нацией,— правда, менее благодарной, но не менее важной, чем воздвигание памятников истинным героям. Весь мир выдвигает против нас обвинение в том, что Германия начала войну, чтобы добиться мировой гегемонии, и перед лицом этого обвинения я нахожусь в ряду тех, кто в неустанной борьбе стремится доказать его неправоту. Мне очень больно, но при оценке того, как мы вели войну, я пришел к отрицательному результату. И я не одинок; здесь вполне уместно отметить, что со мной согласны в этой оценке именно те немецкие историки, которые воздвигли научные памятники вождям освободительных войн: Макс Леманн — биограф Штейна и Шарнгорста, Фридрих Майнеке — биограф Бойена. Эксперт полк. Швертфегер тоже протестует в своем исследовании против осуждения Людендорфа, исходя из принципиальных оснований и считая, что надо обвинять больше судьбу, чем лиц. Я не вижу в этом никакого противоречия. Судьба была не чем иным, как этими лицами, и я понимаю задачи следственной комиссии в том, чтобы она установила меру и характер вины лиц. Совершенно то же самое сказал и полк. Швертфегер в предварительном замечании к своему первому исследованию, в котором он пишет о том, что там, где действительно имеют место преступные упущения или ошибочные деяния, они должны быть вскрыты нами. Основное значение имеет при этом определение тех лиц, которые несут прямую ответственность за эти деяния или упущения. Мы должны найти этих ответственных лиц, будет ли это фельдм. Гинденбург или ген. Людендорф, г-н ф. Бетман-Гольвег,

г-н Михаэлис, граф Гертлинг, г-н ф. Кюльман, принц Макс или кто-либо другой, и, наконец, сам император. За катастрофу 1918 г. отвечает в первую очередь ген. Людендорф. Указание, имеющееся в исследовании ф. Куля, на то, что формальная ответственность лежала на императоре и на фельдм. ф. Гинденбурге, не ведет к цели. Важна не формальная, а фактическая ответственность. Полк. Швертфегер установил в 1-й части своего исследования,— это подтверждает и 2-я часть его исследования, — в какой степени ген. Людендорф захватил в свои руки фактическое главное руководство как политикой, так и войной. Г-н Швертфегер не употребляет выражения «захватил в свои руки», но высказанные им фактически соображения не говорят ни о чем другом. Тут ничего не меняет также и то обстоятельство, что подобные действия ген. Людендорфа поощряли и поддерживали некоторые патриотические круги; точно так же с Людендорфа не снимает ответственности и то, что после достижения им такого исключительного положения министры гражданских ведомств тоже рассчитывали заинтересовать его своими задачами, стремясь привлечь его на свою сторону. При помощи многократных угроз подать в отставку Людендорф подчинил себе императора и тем самым захватил в свои руки высочайшую власть. Людендорф участвовал также в разрешении чисто политических вопросов; министр, который не посчитался бы с этим фактом, поступил бы далеко неразумно. На этом утверждении я настаиваю. Император, фельдм. Гинденбург, разные рейхсканцлеры и министры — все отступают на задний план вследствие решающего влияния Людендорфа. Если влияние этого человека твердо установлено, то уже имеет второстепенное значение, будем ли мы обвинять императора в том, что у него нехватило сил отделаться от этого советника, или мы будем рассматривать императора, как жертву более крупной силы. С Людендорфа ни в коем случае не снимает вины то обстоятельство, что формальная ответственность лежала на императоре. Речь отнюдь не идет о том, чтобы приписывать ген. Людендорфу ту или иную ошибку. Ошибки совершали также величайшие полководцы и государственные деятели. Упрек, который я сделал ген. Людендорфу в моем первом исследовании, гораздо значительнее и тяжелее, чем упрек в отдельных ошибках,— и дело заключается в том, имеются ли у других экспертов или вообще в литературе какие-либо фактические данные, которые способствовали бы снятию с Людендорфа бремени ответственности, или этих данных нет.

Г. Дельбрюк.

ОБОСНОВАННОСТЬ НАСТУПЛЕНИЯ

Еще в своем первом исследовании ген. ф. Куль говорил и неоднократно подчеркивал, что при всех условиях мы должны были наступать и что именно скудость и истощение наших средств должны были гнать нас в наступление, ибо при обороне заранее можно было сказать, что наше дело было бы проиграно; по словам ф. Куля оказалось, что потери в оборонительных сражениях были не меньше, а наоборот — больше, чем в боях при наступлении. Войска, по его словам, сами хотели положить конец изнурительной окопной войне. Длившиеся месяцами оборонительные сражения, как например сражение во Фландрии, переносить было для войск гораздо труднее, чем наступление[1]. В своем первом исследовании я с некоторой оговоркой согласился с этим утверждением. Новый материал, ставший известным с тех пор, особенно содержащийся в обоих новых исследованиях, вынуждает меня настолько усилить эту оговорку, что мое согласие сводится по существу на-нет, хотя я и не хочу перейти прямо к возражению.

В первую очередь по поводу принципиальной установки, что при обороне мы заранее были бы осуждены на гибель, следует вспомнить фразу фельдм. Гинденбурга на заседании военного совета 14 августа 1918 г.: он надеется, что нам удастся остаться на французской территории и тем самым в конце концов навязать свою волю врагам. Людендорф еще более заострил эту формулировку тем, что вычеркнул слово «надеется» и вместо этого просто сказал: «Нам удастся остаться на французской территории и тем самым в конце концов навязать свою волю врагам». Если такая перспектива существовала еще в августе,— по мнению верховного командования дело обстояло именно так, хотя мы потерпели уже тяжелое поражение, а враг получил сильное подкрепление от американцев,— то весною, когда мы еще были полны сил, мне кажется невозможным утверждать, что при обороне мы были бы заранее осуждены на гибель. Одно из этих двух мнений верховного командования обязательно должно быть неправильным. Так говорит логика. Но в действительности мнение верховного командования было неправильно в обоих случаях; весною мы могли бы победоносно закрепиться для обороны, осенью же мы этого уже больше не могли.

Так же дело обстоит и со вторым принципиальным соображением, которое, судя по работе Куля, должно было продиктовать нам решение перейти в наступление. В исследовании Куля говорится, что потери при наступлении, как оказалось, были не больше, а наоборот — скорее меньше, чем при обороне.

Я высказываю решительное сомнение в правильности этого положения. Разумеется, бывают случаи, когда наступающая сто-

---

[1] Куль, 1-я часть, стр. 87.

рона терпит меньшие потери, чем обороняющаяся. Но в большинстве случаев,— особенно тогда, когда, как это и было предусмотрено в данном случае, обороняющаяся сторона отражает наступление,— происходит обратное.

Статистики потерь в сражениях мировой войны пока еще нет ни у одной из сторон, а без нее по сути дела едва ли возможно какое-либо критически построенное военно-историческое исследование. Однако, установлено, что потери англичан и французов во время их наступления в 1917 г. были огромны и далеко превосходили наши, бывшие, конечно, тоже очень тяжелыми. Ген. Людендорф в книге «Ведение войны и политика» (стр. 326) тоже говорит в общей формулировке, что если у нас были шансы отразить неприятельское наступление, то нам надо было мириться с потерями, сопряженными с удержанием позиций, ибо следовало ожидать, что потери противника превзойдут во много раз наши собственные.

Таким образом, принципиальные соображения, которые должны были продиктовать нам наступление, я считаю неосновательными. Точно так же дело обстоит и с практической мотивировкой. Руководствуясь заявлениями ген. Людендорфа в его «Воспоминаниях о войне» (стр. 434), следовало предполагать,— и я действительно это предполагал,— что в случае, если бы мы сами не начали наступления, верховное командование ожидало наступления со стороны врага. Но из исследования Куля мы видим, что если в конце ноября 1917 г. твердо ожидалось возобновление английского наступления ближайшей весной, то в начале 1918 г. наше командование пришло к убеждению, что до прибытия американцев англичане будут держаться оборонительно. Между тем, прибытие американцев ожидалось поздним летом или осенью 1918 г. Хотя возможность неприятельского наступления и продолжала существовать, однако, по всей вероятности, если бы мы не начали наступления, в сражениях возник бы очень долгий перерыв. Такой перерыв в сражениях был бы очень наруку мирным стремлениям, имевшим и на одной, и на другой стороне своих представителей; следовательно, он соответствовал бы нашим интересам. К этому вопросу мы еще вернемся.

Куль в своем исследовании исходит, конечно, из того, что «мир по соглашению» был исключен; возможны были либо победа, либо поражение. Здесь между нами на первый взгляд открывается непримиримое противоречие. Но на самом деле в данном пункте наши разногласия не так велики.

Куль пишет: «При неудаче наступления война, конечно, была бы проиграна». Тогда, по его мнению, мы могли бы продолжать борьбу только за сносное окончание войны. Что следует понимать под сносным окончанием войны? Между выигранной и проигранной войной существовало еще очень много промежуточных ступеней. Мир на основе положения, существовавшего перед войной (status quo ante), был одной из таких промежуточных ступеней. Мир на основе 14 пунктов Вильсона был

тоже такой промежуточной ступенью. Может быть для Германии был еще возможен мир значительно лучший, чем на основе этих 14 пунктов, если бы она его своевременно добивалась. Возможен был еще мир на той основе, которую полк. ф. Гефтен привез после переговоров в Гааге в начале марта 1918 г. Всеми этими возможностями Куль пренебрегает в своем исследовании.

Куль подробно доказывает, что во Франции и в Англии имелась военная партия, которая хотела кончить войну только в результате полного сокрушения Германии. Это — факт, который никогда еще никто не оспаривал и в котором никогда еще никто не сомневался, а потому он едва ли нуждается в доказательствах. Речь скорее идет о том, была ли в первую очередь в Англии достаточно сильная партия, которая готова была добиваться мира по доброму соглашению в том случае, если бы мы предложили приемлемые для Англии условия. Франция не была бы в состоянии продолжать войну без Англии, как бы ни проповедывал упорство г. Клемансо. Это ведь совершенно ясно. Я полагаю, что доказал в своем первом исследовании наличие в то время в Англии партии мира, к которой склонялся даже Ллойд-Джордж. Куль ни одним словом не попытался опровергнуть в своем исследовании приведенные мною доказательства.

То, что было сказано об Англии в моем первом исследовании, я еще дополню свидетельствами, полученными потом из Франции.

Недавно в Париже вышла книга писателя Жана де-Пьерфе под причудливым названием: «Плутарх солгал». По замыслу это название должно говорить о том, что автор не склонен подобно Плутарху идеализировать людей, о которых он повествует. С 1915 до 1918 г. Пьерфе служил во французской главной квартире; ему было поручено составление ежедневной оперативной сводки. Таким образом, он был в постоянном общении с самыми влиятельными лицами. О своих впечатлениях и переживаниях в главной ставке он рассказал еще раньше в двух интересных книгах, дополненных его последней работой, в которой он высказывается с еще большей откровенностью. Эта книга Пьерфе является с французской стороны работой, параллельной необычайно ценному труду англичанина Райта. И вот Пьерфе рассказывает, что зимой 1917/18 г. во Франции ждали мирного предложения со стороны Германии; во Франции представляли себе, что на западе Германия могла бы пойти на уступки и даже быть великодушной, ибо после развала России она могла бы как угодно вознаградить себя на востоке. Немецкие политики могли бы догадаться, что французы не устояли бы против предложения вернуть им Эльзас-Лотарингию или по крайней мере часть Эльзас-Лотарингии. Пьерфе говорит еще[1]:

[1] Пьерфе, Плутарх солгал, стр. 255.

„Я считаю фактом, что в начале 1918 г., когда Антанта ждала с тревогой близкого натиска всей массы немецкой армии, она едва ли могла бы отвергнуть предложение почетного мира. Общественное мнение не допустило бы, чтобы это предложение было оставлено без рассмотрения".

Это заявление сделано, конечно, в очень осторожных выражениях, но, как мне кажется, может быть истолковано в том смысле, что если бы Англия предложила и настаивала на мире, то во Франции тоже можно было бы достигнуть согласия на мир на основе автономии Эльзас-Лотарингии или, может быть, установления границы по языку.

То, что при частных попытках завязать переговоры, как например, во время переговоров между австрийским дипломатом графом Ревертера и уполномоченным французского генерального штаба графом Арман, состоявшихся в Швейцарии,— французы настаивали на возвращении Эльзас-Лотарингии, конечно, не является доказательством противного. Речь идет о том, можно ли было бы при помощи предложения о безусловном восстановлении суверенитета Бельгии способствовать приходу в Англии к власти партии мира, как это имел в виду ряд выдающихся английских политиков: Асквит, Грей, Лэнсдоун, лорд Роберт Сесиль. Если бы партия мира оказалась у власти, французы не были бы в состоянии продолжать войну. Французская пресса была вне себя, когда лорд Сесиль однажды публично сделал намек на то, что Эльзас-Лотарингия не является для Англии безусловным препятствием к миру; в тех условиях, которые полк. ф. Гефтен привез в марте из Гааги, было ведь тоже выставлено требование не возвращения, а лишь автономии Эльзас-Лотарингии.

Как ни вески все эти доказательства возможности мира по доброму согласию, еще гораздо важнее то обстоятельство, что ген. Людендорф сам совершенно открыто признал, что он знал или считал, что мир на основе 14 пунктов Вильсона осуществим. Ввиду того что Куль в своем исследовании обходит этот факт полным молчанием, я должен здесь еще раз подчеркнуть его. Людендорф ясно говорит в своих «Воспоминаниях о войне» (стр. 581):

„Вильсон часто перечислял свои условия при соблюдении необычайно торжественной формы. И он сам, и представляемая им Америка должны были чувствовать себя связанными честью. Помимо того появление американцев во Франции, решавшее войну, делало возможным осуществление Вильсоном своих намерений, изложенных им в самой обязательной для Америки форме, вопреки Англии и Франции и без военного разгрома Антанты".

Относительно Эльзас-Лотарингии Вильсон выражается в своих 14 пунктах очень осторожно. Этот абзац гласит (8-й пункт):

„Вся французская территория должна быть освобождена и оккупированные области очищены. Несправедливость, причиненная Франции в 1871 г. Пруссией в эльзас-лотарингском вопросе, нарушавшая с тех пор всеобщий мир почти в течение 50 лет, должна быть устранена с тем, чтобы в общих интересах был опять обеспечен мир".

Итак, нигде положительно не говорится, что Эльзас-Лотарингия должна быть возвращена Франции. Людендорф тоже устанавливает в своем меморандуме от 31 октября 1918 г.[1], что в 14 пунктах не было выставлено требование возвращения Эльзас-Лотарингии. В своей книге «Государство» Вильсон сам писал о войне 1870/71 г., что «она велась в интересах германского патриотизма против наглости французов». Итак, при вступлении в мирные переговоры отнюдь не исключалась возможность заявления американского президента, что несправедливость 1871 г. должна быть устранена посредством установления границы по языку или путем предоставления Эльзас-Лотарингии автономии.

Точно так же и Ллойд-Джордж в большой речи, произнесенной им перед рабочими представителями 5 января 1918 г., сказал лишь то, что Англия будет сражаться на стороне французской демократии за ее требование принять снова в расчет несправедливость 1871 г.

Почему же тогда ген. Людендорф считал наступление 1918 г. безусловно необходимым? Он сам говорит нам об этом в подписанном Гинденбургом письме к императору от 7 января 1918 г., в котором он сообщает о наступлении в следующих словах:

„Ваше величество не потребует, чтобы я предлагал вашему величеству предпринимать операции, принадлежащие к наиболее трудным в мировой истории, если бы они не были необходимы для достижения определенных военно-политических целей“.

Следовательно наступление было предпринято не потому, что соглашение заведомо исключалось или ген. Людендорф думал, что оно исключается, а потому, что та основа мира, которую нам предлагали,— будь то 14 пунктов Вильсона или условия, сообщенные миссией полк. ф. Гефтена,— казалась Людендорфу неприемлемой. Он хотел большего. Как именно ген. Людендорф представлял себе это большее, я еще поговорю подробнее ниже. Но как бы твердо ни было мое личное убеждение в том, что заключение мира по типу Губертсбургского было бы для Германии блестящим успехом; что в наших собственных интересах и в интересах культуры всего человечества мы совершенно не должны были стремиться к иному миру; что мы могли бы осуществить такой мир еще весной 1918 г.; что, таким образом, огромное кровопролитие во время последней кампании было излишним; что в худшем случае, чтобы сделать врага еще более склонным к миру, чем он был, уместны были еще несколько тяжелых ударов,— я все же прежде всего хочу стать на точку зрения ген. Людендорфа и хочу допустить, что стремление к победному миру было обосновано. Поэтому и нужно рассмотреть, последовательно ли и правильно ли действовало верховное командование в соответствии с этой основной идеей. Нам заранее ясно, что цель войны, которую ген. Людендорф, по свидетельству его книг, преследовал до июля — августа 1918 г.,— цель, которая выражалась словами: «пока Бельгия политически

[1] Швертфегер, 2-я часть, прилож. II, стр. 361.

и экономически не созреет для оборонительного и наступательного союза, она должна находиться под германским военным контролем»,— была недостижима без полного и сокрушительного поражения противников. Отдать нам Льеж и установить границу по р. Маас противники не согласились бы, если бы мы не нанесли им такого поражения.

ВЫБОР ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Я указал в первом исследовании, что если вообще наступление считалось продиктованным необходимостью, то наибольшие шансы на успех имело бы наступление против итальянской армии. Возражения, выставляемые против этого Кулем, я не могу признать убедительными. На Западном фронте мы были настолько сильны, что могли бы выделить довольно значительные силы, не вызывая опасности прорыва. Это показали кампании 1916 и 1917 гг., когда проявилась наша мощь при обороне, о которой знал также и враг. К числу тяжелейших стратегических ошибок, совершенных Людендорфом во время мировой войны, несомненно принадлежит также и то, что наступление против итальянской армии в ноябре 1917 г., имевшее такой поразительный успех, мыслилось лишь как краткий отвлекающий удар и не было превращено в кампанию на сокрушение. На помощь австрийцам были переброшены и введены в бой не более 7 дивизий, тогда как в России стояло 60 дивизий, часть которых вполне можно было привлечь для этой цели.

Действительно, в 1918 г., после того как наступление приостановилось на р. Пиаве,— условия для кампании на сокрушение не были более так же благоприятны, как годом раньше. Но несомненно, что они были все же гораздо более благоприятны, чем на Западном фронте. По сведениям, полученным мною недавно, еще в первой половине февраля ген. Людендорф очень серьезно взвешивал возможность этого наступления. Но он хотел употребить для него войска не с Западного фронта, а с Восточного, так как по настоянию австрийцев из-за недостатка продовольствия было решено двинуться дальше вглубь Украины. Привлекать силы с Западного фронта считалось невозможным, ибо в этом случае после прибытия американцев противники могли бы предпринять очень опасное наступление. На этой аргументации сказывается влияние политики Людендорфа. Победа над итальянцами была бы все же частичной победой и могла бы привести к «миру по соглашению», а не к миру, которого хотел Людендорф,— миру, которого можно было добиться лишь в результате решительной победы на Западном фронте. Если после победы над итальянцами мы не имели в виду предложить «мир по соглашению», то такая победа была, конечно, бесцельна и таила в себе опасность того, что если бы американцы прибыли раньше, чем вернулись бы обратно на Западный фронт посланные в Италию дивизии, то Западный фронт в его ослабленном состоянии мог бы быть преодолен. К этому еще

присоединялось и другое политическое соображение. Конечно, неверно, что ген. Людендорф отклонил наступление в Италии ввиду боязни слишком большого усиления Австрии. Но верховное командование опасалось, что если в результате полного сокрушения России и Италии Австро-Венгрия не будет более активно заинтересована в войне, ее склонность к сепаратному миру значительно возрастет и сможет оказаться для нас роковой. Я не знаю, можно ли приписать австрийским государственным деятелям такое предательство. Я лишь констатирую, что политические причины побудили ген. Людендорфа в конце концов отказаться от наступления, которое в военном отношении имело наиболее благоприятные шансы.

Над стратегией Людендорфа господствовало его представление о том, что он считал для Германии жизненной необходимостью, другими словами его завоевательные цели. Последние требовали крупной победы над англичанами и французами и по этой причине театром новой борьбы должен был стать Западный фронт.

СТАТЬЯ РЕПИНГТОНА

Куль отводит мой упрек по адресу Людендорфа в том, что он никак не использовал счастливую случайность — статью полк. Репингтона, напечатанную в газете «Морнинг Пост» от 11 февраля 1918 г., в которой автор сообщил для всеобщего сведения военный план противника. Куль отводит этот упрек, во-первых, потому, что из этой статьи нельзя было сделать никаких выводов относительно военного плана, во-вторых, потому, что в ней было сказано немногим больше того, что было известно и без того, и, в-третьих, потому, что сообщенный таким образом план мог быть опять изменен. На мой взгляд как автор ни старался скрыть, англо-французский военный план ясно выступал из статьи в «Морнинг Пост». Об этом я уже говорил в статье, посвященной мною тогда же статье Репингтона[1]. Правда, в статье Репингтона наступление в Сирии рассматривается лишь как операция на второстепенном театре войны. Но та страстность, с которой автор возражает против такого плана, дает ясно понять что коренной упрек Репингтона заключается в том, что Антанта сначала не хотела добиваться решения на Западном фронте. В заключение Репингтон прямо говорит, что Западный фронт находится в состоянии обороны и что Ллойд-Джордж не хотел послать на этот фронт подкрепления, которые могла дать страна. Это было главное.

Разумеется, такое сообщение из враждебного лагеря еще не является тем фундаментом, на котором можно строить прочное здание, и захваченный план может быть, конечно, снова изменен,— особенно, если будет обнаружено, что он стал известен. Но несмотря на это, я остаюсь при том мнении, что здесь имела

---

[1] Напечатана 24 февраля 1918 г. в „Прусской летописи", перепечатана в „Войне и политике", т. III, стр. 34.

место чрезвычайно значительная случайность, которая должна была служить для ген. Людендорфа еще одним побудителем для того, чтобы начать наступление не на Западном фронте, где мы были для этого слишком слабы, а в Италии, где от нас едва ли могла ускользнуть крупная победа.

Но теперь весь этот вопрос утратил значение вследствие разоблачения Куля о том, что у нас и без статьи Репингтона знали о намерении противника не начинать пока наступления на Западном фронте. Может быть, враг изменил бы эту позицию, если бы он увидел, что мы не начинаем наступления, а может быть и нет; этот вопрос касается того, как долго противник оставался бы пассивным в ожидании германского наступления. Из книг Людендорфа я должен был заключить, что наше верховное командование с довольно большой определенностью рассчитывало на неприятельское наступление, и тогда статья Репингтона, делавшая это предположение по меньшей мере весьма маловероятным, имела величайшее значение. Если наше командование не ожидало пока наступления, то статья, конечно, не могла бы произвести особого впечатления. Но тем сильнее встает во всю ширь вопрос нужно ли было наступление? Не могла ли от него отказаться хорошо продуманная стратегия, исходившая из стремления к «миру по соглашению»?

ПЛАН МАРТОВСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ

Куль в своем исследовании подробно рассматривает различные возможности наступления на Западном фронте и приходит к заключению, что каждый из различных планов имел свои преимущества и недостатки, почему трудно решить, какой из них был в конце концов лучше. Я был очень склонен к тому, чтобы присоединиться к этой оценке. Опыт военной истории учит, что довольно часто создается положение, когда полководец может с одинаковыми шансами на успех воспользоваться разными путями. Но надо еще раз разобрать, создалось ли в данном случае именно такое положение.

Ген. Людендорф повел наступление против южной части английского фронта на его стыке с французским. Я высказывал в 1-й части моего исследования сомнение в том, сознавало ли верховное командование то преимущество, которое заключалось для него в раздельном главном командовании армиями Антанты, ибо Людендорф нигде об этом не упоминает. Теперь этот пробел устранен; мои сомнения оказались необоснованными. Куль в своем исследовании,— правда, лишь мимоходом,— приводит доказательства, которые показывают, что это преимущество все же сознавалось верховным командованием.

Особенно ценна нарисованная ген. Ф. Кулем картина подготовки к наступлению и изложение лежавшей в основе наступления тактической идеи. Да будет мне позволено выразить здесь мое впечатление, которое заключается в том, что эта часть

исследования, лишенная всяких риторических прикрас, по своей сугубой деловитости принадлежит к наиболее сильным из произведений военной истории всех времен. Отчасти на основании собственных сведений автора, отчасти по документам в исследовании развита поистине грандиозная военно-историческая картина; теперь я, как и прежде, готов целиком и полностью присоединиться к похвалам, которых достоин ген. Людендорф за эти успехи.

В 1-й части своего исследования ген. ф. Куль подробно излагает недостатки и слабости нашего вооружения применительно к большому наступлению: недостаток лошадей, фуража, бензина, резиновых шин; скудный запас боеприпасов; отсутствие танков; отсутствие численного превосходства; вследствие неподвижности возможность применять многие дивизии только на позициях; отсутствие пополнения при ожидаемых потерях.

Несмотря на почти двойное численное превосходство, противникам, у которых тоже не было недостатка в боевых качествах, ни разу не удалось достигнуть чего-либо существенного во время их штурмов, которые проводились с большим упорством. Как же мы могли надеяться, что для нас положение сложится лучше?

В игру надо было ввести нечто совершенно новое. Это новое состояло во внезапном действии артиллерии. До тех пор с одной и с другой стороны считалось необходимым сломить сначала сопротивление хорошо организованных полевых укреплений при помощи длительного артиллерийского огня и лишь затем бросить на штурм пехоту; но для достижения эффективной стрельбы на поражение артиллерии приходилось заранее долго пристреливаться. Под руководством Людендорфа был организован такой метод, который позволял артиллерии без пристрелки начинать немедленно стрельбу на поражение и через 5 часов после ее начала бросать в атаку пехоту.

В 1-й части моего исследования я подчеркнул важность, как казалось, совершенно нелепого условия, заключенного между обоими главнокомандующими, Хэйгом и Петэном, по которому только на 4-й день после начала германского наступления должна была начаться переброска войск для поддержки подвергшегося нападению соседа; таким образом, эта поддержка могла оказаться лишь через 6 или 7 дней. Англичане и французы не хотели позволить ввести себя в заблуждение ложной атакой. Сама по себе эта точка зрения не была ошибочной, но время, которое они себе оставляли, было явно угрожающе долгим. Из книги Пьерфе мы теперь знаем, что хотя неприятельские штабы вполне учитывали опасность неожиданного нападения, практически они считали его исключенным, ибо против него, казалось, служили гарантией прекрасно организованная система наблюдения с самолетов, при которой весь район расположения противника фотографировался по тысяче раз в день, затем допросы военнопленных, шпионов и т. д. Теперь мы уже

знаем, каким образом противники допустили эту ошибку: они опирались на прежний опыт и, таким образом, заслугой Людендорфа является то, что этот опыт превратился для них в тот момент в ловушку. Это надо откровенно признать.

Однако, это — высказанная с готовностью — похвала имеет все же свое «но». Внезапность с незапамятных времен была одним из наиболее действительных, но и одним из самых ненадежных боевых средств. Клаузевиц говорит, что теоретическая ценность внезапности может быть доказана лишь очень немногими примерами из военной истории. Именно в мировой войне такие примеры наиболее часты. Но успех внезапности зависит от тысячи случайностей. Очень часто о готовившихся нападениях сообщали перебежчики. Идея в 1918 г. была превосходной, выполнение ее не менее превосходным, но на эту карту было поставлено все будущее Германии.

Мы ни в чем не превосходили врага, — разве только можно отметить наличие у нас единого командования, — так должно ли было хорошо продуманное решение поставить на эту карту судьбу отечества? Без сомнения, оно должно было это сделать, если бы не оставалось других возможностей. Но разве других возможностей не было? Мы уже дали на это ответ. Внезапность удалась трижды, а в четвертый раз, под Реймсом, она потерпела неудачу, и Германия погибла.

В моем первом исследовании я исходил из предположения, что внезапность не удалась еще при первом мартовском наступлении, так как, по словам капитана Райта, англичане почти точно предугадали место и день наступления. Куль исправляет это допущение указанием на то, что еще в продолжение нескольких дней после начала наступления французы сомневались, не имеет ли здесь место ложная атака, и потому слишком поздно пришли на помощь англичанам. Я согласен с этим исправлением.

Изложение мартовского наступления в исследовании Куля не вполне совпадает с той картиной наступления, которую даю я в своем первом исследовании на основании сочинений Людендорфа. Я полагал, что основная стратегическая идея прорыва английского фронта у Камбрэ, согласно которой противника предполагалось отбросить на север, была отклонена по тактическим соображениям — ради наступления в том пункте (дальше к югу), где мы надеялись легче всего прорваться, хотя этот пункт и не был самым благоприятным для стратегических операций. К такому же выводу приходит и разработанный на основании документов государственного архива превосходный труд майора и советника государственного архива Отто Фера: «Мартовское наступление 1918 г., стратегия и тактика».

Автор говорит (стр. 41), что если бы вместо левого фланга фронта наступления армия Гутиера могла быть пущена в дело на правом фланге, т. е. на однодневный переход дальше к северу, прорыв мог бы привести к простой и ясной операции с осязательной целью. И Фер, и я опираемся в своей критике на

собственное заявление Людендорфа о том, что в своей диспозиции он ставил тактику выше чистой стратегии. Куль старается ослабить значение этой фразы: по его мнению, она свидетельствует лишь о том, что всякий стратегический успех зависит от тактического. Это, конечно, очевидный факт, но если бы Людендорф не хотел сказать ничего большего, то это была бы общеизвестная истина и его фраза должна была бы говорить о том, что тактика включена в стратегию, а не то, что она стоит выше стратегии. Ошибка заключается в слове «выше». Надо думать, что Людендорф не стал бы обвинять себя сам в ошибке, которой он не совершил.

Теперь мы сможем притти по этому вопросу к соглашению. Исследование ф.-Куля убедило меня в том, что ошибка заключалась не в выборе участка наступления и не в протяжении фронта наступления на юге до Ла-Фер, а в недостаточном обеспечении этого участка фронта войсками.

Наступление было задумано так, чтобы после удачного прорыва обе армии — Белова и Марвица — зашли на север и смяли английскую армию, а в это время армия Гутиера прикрывала бы операцию на юге против французов. Таким образом, армии Гутиера была поручена побочная задача и она наступала на участке, где, как выяснилось, на неприятельском фронте было чрезвычайно мало войск и мало резервов в тылу. Силы же были распределены так, что армия Белова имела 19 дивизий, армия Марвица 20, армия Гутиера 24 дивизии, т. е. на 5 дивизий больше, чем армия Белова, которая должна была наступать на самый сильный участок неприятельского фронта.

Кроме того обеим северным армиям вместе было придано 27 батарей самых тяжелых калибров, а армии Гутиера — 28 батарей, т. е. больше, чем двум первым вместе[1].

По сведениям Куля, армии Гутиера была придана такая значительная часть самой тяжелой артиллерии потому, что из этих орудий хотели обстреливать неприятельские ж.-д. станции, на которых следовало ожидать притока французов. Но армии Гутиера была придана также сравнительно очень большая часть тяжелой артиллерии — 297 батарей против 404 в двух других армиях. Армия Гутиера была снабжена сравнительно лучше даже в отношении полевой артиллерии 385 батарей против 565 батарей в двух других армиях. Если мы вместе с Людендорфом и капитаном Марксом («Наступление и оборона в больших войнах», стр. 34) отнесем к флангу обороны еще и левый фланг армии Марвица, то в общем этот фланг окажется почти так же силен, как и фланг наступления. Комиссия установила, что усиленное снабжение армии Гутиера артиллерией находит себе объяснение в том, что эта армия занимала более широкий участок фронта, чем обе другие, так что на 1 километр она имела меньшее количество артиллерии, чем другие. Но этот довод теряет всякую убедительность в сравнении с двумя

---

[1] **Ферстер, Шлиффен и мировая война, т. III, стр. 100.**

другими фактами: во-первых, было известно, что Гутиер натолкнется на крайне слабый участок неприятельского фронта; во-вторых, ввиду недостатка тяжелой артиллерии армия Белова не могла протянуть свой правый фланг так далеко, как этого требовало положение вещей.

Это тем более поразительно, что армии Белова было бы очень выгодно распространить свое наступление на полперехода к северу против Арраса на р. Скарпе. Для этого нехватало тяжелой артиллерии, которой опять-таки была очень обильно снабжена армия Гутиера. Еще в феврале группа армий Руппрехта указывала на то, что Белов для своей задачи был слишком слабо, а Гутиер для своей слишком сильно снабжены артиллерией, и предлагала распределить силы иначе. Людендорф отклонил это предложение на том основании, что прежде всего важно добиться прорыва в каком угодно пункте, чтобы получить таким путем маневренную свободу. В результате предстоявшее главное наступление было лишено сил, которые сами по себе имелись в распоряжении, ради другой — еще неопределенной — стратегической цели, которая должна была возникнуть лишь благодаря ожидавшейся маневренной свободе.

Этот ответ и это решение имеет величайшее значение: полководец хочет нанести главный удар на севере у Камбрэ, но не имеет полной веры в успех. Вместо того чтобы пойти на риск и для этой цели сконцентрировать все силы в решающем пункте или поискать другой боевой идеи (относительно которой имелись два предложения), он, придерживаясь прежнего плана наступления, преследует, однако, в то же время другую мысль, находящуюся в противоречии с первой постольку, поскольку она требует сил, в которых нуждается первое наступление. Это — не просто стратегическая ошибка из числа таких, какие всегда совершают на войне даже самые величайшие полководцы; она вскрывает перед нами ошибочность всего хода мыслей Людендорфа, в котором коренятся все его действия: Людендорф постоянно хочет крупных дел, но вместе с тем чувствует, что его силы для них недостаточны, и потому впадает во внутренние противоречия.

В данном случае Людендорф сам почувствовал внутреннее противоречие и выразил его фразой о том, что он ставил тактику выше чистой стратегии. Ибо придать армии Гутиера силы, которых нехватало армии Белова, его соблазнило то обстоятельство, что на участке армии Гутиера были лучшие перспективы тактического успеха.

Потому я и назвал эту фразу Людендорфа «злополучной». Майор Фер говорит, что «стратегия и тактика» находились между собою в непримиримом противоречии и в заключение[1] указывает:

„Стратегический результат успеха остался незначительным; этот результат должен был быть незначительным прежде всего потому, что план сражения был составлен под углом зрения тактики“.

---

[1] О. Фер, Мартовское наступление 1918 г., „Сражение и тактика“, стр. 48.

Не моя вина, что в первом исследовании я не нашел в своей критике тотчас же правильной формулировки этого вопроса. Это объясняется тем описанием, которое Людендорф сам дает событиям в своих произведениях.

Успех наступления (21 марта) соответствовал его организации. Армия Белова остановилась на северном фланге, армия Гутиера, обладавшая огромным превосходством сил на самом слабом участке неприятельского фронта, достигла прорыва и разгромила английскую армию Гофа.

ПРИКАЗ ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ

Три армии, которые должны были участвовать в наступлении у Камбрэ — Сен-Кантэна, а именно — армия Белова, Марвица и Гутиера принадлежали к войсковой группе кронпринца Руппрехта; но для выполнения наступления армия Гутиера была выделена из этой войсковой группы (приказ 24 января) и, хотя она продолжала стоять на старом месте, присоединена к войсковой группе германского кронпринца; таким образом, в наступлении участвовали обе группы армий.

Ген. Людендорф пишет об этом в своих «Воспоминаниях» (стр. 475):

„Памятуя ноябрьский поход в Польше 1914 г., я считал для себя важным иметь значительное влияние на ход сражения. Если бы операцию вела только одна группа армий, осуществить такое влияние было бы трудно: тогда всякое вмешательство слишком легко могло бы превратиться в уговоры более высокой инстанции. Надо было в возможно более широком объеме привлечь вспомогательные средства из группы армий германского кронпринца. Это было облегчено путем разделения командования. Наконец и ген.-фельдм., и мне просто доставляло радость привлечь, поскольку этого требовало стратегическое положение, его императорское высочество кронпринца к участию в первом большом наступательном сражении на Западном фронте. При этом мною не руководили интересы династии. При всей моей глубокой верности императору я — человек независимый и не придворный“.

Рассмотрим получше эту мотивировку Людендорфа. Ген. Людендорф хотел сохранить руководство в своих руках, не подвергая себя упреку в том, что он занимается уговорами. Такие уговоры вызывают недовольство. Однако, что могло вызвать в группе армий Руппрехта большое недовольство: то ли, что у нее совершенно отобрали целую армию и фактическое руководство предстоящим сражением, или то, что возможны отдельные случаи вмешательства высшей инстанции во время операции?

Кронпринц Руппрехт и его начальник штаба многократно и решительно выступали в пользу идеи наступления не у Камбрэ — Сен-Кантэна, в Пикардии, а во Фландрии. Однако, был издан приказ о наступлении именно у Сен-Кантэна, а группа армий Руппрехта была лишена руководства сражением и ограничена функциями промежуточной инстанции.

Должно быть кронпринц Руппрехт достаточно владел собой, чтобы не проявить недовольства, но едва ли можно сказать, что такое распоряжение могло способствовать пресечению недовольства. Дальнейшими крупными наступлениями во Фландрии и

у Шмен-де-Дам в каждом случае руководила только одна группа армий, причем это не приводило ни к каким неудобствам.

Иначе обстоит дело с другим приведенным Людендорфом доводом, что присоединение армии Гутиера к группе армий германского кронпринца облегчало привлечение вспомогательных средств этой войсковой группы. Это, конечно, правильно. Даже самый решительный приказ верховного командования группе армий, несмотря на господствовавшую в немецкой армии дисциплину, едва ли достиг бы такой же цели в смысле привлечения вспомогательных средств войсковой группы, как ее собственное участие в операции. Но устраняло ли это преимущество недостатки нового перераспределения? Куль совершенно не упоминает в своем исследовании об этом доводе. Он говорит лишь о первом доводе,— значит второй не кажется ему столь уж важным. Несомненно твердое верховное руководство сражением не выигрывало от вмешательства при передаче приказов инстанции, которая могла бы быть устранена, если бы три армии — Белова, Марвица и Гутиера — оставались под единым командованием кронпринца Руппрехта и если бы последний вместе со своим начальником штаба ген. ф.-Кулем руководил сражением. Ген. ф.-Куль ничего не говорит в своем исследовании о практических результатах этого перераспределения, но об его косвенном влиянии нам придется еще поговорить.

Третий довод в пользу такого распределения командования, о котором говорит Людендорф, заключается в том, «что ему просто доставляло радость привлечь его императорское высочество к участию в первом большом наступательном сражении на Западном фронте». Что касается ф.-Гинденбурга, которого называет здесь Людендорф (хотя вообще он очень редко упоминает о Гинденбурге), то с этим доводом мы несомненно можем согласиться. Что же касается Людендорфа, то я не могу избавиться от подозрения, что тут могло влиять также нечто такое, о чем он не говорит. Вспомним, что с помощью кронпринца Людендорф удалил рейхсканцлера Бетман-Гольвега; что с помощью кронпринца Людендорф удалил ближайшего советника императора — советника кабинета ф.-Валентина; что, наконец, правая рука Людендорфа, советник Бауэр, в это самое время, т. е. в начале февраля, выступил перед кронпринцем с предложением — попытаться вырвать бразды правления из рук императора. Если бы весною 1918 г. распределение командования оставалось таким же, каким оно было раньше, и если бы германская армия одержала победу, которой все ждали, то эту победу одержал бы кронпринц Баварский, между тем как германский кронпринц командовал бы спокойным фронтом. Для стратегии это было безразлично, но для политики ген. Людендорфа это был чрезвычайно значительный момент. Я могу представить себе дело только так, что «простая человеческая радость», которую испытывал ген. Людендорф, отдавая свое распоряжение, была не лишена определенного политического привкуса.

ПРОДОЛЖЕНИЕ И КОНЕЦ МАРТОВСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ

Исследование Куля и прочая литература дают достаточный материал для удовлетворительного представления об основной стратегической идее и о плане мартовского наступления. Хуже дело обстоит с картиной дальнейшего хода событий. Мои попытки получить более подробные сведения при помощи официального опроса некоторых лиц, близко стоявших к верховному командованию, в значительной степени оказались безрезультатными. Задачей настоящего исследования не является полное изложение всей кампании на основании изучения документов. Таким образом то, что я говорю в этой главе, должно быть сопровождено некоторой оговоркой. Тем не менее, я полагаю, что некоторые основные черты кампании выступят с полной ясностью из моего изложения.

Верховное командование непропорционально усилило южный фланг наступления, чтобы добиться в каком-либо пункте прорыва и тем самым получить маневренную свободу. Когда получились сведения о крупном успехе на южном фланге, ген. Людендорф приобрел желанную маневренную свободу. Основная стратегическая идея сражения требовала, чтобы все имевшиеся силы были брошены на северный отстававший фланг, чтобы помочь ему добиться полного успеха и сделать возможным обход и крупный разгром англичан. Этому косвенно способствовало бы наступление армии Гутиера. Но здесь проявился уже указанный мною в первом исследовании стратегический закон, по которому в основном успех лучше всего можно использовать в том месте, где он был достигнут. Людендорф же послал находившиеся еще в пути три дивизии на помощь не Белову, а Гутиеру. Кронпринц прибавил к ним еще 4 дивизии из своих других армий, и Гутиер гнал перед собой англичан все дальше и дальше в юго-западном и южном направлениях. Это привело к дальнейшему. Группа армий германского кронпринца, взоры которой были естественно прикованы событиями к подчиненной ей армии Гутиера, предложила использовать успех таким способом, чтобы попытаться пойти еще дальше в том же направлении и ударить по французским резервам, которые, как следовало предполагать, теперь должны были поспешить на помощь англичанам. Ген. Людендорф еще раньше (9 марта) имел в виду такую операцию на случай, если обе северные армии достигнут крупного успеха. Успех достигнут не был; несмотря на это Людендорф отдал распоряжение в духе указанного предложения. Таким образом ген. Людендорф использовал желанную маневренную свободу для того, чтобы выставить новую цель, отклонявшуюся от прежнего оперативного плана и даже прямо противоположную ему. Армия Гутиера, которая должна была лишь прикрывать тыл двух других армий, теперь получила собственное крупное задание: она должна была разбить французов. Конечно, полководцу не запрещено менять в ходе сражения свой боевой план в зависимости от тактических результатов. Но в

чем состояло здесь изменение? В том, что, не отказавшись от первоначальной цели, наряду с ней поставили вторую задачу, вследствие чего три армии устремились по трем различным направлениям. Ген. ф. Куль говорит, что перемена направления была вынужденной в результате развития событий. Эта вынужденность была, конечно, относительной,— но поскольку она существовала, она доказывает, что в первоначальном плане коренилась ошибка. Мы должны еще раз уяснить себе эту ошибку.

Не будучи уверенным в достижении главной цели наступления на северном фланге у Камбрэ, Людендорф имел одновременно в виду и вторую — еще неопределенную — возможность, которая должна была явиться результатом «маневренной свободы». Таким образом с самого начала он преследовал две различные цели, из которых каждая отбирала силы у другой. Когда успех выкристаллизировал из неопределенной еще «маневренной свободы» новую положительную возможность, Людендорф устремился за ней, но хотел одновременно сохранить и прежнюю цель.

Кроме 63 дивизий, которые с самого начала были предназначены для наступления, постепенно в бой было введено еще 27, из которых 8 прибыли с Восточного фронта и из Италии, 4 были привлечены из группы армий Руппрехта и 8 выделены из других частей Западного фронта (происхождение остальных не выяснено). В каких пунктах, в каких армиях и когда были введены в дело эти резервы, до сих пор известно лишь отчасти. Во всяком случае они не были использованы в одном месте или преимущественно в одном месте, а были распределены по различным направлениям, по которым велось наступление. По словам Ферстера (т. III, стр. 123), при последующем наступлении группы армий германского кронпринца, предпринятом 6 апреля для улучшения позиций, были введены в бой три ударные дивизии, которые не применялись раньше.

Ввиду того что армия Белова была снабжена весьма умеренно, она не могла протянуть свой фронт наступления так далеко к северу, как это было бы желательно по тактическим соображениям. На этот участок были перегруппированы тяжелая и самая тяжелая артиллерия (наступление «Марс»). Но теперь англичане были подготовлены к наступлению немцев и оно потерпело неудачу. Обнаружилось, что германское наступление, которое велось теперь по трем направлениям, ни в одном пункте не было достаточно сильно, чтобы либо сломить сопротивление врага, либо добиться стратегической цели. Ферстер (стр. 104, 115) восхваляет изменение боевого плана как «внушение гения», он говорит: «подобно снопу сверкающих молний, обозначающие операции стрелы лучеобразно разбегались по карте полководца».

Так один из почитателей Людендорфа умеет при помощи смело начерченной картины превратить гибельную ошибку в достойную высокой похвалы заслугу. На Юго-западном фронте противника возникла брешь шириной в 15 км, в которой не было ни одного неприятельского солдата, но там нечего было взять;

в центре мы дошли почти до самого Амьена; на севере наступление потерпело неудачу, так как тем временем англичане подтянули резервы.

Я говорил, что наступление вело «в пустоту». Куль не согласен с этим выражением, мне же оно кажется вполне правильным, и если Куль говорит вместо этого, что наступление слишком завело нас «в пространство», то он применяет, правда, другое слово, но смысл остается тот же самый. Впрочем, мое исследование следует дополнить в том отношении, что направление «в пустоту» было взято в дальнейшем вследствие новой цели, поставленной командованием перед армией Гутиера. На основании описания самого Людендорфа я исходил из предположения, что эта цель с самого начала входила в план.

Несмотря на самые блестящие тактические результаты на южном участке фронта, в стратегическом отношении наступление (21 марта — 4 апреля) кончилось неудачей. Я не хочу этим сказать, что мы достигли бы успеха, если бы армия Белова была усилена с самого начала, и ей были бы приданы все имевшиеся в наличии резервы. Этого нельзя знать. При том численном соотношении сил, недостаточном вооружении и ограниченной маневренной способности немецких войск, о которых мы теперь знаем, цель — опрокинуть большую английскую армию, начиная от южного фланга, и в большей или меньшей степени уничтожить ее — кажется нам едва ли достижимой, даже если бы враг непрерывно совершал величайшие ошибки.

Но не только это. Мы узнали еще из первого исследования Куля, что Западный фронт был укреплен не в такой степени, как это было возможно; можно было бы получить еще австрийские силы и некоторые германские части с Украины. Где и когда были введены в дело подвезенные впоследствии дивизии, еще не выяснено.

С самого начала, одновременно с подготовкой наступления в Пикардии, велись также приготовления к наступлению во Фландрии, которое группа армий Руппрехта первоначально рекомендовала превратить в главное наступление, и которое имелось в виду на случай, если бы первое наступление застопорилось.

Было подсчитано, какие силы можно считать освободившимися непосредственно после прорыва при наступлении «Михаэль» для того, чтобы послать их во Фландрию. До сих пор неизвестно — и это не видно прямо из исследования Куля,— когда именно фактически началась перегруппировка сил. Мы узнаем лишь, что с 28 числа она была ускорена, а 29-го, когда потерпело неудачу наступление «Марс», был издан приказ о переброске тяжелой и полевой артиллерии, минометов других формирований. Но одновременно еще целую неделю, до 4 апреля, без существенного успеха продолжалось наступление в Пикардии. Может быть командование воображало развить его снова, если бы удалось поколебать англо-португальский фронт во Фландрии. Но поскольку такого результата можно было достигнуть только

после довольно продолжительного срока, это означало бы добровольно ослабить энергию находившегося в разгаре наступления, вместо того чтобы довести ее до самого высокого напряжения, только потому, что командование ждало решения лишь в итоге дальнейших операций.

Естественная мысль — сосредоточить все силы в одном пункте и, ограничившись обороной, экономить их в других местах — не только с самого начала не проводилась верховным командованием, но и в дальнейшем ходе событий была превращена в свою противоположность; силы были раздроблены на поле сражения большого протяжения и еще до решительного результата с поля сражения была даже уведена часть этих сил ради весьма отдаленной цели.

Если ссылаться на то, что мы в самом деле были близки к успеху, который заключался бы во взятии Амьена, то нам должна показаться тем более крупной ошибка, состоявшая в том, что мы не бросили в этот бой все имевшиеся у нас силы до последнего солдата и не сражались до последнего момента. Но, как очень хорошо изложил Пьерфе, взятие Амьена еще отнюдь не означало бы разгрома английского фронта, и само верховное командование уже оставило эту идею, когда оно придало наступлению направление на Амьен.

С точки зрения ген. Людендорфа, который хотел добиться крупной решительной победы, мартовское наступление было неудачным. Но чисто тактически — сообразно плану, в котором господствовали тактические соображения — это был выдающийся успех. В этом вопросе согласны и английский и французский критики — и Райт и Пьерфе. Французская главная ставка была переведена еще 24 марта из Компьеня в Провэнс, к юго-востоку от Парижа. Противник полагал, что ему придется сдать Амьен и тем самым прервать связь между английской и французской армиями и размышлял о том, как спасти и переправить в Англию остаток британской армии. Французскому правительству было дано указание подготовиться к эвакуации Парижа. Однако, как ни вески эти доказательства немецких успехов, мы не можем все же дать ввести себя ими в заблуждение и воображать, что победа действительно почти была уже у нас в руках. Опасения противника, которого бьют, еще далеко не являются совершившимся фактом.

Я согласен с исследованием Куля и сам еще в моей первой работе указывал, что Антанта не потеряла Амьена только благодаря назначению в последний момент ген. Фоша единым главнокомандующим. Но ведь эта мера была настолько в порядке вещей, что ее осуществление в последний момент нельзя рассматривать как постигший нас несчастный случай, а наоборот — долгое отсутствие всякого рационального сотрудничества обеих неприятельских армий надо считать особым благом, выпавшим на нашу долю. Конечно, опыт военной истории учит, что союзные армии всегда действуют сообща лишь в ограниченной степени, причем наше верховное командование принимало это не-

достаточное сотрудничество в расчет. Но в данном случае сотрудничество в течение первых шести дней сражения было настолько недостаточным, что оно должно быть отмечено, как особенно благоприятное для нас обстоятельство, и потому я не могу согласиться с тем, что повинен в моем первом исследовании в преувеличении.

Куль тоже открыто заявляет в своем исследовании:

„Причины того, что несмотря на блестящие тактические успехи наступление „Михаэль“ не привело к оперативному прорыву, заключаются отчасти в том, что план операции не вполне соответствовал имевшимся в наличии силам“.

Это совершенно то же самое, что сказал я в моем первом исследовании, но только выраженное в мягких и осторожных словах.

В качестве одной из причин того, что в конце концов у немцев нехватило сил для наступления, Людендорф приводит следующее:

„Снабжение боеприпасами было недостаточно обильным, и возникли также затруднения продовольственного характера. Несмотря на всю предусмотрительную подготовку, восстановление проезжих и железных дорог отнимало слишком много времени“.

В исследовании Куля (вторая часть, стр. 146) между тем говорится:

„Несмотря на трудность подвоза наступление потерпело неудачу не из-за недостатка снарядов“.

Результат, к которому я прихожу, состоит в том, что сообщенные Кулем новые факты вынуждают нас скорее еще строже осудить руководство Людендорфа, чем я это сделал в моем первом исследовании и в моей работе «Автопортрет Людендорфа».

Вина падает исключительно на верховное командование, а не на группу армий Руппрехта или на группу армий германского кронпринца. И та и другая не могли и не должны были поступить иначе, как вдуматься со всей преданностью в задачу в том виде, как она была поставлена перед ними верховным командованием, и выполнить ее по ее точному смыслу. Насколько до сих пор известно, это было сделано безупречно. Было бы совершенно недопустимо, если бы одна или обе войсковые группы отнеслись критически к идее наступления как таковой или вздумали бы защищать ту точку зрения, что оперативно-стратегическая победа исключена и что надо в основном удовлетвориться тактической победой, одними лишь частичными ударами. Это последнее и высшее решение могло быть принято только верховным командованием, а каждая подчиненная ему инстанция не только была обязана действовать соответственно отданному приказанию, но и должна была усвоить основную идею так, как если бы она была ее собственной.

Группе армий германского кронпринца в сущности нельзя поставить в упрек также то, что она понимала свою задачу как

более крупную и имевшую более наступательный характер, чем это предполагала основная идея. Вполне естественно, что подчиненные инстанции стремятся расширить второстепенную задачу, которая им достается. В данном случае это стремление принесло, конечно, вред, но распределение сил верховным командованием невольно вело к такому положению, и ответственность за это ложится на верховное командование.

Сопоставлю теперь фразы, посредством которых в исследовании Куля выражено его критическое отношение к большому мартовскому наступлению.

О распределении сил Куль говорит, что армия Гутиера была для своей оборонительной задачи слишком сильна, но предложение группы армий Руппрехта усилить армию Белова за счет армии Гутиера было отклонено. Он многократно подчеркивает ошибочность такого распределения сил.

О расхождении операций по трем направлениям у Куля говорится, что оно было бы рациональным при условии достижения крупного успеха, т. е. если бы враг был разбит по всему фронту. Но и тогда надо было бы взвесить, имелись ли в нашем распоряжении силы, которые потребовались бы для операции такого широкого масштаба.

Тем самым здесь не прямо, но по смыслу, сказано, что, поскольку предпосылка для крупного успеха отсутствовала, стратегическая ошибка была еще больше. Куль приводит в своем исследовании и собственные слова Людендорфа о том, что операция сильно вышла из пределов, и прибавляет к этому от себя:

„Спрашивается, не зашла ли она слишком далеко и хватило ли бы для нее сил. Здесь несомненно была опасность раздробления".

„Первоначальная мысль сосредоточить в одном пункте силы для решения и, ограничившись в другом месте обороной, экономить там силы была оставлена".

Для удара в решающем направлении главные силы следовало бы стянуть на северо-западе, в то время как к юго-западу можно было сэкономить силы, оперев фланг на Сомму.

„...Не то существовала опасность того, что наступление будет распылено и в итоге кончится сильным выпячиванием наших линий в направлении противника, что отнюдь не было благоприятно. В плане наступления с этой точкой зрения, может быть, можно было считаться больше".

Тот, кто сравнит эту критику с моим описанием, я полагаю, придет к заключению, что она по существу не только на него похожа, но и прямо тождественна ему. Разница состоит в способе выражаться, она понятна по тем причинам, которые изложены в начале настоящего исследования.

Существенную разницу я нахожу лишь в том абзаце, где сказано:

„Конечно, должно было казаться сомнительным, удастся ли совершенно сокрушить противника. Попытка была обоснована; но боевое счастье ненадежно. У нас во всяком случае была имевшая под собою основания надежда нанести врагам такой тяжелый удар, который значительно улучшил бы наше военное положение и склонил бы противника к миру. Какая бы цель ни мерцала перед пол-

ководцем,— раздавить врага или склонить его к миру,— средство для этого было одно и то же. Полководец должен был стремиться к возможно более решительной победе, которая имела бы возможно более широкие оперативные результаты“.

Я хочу стать на ту точку зрения, что эти слова справедливы и что, как здесь предполагается, судьбу Германии следовало доверить ненадежному боевому счастью. Но и тогда я ввожу ограничение: оперативные результаты не должны были быть задуманы так широко, чтобы при этом были перенапряжены наши силы. Но произошло именно это, причем не только на мой взгляд, но, как мы только что видели, также и по мнению самого ген. ф. Куля. Итак, если теоретически и можно выдвигать тезис, что независимо от того, хотели ли мы раздавить врага или лишь склонить его к миру, средство для этого было одно и то же,— практически при тех условиях, которые фактически существовали, средство для этого было не одно и то же. Ибо попытка раздавить врага предполагала именно то перенапряжение наших сил, которое привело к неудаче, к контрудару и в конце концов к нашей гибели. Наступление, которое заранее отказалось бы от идеи разгрома врага, ибо наших сил для этого нехватало, и которое благоразумно ограничилось бы достижением крупной тактической победы без значительных оперативных результатов, несомненно достигло бы цели, спасло бы Германию и завоевало бы для нее большое и прочное мировое положение. Ибо сознательно ограниченная цель войны привела бы немедленно к сознательному ограничению цели мира. Об этом мы еще поговорим ниже. Мы лишь констатируем здесь, что стратегическая неясность и отсутствие меры были причинами того, что победа ускользнула от нас; и если ген. ф. Куль заканчивает эту главу своего исследования фразой о том, что хотя венец победы и не достался полководцу, все же мартовское наступление будет жить в истории как один из величайших подвигов германской армии — и ее рядового состава, и командного,— то я целиком присоединяюсь к этой оценке в отношении войск, но не в отношении верховного командования.

Я не могу также согласиться с установкой, что редко на протяжении всей военной истории полководец стоял перед такой неимоверно трудной задачей. Трудность заключалась не в самой задаче, а в том представлении, которое создал себе о ней Людендорф. Задача в том виде, как ставил ее перед собою Людендорф, была не только трудна, но просто неразрешима: как показали исторические примеры, в борьбе против такого огромного превосходства сил, какое было на стороне союза неприятельских держав, храбрый народ и храбрая армия хотя и могут утвердиться в бою, но не могут поставить врагов на колени и навязать им победный мир. Этого не могло достигнуть также и то незначительное численное превосходство сил, которым мы, может быть, и располагали в течение одного момента весною 1918 г. Конечно, и при правильном понимании

задача была бы огромна. Я еще раз охотно признаю, что подготовка наступления была одним из самых блестящих организационнных и тактических достижений в мировой истории, но трудность, из-за которой кампания потерпела в конце концов неудачу, заключалась не в самой сути дела, а лишь в отсутствии проницательности и в недостаточных стратегических способностях полководца, который умел рисковать, но не умел взвешивать, совершенно вышел из равновесия после первого тактического успеха и расчленил наступление по трем различным направлениям. Составляя план сражения, он в сознании своей слабости соблазнился таким распределением сил, которое привело к оттеснению крупной стратегической цели перспективами тактического успеха. Когда же этот тактический успех был достигнут, опять получилось обратное, стратегическая цель была чудовищно расширена: надо было не только прорвать, разбить и отбросить английский фронт, но и разбить одновременно французов. Затем цель была снова снижена до взятия Амьена, но теперь и эта цель не была достигнута, тем более, что еще тогда, когда борьба на этом участке была в полном разгаре, часть тяжелой и полевой артиллерии была отправлена в целях перегруппировки сил во Фландрию.

Начальник оперативного отдела штаба верховного командования Ветцель составил после войны докладную записку, из которой Куль цитирует в своем исследовании следующее:

„С самого начала было ясно, что при численном превосходстве и при артиллерийских и материальных боевых средствах наших противников, их нельзя было окончательно сокрушить или поставить на колени посредством наступления с нашей стороны. Но можно было вполне поставить себе цель сохранять при помощи крупных наступательных операций постоянное преимущество, диктовать противнику закон и вынудить его притти к выводу, что нас победить нельзя, склонив его таким образом к справедливому, благоприятному для нас миру. И это было бы тем более верным, если бы до прибытия главных американских сил нам удалось нанести английской и французской армиям такой тяжелый удар, что американцы не могли бы добиться перелома“.

В этих словах главного сотрудника Людендорфа, сказанных в 1918 г., содержится совершенно такая же критика поступков Людендорфа, какую, не зная об этой докладной записке, я уже высказал в своем исследовании (за исключением последней фразы).

Куль в своем исследовании придает величайшее значение доказательству того, что Людендорф действительно проектировал окончательно сокрушить противника посредством своего наступления. Правда, в другом месте в работе Куля говорится гораздо осторожнее (II часть, стр. 225): «В глубине души ген. Людендорф с самого начала ставил перед собою более высокую цель и рассчитывал на возможность сокрушения врага». Если таким образом в исследовании Куля проявляется внутреннее противоречие, то оно является лишь выражением того самого противоречия, которое проявляется в стратегических действиях Людендорфа. Людендорф всегда хотел и одновременно не хотел.

Он хотел большой победоносной операции, но знал, что у него нехватало для этого сил. Он знал о нашей слабости и все же не мог решиться соразмерить в зависимости от нее свои цели и приспособить к ней свои действия.

Последняя и величайшая заслуга стратегии состоит в том, чтобы никогда не делать цифровых подсчетов и не отчеркивать по карте. Смелый риск должен заменить то, в чем нет уверенности по всем подсчетам. Неудача при таком риске не должна быть поставлена полководцу в упрек. Но ему следует ставить в упрек, если он не остался последовательным в своих собственных планах. Под этим углом зрения я должен еще раз вернуться к вопросу о том, были ли привлечены для мартовского наступления все силы, которые действительно имелись в нашем распоряжении. Несмотря на всю тщательность исследования отдельных подробностей, работа Куля оставляет еще открытыми многие вопросы, относительно которых даст новый материал дальнейшее изучение.

Но что бы ни установило дальнейшее изучение относительно численности дивизий и батарей, участвовавших в мартовском наступлении в первые или более поздние дни, или относительно численности дивизий, охранявших другие фронты, один вопрос всегда будет оставаться для критики неразрешимым: было ли положение таково, что полководец должен был оставить на спокойных фронтах лишь траншейные части и огневую завесу и стянуть все силы на фронт наступления? Мы видели, какое решающее значение могло бы иметь на половине перехода продолжение наступления к северу против Арраса. Если бы для этой цели (не говоря совершенно о распределении сил между армиями Гутиера и Белова) из 4-й, 6-й, 1-й, 3-й и 5-й армий было выделено еще больше, чем это было сделано, тяжелой артиллерии, то мы подвергли бы фронты этих армий опасности отвлекающего наступления англичан или французов, против которого они едва ли смогли бы устоять. Но предприняли ли бы англичане или французы такое отвлекающее наступление? Фактически они этого не сделали. Следовало ли допустить такое положение? Сражение под Танненбергом было выиграно потому, что германское командование рискнуло оставить против целой большой армии Ренненкампфа одну лишь истощенную кавалерийскую дивизию и, имея Ренненкампфа непосредственно в тылу, рискнуло бросить всю германскую армию исключительно на Самсонова. Мужество, связанное с принятием такого решения, и твердость при его проведении, проявленные ген. Людендорфом, будут всегда причислены к его величайшим подвигам. Такой способ действий соответствовал школе генерального штаба Клаузевица — Мольтке. Был ли возможен и полезен подобный риск также и в марте 1918 г.? Никто не может ответить на этот вопрос утвердительно, сидя за письменным столом, тем более что в позиционной войне скрыть факт существования одной лишь завесы не так легко, как в маневренной войне. Представим себе только такое положение: наступление у Камбрэ — Арраса, несмотря на

подкрепления, потерпело неудачу, а англичане прорвались тем временем на Ипре. От одного удара погибла бы германская армия и была бы проиграна война. Кто может сказать, что немецкий полководец должен был пойти на такой риск? Но иначе обстоит вопрос, если мы его сформулируем следующим образом: вытекал ли последовательно подобный крайний риск из плана Людендорфа? Подумаем над этим.

При своем слабом численном перевесе и худшем материальном оборудовании и вооружении Людендорф хотел взять на себя задачу не только прорвать английский фронт, но также отбросить и разбить английскую армию вплоть до ее уничтожения, а по последнему расширенному варианту — даже разбить и англичан и французов одновременно. Я достаточно подчеркивал, что смотрю на эту цель, как на заведомо недостижимую. Но когда хотят достигнуть чего-либо столь необычайного, то это возможно только путем такого же необычайного риска. Поэтому я не боюсь сказать: из плана наступления Людендорфа последовательно вытекало оставление на боковых фронтах одной лишь завесы, чтобы при помощи раздобытых таким образом сил еще 21 марта, одновременно с первым наступлением, предпринять наступление под Аррасом — наступление «Марс»,— попытка которого была сделана впоследствии — 28 марта. Повторяю еще раз: я не говорю, что Людендорф должен был так поступить,— я многократно подчеркивал свое мнение, что при существовавшем тогда положении вещей лозунгом должен был быть не риск, а соглашение. Я лишь заявляю, что такой образ действий последовательно вытекал из боевой идеи Людендорфа. Но эта боевая идея и без того была настолько гигантской, что, как мы видели, Людендорф сам не осмеливался ее действительно выполнить; он отвлекся от нее второй идеей, состоявшей в стремлении прорваться сначала в любом пункте, чтобы получить маневренную свободу, и вследствие этого отклонения уничтожил сам возможность успеха.

СОБСТВЕННОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛЮДЕНДОРФА

Относительно разницы в изложении боевой цели у Людендорфа и у Куля, на которую я уже указывал, следует еще заметить следующее: в своих двух трудах Людендорф говорит на эту тему по-разному и оставляет неясным момент, когда именно наступлению армии Гутиера было дано направление. В «Воспоминаниях о войне» (стр. 472) говорится:

„Наступление распространилось на очень большое пространство. Это надо было предупредить путем перенесения центра тяжести наступления в район между Аррасом и Перонн ближе к побережью. Если бы этот удар удался, стратегический успех, конечно, мог быть огромным; мы бы тогда отделили главные части английской армии от французской и оттеснили бы их к побережью“.

Дальше говорится:

„На долю 18-й армии выпала задача прикрывать вместе с крайним левым флангом 2-й армии ударные войска с юга“.

Хотя в основном эти сведения и совпадают с описанием Куля, задача армии Гутиера, носившая совершенно не такой характер, как задача обеих северных армий, из приведенных мест остается не вполне ясной — различие задач представляется весьма относительным. В «Войне и политике» это различие совсем исчезает. Там сказано (стр. 324), что при наличии местного превосходства сил была поставлена цель: сражаться против меньшей численно армии,

„разбить ее во время вторжения и, пользуясь своей численностью, ударить по подоспевающим резервам, захватив их еще в разбросанном виде. Была поставлена цель расширить вторжение в расположение противника, чтобы мы могли глубоко проникнуть в каком-либо пункте в неприятельское расположение и разорвать его линию фронта, поставив перед собой задачу оттеснить как можно больше в стороны образовавшиеся здесь оба конца и обойти их. Таким путем наступление могло превратиться в прорыв и привести к стратегической операции".

Итак, судя по этому заявлению, последующее расширение задачи, стоявшей перед армией Гутиера, было с самого начала включено в боевую идею. Я установил в своем первом исследовании, что Людендорф затемнил ход мартовского сражения тем, что недостаточно разграничил в своем изложении первый и второй периоды сражения. Теперь нам приходится констатировать, что стремление оправдаться заставило Людендорфа несколько передвинуть факты также и при изложении плана наступления. В мемуарах такие передвижки очень часты, и они не дают повода для морального осуждения. Но я должен упомянуть здесь об этом, ибо вследствие этих передвижек должна быть несколько изменена и моя критика. В первом исследовании я подчеркивал противоречие между стратегическим и тактическим планом сражения; теперь же я вижу, что ошибку скорее надо искать в том непостоянстве, с которым верховное командование переходило от одной боевой идеи к другой и которое приводило к тому, что командование теряло почву под ногами.

Людендорф признает в своей книге, что стратегический успех наступления был недостаточным. Как на ошибку, в одном месте (стр. 481) он намекает на то, что в армии Белова были недостаточно хорошо организованы совместные действия пехоты и артиллерии и что отдельным группам была предоставлена слишком большая тактическая свобода. В командовании, по его словам, должно было быть больше единства и твердости. Армию Марвица он хвалит за то, что в ней было единое и твердое командование. В другом месте (стр. 482) о войсках говорится, что хотя они и оказались по своим качествам выше англичан и французов, но все же, по сравнению с прежней, их боевая ценность снизилась, а главное — они не везде твердо были в руках у своих офицеров. «Их задерживали на пути запасы продовольствия, которые они находили. Таким образом терялось драгоценное время».

Выдвинутые здесь обвинения обоснованы, но они не устраняют и даже не ограничивают того, что решающие ошибки заключались не тут, а в стратегии.

ПОСЛЕДУЮЩИЕ НАСТУПЛЕНИЯ

После мартовского наступления, которое хотя и достигло значительного тактического и морального успеха, но не привело к стратегическому успеху, последовало такое же наступление с таким же успехом во Фландрии, затем последовал удар в Шампани у Шмен-де-Дам и, наконец, окончившийся неудачей четвертый удар на Реймс. Вопрос состоит в том, как следует понимать эту последовательность наступлений. Я говорил в своем первом исследовании, что хотя у Людендорфа и была мысль добиться большого стратегического решения, но проводил он эту мысль непоследовательно и — в сознании своей слабости для осуществления этой цели — во-первых, уделил слишком много места тактическим соображениям и, во-вторых, с самого начала решил пытаться достигнуть прорыва то в одном, то в другом пункте. Куль оспаривает мое мнение; он пишет:

„Ген. Людендорф не имел с самого начала в виду, как полагает Дельбрюк, наступать то на одном, то на другом участке неприятельского фронта".

Куль видимо не заметил того, что писал сам ген. Людендорф в своей книге «Ведение войны и политика» (стр. 216):

„Верховное командование с самого начала считалось на западе с возможностью нескольких больших наступлений, следующих одно за другим через неравномерно длинные промежутки времени, до того как ему удалось бы притти к операции".

Против такого заявления самого Людендорфа возражать не приходится. Куль мог оспаривать мои слова только потому, что он истолковал их так, будто Людендорф имел в виду лишь частичные удары, а не решающую операцию. Я этого и не говорил и не думал. Я указал с максимально возможной ясностью и определенностью на крупную оперативную идею сокрушения английского фронта, но тут же оговорил, что эта идея проводилась неясно и непоследовательно, что ее перекрещивали и заставляли от нее отклоняться тактические и прочие соображения. Разумеется, если бы мартовское наступление привело к крупному стратегическому успеху, то тем самым отпали бы предусмотренные в дальнейшем наступления, и кампания приобрела бы новый облик.

Исследование Куля не только не выдвигает возражений против моего мнения, но даже дает документальное объяснение тому, как возникла мысль о следовавших одно за другим повторных наступлениях. В опубликованной Кулем докладной записке начальника оперативного отдела подполк. Ветцеля, как мы уже указывали, говорилось, что, как постоянно показывал опыт, наступление на Западном фронте рано или поздно сковывалось даже при самых благоприятных первоначальных успехах. При помощи одного большого наступления в одном месте, даже если бы оно было подготовлено с величайшей тщательностью,— говорит Ветцель дальше,— мы не достигли бы цели. Поэтому Ветцель предлагает искусную комбинацию наступлений на различных

участках фронта, следующих одно за другим в определенном взаимодействии.

Людендорф подхватил и расширил эту мысль, превратив ее в идею, которая должна была ему помочь добиться абсолютной победы над противником. Идея Ветцеля не была утопической, если бы с нею сочетались достаточная уступчивость в отношении условий мира и мирное предложение; эти оговорки не были прямо выражены Ветцелем, но содержались в скрытом виде в его идее. Образ действий Людендорфа обрисован в моем первом исследовании как принципиально ошибочный и даже бессмысленный. Спрашивается: появились ли новые моменты, которые его оправдывают?

Я указал на положение Клаузевица о том, что всегда лучше всего использовать успех в том месте, где он был достигнут; слово «всегда» мыслится, конечно, в смысле «принципиально», а не в смысле «без исключения». Все законы военного искусства относительны. Ген. ф. Куль возражает мне, что при всем уважении к авторитету Клаузевица нельзя все же возводить его учение в догму. Меня в этом можно упрекнуть меньше всего, ибо именно я первый указал на большой пробел в учении Клаузевица, на отличие стратегии Наполеона и стратегии Фридриха Великого, хотя и намеченное Клаузевицем, но недостаточно разработанное. Далее, ген. ф. Куль говорит, что он не мог найти приведенного мною места. Оно взято из истории кампании 1814 г., в которой Клаузевиц рассматривает вопрос, правильно ли действовал Наполеон, когда после победы над Блюхером на Марне он отвернулся от него и обратился против Шварценберга. Многие, и особенно Жомини, превозносят этот прием, как исключительно гениальный. Клаузевиц пишет:

„На войне часто возникает этот вопрос. Само по себе короче и действительнее добиваться и дальше преимущества в том же самом пункте, где оно было завоевано, ибо тогда не теряется время на переходы,— и железо куется, пока оно горячо; но надо всегда принимать в соображение и другой вопрос, не теряется ли в других пунктах больше, чем можно выиграть в данном; решение этого вопроса зависит от того отношения, в котором разбитая часть находится к целому от ее физического и морального веса".

В своем «Стратегическом обзоре освободительных войн» Кеммерер тоже приводит это место (стр. 107). В конце концов разногласие сводится к простому словесному спору, что надо понимать под стратегическим законом, но в последнем счете важен не Клаузевиц, а убеждение по существу.

Когда хотят прорвать фронт и не могут этого достигнуть в одном месте, то, конечно, не возбраняется попытаться добиться этого в другом. Эта попытка оправдывается, однако, лишь тогда, когда имеются основания рассчитывать на более крупный успех. Для нас теперь ясно, как незначительны были с самого начала шансы достигнуть прорыва при слабом вооружении германской армии. При следующих попытках эти шансы должны были еще более уменьшиться. Это признают также Людендорф и Куль. Англичане перебросили через Ламанш сот-

ни тысяч солдат в качестве пополнения. Главная ошибка фронта Антанты — отсутствие единого верховного командования — была устранена в результате назначения Фоша, последовавшего под влиянием тяжелых обстоятельств.

Докладная записка Ветцеля исходит не из простого представления о том, что надо было пытаться наступать в разных местах, а из того, что наступления на разных участках должны были быть скомбинированы в определенной последовательности; другими словами, превосходство сил должно было переноситься из одного пункта в другой посредством хорошо подготовленной перегруппировки войск с использованием железных дорог. Эти различные наступления должны были быть не просто наступлениями с целью отвлечения; каждое из них должно было быть предпринято с надеждой на достижение стратегической операции, а если бы последнее не удалось, то ценность такого наступления как наступления с целью отвлечения противника все равно не пропала бы. Так по-моему следует понимать слова Куля и Ветцеля.

Посмотрим, как оправдалась на практике эта тактически-стратегическая идея; материал нам дает исследование Куля. В нем говорится, что хотя идея быстрой перегруппировки сил для нового наступления и была очень соблазнительной, но ее очень трудно было претворить в жизнь; с этой перегруппировкой не могли бы справиться железные дороги. Большая часть войск была осуждена на передвижение по проезжим дорогам. Время, которое для этого требовалось, могло быть использовано противником, а наши — и без того слабые — средства растрачивались бы в результате тяжелых переходов. Мне думается, что чтение всего подробного описания Куля воспринимается как комментарий и подтверждение приведенного мною положения Клаузевица о том, что успех лучше всего использовать в том месте, где он был достигнут. Искусное «комбинирование» разных наступлений с целью окончательно сокрушить противников оказалось призрачным. Оно вылилось не во что иное, как в наступление то в одном, то в другом месте, которое естественно всегда сопровождалось первоначальным успехом, но затем все же останавливалось. Какую же цель имело тогда повторение? Если нам не удалось прорваться при первом наступлении, начатом со свеже собранными силами, то ясно, что этого наверное нельзя было достигнуть и при последующих наступлениях. Эти наступления, следовавшие одно за другим, вообще не являются стратегической идеей. Это выражено достаточно ясно в мемуарах ф. Гинденбурга, где сказано, что мы хотели настолько потрясти здание противника при помощи тесно связанных между собою частичных ударов, «чтобы оно как-нибудь при случае все-таки обрушилось». Слово «при случае» заколачивает последний гвоздь. Как тщательно и хорошо ни было продумано каждое наступление в отдельности, в них отсутствовало главное: могущая быть осуществленной стратегическая идея. Вместо этого верховное командование цепляется за не-

определенную надежду на то, что повторные удары «при случае» приведут как-нибудь к желанному успеху. Наши тактические успехи были так велики, что и народы и политические деятели Антанты одно время впали в очень большой страх; но маршал Фош отзывался с насмешкой о грубой стратегии Людендорфа.

Куль хочет разбить в своем исследовании мою критику, сводящуюся к тому, что последующие наступления были с самого начала обречены на неудачу; я же нахожу, что изображение событий самим ген. ф. Кулем лишь подтверждает мою критику. Ибо почему потерпело неудачу наступление во Фландрии? В смысле тяжелых частичных ударов, за которыми, как вероятно думал Ветцель, должно было последовать мирное предложение, наступления по разным направлениям были бы разумной стратегией; но в смысле большой решающей операции, как этого хотел Людендорф, они были нелепы.

Вести наступление сначала в разных местах с целью отвлечения, чтобы приступить затем к главному удару, который должен завершиться решающей операцией,— это такая стратегическая идея, против которой ничего нельзя возразить. Но не так выглядела стратегия Людендорфа. Между наступлением с целью отвлечения и наступлением, стремящимся к решению, существует большая разница, ибо первое предпринимается при участии относительно слабых сил, а второе — при участии главных сил. Наступление, которое в сущности должно было привести к решению, после того как оно не удалось, совершенно ложно объявлять попросту «наступлением с целью отвлечения». Если иметь в виду эту цель, то нужно сказать, что оно либо вызвало к действию слишком много сил, либо создало скверное стратегическое положение. Мартовское и апрельское наступления (в Пикардии и во Фландрии) не были попросту наступлениями с целью отвлечения, а майское наступление (Шмен-де-Дам) завело нас в беду в гораздо большей степени, чем это могло сделать наступление с целью отвлечения.

В книге ген. Макса Гоффмана «Война упущенных возможностей» говорится совершенно то же самое. Гоффман, бывший, как известно, во времена Танненберга и в дальнейшие годы правой рукой Людендорфа, пишет (стр. 226):

„В тот момент, когда верховное командование увидело, что Амьена оно не захватило и прорыв не удался, оно должно было понять, что на Западном фронте нельзя было более ожидать решительной победы. Когда не удалась эта первая попытка, предпринятая при участии самых лучших боевых средств, верховное командование должно было сказать себе, что не имели шансов на успех также и дальнейшие наступления, которые могли быть предприняты лишь при участии непрерывно уменьшавшихся сил. В тот самый день, когда верховное командование приказало приостановить наступление на Амьен, оно было обязано обратить внимание правительства на то, что пришло время завязать мирные переговоры, и на то, что нет более никаких шансов кончить войну на Западном фронте решительной победой“.

Однако идея нескольких наступлений, следующих одно за другим, была ошибочной не только в том виде, как ее хотел осуществить Людендорф, эта идея оказала то губительное дей-

ствие, которое нам уже известно; она привела к тому, что во время первого большого наступления (21 марта), имевшего самые крупные шансы на успех, были введены в дело не все силы (до крайнего предела), и еще в разгар сражения войска перебрасывались уже с этого участка для второго наступления во Фландрии. Стратегия, отнимающая силы с поля сражения во время боя раньше, чем достигнута победа, совершает такую ошибку, которая, насколько мне известно, никогда еще не совершалась на протяжении военной истории всего мира.

Очень интересно ознакомиться по работе Пьерфе с вопросом о том, почему нам так блестяще удался третий крупный удар — у Шмен-де-Дам. Во время нашего столь успешного наступления во Фландрии (в апреле) ген. Фош стянул в этот район все французские резервы. Он придерживался принципа, что какие бы потери ни терпела армия в том или другом пункте, единственной непоправимой потерей было бы отделение английской армии от французской; поэтому резервы должны были быть сосредоточены на северном фланге фронта. Пьерфе добавляет от себя, что это был по существу предрассудок. Ибо, когда утомленные боями английские дивизии были переброшены на спокойный участок французского фронта, а вместо них на английский фронт отправлены отдохнувшие французские дивизии, то обе армии совершенно переплелись между собою. Тем не менее Фош был прав, так как если бы Людендорф был настоящим стратегом, он употребил бы все свои силы на то, чтобы проникнуть во Фландрию.

Наш успех объясняется тем, что после того как мы затрубили во Фландрии отбой и вместо наступления во Фландрии начали в Шампани наступление на Шмен-де-Дам (27 мая), эта позиция была лишь очень скудно снабжена дивизиями, измученными боями, и не имела в тылу никаких резервов. То, что в сущности должно было быть лишь наступлением с целью отвлечения неприятельских резервов из Фландрии, чтобы начать затем опять наступление там же, превратилось в большую и самостоятельную операцию. Совершенно так же, как при мартовском наступлении, мы опять соблазнились расширением достигнутых нами преимуществ в такой большой степени, что командование впало в противоречие со своей же собственной основной стратегической идеей. Я согласен с исследованием Куля, что для командования, находившегося на поле сражения, в данном случае группы армий кронпринца, такой образ действий был неизбежен. Ошибка заключается в неясности основной стратегической идеи верховного командования.

Критика Пьерфе, а также Фоша, заявляющая, что Людендорф должен был продолжать наступление во Фландрии, конечно, ошибочна. Оказалось, что противник был там слишком силен. Выход, к которому прибег Людендорф — начать сначала наступление с целью отвлечения на Шмен-де-Дам, чтобы вернуться затем к наступлению во Фландрии, тоже не мог привести к цели. Никакое искусство стратегии не могло заменить

недостающих сил, а тактическими успехами, как бы велики они ни были, мы обманывали самих себя.

Последнюю причину стратегии повторных попыток надо искать не в чем другом, как в том факте, что ген. Людендорф понимал свою слабость для стратегии, ищущей решения, но не был в состоянии сделать над собою усилие — сознаться в своей слабости и в соответствии с этим действовать. Поэтому во время мартовского наступления он поставил тактику выше стратегии. Поэтому же он направил самое мощное наступление на такой участок, где он мог, правда, одержать победу, но не мог достигнуть стратегической операции. Поэтому, наконец, он наносил удары то здесь, то там даже тогда, когда надежда на успех свелась к нулю.

В исследовании Куля в одном месте сказано, что верховное командование хотело, якобы, достигнуть решения в мировой войне при помощи наступления и не стремилось постепенно истощить противника при помощи ряда частичных ударов. Это противопоставление не затрагивает вопроса по существу. Противоречие заключается не в словах «решение» и «истощение», а в словах «сокрушить» и «склонить к миру». Дело касается различных степеней мощности наступления и определения цели, преследовавшейся этим наступлением, которые надо различать. По словам подполк. Ветцеля в приведенной нами выше докладной записке 1919 г., с самого начала было ясно, что мы были недостаточно сильны для того, чтобы окончательно поставить противника на колени, но посредством крупных операций наступательного характера мы могли бы заставить его притти к заключению, что победить нас невозможно и потому он должен согласиться на выгодный для нас мир. Совершенно то же самое Ветцель говорит еще в своей докладной записке от 12 декабря 1917 г.; по его мнению нельзя ставить себе таких целей, которых мы не можем достигнуть на Западном фронте. Тем не менее Ветцель хочет «добиться действительно большого и решительного успеха»; он хочет «поколебать весь английский фронт». Это — несколько расплывчатое выражение, но во всяком случае намерение Ветцеля скромнее намерения Людендорфа, который хотел разгромить английский фронт и даже разбить и англичан и французов одновременно. То «решение», к которому стремился Ветцель, при счастливом стечении обстоятельств было мыслимо; решение же, которое имел в виду Людендорф, было призрачным. Итак, в слово «решение» можно вкладывать совершенно различное значение. С другой стороны, точно так же можно оспаривать слово «истощение». При том положении, какое существовало в 1918 г., никто не мог порекомендовать и действительно не рекомендовал германской армии стратегии «истощения», поскольку представлению об истощении сопутствует представление о продолжительном времени. Имея же в виду предстоявшее прибытие американцев, этого продолжительного времени не было.

Наносить возможно более тяжелые удары с целью возможно более скорого заключения мира по доброму согласию — это была стратегическая идея. Следующие одно за другим наступления на различных участках под лозунгом «победа либо поражение, середины не существует» означали поражение Германии, ибо при существовавшем соотношении сил такой победы нельзя было одержать, даже если бы нам целиком благоприятствовало счастье.

Эти следовавшие одно за другим наступления не только были лишены ясной стратегической идеи и не только были с самого начала бесцельны и безнадежны, но они оказали также чрезвычайно опасное действие на все наше стратегическое положение.

Каждое из различных наступлений вначале пробивало брешь в неприятельском фронте и на некоторое расстояние отбрасывало его назад. Это способствовало постоянному образованию новых выступов в линии нашего фронта. Все эти выступы с самого начала были фланкированы с обеих сторон и в том неустроенном виде, в котором они находились, обладали в качестве позиций очень слабой силой сопротивления и вызывали в войсках потери и истощение. Под огнем противника трудно было строить новые позиции. Жизнь на этом фронте была для войск невыносима.

В связи с данным вопросом Пьерфе отметил, что этому недостатку немцев соответствовал такой же крупный недостаток в армиях Антанты. Вследствие ударов, нанесенных фронту Антанты с марта до мая, фронт удлинился не менее чем на 200 км. Теперь для охранения фронт Антанты нуждался в большем количестве войск, и вместе с потерями убитыми, ранеными и пленными это пожирало резервы. Таким образом здесь находит себе некоторое косвенное подтверждение подвергавшееся многочисленным сомнениям, между прочим и с моей стороны, утверждение верховного командования, что немецкие атаки пожирали неприятельские резервы, правда, не в смысле уничтожения войсковых частей, а в смысле того, что удлинение фронта забирало очень много войск, оставляя лишь слабые резервы. Таким образом то тактическое преимущество, которое получал противник вследствие выпячивания нашего фронта с его слабыми флангами, само по себе еще не было решающим. Вспомним, однако, что стратегическая задача состояла не только в том, чтобы победить, но и в том, чтобы одержать победу еще до прибытия на фронт главной массы американских войск. В своем стесненном положении враги обратились опять через океан с настойчивым зовом на помощь, и американцы прибыли скорее, нежели ожидало немецкое верховное командование. Таким образом ущерб, связанный с удлинением линии фронта, был для Антанты устранен, продолжая существовать только для немцев, и наша гибель стала несомненной.

«МИР ПО СОГЛАШЕНИЮ» И ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ

Я уже говорил выше, что не могу считать опровергнутым изложенное мною в первом исследовании мнение о возможности «мира по соглашению». Если бы «мир по соглашению» исключался, то мы должны были бы стремиться сокрушить противников, чтобы навязать им насильственный мир. Но, полагаю, я доказал, что в своей стратегии ген. Людендорф отнюдь не проводил последовательно идеи сокрушения противника, а колебался, не имея опоры, между стратегией решительных операций, которые могли бы привести к насильственному миру, и стратегией тяжелых отдельных ударов, которые могли бы склонить неприятеля к соглашению. Займемся теперь рассмотрением позиции верховного командования по отношению к вопросу о мире с принципиальной стороны.

Как мы знаем, представителем верховного командования в министерстве иностранных дел был полк. ф. Гефтен, вполне определенный сторонник «мира по соглашению». Судя по его свидетельскому показанию от 11 сентября 1917 г., он убеждал ген. Людендорфа заявить о своем согласии с публичной декларацией рейхстага об освобождении Бельгии. Когда же из моего исследования стал известен вывод, который я сделал из этого показания, то г-н. ф. Гефтен дополнил свое показание статьей в газете «Таг» (22 ноября 1922 г.), заявив, что он не имел в виду полного отказа от Бельгии.

„Когда я,—пишет ф. Гефтен,—во время моего доклада 10 августа просил о его (Людендорфа) согласии на публичную декларацию о Бельгии, то, хотя после оказанного им вначале сопротивления он и дал свое согласие на тот случай, если это понадобится в интересах политики и достижения мира, но сделал это с условием, которое сводилось к тому, чтобы декларация была составлена в такой искусной формулировке, которая оставляла бы для нас возможность требовать во время мирных переговоров стратегического регулирования границ“.

Как бы выглядела эта формулировка? Может быть эту тайную щелку надо было устроить так ловко, чтобы ее не заметили противники? Может быть дипломатам западных держав надеялись втереть очки? Мы считаем излишним доказывать, что малейшая, самая скрытая оговорка, совершенно обесценила бы декларацию. В декларации, снабженной оговорками, противники не увидели бы ничего кроме ловушки. Одно из двух — либо эта оговорка настолько важна, что она уничтожает самое существенное из всей декларации, либо она не имеет никакого значения. Очевидно, ген. ф. Гефтен предполагал второе, так как в противном случае он должен был бы упомянуть об оговорке еще во время своих свидетельских показаний. Когда же непосредственно после этого в своем письме от 13 сентября верховное командование потребовало экономического присоединения и многолетней оккупации Бельгии, а также передачи на долгий срок Льежа и протестовало 27 сентября против отказа от Бельгии, то г-н ф. Гефтен истолковал эту позицию так, словно она была вызвана соображениями, связанными с настроением на фронте. По его мнению, хотя в душе верховное командование и было

согласно с декларацией об освобождении Бельгии, но оно не желало, чтобы эта декларация была поставлена ему в вину; по мнению ф. Гефтена, при публичном запросе верховное командование могло бы ответить, что от Бельгии было решено отказаться вопреки его мнению.

Предпослав это дополнение нашим прежним сведениям, постараемся составить себе представление о том, какую позицию занимал по отношению к «миру по соглашению» ген. Людендорф. Под «миром по соглашению» я понимаю такой мир, при котором не было бы ни победителей, ни побежденных — мир, при котором, по выражению ген. ф. Гефтена в свидетельских показаниях, обе стороны с одинаковыми правами заседали бы за столом переговоров, мир, при котором каждая из сторон отнеслась бы с уважением к жизненным условиям другой стороны. Такой мир прежде всего был бы миром на основе положения, существовавшего перед войной, а этот результат представлял для нас после развала российского гиганта неизмеримую ценность. Мелкие и средние державы, образовавшиеся на востоке, независимо от того облика, который они могли приобрести, никогда не превратились бы в угрозу для нас, по крайней мере это относится к стремившимся в разные стороны частям империи Габсбургов и Польше. Мир на основе 14 пунктов Вильсона тоже мог бы превратиться в мир по доброму согласию, особенно если бы мы согласились на него, как на базу для переговоров в благоприятный для нас в военном отношении момент. Ибо этот мир оставлял по отдельным вопросам очень большой простор, который мы могли бы в этом случае использовать. Но обязательной предпосылкой всякого «мира по соглашению» была бы сделанная с нашей стороны твердая и лойяльная декларация об освобождении Бельгии. Нынешний английский премьер-министр Рамзей Макдональд заявил в 1916 г.:

„Если бы Германия выступила с заявлением, причем таким, чтобы никто не мог сомневаться в его подлинности: мы не хотим Бельгии, мы не хотим нарушать бельгийский суверенитет, мы очистим Бельгию в тот момент, когда будет объявлен мир; наш проход через Бельгию, употребляя собственные слова канцлера, был актом военной необходимости — довод, который наша страна понимает теперь лучше, чем двадцать месяцев тому назад, то...“

Макдональд не закончил фразы, но смысл ее понятен. В таком же смысле высказывались один за другим английские государственные деятели, от Асквита и Грея до Ллойд-Джорджа.

Французские социалисты тоже заявили, что они отвергают мир в том виде, в каком его требовала Германия, но допускали возможность говорить с ними даже по вопросу об Эльзас-Лотарингии. Я полагаю, что не зайду слишком далеко, если скажу: декларация о Бельгии и политика «мира по соглашению» были по сути дела как бы тождественны. Правда, декларация еще отнюдь не означала мира, но была той дверью к миру, которую надо было открыть. Как ни сильны были в Англии и особенно во Франции партии, стремившиеся к нашему уничто-

жению, путем декларации о Бельгии мы отстранили бы их от власти, — по крайней мере в Лондоне, а это было бы решающим.

Кроме того, противники требовали возмещения военных убытков, потому-де, что Германия напала без всякого основания на Бельгию. Но немцы тоже могли кое-что возразить против этого. Как бы ни было, я не могу себе представить и считаю просто исключенным, чтобы из-за нескольких миллиардов марок мы продолжали мировую войну, если бы соглашение было достигнуто по территориальным и политическим вопросам. В вышедшей недавно книге Деуора и Борестона (Dewar and Boraston), правда, говорится, что основная масса английского народа не хотела «мира по соглашению», но мы находим в той же самой книге картину совершенно противоположного настроения. Когда 22 ноября 1917 г. английская армия добилась крупного успеха у Камбрэ, о победе по всей стране было торжественно оповещено колокольным звоном. Когда же германское контрнаступление 30 ноября сгладило опять зазубрины и немцы отобрали у англичан захваченную ими территорию, торжествующее настроение уступило место тупой покорности. Хэйг грозил даже отставкой, когда французы требовали от англичан занятия все больших и больших участков фронта.

Авторитетным источником сведений о том, на какой основе обе наиболее значительные державы — Англия и Америка — были готовы вести мирные переговоры, являются заявления Вильсона и Ллойд-Джорджа, сделанные приблизительно одновременно в январе 1918 г. Если рассматривать их без предвзятости, то нельзя сказать, что они требовали от Германии невозможных жертв. К сказанному мною выше я хочу еще прибавить, что Ллойд-Джордж исходил из предпосылки о сохранении Австрии и хотел ограничить уступки в пользу Италии территорией, население которой говорит по-итальянски; он также сделал отдаленный намек на требование репараций. Условия, которые на несколько недель позже привез из Гааги полк. ф. Гефтен, содержали еще другие уступки, поскольку они не оставляли вопроса об Эльзас-Лотарингии в неопределенном положении и выставляли лишь требование автономии.

После успехов нашего наступления англичане отступили от своих требований еще сильнее. Ген. Смутс произнес речь (17 мая 1918 г.), в которой он сказал:

„Говоря о победе, мы не предполагаем итти на Рейн или Берлин и не имеем в виду двигаться вперед, пока мы не разгромим Германии... Мы будем продолжать войну, пока не будут достигнуты те цели, к которым мы стремимся. Я не думаю, чтобы в этой войне была возможна полная победа одной из групп наций, ибо это означало бы бесконечное кровопролитие... Результатом было бы то, что цивилизация, за спасение которой мы выступили, очутилась бы в опасности.

Но когда не стремятся к сокрушению врага, то без сомнения в некоторых случаях нужно выяснить, что думает противная сторона. Усилиями одних лишь армий, без посторонней помощи, в этой войне достигнуть мира не удастся. Нам придется употребить всю нашу дипломатию и все имеющиеся в нашем распоряжении силы, чтобы довести войну до победоносного конца. Я полагаю, что мы

достигли в войне такой стадии, при которой неприятель готов согласится на наши главные условия. Но если ничем не стесняемая конференция не состоится, то как же мы об этом узнаем?“

За этой речью последовали другие такие же речи. Английская рабочая печать высказывала предположение, что Смутс говорил с ведома Ллойд-Джорджа, который отказался от своей политики разгрома.

Едва ли можно сомневаться в том, что если бы в этот момент мы выступили с декларацией о Бельгии и приняли приглашение на конференцию, то был бы достигнут весьма приемлемый для нас мир.

Приведу теперь в хронологическом порядке перечень ставших известными заявлений ген. Людендорфа по поводу «мира по соглашению» и Бельгии.

В июле 1917 г., когда стала известна резолюция Эрцбергера, ф. Гинденбург и Людендорф находились в Берлине и не выдвинули против этой резолюции никаких решительных возражений; правда, они смотрели на нее, как на нежелательную и нецелесообразную, но считали недостатком лишь слишком умеренный тон. Об этом рассказывает не только Эрцбергер, но и ф. Пейер, ставший позже вице-канцлером. Резолюция отвергала вынужденные территориальные приобретения, а также политические, экономические и финансовые насилия.

9 августа на совещании рейхсканцлера Михаэлиса с верховным командованием в Крейцнахе последнее потребовало от Бельгии следующих условий: «Управление железнодорожной сетью; немецкие военные гарнизоны; запрещение Бельгии иметь свою армию; господство над побережьем».

В письме от 18 августа 1917 г. на имя императора кронпринц сообщает, что Людендорф сказал ему: «Германия должна победить или погибнуть».

На заседании коронного совета в Белльвю 11 сентября Людендорф потребовал от Франции лотарингский рудный бассейн, а от Бельгии — предоставления во владение Германии Льежа и территории по обе стороны р. Маас до Сент-Фита, экономического присоединения и длительной оккупации всей страны. На востоке он потребовал значительную часть Польши и Курляндию. После того как император вынес решение в пользу полного отказа от Бельгии, по настоянию полк. ф. Гефтена Людендорф тоже объявил о своем согласии на публичную декларацию об отказе от Бельгии; но она должна была быть сформулирована так, чтобы не были исключены исправления границ.

Рейхсканцлер Михаэлис стремился пойти навстречу верховному командованию в том смысле, что обнадежил верховное командование (письмо от 12 сентября) относительно своего намерения требовать экономического присоединения Бельгии к Германии и временной оккупации Льежа. Верховное командование ответило на это (15 сентября), что оно считает обязательной многолетнюю оккупацию всей страны и длительное владение Льежем.

27 сентября, т. е. на 12 дней позже, ф. Гинденбург телеграфировал рейхсканцлеру:

„До моих ушей снова дошел слух, что коронный совет отказался от Бельгии. Я был бы благодарен вашему превосходительству, если бы вы опровергли этот слух. Речь ведь идет лишь об отказе от длительного господства над фландрским побережьем в том случае, если такой ценой мы купили бы мир еще в этом году и англичане ушли бы из Франции“.

В декабре верховное командование заявило, что, поскольку мир в 1917 г. достигнут не был, решение коронного совета не является более обязательным, и крейцнахские требования (господство над всей Бельгией) должны быть опять возобновлены.

Когда в марте 1918 г. полк. ф. Гефтен сообщил англо-американские условия, которые по сути дела можно считать отвечающими миру по доброму согласию, то ген. Людендорф объявил эти условия слишком тяжелыми и потому отказался их даже рассматривать. Министерство иностранных дел он вообще не поставил о них в известность. Что у Людендорфа было при этом чувство какой-то неуверенности, я полагаю возможным заключить из того, что в своих «Воспоминаниях о войне» он умалчивает о содержании этих условий и сообщает о них лишь во II томе «Воспоминаний» после того, как они были тем временем опубликованы помимо него.

Постоянно стараясь внушить правительству стремление к крупным целям войны, Людендорф тем не менее избрал в качестве своего представителя при правительстве офицера, который был сторонником «мира по соглашению» и отказа от Бельгии, причем держал его на этом посту, несмотря на то, что ф. Гефтен подвергался как пораженец резким нападкам со стороны приверженцев противоположного взгляда, требовавших его удаления.

Еще 3 июля 1918 г. конференция в Спа при участии императора и рейхсканцлера под влиянием верховного командования решила, что, не желая аннексировать Бельгию, Германия оставляет однако за собой право на длительную оккупацию Бельгии при условии ее постепенного прекращения; полное очищение Бельгии должно было быть поставлено в зависимость от ее разделения на два государства — Фландрию и Валлонию — и от осуществления теснейшего экономического сближения с Германией путем заключения таможенного союза, совместного управления железными дорогами и т. п.; временно Бельгия не должна была иметь также собственной армии.

В своих трудах Людендорф то утверждает, что «мир по соглашению» был невозможен и преступен, то говорит, что считает такой мир (Вильсоновский мир) осуществимым. Он обвиняет графа Чернина в том, что с формулой «без аннексий и контрибуций» тот усвоил требование евреев и большевиков, между тем как Людендорф в глубине души до самых июльских и августовских дней 1918 г. твердо держался своей военной цели — косвенного господства над Бельгией. Но в другом месте Людендорф заявляет, что предложения верховного командования

фактически были не так уж далеки от мира без аннексий и контрибуций и предоставляли полную свободу праву самоопределения народов («Ведение войны и политика», стр. 253).

Людендорф утверждает («Ведение войны и политика», стр. 254), что «неприятельские» государственные деятели и неприятельские народы в целом, включая и рабочих, хотели уничтожения Германии; они не понимали умеренного образа мыслей германского верховного командования, не говоря уже об образе мыслей немецкого рейхсканцлера. Но в другом месте (стр. 484) Людендорф выставляет упрек в том, что с нашей стороны ничего не было сделано для использования мартовского успеха 1918 г., хотя он тут же опять признает, что в стратегическом отношении это наступление было неудачей. Итак, Людендорф считал не исключенным компромиссный мир без полного сокрушения противника.

О мире на основе 14 пунктов Вильсона даже после нашего поражения Людендорф заявляет, что он считал такой мир достижимым и полагал, что Америка должна была чувствовать себя связанной и могла добиться такого мира.

В «Милитер Вохенблатт» от 21 ноября 1922 г. Людендорф писал:

„Я всегда был согласен на выгодный для врага и скромный для нас мир в том случае, если бы он был достижим; но, учитывая установку наших врагов, я не верил в эту возможность или в возможность „мира по соглашению“, который шел бы еще дальше, однако, выполняя свой долг, я не должен был препятствовать рейхсканцлеру воспользоваться этой возможностью, если она казалась ему близкой“.

Вольфганг Ферстер, изучавший документы государственного архива, пишет в своем труде[1]:

„Это была война в ее абсолюте: победа или гибель — никакого компромисса! Германское верховное командование понимало это всемирное политическое значение борьбы за существование и сделало решительно выводы до самого конца!“

На стр. 128 он опять повторяет: «Гинденбург и Людендорф придали вопросу такой оборот: либо победа, либо гибель».

Полк. Бамер, который, наверное, был посвящен в самые сокровенные мысли своего начальника, наоборот, утверждает (стр. 211 его книги), что верховное командование, было безусловно готово в любое время пойти на мир на основе такого положения, какое существовало перед войной (status quo ante).

Бросаются в глаза противоречия всех этих заявлений и поступков. Верховное командование требовало от правительства, чтобы оно настояло на таких условиях мира, которые были достижимы только в результате полной победы, и Людендорф говорит нам сам, что в глубине души он настаивал на этих условиях до июля-августа 1918 г. Однако сторонником этих условий с небольшими изменениями Людендорф был до августа 1918 г. не только в глубине души, но и на практике. По его

---

[1] Ферстер, Граф Шлиффен и мировая война, т. III, стр. 63.

словам, для нас была возможна либо победа, либо гибель. Но мы в то же время слышим, что он всегда был готов согласиться на скромный и выгодный мир или на мир на основе такого положения, какое существовало перед войной.

Противоречие не исчезнет, если предположить, что, хотя Людендорф и не верил в возможность «мира по соглашению», но если бы против его ожидания такая возможность обнаружилась, он бы охотно пошел на такой мир. Против этого следует возразить, что Людендорф сам совершенно ясно заявил, что он считал мир на основе 14 пунктов Вильсона достижимым.

Конечно, было бы полным заблуждением придавать делу такой оборот, будто к миру по соглашению надо было стремиться, но говорить об этом не следовало. Когда хотят заключить мир, то надо начать с того, чтобы оповестить об этом противника, причем противнику надо об этом не только сказать, но и сказать с такой определенностью и выразительностью, чтобы он поверил в искренность предложения и не заподозрил в нем военную хитрость или ловушку. Людендорф сам рекомендовал правительству (см. докладную записку ф. Гефтена) позаботиться о том, чтобы в Германии возможно большее число лиц, пользующихся авторитетом, публично выступало за «мир по соглашению», с целью вызвать в Англии аналогичное движение.

Раньше я не мог объяснить себе противоречий в заявлениях и поступках Людендорфа иначе как тем, что у Людендорфа в голове путаница, что он никогда не знал, чего он в сущности хочет. Затем я счел нужным присоединиться к мнению полк. ф. Гефтена о том, что Людендорф имел сознательно «два лика»: считал в душе возможным мир по соглашению, но в стремлении избежать непопулярности в близко стоявших к нему кругах не желал выступать сторонником такого мира. В указанной выше статье в газете «Таг» полк. ф. Гефтен пожаловался на то, что я изобразил сделанное им заявление, отражающее лишь его субъективный взгляд, как непреложный факт; что он ведь, якобы, только сказал, что со стороны Людендорфа было возможно (в смысле «могло иметь место») заявление о том, что при голосовании «декларации об отказе» верховное командование осталось в меньшинстве, и указал, что если полководец имеет «два лика», то это совершенно обосновано — каждый военачальник перед лицом своих солдат должен презирать врага, даже если он его втайне уважает. Это говорил также и Фридрих Великий.

По-моему это ничего не меняет. Фридрих Великий сказал это в том смысле, что генерал должен быть актером; если бы «два лика» Людендорфа не означали ничего другого, то это было, конечно, очень безобидно, если не касаться на мой взгляд совершенно неправильного представления о том, что фронт в целом поставил бы отказ от Бельгии в упрек верховному командованию. Приведем пример. 2 сентября 1918 г. Гинденбург выпустил обращение к солдатам, в котором говорится:

„Мы принудили противника заключить мир на востоке и, несмотря на прибытие американцев, достаточно сильны, чтобы добиться этого на западе".

Едва ли верховное командование еще верило этому 2 сентября. Однако, против «двух ликов» такого рода не станут восставать ни историки ни политики. Но «два лика» Людендорфа не имеют ничего общего с двумя ликами военачальника. Вопрос надо рассматривать гораздо глубже. Непримиримость, которую хотело подчеркнуть верховное командование, проявилась за счет третьей стороны, за счет правительства и в конечном счете императора. Упрек в слабости, которого хотело избежать верховное командование, должен был быть направлен против правительства и императора. Но явно неверно также и то, что верховное командование требовало гигантских целей войны в Бельгии и аннексии значительной части Польши на востоке только для того, чтобы при помощи таких высоких военных целей воздействовать на наступление армии. Верховное командование пыталось оказать сильнейшее моральное давление на правительство, чтобы оно действительно усвоило эти цели, и Людендорф в своих трудах говорит о правительстве с презрением потому, что оно этого не сделало.

Не знаю, как тут можно избежать оценки, сводящейся к тому, что эти противоречия свидетельствуют не просто о путанице в голове, а о нерадостном для нас хитром коварстве.

Ген. Людендорф ссылается в своих трудах на то, что, заявив о своих взглядах на необходимые для Германии цели войны, он, однако, не препятствовал правительству проводить такую политику, которую правительство само считало правильной. Министерство иностранных дел, по словам Людендорфа, вообще не информировало верховное командование о дипломатических переговорах и возможностях. Последний факт действительно верен; но мы знаем также, почему государственный секретарь ф. Кюльман старался отдалить верховное командование от дипломатии; он приписывал верховному командованию намерение — причем, исходя из опыта Брест-Литовска, имел на это полное основание — расстроить его планы, если бы они стали известны верховному командованию. Препятствие, которое верховное командование поставило на пути к «миру по соглашению», вследствие своих высоких требований и без того было достаточно трудным.

В первую очередь следует принять во внимание влияние верховного командования на императора. Верховное командование требовало от императора, чтобы он обеспечил ему участие в мирных переговорах в качестве ответственной инстанции; верховное командование жаловалось на то, что министерство иностранных дел заставляет его высказываться, но поступает затем по-своему; верховное командование постоянно грозило отставкой.

Указывают на то, что так называемая «оппозиция справа» может быть полезна и даже желательна для главы правительства, ибо он может ссылаться на нее в беседах с противниками.

Но это правильно только тогда, когда глава правительства обладает такой силой, что на практике он может оттеснить оппозицию на задний план. Здесь же происходило обратное. Верховное командование заставляло императора против его воли увольнять в отставку неугодных верховному командованию канцлеров, советников министерства и министров; таким путем, не будучи ответственным в государственно-правовом отношении, верховное командование оказывало огромное давление на министерство иностранных дел и на желание последнего достигнуть «мира по соглашению». Приведем пример. Если в отношении Бельгии у Бетман-Гольвега можно обнаружить требования, выходящие за пределы выраженного им в другом месте намерения совершенно освободить Бельгию, то это находит себе естественное объяснение в его желании сделать уступку высоким требованиям верховного командования и общественного мнения. Преемники Бетман-Гольвега, напуганные его судьбой, пытались продолжать его политику, но в гораздо более осторожной и опасливой форме. Результатом было то, что верховное командование не только само сопротивлялось миру по соглашению, но и создало для такого мира посредством обработки общественного мнения действительное препятствие, которое было очень трудно преодолеть. Значительная и очень влиятельная часть германского народа сжилась с мыслью, что Германия выйдет из войны со значительными территориальными приобретениями. От довольно влиятельных лиц можно было даже услышать такие слова: «Если мы не удержим Бельгии, то мы проиграли войну». Такие дикие мечты были возможны лишь на основании ложной оценки военного положения и соотношения сил, а эта ложная оценка была создана верховным командованием. Германский народ систематически вводился в заблуждение посредством официальных военных сообщений и официозных комментариев к ним. Верховное командование вообразило, что таким путем ему удастся удержать настроение на высоком уровне и что народ и армия зажгутся воодушевлением для дальнейшей борьбы, если показать им крупные цели войны. Нельзя было совершить большей ошибки по отношению к характеру и образу мыслей германского народа. Наоборот более всего укрепить выдержку немецкого народа могло лишь постоянное указание ему на то, что он ведет оборонительную войну.

Введение в заблуждение общественного мнения верховным командованием было тем более предосудительно, что, как мы видели, Людендорф сам в глубине души не верил в крупные цели войны, которые демонстрировались перед народом, и по его собственному выражению, он тоже был бы доволен скромным миром.

Я не хочу решать теперь вопрос о том, как можно было лучше поддержать боевой дух народа — посредством крупных или скромных целей войны; достоверно лишь одно: раз в народе дали родиться вере в то, что Германия должна и может сделать

крупные приобретения, раз в народе давали этой вере пищу, но затем должны были все же решиться на мир приблизительно на основе такого положения, какое существовало перед войной, то это было неосуществимо без содействия верховного командования. Рейхсканцлер ф. Бетман-Гольвег в разное время говорил, например, австрийскому министру Буриану (как следует из интервью последнего в ноябре 1919 г.), а также ген. Гоффману, как видно из его книги (стр. 83), что он не может выступить с публичной декларацией о Бельгии, которую он считает правильной, ибо он был бы сметен со своего поста бурей общественного мнения. Ген. Гоффман истолковывает это заявление как недостойное цепляние за место, но это совершенно несправедливо. То, что сказал Бетман, было соображением, которое должен был выставить и с которым должен был считаться каждый рейхсканцлер. Германская империя была конституционным государством и при всей мощи монархии могла все же управляться лишь в согласии с общественным мнением, представителем которого был рейхстаг. Бетман-Гольвег, не обладавший ни характером, ни авторитетом Бисмарка, старался направить германскую политику к правильной цели не посредством открытых заявлений, а путем осторожного лавирования.

Если бы только ген. Людендорф дал понять и это стало бы известно, что он считал достижимыми совершенно другие цели! Патриотичекие объединения непрерывно заявляли, что они питают доверие только к командованию армией, но нисколько не доверяют дипломатическому руководству Германской империи.

В воспоминаниях о войне вице-канцлера ф. Пейера ясно сказано (стр. 52), что мысль о том, что в случае разногласий, поставив вопрос об отставке кабинета, рейхсканцлер мог бы или должен был бы заставить императора отстранить верховное командование или по крайней мере Людендорфа, «была смешна»: «Даже самой беспощадной боевой натуре (какой не был граф Гертлинг) не удалось бы добиться этого при существовавшем положении вещей».

Косвенное влияние позиции верховного командования чувствуется везде. 14 января и 3 июня 1918 г. полк. ф. Гефтен представил упомянутые выше докладные записки об обработке общественного мнения в Англии, организовав как бы кампанию в пользу мира. Людендорф передал их рейхсканцлеру, снабдив их горячей похвалой. Эти докладные записки превосходны, но все высказанные в них предложения не могли привести ни к каким результатам, ибо в них отсутствует один решающий пункт — безоговорочная декларация об освобождении Бельгии. Докладная записка от 3 июня 1918[1] г. даже решительно отвергает официальное заявление о Бельгии и рекомендует лишь частным лицам высказываться в духе заявлений, сделанных еще

---

[1] Швертфегер, Докладная записка, 2-я часть, прилож. II, стр. 339.

ранее разными рейхсканцлерами. Разве такие заявления могли бы что-либо исправить? Это ведь были заявления, оставлявшие постоянно щелку, в которую можно было бы пролезть; они могли вызвать в Англии не одобрение, а лишь возражения. Не подействовала даже мирная резолюция Эрцбергера, за которую стояло огромное большинство рейхстага, потому что в Англии считали рейхстаг не руководящей инстанцией в этом вопросе. Какое же действие могли иметь в таком случае высказывания частных лиц? Ввиду того, что полк. ф. Гефтен является несомненно в одинаковой степени и честным и разумным сторонником «мира по соглашению», я не могу объяснить себе эти обороты в его докладных записках иначе, как тем, что он был вынужден приспособляться ко взглядам своего начальника, ген. Людендорфа. В противном случае его очернили бы в глазах Людендорфа как маловера и вредителя.

Итак, немецкая дипломатия ничего не могла сделать для «кампании в пользу мира», а если бы она что-либо и сделала, то это все равно не помогло бы. Точно так же рисует положение и Пейер. Однако эти докладные записки являются теперь доказательством того, как хорошо верховное командование было осведомлено о существовании в Англии очень сильной партии, выступавшей за мир. Мы теперь знаем, что даже Ллойд-Джордж был к ней ближе, чем полагали в то время.

Сопоставлю еще несколько фактов, свидетельствующих о том, каким способом и в какой степени германский народ вводили в заблуждение.

О прибытии массовых транспортов американских войск, численность которых была точно указана в английских газетах, ничего не должно было быть известно в Германии; все сообщения с фронта непрерывно говорили лишь об ослаблении боеспособности неприятеля в результате огромных потерь и умелого руководства армией со стороны германского командования. Малейшая угроза болгарскому фронту решительно опровергалась до самого момента катастрофы.

Еще в октябре 1918 г. комитет партии свободных консерваторов выпустил воззвание, в котором говорилось:

„Наши дела обстоят хорошо. Мы стоим далеко на неприятельской территории, дорогие поля нашей родины в безопасности, снаряды и провиант у нас в достаточном количестве, финансы у нас в порядке и на крепкой основе, наша славная армия непоколебима и на суше и на море,— скажите сами, обменялись бы вы положением с противником?“[1].

---

[1] Я включил в свое изложение многократно повторявшийся рассказ о том, что депутату ф. Гейдебранду, которого называли некоронованным королем Пруссии, стало дурно на заседании консервативной фракции рейхстага, когда ему стало ясно, что он обманут верховным командованием. Однако, как мне сообщили, этот рассказ был впоследствии опровергнут, и сам г-н ф. Гейдебранд писал своим товарищам по партии: „Соблюдая необходимую вследствие войны сдержанность, ген. Людендорф и верховное командование всегда лойяльно давали руководству консервативной партии сведения о военном положении в любой момент; нельзя отрицать, что при этом в некоторых отношениях верховное командование впа-

Еще в ноябре 1915 г. группа видных кильских деятелей во главе с профессором Баумгартеном жаловалась в рейхстаг на то, что военная цензура предоставляет полную свободу представителям аннексионистской политики, но уничтожает почти всякую возможность вскрывать опасности такой политики.

Повторяю, верховное командование (также и до Гинденбурга — Людендорфа) могло считать уместной такую тактику ради поддержания настроения, но в моральном отношении она была бы терпимой только в том случае, если бы руководящее лицо в верховном командовании позаботилось одновременно о том, чтобы ужасные последствия такого коварства были устранены по отношению к его ближайшим друзьям. Это было возможно. Оружие, причинившее рану, могло ее также залечить. Верховное командование и лично Людендорф должен был одобрить мир и выступить его сторонником.

Верховное командование находилось не в таком положении, как общественное мнение в Германии: оно знало, что победа не так несомненна, как воображали в Германии и как внушали общественному мнению. Верховное командование это знало вдвойне после того, как окончилось стратегической неудачей первое и самое крупное наступление (21 марта). Даже если стоять на той точке зрения, что психологически было необходимо обманывать народ сообщениями о победах на театре войны, что может быть даже надо было обманывать руководящих депутатов рейхстага, то и тогда верховное командование ни при каких обстоятельствах не должно было убаюкивать себя иллюзиями, а обязано было сознаться перед самим собой в истинном положении на фронте и поступать сообразно с этим положением. Для верховного командования решительно не является извинением то соображение, что значительные массы народа разделяли его взгляды на цели войны, ибо верховное командование было осведомлено о военном положении, а народ — нет.

Однако, очень существенным является также вопрос о том, какое впечатление производило поведение верховного командования на противную сторону. В странах Антанты очень хорошо знали, что германский народ в огромном большинстве хотел мира. Мирная резолюция была ведь принята в рейхстаге подавляющим большинством; впоследствии было подсчитано, что фактически за резолюцию было не менее 10 миллионов избирателей, тогда как противники резолюции — 62 депутата имели за

дало в ошибки, свойственные людям, и, конечно, верховное командование влияло на нашу оценку; но о крушении всех наших моральных воззрений в таком театральном виде, как описывает Дельбрюк, не может быть и речи".

Чем более это заявление снимает тяжесть с верховного командования, тем более оно возлагает ее на консервативную фракцию. Еще 24 июня 1918 г., выступая в рейхстаге в качестве оратора консервативной партии, граф Вестарп крайне резко нападал на государственного секретаря ф.-Кюльмана за то, что последний не настаивал на передаче фландрского побережья и Бельгии в длительное владение Германии. Как была возможна такая речь, если консервативные вожди в самом деле были бы хотя мало-мальски осведомлены о военном положении?

собой лишь 1327317 избирателей[1]. В неприятельских странах говорили, что рейхстаг и настроение избирателей не являются руководящими для германской политики. Революция о мире вредно отразилась на наших эльзасцах и поляках, которые начали теперь освобождаться от влияния Германии: этот процесс начался также в Болгарии относительно которой принципы этой резолюции вели к тому, что завоевательные цели, ради которых Болгария вступила в войну на стороне Германии, не могли быть осуществлены. Однако совершенно неправильно мнение, часто высказываемое еще и теперь в Германии, которое защищает также и Куль в своем исследовании,— о том, что мирная резолюция оказала вредное для нас влияние на врагов, ибо она была понята как признак слабости. Верно как раз обратное. Хотя часть неприятельской прессы и старалась истолковать резолюцию в таком смысле, но это совершенно не совпадало с мнением государственных деятелей неприятельских стран. Скорее они понимали, что из этой резолюции вытекает опасность для проведения их политики и что народы не будут склонны сражаться дальше, если Германия действительно готова на мир на основе принципов, высказанных в резолюции. Это документально доказано в статье д-ра Герца, приведенной поэтому мною в приложении (стр. 369)[2]. Но противники наши предвидели — и как мы теперь должны были признать правильно предвидели,— что милитаристическое течение в Германии помешает проведению этой резолюции. Конечно, отнюдь не одно лишь верховное командование выступало за лозунг: «не заключать преждевременного мира», но без его влияния, например, на видных деятелей, посещавших большой генштаб, и без военных сообщений верховного командования, дававших пищу для иллюзий, эта тенденция никогда бы не могла достигнуть такого опасного распространения и такой мощи. В большой речи, в которой Вильсон огласил свои 14 пунктов (18 января 1918 г.), он тоже указал на явное и безнадежное противоречие между сторонниками мирной резолюции в Германии и теми, «кто олицетворял дух подчинения и завоевательные намерения». Для Вильсона брест-литовский мир был выражением этого противоречия. В Брест-Литовске немцами были сначала предложены основы мира, которые можно было истолковать в либеральном смысле, а затем выставлены положительные условия, носившие чисто завоева-

---

[1] См. мою книгу „Война и политика“, т. II, стр. 336.

[2] В статье, опубликованной в „Прусской летописи“, ген. Куль ссылается на поручение Вильсона полк. Гаусу сказать графу Бернсторфу, что у Антанты существует мнение, будто Германия не выступит с мирным предложением, если мир не будет ей крайне необходим. Такое заявление не может, конечно, служить доказательством, ибо оно объясняется желанием Вильсона оказать давление на Германию. Стоит лишь сопоставить свидетельства, приведенные в статье Герца. Если Куль тут же добавляет, что условия, указанные Антантой 10 января 1917 г. в мирной ноте Вильсона, были приблизительно такими же, какие нам навязал Версальский договор, то на это следует заметить, что эти „намеки“ находятся в сильнейшем противоречии с другими оборотами, употребленными в том же самом ответе.

тельный характер. Сопоставим это заявление с самонадеянным заявлением Людендорфа о том, что своим вмешательством он исправил слабую позицию дипломатии во время мирных переговоров на востоке.

Что мирное предложение со стороны Германии должно было подействовать на положение Германии не ослабляюще, а укрепляюще, признал в своей книге «Могли ли мы избежать, выиграть или прекратить войну?» даже такой влиятельный политический советник Людендорфа, как полк. Бауер. Полк. Бауер совершенно правильно указывает (стр. 54), что посредством серьезного, честного и широковещательного мирного предложения, которое было бы отклонено, мы доказали бы нашему народу, что он должен сражаться. Правда, у меня есть подозрение, что это благоразумие появилось у г-на Бауера задним числом.

Людендорф сам признал в своей статье в «Милитер Вохенблатт» ложность представления о том, что посредством ссылок на крупные цели войны можно было поддержать воинский дух; это не оправдалось даже в отношении фронта; во время многочисленных поездок Людендорфа на фронт, к сожалению, у него не осталось никаких сомнений относительно того, что настроение даже в самых высоких штабах было по большей части крайне податливое.

Как известно, в Англии правительство имело мужество не только обложить народ еще во время войны высокими налогами, но и сказать ему, если не всю, то все же приблизительную правду о военном положении.

Людендорф многократно жалуется в своих книгах на то, что к вопросу о целях войны и о «мире по соглашению» подходили, как к вопросу партийному. Его жалобы не обоснованы, ибо это фактически неверно.

Известно, что сторонники аннексионистской политики имелись не только в партии центра и среди свободомыслящих, но и среди социал-демократов и, наоборот, сторонники «мира по соглашению» находили весьма авторитетных представителей даже среди консерваторов. Председатель палаты господ граф Ведель-Писдорф и председатель рейхстага граф Шверин-Левитц, так же как и вожди национал-либералов депутаты Фридберг и Шиффер, многократно высказывались публично в духе «мира по соглашению»[1]. Так же думал и министр ф. Дельбрюк, ставший впоследствии членом комитета фракции германской национальной партии в рейхстаге министр внутренних дел Древс, послы граф Монт и ф. Штумм, князь Гатцфельд, князь Генкель-Доннерсмарк, граф Лейден, граф Тиле-Винклер и многие профессора. Относительно офицерского корпуса, как было уже упомянуто, Людендорф признавал это сам.

---

[1] Например, граф Шверин написал в 1914 г. в декабре открытое письмо в газету „Локаль-Анцейгер", где он изобразил равновесие между великими державами как результат ожидавшейся германской победы. Граф Ведель высказался в таком же смысле в своем обращении к палате господ 19 июня 1915 г.

Людендорф обвиняет германский народ в том, что он предавался защите партийных интересов вместо того, чтобы, подобно другим народам, единодушно поддерживать правительство в великой мировой схватке. Виноват в этом ни кто иной, как сам Людендорф. Именно от него зависело создание единого, можно сказать, непоколебимо-единого фронта. Стоило ему только заявить со всей решительностью и откровенностью, что германский народ ведет лишь оборонительную войну и будет при всех обстоятельствах вести ни что иное, как только оборонительную войну, и вся нация стала бы единодушно под это знамя. Горячим головам, стремившимся получить рудный бассейн Бриэ и Бельгию, пришлось бы склониться перед авторитетом верховного командования, а благоразумные политики — точно так же как и принципиальные пацифисты или интернационалисты — и без того были сторонниками такого мира. Можно также с уверенностью предполагать, что посредством такой мирной программы Германия косвенно могла бы получить весьма существенные выгоды в области изменения положения на востоке и в отношении колоний.

По вопросу о принципиальном отношении верховного командования к политике, как по прочим вопросам, ген. Людендорф впадает в сильное противоречие с самим собою. В письме ф. Гинденбурга, адресованном императору 7 января 1918 г., выставлено требование, чтобы ф. Гинденбург и Людендорф участвовали в мирных переговорах в качестве ответственных лиц. Перепечатывая этот документ в своем труде, Людендорф, правда, добавляет в примечании (стр. 458) следующее: «Мы имели в виду не государственно-правовую, а моральную ответственность». Но в письме ясно сказано, что император не может требовать от ф. Гинденбурга и Людендорфа, чтобы они участвовали своим авторитетом и именем в действиях, которые они считали вредными, и потому различение государственно-правовой и моральной ответственности является ни чем иным, как запоздалой отговоркой. Угроза отставкой была более веской, чем всякая государственно-правовая компетенция, и когда император вынес решение, отвергавшее притязания обоих генералов, Людендорф, как видно из документов, объявил, что даже решение его величества не может оправдать генералов перед их совестью. Таким образом немецкая дипломатия постоянно находилась под гнетом, поскольку оба вождя армии грозили подать в отставку, если правительство не будет защищать их политических требований на востоке или на западе, в Польше или Бельгии.

21 октября 1918 г., когда дело снова дошло до конфликта, Людендорф стоял на противоположной точке зрения. Об этом рассказывает ген. ф. Гефтен в газете «Таг» от 23 ноября 1922 г. ф. Гефтен огласил перед «военным кабинетом» переданное ему по телефону заявление Людендорфа о том, что согласие верховного командования на правительственную декларацию совершенно не требуется, ибо Людендорф не считает верховное командование фактором политической власти; если обществен-

ность поинтересуется позицией верховного командования, то правительство может выступить с разъяснением в вышеуказанном смысле. Итак, здесь совершенно исчезла не только государственно-правовая, но и моральная ответственность. Это неудивительно, если сравнить обе даты. В январе, при хорошем военном положении, Людендорф думал, что, оперируя моральной ответственностью, ему удастся оказать давление на правительство; в октябре же, когда мы были разбиты, Людендорф понял, что верховное командование не является фактором политической власти. Однако это не мешает ему еще и теперь хвастать (см. «Милитер Вохенблатт», 1 декабря 1922 г.), тем, что при заключении мира на востоке он устранил наиболее вредные влияния неустойчивой позиции дипломатов. Я не буду тут подробно касаться брест-литовского мира, но во всяком случае в Брест-Литовске имел место случай прямого вмешательства верховного командования в политику — вмешательства, оказавшего очень серьезное влияние на положение на западе и прямо противоречащего утверждению, будто верховное командование не является политическим фактором.

В результате рассмотрения этого вопроса я полагаю необходимым установить, что если даже официально политика и была делом рейхсканцлера и министра иностранных дел, то ответственность за то, что переговоры о «мире по соглашению» не состоялись, падает в значительной степени на верховное командование. Конечно, уловки государственного секретаря ф. Кюльмана были совершенно напрасны. Но надо думать, что без непрерывного вмешательства верховного командования и без постоянного давления с его стороны на правительство рейхсканцлеры действовали бы совершенно иначе, и ни Михаэлис, ни Гертлинг, ни Кюльман не очутились бы на руководящих правительственных постах.

Вице-канцлер ф. Пейер рассказывает в своих «Воспоминаниях» (стр. 197), как однажды в конце августа 1918 г. в Авене за обеденным столом Людендорф совершенно неожиданно призвал его в свидетели того, что верховное командование всегда соблюдало по отношению к правительству государственно-правовые границы и никогда не оказывало на правительство давления. При этом ф. Пейер прибавляет с любезной иронией, что должно быть представление о «давлении» было у ген. Людендорфа не такое, как у правительства, и говорит, что он уклонился от прямого ответа на заданный ему вопрос.

Людендорф утверждает в своей книге «Ведение войны и политика» (стр. 250), что военные цели верховного командования не оказывали никакого влияния на решения военного командования и не препятствовали миру. «Мы ни один час не сражались за их осуществление, и они нисколько не затянули войны».

Я полагаю, что он доказал как раз обратное. Бои 1918 г. велись исключительно ради достижения военных целей верховного командования и, что еще важнее, стратегия верховного командования ориентировалась на эти военные цели и ими

определялась. Это, конечно не означает того, что при отказе от этих целей можно было бы сразу заключить мир и больше не нужно было бы сражаться. Если бы неприятельские государственные деятели были готовы заключить мир, то еще большой вопрос, допустили ли бы «мир по соглашению» народы, страсти которых так сильно разгорелись. Лично я полагаю, что мир был бы заключен, но знать этого нельзя. Несомненно за осущест- сражения, имевшие действительно место, велись за осуществление военных целей Людендорфа (независимо от того, как их понимать — уже или шире, руководствуясь собственными разноречивыми заявлениями Людендорфа).

В ходе мировой войны было несколько моментов, особенно благоприятных для заключения «мира по соглашению». На рубеже 1916 и 1917 гг., когда Вильсон желал быть посредником в деле мира, это стремление было парализовано неограниченной подводной войной, объявленной по настоянию морского генерального штаба и верховного командования. Летом 1917 г., когда французский флот был потрясен жестокими восстаниями, посредничать старался папа; в это же время рейхстаг принял свою резолюцию о мире. Эти мирные стремления были поставлены под большую угрозу, когда ради получения возможно большего количества голосов в пользу своей резолюции депутат Эрцбергер совершил неслыханную неосторожность, заявив совершенно открыто о нашем безнадежном положении на фронте.

Исходя из существовавших в стране условий, следовало предполагать, что заявление Эрцбергера станет вскоре известно врагу и уничтожит всякую возможность заключить мир. Но это опасение, как бы обосновано оно ни было, не оправдалось. Неприятель тоже считал свое положение далеко не блестящим, и у него нисколько не исчезло желание вступить в переговоры. Инструкция, посланная 21 августа 1917 г. английскому посланнику в Риме (перепечатана в английской «Синей книге»), тоже оставляет большой простор для переговоров. Лишь 30 августа, когда ясно выявилось намерение нового рейхсканцлера Михаэлиса исказить резолюцию о мире своей формулой: «так, как я понимаю резолюцию» и рейхстаг пошел на это, когда остался без ответа вопрос «Что думает Германия о Бельгии», многократно публично задававшийся Асквитом в палате общин,— лишь тогда в британском кабинете одержало снова верх военное направление. Но даже тогда не все еще было потеряно. Выше я уже говорил о возможности заключить мир в 1918 г.

Вильсон выставил свои 14 пунктов, Ллойд-Джордж высказался в духе этих же положений Вильсона, а полк. ф. Гефтен привез из Гааги многократно упоминавшиеся условия, которые должны были служить основой для мира. Антанта переживала сильную тревогу в связи с предстоявшим германским наступлением, ибо Западный немецкий фронт мог быть значительно усилен за счет Восточного, а основная масса американцев не успела еще прибыть. Немецкое наступление началось. Буря разразилась, и мы знаем, как велик был ужас, вызванный в рядах

противника нашими успехами. Мы теперь знаем, что этот ужас был в значительной степени напрасным. Людендорф вполне сознавал, что он не достиг желанной большой победы, не важно было не одно лишь действительное военное положение, но и то представление, которое имели о нем обе стороны. Для мирного предложения наиболее благоприятным является такой момент, когда противник сам считает свое положение хуже, чем оно на самом деле, и узнает, что противник настроен более мирно, чем он предполагал раньше. При таких условиях в 1817 г. был заключен Лебенский мир между Францией и Австрией. Приблизившись к Вене на расстояние 20 миль, ген. Бонапарт понял, что итти дальше не следует, и предложил эрцгерцогу Карлу соглашение.

Весною 1918 г. Германия находилась в еще более благоприятном положении, ибо ведь мы уже знали, на какой основе англичане и американцы были готовы вступить в переговоры. Кроме того, было совершенно очевидно, что Англия далеко неохотно принимала военную помощь американцев и предпочла бы сносный мир, если бы его можно было заключить до прибытия американцев. Вот каково было положение; его надо себе живо представить, чтобы правильно оценить мнение Людендорфа о переданных ф. Гефтеном условиях, сводившееся к тому, что принять их могла только разбитая Германия, причем он даже не сообщил о них правительству. Укажем, наконец, на речь о мире ген. Смутса, произнесенную 17 мая в разгар наших успехов.

Противоречие, обнаруживающееся у Людендорфа в связи с его отношением к «миру по соглашению», можно найти также и в исследовании Куля. Но Куль не столько останавливается на этом вопросе по существу, сколько вскрывает противоречие словесного характера. Однако, поскольку ген. ф. Куль заявляет, что, и по его мнению, декларация о Бельгии могла быть сделана, он тем самым признает по существу то, что на мой взгляд и является сутью «мира по соглашению».

В начале настоящего исследования я указал, что по вопросу о виновности в войне я принадлежу к самым ярым защитникам Германии. Если по вопросу о затягивании войны я счел себя вынужденным выступить в качестве обвинителя Германии, то это не дает в руки наших врагов нового оружия. Ибо если даже значительная часть германского народа и виновата в том, что она доверилась бессмысленному руководству верховного командования, то ведь и у противника, особенно у французов, существовали партии, отвергавшие всякий мир по соглашению и стремившиеся кончить войну только полным разгромом неприятеля, причем партии гораздо более крупные и сильные, чем у нас. Этого не отрицает и противник. Он, наоборот, хвастает тем, что был издавна сторонником политики сокрушения. Посредством заявления о том, что Германия тоже проводила политику сокрушения, нельзя создать против нас отрицательного настроения и обосновать наше моральное осуждение так,

как это делалось и делается посредством упрека, будто мы вызвали мировую войну ради приобретения Германией мирового господства.

УСЛОВИЯ МИРА ф.-ГЕФТЕНА

Содержание условий мира, привезенных в начале марта из Гааги полк. ф. Гефтеном, было уже изложено в моем первом исследовании. Условие, казавшееся формально непреодолимым препятствием к заключению мира, состояло в требовании введения в Германии парламентской правительственной системы; это условие означало вмешательство во внутренние дела, которое не могло допустить ни одно суверенное государство. Но по сути дела эта оговорка не имела решающего значения, так как переход к парламентаризму был в полном разгаре. Рейсканцлером и прусским премьер-министром был лидер партии центра, его заместителем в империи — южно-германский демократ, а в Пруссии национал-либерал. Когда наше военное положение ухудшилось, за переход к парламентаризму выступил даже сам Людендорф[1].

Если бы вместо графа Гертлинга пост рейхсканцлера занял другой человек, относительно которого мир думал бы, что он будет руководить германской политикой независимо от верховного командования, и если бы этот рейхсканцлер дал понять, что он готов вести переговоры на основе указанных условий, то надо полагать, что на это пошли бы и английская мирная партия и президент Вильсон.

Я ознакомился с этим вопросом несколько ближе и пришел к убеждению, что оговорка о переходе к парламентаризму вообще не мыслилась как условие в строгом смысле этого слова, тем более что Америка хотя и была демократической страной, но управлялась не парламентским способом; скорее это было пожелание — указание на то, что развитие в этом направлении значительно облегчило бы переговоры. Но на мой вопрос г-н ф. Гефтен сообщил мне, что эту оговорку он понимал как непременное «условие», а посредник будто бы ему сказал, что американское правительство никогда не вступило бы в мирные переговоры с рейсканцлером графом Гертлингом.

Смысл этого заявления станет нам совершенно ясен, если мы вспомним приведенную выше речь Вильсона от 18 января. В Америке ясно видели, что по вопросу о мире в Германии был раскол, а брест-литовский мир показал, что военная партия имела в правительстве перевес, и рейхсканцлер Гертлинг со своим государственным секретарем Кюльманом либо не мог, либо не хотел настоять на своем, вопреки Людендорфу. Такое правительство казалось Вильсону неспособным к переговорам, и мы к сожалению, видели, что в этом отношении он был прав. Совершенно естественно, что при таких условиях лицо, вы-

[1] Ф. Пейер, стр. 83.

ступавшее в роли посредника при переговорах, обратило внимание на этот момент, причем это следует рассматривать как признак того, что вести переговоры неприятель действительно хотел. Если рассматривать это событие в его связи с остальными, то ясно, что речь шла не столько о введении парламентской системы, сколько о передаче политического руководства рейхсканцлеру, который, опираясь на большинство рейхстага, проявил бы честное намерение достичь всеобщего мира, и которого бы не сбило с этого пути такое вмешательство, какое позволило себе верховное командование в Брест-Литовске.

Очень часто случается, что при вступлении в мирные переговоры — или вообще в переговоры о заключении какого-либо договора — одна из сторон отказывается вести переговоры с каким-либо определенным министром. Например, в Тильзите Наполеон отказался вести переговоры с прусским министром ф. Гарденбергом, который передал после этого ведение переговоров фельдмаршалу графу Калькрейту. При рассмотрении в 1890 г. вопроса о возобновлении договора о взаимных гарантиях играло большую роль, останется ли князь Бисмарк во главе правительства или его заменит другой рейхсканцлер.

Осенью 1918 г. — когда мы были разбиты, а на фронт прибывали все новые и новые массы американцев — Вильсон мог выставить требование революционного изменения конституции. Обратный вывод, будто Антанта или Вильсон имели точно такое же намерение в феврале, конечно не уместен.

Считаю необходимым прибавить, что нельзя знать, насколько правильно было осведомлено и в какой степени уполномочено лицо, выступавшее в Гааге в качестве посредника. Но нам достаточно того, что ему поверили полк. ф. Гефтен и особенно Людендорф, отвергшие протянутую руку не потому, что они не получили гарантий, а потому, что они не соглашались с условиями.

Следует отметить, что эти условия были предложены нам в конце февраля или в начале марта, т. е. до нашего большого наступления, и в мае были еще раз подвергнуты обсуждению в Гааге майором Драудт[1].

Итак, в интересах истины должно быть решительно отвергнуто, как необоснованное, представление, будто все наши противники ни разу не были готовы к миру и преследовали только одну мысль, — уничтожить Германию. Вопрос тут не в готовности к миру, а в условиях мира.

Поэтому смысл стратегии Людендорфа заключался не в том, чтобы в результате германской победы склонить врагов к миру — как хочет нас убедить в своих произведениях Людендорф, — а в том, чтобы навязать им такие условия мира, какие захочет Германия. Если германское верховное командование восхваляют за то, что оно было, якобы, склонно к миру, то и у

---

[1] **Драудт, Ведение войны и политики, стр. 294.**

врагов имелись государственные деятели, склонявшиеся к миру в гораздо большей степени, ибо мы выставляли такие условия мира, которые даже в их минимальном варианте (Льеж и линия границы по р. Маас или экономическое присоединение и длительная оккупация Бельгии) были просто неприемлемы для противников; противники же выставляли такие условия, которые означали бы для Германии не просто хорошее, но даже блестящее завершение великой схватки. Под влиянием и руководством верховного командования не кто иной, как мы сами, отклонили вступление в переговоры на этой основе. Государственный секретарь Кюльман, правда, хотел переговоров, но единственный путь, который мог бы привести к цели,— публичная и неотменяемая декларация о полном освобождении Бельгии,— даже если допустить, что сам Гертлинг понимал необходимость этого акта, был ему закрыт вследствие возражений верховного командования. Вопрос о том, осталось ли бы это сопротивление верховного командования непреодолимым, если бы Германия имела вместо графа Гертлинга другого рейхсканцлера, остается неразрешенным. Однако, совершенно ясно, что, соглашаясь на условия, не только оставлявшие в неприкосновенности положение Германии как мировой державы, но еще более его упрочивавшие, противники должны были побеспокоиться о том, сохранит ли в Германии в будущем господство то военное влияние в немецком правительстве, которое служило препятствием на пути ко вступлению в переговоры, или одержат верх те элементы нашего строя, которые вынесли в рейхстаге резолюцию о мире. Это обстоятельство и объясняет высказанное полк. ф. Гефтену пожелание или условие — безразлично как мы его назовем,— чтобы германская империя перешла к парламентской системе. Внутреннюю и внешнюю политику нельзя в последнем счете отделять одну от другой, обо они находятся в постоянном взаимодействии.

ОБЗОР РАЗЛИЧНЫХ ОПЕРАТИВНЫХ ПЛАНОВ

Большое наступление Людендорфа потерпело неудачу потому, что у Германии нехватило сил для такой крупной операции,— средства не соответствовали целям,— а кроме того при проведения этого наступления верховное командование совершило крупнейшие ошибки.

Вернемся еще к вопросу, не имели ли лучшие шансы на успех два других плана наступления, обсуждавшиеся первоначально. Один план, предложенный начальником оперативного отдела, полк. Ветцелем и группой армий германского кронпринца, состоял в наступлении на Верден. Людендорф отклонил этот план, ибо он мог привести только к тактическому успеху. Другой план, предложенный группой армий Руппрехта, состоял в наступлении во Фландрии — примерно таком же, какое действительно состоялось впоследствии. В исследовании Куля указано, что и тот и другой план имел свои преимущества и недостатки — в Рим можно

было притти разными путями. Я уже говорил, что первоначально я был весьма склонен присоединиться к этому взгляду, но теперь не согласен с таким мнением. Ген. ф. Куль изображает в своем последнем исследовании оба плана равноценными. Это — чрезвычайно похвальное бескорыстие, но тем более я чувствую себя обязанным со своей стороны указать, что идея Куля несомненно заслуживала предпочтения не только в том освещении, которое стало возможным теперь, но и в том виде, в каком она должна была рисоваться верховному командованию в тот момент. Основная причина, по которой Людендорф отклонил эту идею, по его же собственным словам, заключалась в том, что наступление во Фландрии, вследствие весенних осадков на низменности у Лилля, могло состояться несколькими неделями позже, чем наступление в Пикардии, между тем как в связи с предстоявшим прибытием американцев выигрыш во времени на несколько недель мог иметь величайшее значение. Убедителен ли этот довод? Ведь позже наступление во Фландрии все же состоялось, причем ровно на три недели позже, чем наступление в Пикардии. Если бы на этом фронте даже еще через две недели была действительно одержана большая победа и было бы захвачено побережье Ламанша с Кале и Булонью, то тем самым был бы достигнут гигантский успех, который настолько поколебал бы готовность неприятеля продолжать войну, что было бы совершенно безразлично, одержана ли победа немного раньше или немного позже. Это совершенно бесспорно. Решающее значение должен был иметь не срок, а большие или меньшие шансы на успех. Конечно, нельзя с определенностью сказать, удалось ли бы нам прорвать во Фландрии английский фронт, имевший значительно большее количество войск. Но мне кажутся черезвычайно вескими слова Куля по этому поводу, что наступление во Фландрии могло бы быть выполнено посредством гораздо меньших сил и потому наряду с ним оставалась бы возможность вести в Пикардии наступление с целью отвлечения.

Из трех планов, между которыми должен был выбирать Людендорф, план наступления в Пикардии в случае удачи имел бы наибольшие перспективы. И наступление под Верденом и наступление во Фландрии имели хотя и очень крупную, но все же ограниченную цель. Людендорф избрал самый многообещающий план и потерпел неудачу, ибо для выполнения этого плана у него нехватило сил. Людендорф был лишен важного качества, которое должно быть свойственно всякому практическому деятелю — умения правильно соразмерить цель и средства к ней. Это проявилось не только в данном случае. Рассматривая деятельность ген. Людендорфа, мы постоянно наталкиваемся на один и тот же недостаток. О составленной Людендорфом знаменитой так называемой «программе Гинденбурга», касавшейся германских вооружений, не кто иной, как Гельферих, дал следующую оценку:

„Пользуясь меньшим количеством рабочей силы и материалов, в области вооружения армии, можно было достичь значительно больших результатов, избавив наше хозяйство от расстройства и потрясений, затронувших в последнем счете основы силы сопротивления германского народа“.

Затеяли гораздо больше того, что могли выполнить. С чрезвычайными усилиями построили сорок доменных печей, которые не могли быть затем задуты из-за отсутствия транспорта.

Если мы возвратимся теперь еще раз к различию между планами Людендорфа с одной стороны, и Куля и Ветцеля — с другой, то окажется, что противоречие между ними гораздо дальше простого вопроса о том, на каком участке лучше начать наступление. План Людендорфа имел в виду разгром всей английской армии, а в его расширенном варианте — даже победу над французами. Куль и Ветцель имели в виду ограниченные цели и в этом ограничении именно и заключалась политическая идея. Посредством успешных частичных ударов можно было вполне добиться благоприятного мира, но отнюдь не господства над Бельгией. В исследовании Куля (II часть) говорится:

„Посредством дальнейших операций—а особенно еще одной решительной победы над англичанами—можно было поставить неприятеля в такое невыгодное положение, чтобы он склонился к миру“.

Это, правда, относится к положению, существовавшему в июле, но вместе с тем это одинаково и даже больше применимо к положению, существовавшему в марте, и вполне совпадает с соображениями, высказанными мною в первом исследовании. Наше мнение, одинаковое по существу, несмотря на отдельные разногласия, завершает, наконец, фраза Куля о том, что мы должны были заявить о своем отказе от Бельгии. Если бы это только случилось! От этого зависело все. Тут надо также искать последнего объяснения того, что один стратег предпочитал наступление в Пикардии, а другой во Фландрии; один хотел отказаться от Бельгии, а другой — нет. Разве это не играло роли, хотя бы и подсознательной?

ЗАЩИТА ГЕНЕРАЛА ЛЮДЕНДОРФА

В двух статьях, помещенных в журнале «Милитер Вохенблатт» (21 ноября и 1 декабря 1922 г.) ген. Людендорф протестовал против моего первого исследования.

Изложу по пунктам его возражения.

1 Л. утверждает, что он был всегда согласен на выгодный для врага и скромный для нас мир. Мы видели, что подразумевал Людендорф под скромным миром, выгодным для врага. Как минимум он хотел получить Льеж, а как максимум — стремился к косвенному господству над всей Бельгией.

2. Л. пишет, что его представитель в Берлине ф. Гефтен «по временам выступал со свойственной ему пылкостью за возможность «мира по соглашению», и в этом вопросе его взгляды

расходились в теории с взглядами Людендорфа». Полк. ф. Гефтен отнюдь не «по временам», а постоянно и решительно выступал за «мир по соглашению», и разногласия между ним и его начальником отнюдь не были только теоретическими.

3. Л. ссылается на то, что государственный секретарь ф. Кюльман отверг публичную декларацию о Бельгии. Это верно, и этот поступок, конечно, ложится тяжелой виной на государственного секретаря, но не снимает вины с ген. Людендорфа, который, знал о соотношении сил. должен был настаивать на этой декларации. Кроме того, ф. Кюльман не хотел выступить с публичной декларацией о Бельгии, находясь в роковом заблуждении и считая, что в его распоряжении имеется другой путь к переговором, во время которых он мог бы сделать соответствующее заявление о Бельгии, причем полностью, а не как Людендорф — с оговорками.

4. Л. утверждает, что он подчинился решению императора на заседании коронного совета в Бельвю от 11 сентибря, а его письмо от 14 сентября должно было лишь выявить его взгляды на тот случай, если бы в 1917 г. мир не был заключен; вместе с тем это письмо должно было напомнить рейхсканцлеру о позиции верховного командования, чтобы обеспечить поддержку немецких представителей в случае переговоров. При этом Людендорф обвиняет правительство в пораженческой внутренней политике. Здесь ничего не говорится о том, что в 1918 г. Людендорф возобновил опять свое старое требование; полагаю, выше я доказал, что подобная позиция верховного командования делала «мир по соглашению» невозможным. Я неохотно употребляю слово саботаж, но тут оно кажется мне единственно правильным: поведение верховного командования было не чем другим, как саботажем мира.

5. Л. протестует против того, что ему приписывались «два лика». Это выражение исходит от его сторонника и защитника, полк. ф. Гефтена. В чисто военном толковании оно совсем не звучит как упрек. Почему в отношении ген. Людендорфа это выражение действительно носит характер упрека, я изложил выше. Позиция верховного командования не была, как утверждает Людендорф. «проста, ясна и последовательна»; наоборот, она была неясной, колеблющейся и двоедушной. Л. каждый раз заявляет, что для нас война могла окончиться только либо победой, либо поражением — середины не было. Но в то же время он требует, чтобы дипломатия использовала военные успехи весеннего наступления. Однако поскольку он сам признает, что эти успехи не отвечали ожиданиям, что враг на деле побежден не был, то переговоры на такой основе были бы именно той серединой, которую он сам объявлял невозможной.

6. Л. утверждает, что условия мира, ставшие известными верховному командованию как условия, на которые готова пойти Антанта, были настолько неслыханно тяжелыми, что их могла взять на себя только разбитая Германия. И мы и ген. Людендорф

теперь хорошо знаем, какие условия мира действительно вынуждена была взять на себя разбитая Германия. Если бы Людендорф хотя бы теперь признал, что он тогда неправильно оценил силы и что было бы правильно пойти на предложенные ему условия, то мы бы удовлетворились таким признанием своей вины с его стороны и нам больше не приходилось бы его обвинять. Но если он еще и теперь заявляет, что на такие условия, какие предлагали тогда противники, могла пойти только разбитая Германия, то это заявление можно истолковать так, словно он задним числом подтверждает мнение тех наших врагов, которые утверждали, что с Германией невозможно достичь разумного мира.

7. Л. утверждает, что цели войны не играли никакой роли при наступлении. Я полагаю, что показал выше обратное; только той огромной целью войны, которую поставил перед собой Людендорф, может быть объяснено и оправдано наступление, предпринятое — как это признает и сам Людендорф — именно в таком духе.

Я не вижу никаких оснований для того, чтобы щадить ген. Людендорфа и прикрывать его недостатки и ошибки покровом любви к отечеству. Что многие храбрые патриоты все еще верят в него и болезненно переживают разоблачения по его адресу, это не может побудить нас скрыть истину. Может быть нужна более мягкая форма? Но какие могут быть притязания на мягкость у человека, который сам в своих книгах и статьях чудовищным образом поносит не только своих политических противников, но и немецкий народ, и старается свалить вину на собственных сотрудников и армию; у человека, который в состоянии написать: «Сторонники «мира по соглашению» проводили свою политику за счет германского народа. Наш народ платится за этот вывод своей жизнью, честью и свободой».

НЕУДАЧНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ПОД РЕЙМСОМ И ПОРАЖЕНИЕ

К тому, что говорит об этом периоде Куль в своем исследовании, я могу прибавить очень немногое. Наступление под Реймсом потерпело неудачу потому, что французы постепенно ознакомились с нашим методом вести наступление и приспособились к нему. Кроме того, им стал известен наш план. Из книги Пьерфе мы узнаем, что ради получения сведений французы готовы были применять даже бесчестные средства. Однажды они взяли в плен одного кандидата на офицерский чин; в сознании своего долга он дал во время допроса ложные сведения. На это ему было заявлено, что он имеет право молчать, но если выяснится ложность данных им сведений, то это будет рассматриваться как акт шпионажа и с ним поступят соответственным образом. Тут несчастный проявил слабость и рассказал все, что он знал о предстоявшем наступлении. Но было бы, конечно, преувеличением объяснять неудачу попросту предательством или

болтливостью, вследствие которых к неприятелю могли просочиться какие-либо сведения.

Как было уже сказано выше, при военной операции, в основе которой лежит внезапность, всегда должны быть приняты в расчет такие случайности; они очень часты и надо скорее удивляться тому, что многократно нам так блестяще удавалась внезапность, чем тому, что она один раз потерпела неудачу.

И 18 июля и 8 августа мы в свою очередь были застигнуты врасплох контрнаступлениями и разбиты. Куль в своем исследовании задает вопрос, кто был в этом виноват — командование или войска — и отвечает, что войскам этой вины приписать нельзя.

Несмотря на это он в общем оправдывает командование, усиленно подчеркивая, что у командования не было выбора, что оно по необходимости должно было обратиться к решению путем оружия. Но если, несмотря на это, после поражения должны были быть завязаны переговоры, от которых ждали успеха, — то почему это не было возможно раньше? Не было ли у верховного командования в самом деле выбора? По моему совершенно ясно, что выбор у него был: оно могло либо наступать, либо посоветовать имперскому правительству, чтобы оно предложило мир на основе условий, о которых сообщил полк. ф. Гефтен в начале марта, т. е. до начала наступления. Людендорф пишет:

„Попытка склонить народы Антанты к миру посредством германских побед еще до прибытия американских подкреплений потерпела неудачу".

Эта фраза прямо противоречит истине. И американское и английское правительства очень осторожно, но достаточно ясно показали, что они склонны к миру. Конечно, они не были готовы на мир на условиях, которые имела в виду Германия. Поэтому миру препятствовали не одни лишь односторонние стремления уничтожить Германию, но и те сумасбродные условия, которые верховное командование объявило жизненно необходимыми для немецкого народа. За эти условия на смерть были посланы миллионы людей. Правда, Вольфганг Ферстер заявляет в своей книге (т. III, стр. 79):

„Полководец, который настаивал бы на подготовке к мирным переговорам на основе предварительных условий Гефтена, не прибегая к решению вопроса путем оружия, был бы осужден отечеством на проклятие".

Теперь мы безусловно можем изменить его слова в том смысле, что патриоты, объединенные в отечественную партию, разразились бы, конечно, проклятиями, но, идя на мир, полководец заслужил бы благословение всего отечества, и, подавляющее большинство народа и армии было бы тогда благодарно за такое решение. Может быть, несмотря на эту попытку, мир все же не состоялся бы, но тогда, по крайней мере, у германского народа была бы спокойная совесть, ибо он сделал бы для мира все, что от него зависело.

ОТВЕТ НА ВОЗРАЖЕНИЯ ГЕН. ф.-КУЛЯ ПРОТИВ МОЕГО ПЕРВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. О распределении ответственности между императором, фельдм. ф. Гинденбургом и ген. Людендорфом я уже говорил.

2. Ф. Куль приписывает мне слова:

„Оперативный прорыв как таковой был исключен вследствие трудности снабжения. Правда, прорыв все же был почти совершен, но лишь вследствие неимоверных ошибок противника".

Эти слова не совсем правильно передают мой взгляд: захват Амьена нельзя приравнивать к оперативному прорыву. Если это не совсем ясно выражено в моем исследовании, то я хочу исправить здесь это упущение.

3. Я совершенно согласен с ф. Кулем в том, что если наших сил нехватало для полного сокрушения противника, то надо было стремиться склонить противника к миру посредством возможно более решительных побед.

Но я полагаю, что выше мне удалось доказать, что между стратегией, направленной на полное сокрушение противника, и стратегией, которая должна лишь склонить противника к миру, существует коренное различие, а не просто «несущественная разница», как полагает Куль.

4. По мнению ф. Куля, надо думать, что ген. Людендорф согласился бы ограничить свои военные цели в отношении Бельгии, если бы обнаружилась возможность заключения мира. Я отвечаю: условия ф. Гефтена выявили такую возможность заключения мира, но ген. Людендорф не обнаружил никакой тенденции к ограничению своих требований; кроме того речь шла не об ограничении целей Людендорфа, а о полном отказе от Бельгии.

5. «Тактические частичные удары с ограниченной целью» не могли, конечно, дать достаточного эффекта, пока Германия имела в виду цели войны, поставленные Людендорфом. Но на «мир по соглашению» они несомненно оказали бы самое сильное влияние.

6. Ф.-Куль говорит, что мартовское наступление могло достигнуть крупной оперативной цели. Почему же оно ее не достигло? Я не вижу, какой еще ответ можно найти в исследовании ф. Куля, кроме ответа: из-за ошибочного руководства.

7. Ф.-Куль указывает мне, что после войны мы в полной мере узнали, чего мы могли ждать от Вильсона и Ллойд-Джорджа. Я не вижу в этом никакого противоречия моей установке. Ибо вполне естественно, что после нашего отказа пойти на сближение и после того как мы были совершенно разбиты, эти политики заняли по отношению к нам другую позицию. Я не считаю также, что заявления, исходившие от французских военных кругов или только от одного Клемансо, могли служить доказательством невозможности победы мирной партии в Англии. Доказательства, взятые из книги Деуора и Борэстона, еще не

уничтожают противоположных свидетельств из английских политических кругов. Совершенно бесспорно, что в Англии наряду с партией мира существовала и военная партия.

8. «Германия слишком много говорила о соглашении и о мире, не находя никакого отклика»,— говорит ф. Куль. Выше я уже указывал, что наши попытки к сближению не находили и не могли найти хорошего приема, ибо они были формулированы в таких выражениях или исходили от таких инстанций, которые не были в состоянии пробудить веры в честность или способность этих инстанций осуществить свои желания.

9. Немецкая резолюция о мире произвела самое благоприятное впечатление, но она не могла иметь успеха на практике, так как под влиянием верховного командования правительство не поддерживало ее, а наоборот — на практике провалило и пошло другими путями.

10. Ф. Куль присваивает себе фразу ген. Людендорфа: «Рейхсканцлер и большинство в рейхстаге не могли и не хотели понять, что из нашей борьбы за существование не могло быть другого выхода кроме победы,— иначе нам грозило уничтожение». Выше я показал, что это противопоставление не соответствовало действительному положению вещей; напротив, существовало очень много и очень благоприятных для нас промежуточных ступеней, и об этом очень хорошо знал ген. Людендорф.

11. Ф. Куль говорит, что сделать наших противников склонными к миру можно было не путем мирных предложений и не в сочетании с частичными наступлениями, преследовавшими ограниченные задачи, а лишь посредством возможно более решительных побед, имевших оперативное значение. Но как же мы должны были поступить, если для таких побед наших сил нехватало? Оставалась ли тогда для нас только возможность версальского насильственного мира? Для мира по средней линии «победы с ограниченной целью» в сочетании с мирными предложениями все же имели бы крайне важное практическое значение.

12. Я никогда не утверждал, что заявление об отказе от Бельгии «тотчас же» привело бы к «миру по соглашению».

13. Ф. Куль указывает на то, что отсутствие декларации о Бельгии следует ставить в вину не только верховному командованию, но и правительству. Я — того же мнения.

14. Ф. Куль хочет доказать, что военные цели, поставленные Людендорфом, не оказывали влияния на ход военных действий. Я полагаю, что выше я доказал противное. Ф. Куль указывает на умеренные заявления Людендорфа, сделанные 1 июля и позже. К несчастью, тогда было уже слишком поздно. Замечание же о том, что взгляды верховного командования и правительства тогда весьма мало разнились более или менее верно, но если бы это было полугодом раньше, то Германия имела бы теперь другой вид.

15. Выше я в достаточной мере высказал свое мнение о характере и о внутренних противоречиях мартовского наступ-

ления. Когда ф. Куль дополняет мои слова о том, что «верховное командование с самого начала хотело бить то по одному, то по другому месту», фразой: «таким образом верховное командование хотело наносить лишь частичные удары», то это не вполне правильно отражает мой взгляд. Я много раз достаточно ясно говорил, что Людендорф хотел достичь стратегической операции и что поэтому с самого начала он не стремился наносить одни лишь частичные удары. Мой упрек Людендорфу заключается в том, что он неясно сформулировал свою стратегическую идею и не проводил ее настойчиво.

16. Ф. Куль спрашивает:

„Думает ли кто-нибудь, что в этот момент (после крупного тактического успеха в марте) мирное предложение могло иметь хоть малейшую надежду на успех?"

Я отвечаю: да, я так думаю, для такого предложения не могло быть более благоприятного момента,— и поскольку Людендорф сам считал вильсоновский мир возможным даже еще в октябре, то в марте — апреле он не мог сомневаться в том, что предложение мира имело бы еще гораздо больше шансов на успех.

17. Ф. Куль сказал, что он и теперь считает для себя неудобным говорить о том, что надо было сделать для достижения лучших результатов, и потому он ограничился лишь высказыванием в отдельных случаях предложений и замечаний с большими оговорками. Я отвечаю: эти замечания и предложения касаются очень важных вопросов, имеют величайшее значение и по существу в значительной части совпадают с тем, что говорил и я со своей стороны.

18. О возможности и полезности наступлений в России и Италии я достаточно высказался выше.

19. К сказанному мною о статье Репингтона я могу еще прибавить следующее: в этой статье ясно говорилось, что в тот момент Антанта вела на западе оборонительную кампанию; что Ллойд-Джордж отказался бросить на фронт достаточные подкрепления, а такие люди, как Клемансо или Вильсон, это наверное сделали бы; что, наконец, английские силы будут использованы для очень затяжного похода против турок в Сирии. Об американцах ничего определенного не говорится, но само собой напрашивается вывод, что до их прибытия на Западном фронте Антанта наступать не собиралась. Таким образом я совершенно правильно передал содержание статьи. Эта статья полностью приводится в изданных военным отделом печати «Известиях иностранной прессы» от 20 февраля 1918 г. В «Милитер Вохенблатт», насколько я помню, были перепечатаны лишь отрывки.

20. Меня незачем убеждать в том, что при наступлении «Михаэль» верховное командование преследовало большой стратегический план, ибо я на это сам указывал. Но мой упрек заключается в том, что верховное командование отвлеклось от этого большого стратегического плана и дало армии Гутиера

такое направление, которое действительно вело «в пустоту». Как можно это назвать иначе, если установлено, что на фронте протяжением в две немецкие мили не было ни одного неприятельского солдата и тем не менее там нельзя было ничего сделать?

21. О соотношении стратегии и тактики в мартовском наступлении я достаточно высказался выше.

22. Я сказал, что один знающий дело крупный помещик Украины уверял меня, что рогатый скот и лошадей на Украине можно было бы получить и без оккупации. Ф. Куль спрашивает, как это могло быть сделано. Ответ: посредством торговцев-евреев, которые все это устроили бы, если бы им хорошо заплатили; а даже самая щедрая оплата таких торговцев была бы для немецкого кармана очень выгодным делом по сравнению с оккупацией силами целой страны.

23. Относительно связи наших успехов с ошибками неприятельского командования я достаточно говорил выше и полагаю, что здесь между ф. Кулем и мною нет никаких существенных разногласий. Я согласен с ф. Кулем и в том, что такой успех, как у Шмен-де-Дам, мог быть достигнут только благодаря внезапности, но то, чего мы достигли, еще отнюдь не было прорывом, имеющим оперативное значение.

24. Ф. Куль пишет:

„Соглашение, т. е. сговор на основе приемлемых условий, казалось возможным только тогда, когда посредством возможно более решительных побед, имеющих оперативное значение, нам удалось бы склонить противника к миру".

Я же писал: «посредством возможно более тяжелых ударов». Какая разница между «возможно более тяжелым ударом» и «возможно более решительной победой, имеющей оперативное значение»? Если бы без перенапряжения сил «возможно более тяжелый удар» можно было превратить в «победу, имеющую оперативное значение», то это совершенно точно соответствовало бы моему взгляду.

25. Ф. Куль ссылается на то, что верховное командование выступало за декларацию о Бельгии, сделанную в уступчивом тоне, но не достигло в этом успеха. Я указывал выше, что речь шла не об уступчивости в декларации о Бельгии, а о безусловном, честном и откровенном отказе от Бельгии, а верховное командование никогда не было сторонником такого отказа.

26. Ф. Куль пишет:

„Указывать публично на согласие верховного командования с декларацией о Бельгии не было надобности, и это было нецелесообразно".

Я тоже не требовал и не рекомендовал ничего подобного. Что должно было сделать верховное командование,— видно из моего предыдущего изложения: оно должно было посоветовать правительству выступить с такой декларацией, втихомолку разъяснить положение политическим лидерам и не выдвигать никаких возражений.

27. Ф. Куль хочет, чтобы виновником нашего поражения был не ген. Людендорф, и обвиняет главным образом условия, с которыми не удалось справиться даже ген. Людендорфу. Полагаю, я доказал, что условия складывались для нас вполне благоприятно, чтобы сохранить Германию невредимой и даже еще более укрепить ее положение великой державы, и что главную вину за эту неудачу надо искать в личности ген. Людендорфа.

МОМЕНТЫ, В ОЦЕНКЕ КОТОРЫХ Я СХОЖУСЬ С ГЕН. ф.-КУЛЕМ

После подробного обсуждения разногласий между ген. ф. Кулем и мною для полной ясности было бы полезно указать также и на самые существенные пункты, в которых наши взгляды сходятся.

1. Так же, как и я, ф. Куль придерживается того взгляда, что надо было выступить с декларацией о Бельгии и притом такой декларацией, которая должна была содержать честный и полный отказ от Бельгии.

2. Ф. Куль, правда, определенно не согласился, но и не возражал против моего заявления о том, что в Англии существовала очень сильная и авторитетная партия мира.

3. Я согласен с ф. Кулем в том, что вооружение германской армии весною 1918 г. во многих отношениях было недостаточно, что численное соотношение сил находилось лишь в приблизительном равновесии, но что тем не менее верховное командование имело в виду операцию огромнейшего масштаба с целью полного сокрушения неприятеля.

4. Я согласен с ф. Кулем в том, что как в отношении предварительной подготовки войск, так и в отношении момента внезапности, верховное командование с величайщей энергией и осмотрительностью превосходно подготовило наступление.

5. Я согласен с ф. Кулем в том, что при распределении сил для наступления фланг обороны был снабжен чрезвычайно обильно, а фланг наступления слишком слабо.

6. Я согласен с ф. Кулем в том, что когда вследствие такого распределения сил, фланг наступления (Белов) повис в воздухе, а фланг обороны (Гутиер) прорвался и был до некоторой степени вынужден развить свой успех в направлении прорыва, то это изменило идею наступления и привело к опасности раздробления.

7. Вследствие этого раздробления, явившегося результатом неправильного распределения сил, несоответствовавшего боевой идее, сражение было проиграно, т. е. несмотря на тактический успех не был достигнут стратегический успех. Ф. Куль этого прямо не высказывает, но мне кажется, что этот вывод последовательно вытекает из его изложения фактов, и потому я считаю возможным сказать, что и в этом вопросе мы с ним согласны.

8. Ф. Куль и я, а также полк. Швертфегер, сходимся на том, что 14 августа ген. Людендорф не информировал с должной ясностью правительство Германии о военном положении[1].

РАЗГРОМ

До сих пор мой содоклад в значительной степени опирался на исследование ген. ф. Куля. Хотя формулировки в наших работах и сильно отличаются между собою, а некоторые отдельные вопросы так и остались спорными, я все же считаю нужным сказать, что в деловой критике стратегии Людендорфа между нами едва ли существуют разногласия (см. выше заявление ген. ф. Куля). С последними главами исследования ф. Куля мне остается лишь согласиться.

Займусь теперь рассмотрением самостоятельного исследования Швертфегера; с последним я не только готов согласиться по всем существенным вопросам, но схожусь с ним и в общих формулировках и притом в еще большей степени, чем с ген. ф. Кулем. Таким образом я ограничусь в своем содокладе выявлением некоторых вопросов, относительно которых я придерживаюсь другого мнения; подчеркну также те

---

[1] По поводу этих 8 пунктов эксперт ген. ф. Куль выступил со следующим заявлением:

„Заключительное заявление

Г-н тайный советник проф. Дельбрюк утверждает во 2-й части своего исследования, что „в деловой критике стратегии Людендорфа между нами едва ли существуют какие-либо разногласия". Затем в отдельной главе: „Моменты, в оценке которых я схожусь с ген. ф. Кулем", Дельбрюк указал 8 пунктов, в которых будто бы выразилось это сходство во взглядах.

Во-первых, я утверждаю, что в этих 8 пунктах мои взгляды во многих случаях изложены неточно или неправильно. В особенности я никогда не утверждал, что мартовское наступление 1918 г. было проиграно вследствие раздробления и неправильного распределения сил. Далее я всегда категорически оспаривал утверждение, что у наших противников существовала влиятельная партия мира.

Я самым категорическим образом протестую против всякой попытки установить сходство моих взглядов на стратегию Людендорфа со взглядами г-на тайного советника Дельбрюка. Я всегда резко подчеркивал в своем исследовании противоположность моих взглядов и взглядов г-на тайного советника Дельбрюка. Особенно решительно я должен выступить против его оценки личности, характера и способа ведения войны ген. Людендорфа, тем более что все исследование Дельбрюка является главным образом личным выпадом против ген. Людендорфа.

Я подробно обосновал свои принципиальные, непримиримые разногласия с тайным советником проф. Дельбрюком в особой главе 2-й части моего исследования („Ответ на исследование г-на тайного советника Дельбрюка"). Для меня непонятно, как после этого между нами „едва ли могут существовать какие-либо разногласия в деловой критике стратегии Людендорфа". Я ссылаюсь на эту часть моего исследования и считаю бесполезным повторять высказанные в ней соображения.

Разногласия между г-ном тайным советником Дельбрюком и мною кроме того постоянно выступали в самой резкой форме во время устных прений в следственной комиссии как в области общего толкования, так и по всем почти отдельным вопросам. Ссылаюсь при этом на протоколы. Мне непонятно, на каком основании, несмотря на это, г-н тайный советник старается найти между нами сходство мнений.

Ф.-Куль".

места в исследовании Швертфегера, с которыми я согласен и которые имеют, на мой взгляд, большое значение для доклада комиссии и для общественности. При этом придется сделать также кое-какие дополнения.

1. Шв. говорит вначале, что обязательной предпосылкой политического использования нашего военного положения был победоносный исход наступления; далее Шв. утверждает, что это наступление было необходимо, так как при помощи политических средств не было возможности добиться переговоров с врагами и, исходя из такого убеждения, не было сделано серьезных попыток завязать переговоры.

Тут я должен возразить, что у нас была полная возможность завязать переговоры с противниками, если бы только мы выполнили обязательное предварительное условие, заключавшееся в честном отказе от Бельгии.

2. В исследовании Шв. говорится, что для поддержки движения в пользу мира в Англии Людендорф сделал все, что было тогда возможно со стороны военного командования, кроме декларации о Бельгии. Я считаю нужным прибавить, что без декларации о Бельгии все остальное было бесполезно. Без достаточного подчеркивания этого обстоятельства изложение Шв. приобретает своего рода неправильный оттенок.

3. Примечания Людендорфа и Бауера к докладной записке Ниманна, представленной в начале августа, приводятся Шв. как доказательство того, что Людендорф в тот момент искренне думал, что политическое и военное руководство работали тогда (после ухода Кюльмана) в полном согласии.

Последующие же события, как мне кажется, вполне доказывают старания государственного секретаря ф. Гинце с полным доверием сотрудничать с ген. Людендорфом, но еще далеко неизвестно, встречал ли он такую же готовность со стороны Людендорфа.

4. Едва ли не самым важным моментом в исследовании Шв. мне кажется наметившееся еще в первой его части и изложенное впоследствии более пространно доказательство того, что верховное командование фактически как бы исключило и правительство и самого императора из числа факторов германской политики, принимавших участие в ведении войны, и захватило руководство в свои руки, не взяв на себя однако ответственности за это. Император очень хорошо понимал, как мало Людендорф разбирался в политике, но чувствовал себя бессильным. «Уже в январе 1918 г. рейхсканцлер граф Гертлинг исполнял попросту подчиненную роль. Политические дела попали целиком в зависимость от военного руководства».

Император хорошо видел также и то, что армия находилась в чрезмерном напряжении, что от нее требовали слишком многого, но убедить Людендорфа было невозможно.

В связи с этими обстоятельствами мне кажется недопустимым, когда в других местах исследования Шв. снова подчер-

кивается ответственность императора как верховного вождя армии.

5. В согласии с ф. Кулем Шв. констатирует в своем исследовании, что на совещаниях 13 и 14 августа, после поражения, верховное командование с недостаточной ясностью информировало рейхсканцлера и министерство иностранных дел о военном положении. Мне кажется необходимым разобраться в этом вопросе поглубже. Произошло ли это роковое упущение намеренно или просто по небрежности?

В тот самый день, когда Людендорф говорил с государственным секретарем Гинце, он беседовал о положении также и с полк. ф. Гефтеном; последний отметил, что, если бы Людендорф изобразил это положение государственным деятелям хоть приблизительно с такой же ясностью, как ему, они должны были бы знать, что наступил крайний срок для политических действий и что нельзя более терять ни одного часа. В полном противоречии с этим протокол заседания коронного совета составлен в тоне спокойной уверенности, а редакция протокола даже еще более заострена в смысле такой уверенности самим Людендорфом; две недели спустя (1 сентября) Людендорф заявил начальнику одного из отделов штаба верховного командования полк. ф. Мертц, что он не осведомил министерство иностранных дел о скверном положении на фронте, так как это привело бы к катастрофе. Ко мне этот рассказ дошел в такой форме. На вопрос полковника, осведомил ли Людендорф министерство иностранных дел, тот ему ответил: «На это я еще не мог решиться, потому что, если бы я сказал им правду, они бы окончательно потеряли голову». Вот как в действительности выглядело преисполненное доверия сотрудничество верховного командования с министерством иностранных дел, которым Людендорф хвалится в своих более поздних трудах, написанных с целью собственной защиты.

Людендорф объясняет уверенный тон протокола тем, что он снова должен был подбодрить участников совещания; полк. Шв., находя такой метод опасным, все же считает его психологически понятным. Я не могу присоединиться к такой мягкой оценке. Уясним себе только, какие ужасные последствия имело это утешение для Германии. Все выглядело бы у нас иначе, если бы переговоры о перемирии были начаты на 6 недель раньше! Конечно, как говорит Шв., отсутствие страха в любом положении вполне естественно для солдат. Но мне кажется неправильным заявление Шв.: «Могло ли верховное командование быть более малодушным, чем политические деятели, которых оно часто порицало именно за малодушие?» Если бы верховное командование думало так, то это было бы подстановкой одного вопроса другим. Малодушие или уверенность политических деятелей зависели от тех сведений о военном положении, которые давало им верховное командование. Вопрос заключается в том, соответствовали ли эти сведения истине и собственному убеждению верховного командования? Что мешало Людендорфу, сохраняя и дальше боевую уверенность, одновременно все же заявить со всей опреде-

ленностью и настойчивостью государственному секретарю о необходимости начать мирные переговоры, не теряя ни одного часа? Чтобы германские государственные деятели могли проводить правильную политику, они должны были быть наиточнейшим образом осведомлены о военном положении. Людендорф не только не давал им таких сведений, но, как доказывают слова, сказанные им полк. ф. Мерц, вполне сознательно и преднамеренно уклонился от предоставления таких сведений и допустил неправду, хотя новый государственный секретарь ф. Гинце был человеком, которому он доверял.

В оправдание фельдмаршала говорят, что у него иссякли духовные силы, что он не мог отдать себе ясный отчет в положении и целиком находился под обаянием Людендорфа; у Людендорфа же мы видим опять ту «двуликость», которая уже нам известна. Поэтому для меня не совсем понятно, как может Шв. притти в своем исследовании к следующему выводу:

„...было бы несправедливо, если бы, исходя из такого положения вещей, хотели сделать упрек верховному командованию в том, что оно сознательно вводило в заблуждение или даже преднамеренно недостаточно осведомляло правительство. Представители рейхсканцлера и министерства иностранных дел во всякое время имели доступ к первому ген.-квартирмейстеру и, как рассказывает ген. ф. Бартенверфер, широко пользовались этим доступом. Им никогда не отказывали в пояснениях, причем каждое такое пояснение, при откровенности и ясности ума генерала, не вызывало никакого сомнения и давалось без всякой утайки".

Приведенные полк. Шв. факты, тоже не подлежащие никакому сомнению, доказывают, что ген. Бартенверфер заблуждался в оценке характера ген. Людендорфа. Факты доказывают, что у ген. Людендорфа как раз нехватало приписываемых ему здесь свойств — откровенности и ясности ума. То обстоятельство, что после окончания конференции Людендорф, как он сам рассказывает, с чувством пожал руку государственному секретарю, которому он совершенно сознательно говорил не правду, я истолковываю, как сознательное лицемерие. О том ужасе, который он натворил, Людендорф действительно не имел представления, ибо для этого он был слишком мало политиком. Он вообразил, что поступает умно, оставляя дипломатов, которые по его мнению всегда люди боязливые (Гинце был, впрочем, морским офицером) в некоторой неизвестности относительно надвигавшейся на нас опасности. Еще 8 октября Гинце сообщал, что в ставке верховного командования он не слышал ни одного слова сомнения, предостережения или опасения, а лишь одну только уверенность.

В отношении лиц, находившихся в главной ставке, Людендорф вел себя иначе. Почитаем письмо ген.-интенданта действующей армии ген. ф. Эйзенгарт-Роте, опубликованное самим Людендорфом. В нем говорится:

„Тогда (в конце сентября) ваше превосходительство сказали мне:" С согласия ген.-фельдмаршала я заявил 13/14 августа рейхсканцлеру и государственному секретарю ф. Гинце, что мы не можем довести войну до победного конца силой оружия, как мы до сих пор надеялись, и потому нужно было бы начать мирные

переговоры при посредстве нейтральных иностранных держав. Его величество предложил посредничество голландской королевы, которая к этому будто бы была склонна". На мой более чем удивленный вопрос, почему же в этом направлении ничего более не было сделано или достигнуто, ваше превосходительство ответили: „В этом несомненно виноват неповоротливый аппарат министерства иностранных дел; я не хочу ставить это в упрек государственному секретарю". Я был восхищен этим снисходительным суждением".

Теперь когда всплыла наружу правда, которую не приходится более оспаривать, мы не склонны восхищаться снисходительным суждением Людендорфа о министерстве иностранных дел. Мы ясно видим, что эта мягкость суждения, столь несвойственная характеру ген. Людендорфа, исходила из источника, который нельзя иначе назвать, как недобросовестностью.

6. Я уже говорил выше, насколько противоречивы были указания Людендорфа о его военных целях в Бельгии. Его минимальным требованием было: Льеж и линия границы по Маасу и или очень длительная оккупация фландрского побережья. Теперь мы можем установить, что даже 14 августа он еще не хотел согласиться на восстановление Бельгии в довоенном положении, что Гинце напрасно старался на него повлиять и что лишь вице-канцлер Пейер под давлением все ухудшавшегося военного положения провел 25 августа тезис: «При заключении мира мы безусловно и безвозмездно освобождаем Бельгию». Но и эта декларация была снабжена оговорками, которые бельгийское правительство решительно отвергло.

После этого мы не можем признать правильным предположение ф. Гефтена о том, что, если бы ф. Кюльман энергично настаивал в мае перед Людендорфом на отказе от Бельгии, он добился бы согласия Людендорфа. Если даже в августе Людендорф не соглашался на отказ от Бельгии при Гинце, к которому, по его словам, он питал доверие, то, несомненно, даже при неустойчивости положения он не дал бы в мае ф. Кюльману согласия на такой отказ. Разумеется, речь идет о полном и честном отказе, а не о так называемой «умеренной позиции» по отношению к Бельгии. Очевидно, ген. Людендорф (см. выше письмо ген. ф. Батенверфера) не делился своими сокровенными мыслями даже с теми людьми, с которыми он работал в самом тесном сотрудничестве.

7. Исследование Шв. в значительной степени опирается в своих выводах на показания государственного секретаря ф. Гинце. Людендорф возражал в своей защитительной статье против этих показаний, утверждая, что 14 августа он не мешал открытию мирных переговоров ни надеждами на изменение военного положения, ни настояниями на своих военных целях. При этом Людендорф ссылается на свидетельство графа Лимбург-Штирум, майора в отставке Буше, ген. ф. Эйзенгарт-Роте и советника кабинета ф. Берга. Но эти свидетельства не имеют силы доказательств ни по их дословному содержанию, ни потому, что они опираются на неточные воспоминания. Свидетельства Буше и Эйзенгарт-Роте повторяют лишь то, что им говорил сам

Людендорф. Показание Берга само по себе неясно и базируется на явно нетвердых воспоминаниях. Берг (кн. 1. стр. 30) пишет.

„Когда говорили, что время для мирных шагов неблагоприятно и что надо выждать лучшей ситуации, то речь несомненно шла только о днях. Предполагалось, что в ближайшие дни сильные атаки противника стихнут, не доставив ему решительного успеха. Все склонялись к тому, чтобы не стеснять г-на ф. Гинце в его обсуждении мирного предложения и чтобы не придерживаться военных целей, имевшихся в виду в случае нашего успешного наступления. Руки г-на ф. Гинце должны были быть свободны".

Утверждение, что речь шла лишь об отсрочке на несколько дней, очевидно неправильно, так как до начала переговоров все равно должно было пройти несколько дней. Этого даже не утверждает сам Людендорф. Что г-ну ф. Гинце не была предоставлена свобода действий в отношении военных целей, вытекает не только из имеющегося теперь подробного сообщения Пейера, но и из приведенного самим Людендорфом четвертого свидетельства описания графа Лимбург-Штирума. Граф Лимбург сопровождал Пейера во время его поездки в Авен в конце августа, когда Пейер пытался добиться у Людендорфа согласия на отказ от Бельгии, которого до тех пор напрасно добивался Гинце. Граф Лимбург рассказывает (кн. 1, стр. 23), что на обратном пути из Авена в Спа Пейер ему сказал: «Моя поездка не была напрасной. Может быть, мы еще будем вспоминать об этой поездке, как об имевшей мировое и историческое значение. Она принесет мир». Это заявление, правда, является косвенным, но совершенно убедительным доказательством того, что по вопросу о Бельгии Пейеру удалось добиться у Людендорфа обещания, которое он отказывался дать до сих пор, т. е. 14 августа, во время переговоров с Гинце, как об этом рассказывает последний.

Впрочем, Гинце и 14 августа, видимо, прямо не настаивал на полном освобождении Бельгии (см. его заявление Вестарпу — Людендорф, кн. 1, стр. 33). С другой стороны, Людендорф мог также не защищать больше полностью выставленных еще 3 июля чудовищных требований: разделение Бельгии на два государства; присоединение ее к Германии путем таможенного союза; общее владение железными дорогами; длительная оккупация, и потому у него составилось представление, что разногласия не так уж существенны.

8. Все упреки, которые можно сделать ген. Людендорфу относительно ошибок в его политике и стратегии, бледнеют перед его неожиданным требованием, чтобы правительство без промедления просило у неприятеля перемирия. Полк. Шв. нашел правильное выражение для этого поступка: это было поднятие белого флага. Вскоре выяснилось, что верховное командование переоценило опасность, что фронт держался и неприятельский натиск ослабел. Военная критика имеет обыкновение очень строго осуждать генералов, которые без безусловной необходимости подымают белый флаг.

Судя по заметкам майора ф. Швейница, опубликованным им в «Пограничном курьере» (т. 80) в конце 1921 г., требование перемирия нанесло смертельный удар авторитету Людендорфа также и в армии. «Если Людендорф уйдет,— говорит Швейниц (стр. 416),— и если он будет удачно заменен, например, Лосбергом, то это не произведет на фронте удручающего впечатления. Он сам вырыл себе могилу своим предложением перемирия».

9. Нетрудно представить себе, как должно было действовать верховное командование, сознающее свою ответственность. Судя по письму кронпринца Руппрехта, уже 1 июня у Людендорфа не было надежды на успех, опирающийся на какие-либо реальные основания, а по словам полк. ф. Гефтена и полк. ф. Мерц, 13 августа Людендорф вполне сознавал значение поражения, которое мы потерпели 8 августа. После этого поражения он должен был посоветовать императору назначить такого рейхсканцлера, личность которого вызывала бы всеобщее доверие к тому, что теперь Германия честно ищет мира. Из речи Вильсона, произнесенной в январе 1918 г., было ведь известно, что в Америке проводят точное различие между милитаристической Германией, стремящейся к завоеваниям, и Германией миролюбивой. Правда Швертфегер в своем исследовании справедливо отмечает, что после германского поражения условия изменились, и враги сознавали свои преимущества; тезис же о том, что дипломатическими средствами нельзя спасти то, что проиграно оружием, правилен во всякое время. Но все же тогда еще можно было предотвратить самое худшее, если бы новый рейхсканцлер, вместо того чтобы просить перемирия, развил с трибуны рейхстага свои взгляды на «мир по соглашению» и примирение народов, а фронт показал бы в это время, что сокрушить его будет стоить много крови. Именно этой тактики и хотел придерживаться принц Макс Баденский, когда он был, наконец, призван на пост рейхсканцлера. Но Людендорф вырвал у него оружие из рук своим требованием о немедленной просьбе перемирия. Принц до последней крайности защищался против этого самоубийственного требования, но Людендорф настоял на своем, послав с членами правительства в Берлин майора ф. Буше, который изложил наше военное положение перед комиссией рейхстага, исходя из пессимистических взглядов Людендорфа. Поскольку в Германии собирались перейти к парламентской системе, сочли необходимым поставить лидеров партии в известность обо всем, т. е. также и о военном положении. Пейер ясно говорит в своих «Воспоминаниях», что он не считал себя вправе отстранить от участия в совещании некоторые партии, даже такие, о связях которых с заграницей знали. Результат был тот, что через короткое время не только германский народ, но также и неприятель хорошо знал, что Германия хотела вступить в мирные переговоры не потому, что ее правительство усвоило другое политическое направление, а потому, что она потеряла веру в свое военное будущее. Конечно, Лю-

дендорф совершенно правильно указывает в одном месте, что по показаниям пленных враг был и без того слишком хорошо осведомлен о нашем положении и о настроениях на фронте и внутри страны. Но эта осведомленность стала еще более уверенной и значительно укрепилась, когда противники узнали, как верховное командование само изобразило положение лидерам партий в рейхстаге.

В октябре 1919 г. на собрании должностных лиц национальной партии депутат д-р Штреземан констатировал, что до августа 1918 г. председателям фракций со стороны военных и политических органов делались вполне успокоительные сообщения и что лишь 21 августа, вследствие сообщений государственного секретаря ф. Гинце, у Штреземана возникли сомнения, можно ли будет довести войну до благоприятного конца.

Говорили о том, что Людендорф действовал в состоянии нервного расстройства. И полк. Бауер, и майор Ниманн заявили в своих показаниях, что Людендорф находился в состоянии крайнего нервного возбуждения. Людендорф протестовал против этого и даже представил удостоверение от врача в том, что он вполне владел своими нервами. Я бы даже сказал, что при его поведении нервный припадок мог бы скорее послужить оправданием. Тут проявилась та же неумеренность Людендорфа, которая нам была знакома и раньше, но теперь она была направлена в противоположную сторону. Когда наступило время уступить и искать «мира по соглашению», Людендорф объявил такое стремление преступлением. Теперь же, когда надо было оставаться твердым, чтобы спасти то, что можно было еще спасти, Людендорф бросил винтовку.

Людендорф хочет, конечно, придать своей просьбе о перемирии совершенно противоположный смысл. Он защищается, говоря, что

„лишь путем предложения перемирия можно было дать неприятелю ясное доказательство нашей решимости достичь мира“ (стр. 71). „Мы находились в таком стесненном военном положении, из которого нас не могли вывести никакие размышления, а лишь новый мощный импульс“ (стр. 45). „Только путем предложения перемирия можно было выяснить, правы ли были те, кто считал все еще возможным почетный мир, который я бы с радостью приветствовал, или же нам предстоял насильственный мир, который должен был побудить нас к новым действиям“ (стр. 71). „Я считал энергичное разъяснение положения внутри страны первым требованием для подготовки народа к новой борьбе не на жизнь, а на смерть“ (кн. 3, стр. 6). „Я хотел честного мира, но так же честно я хотел и продолжения борьбы, если бы нам были навязаны невыносимые условия или если бы нас хотели обезоружить еще до того, как мы сядем за стол, за которым велись бы переговоры“ (кн. 3, стр. 9). „Увлеките народ, подымите его!“—воскликнул Людендорф на большом заседании руководящих лиц 17 октября».

Разберем повнимательнее эти заявления! Разве только путем предложения о перемирии можно было уяснить врагу наше стремление к миру? Разве это стремление к миру не стало бы для него ясно, если бы мы открыто заявили о своей готовности к миру на основе положения, существовавшего до войны, или на основе 14 пунктов Вильсона? Разве нельзя было добиться необходимой ясности относительно того, какие обязательства враги на-

меревались возложить на нас, если бы мы сначала предложили мир и предоставили врагам выступить с предложением перемирия? Разве это требование перемирия не было новым крупным доказательством слабости, о которой и без того свидетельствовало бы мирное предложение после поражения?

Далее Людендорф уверяет, что он честно хотел мира. Мало стоящее уверение со стороны побежденного, находящегося в крайней нужде! Ну, а если враг был так коварен, что не захотел верить в его честность? Тут же Людендорф нам говорит, что просьба о перемирии должна была дать германскому народу новый сильный импульс к борьбе!

Эта надежда на новый импульс была такого же порядка, как и все политические расчеты Людендорфа. Как указывает Шв. в своем исследовании, случилось как раз обратное тому, чего желал и на что рассчитывал Людендорф. Вместе с верой в возможность победы была до основания потрясена и вера в верховное командование и в способности старого государства к руководству. Это потрясение создало одну из предпосылок успеха революции, подготовляемой с давних пор.

„В то время как военное положение постепенно улучшалось теперь, вследствие перемены курса общественного мнения, против которого не было предпринято никаких мер, подготовлялась тяжелая внутриполитическая катастрофа, от которой Германской империи суждено было погибнуть через несколько недель" (Швертфегер).

Предположение Людендорфа, что при помощи пламенных слов и энергичных административных мероприятий правительство еще в состоянии было поднять настроение в народе и влить в армию новые силы, совершенно так же, как и стратегия Людендорфа, доказывает его неумение определить и отграничить возможное от невозможного. Страстные обвинения Людендорфа, направленные против принца Макса Баденского и нового правительства, не отозвавшихся на его многократные требования нового напряжения сил, в действительности падают не на правительство, а на него самого. Восемь месяцев тому назад, когда германская армия находилась еще в полной силе, все эти слова и призывы могли бы еще подействовать, если бы враги отказали нам в почетных условиях. Но вообразить, что они могли подействовать еще и теперь,— мог только человек, который не обладал действительным пониманием народного духа и настроения своей же армии.

Пресса, близко стоявшая к Людендорфу и к верховному командованию, из месяца в месяц и из года в год внушала народу, что возможна лишь либо победа либо поражение, что середины быть не может. Разве могло быть сохранено доверие к руководству, которое возвещало теперь как раз обратное тому, в чем оно клялось вчера, и требовало готовности к борьбе за цель, которую оно так долго объявляло невозможной и бессмысленной? Принц Макс Баденский и другие политики правда, тоже надеялись и старались снова поднять настроение. Но различие заключается в следующем: они пытались достичь

невозможного в том отчаянном положении, в котором мы находились, а Людендорф сам вызвал это отчаянное положение, чтобы оно, как он стремился убедить и себя и нас, принесло нам спасение. Заслуживает порицания не надежда на возможность нового подъема народного духа, а то, что тот самый человек, который навлек все зло, направил затем самые злобные нападки на других только потому, что они не могли справиться с этим злом. «Они ведь стремились только к власти и выгоде хотя бы из-за этого погибла страна»,— осмеливается он написать о своих противниках (кн. 3, стр. 58, 59).

В другом месте (кн. 2, стр. 76) Людендорф пишет:

„Верховное командование всегда включало в свои расчеты мысль о продолжении борьбы. В начале октября оно еще не считало возможным претворить эту мысль в дело, настолько настроение германского народа было поколеблено идеями о соглашении и примирении с врагом, непрерывно выставлявшимися перед ним в продолжение двух лет, и революционными идеями, провозглашаемыми неприятельской пропагандой и большевизмом".

Вспомним, что ген. Людендорф сам дважды настойчиво рекомендовал правительству организовать широкую агитацию за «мир по соглашению» (докладные записки Гефтена от января и июня). Теперь же эта самая идея «мира по соглашению» якобы способствовала ослаблению народного духа. В своих «Воспоминаниях о войне» Людендорф называет «мир по соглашению» преступлением и обвиняет тех, кто настаивал на возможности такого мира, в «сознательном введении народа в заблуждение» («Воспоминания о войне» стр. 418). Я не раз указывал, что в отношении достоверности мемуаров, написанных с целью самозащиты, надо быть очень снисходительным. Но в этом месте противоречие так сильно, что я не могу признать утверждения ген. Людендорфа добросовестными.

10. Но что же можно сказать о намерении Людендорфа включить в свой проект заявление, которое должно было быть сделано Вильсону: «Мы требуем за это наши колонии и отказа Англии от Кале!» Какое лицо сделали бы дипломаты Антанты, если бы в самом деле в качестве немецкого условия мира им был предложен отказ Англии от Кале? Неприятельская печать, наверное, объявила бы, что она передает эту оговорку на обсуждение юмористическим журналам; я же готов скорее усмотреть в этом требовании момент, оправдывающий ген. Людендорфа. Лица, которые решительно не хотят верить тому, насколько ген. Людендорф мало разбирался в политике, и тому, что в политических вопросах он мыслил чисто по-детски, должны это признать на примере оговорки о Кале. Была ли это наша судьба или наша вина, что мы доверили свое существование такому человеку, и что он мог ссылаться на настойчивые заявления многих очень уважаемых в Германии лиц, повторявших, что они не питали никакого доверия к нашему правительству и доверяли лишь верховному командованию?

11. Относительно переговоров с президентом Вильсоном мне нечего прибавить к исследованию Швертфегера. В свое время

эти вопросы были переданы на суд общественности в изданной правительством Белой книге. Ввиду предстоящего в ближайшее время выхода второго, значительно расширенного и исправленного, издания этой книги, я просил издателя г-на советника архива проф. Валентина дать мне возможность ознакомиться с результатами новой переработки. Результаты переработки проф. Валентина я даю в 1-м приложении к настоящему исследованию.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Полк. Швертфегер пишет в заключительной части своего исследования:

„Война была проиграна потому, что с точки зрения чисто военной к возможностям германского сопротивления были предъявлены слишком большие требования, а с точки зрения политической невозможно было своевременно достичь мира, который мог быть только „миром по соглашению". Не только в критический момент, но и задолго до него у политических руководителей Германии нехватало политического кругозора Фридриха Великого. Победило чисто военное мышление и устремление. Верховный вождь не сумел воспротивиться такому развитию событий. Было бы несправедливо обвинять верховное командование в таком развитии. Германский народ не хотел, чтобы было иначе".

Я не могу согласиться с таким суждением г-на эксперта. Бесспорно, что верховному командованию его позиция была навязана широкими кругами германского народа и что вследствие этого имела место односторонняя военная трактовка политических вопросов; и согласен также и с тем, что нельзя вменять в вину военному человеку его чистое военное мышление, но я все же считаю, что вопрос об ответственности не может быть исчерпан только этими соображениями.

Во-первых, неверно, что «германский народ» поставил верховное командование в противоречащее конституции положение. К этому стремились определенные, хотя и значительные, слои германского народа но несомненно лишь меньшинство. Огромное большинство виновато лишь в том, что оно недостаточно энергично выражало свою волю. Далее, что касается тех слоев населения, которые подняли верховное командование на щит и постоянно его на нем носили, то очень большое значение имело то обстоятельство, что эти слои систематически вводились в заблуждение относительно истинного положения вещей. Человек, занимавший такое положение, как г-н ф. Гейдебранд, только в июле получил через кронпринца некоторые разъяснения относительно действительного положения на фронте.

Нельзя извинить военным мышлением то, что 14 августа ген. Людендорф сознательно ввел в заблуждение министра иностранных дел относительно военного положения.

Требование немедленного перемирия, выставленное 29 сентября, было еще в гораздо меньшей степени продиктовано Людендорфу истинным чувством военного человека.

Но решающий фактор заключается в сущности не в этом, а в факте, имевшем место значительно раньше — в насилии над

верховным вождем. Швертфегер направляет свое обвинение против императора за то, что император уступил этому насилию. С принципиальной точки зрения нельзя не согласиться, что император Вильгельм не должен был этого делать, что он должен был просить остаться рейхсканцлера ф. Бетман-Гольвега и приказать ген. Людендорфу держать язык за зубами и выполнять свою службу. Это — принципиально правильно, но было ли это практически осуществимо для Вильгельма II? Его же канцлер советовал ему уступить верховному командованию и уволить его же самого в отставку. Для монархического образа правления совсем не обязательно, чтобы каждый монарх был великим человеком, но зато обязательно, чтобы у него были верные слуги, которые действовали бы в полном сознании своей ответственности даже тогда, когда они требуют от него, чтобы он поступал против своего собственного убеждения, как это сотни раз делал Бисмарк по отношению к старику Вильгельму. Этого сознания полной ответственности я ни в одном случае не обнаруживаю у ген. Людендорфа: ни тогда, когда он совместно с адм. ф. Гольцендорфом провел неограниченную подводную войну, которая восстановила против нас Америку; ни тогда, когда он удалил Бетмана, не зная, кто должен будет занять его место; ни тогда, когда он вмешался в брест-литовские мирные переговоры; ни тогда, когда он решил предпринять большое наступление, хотя и был убежден, что мы могли бы достичь мира на основе 14 пунктов; ни тогда, когда он принудил уйти Валентина; ни тогда, когда он добился ухода Кюльмана; ни тогда, когда он заставил обратиться с просьбой о перемирии. Свою популярность он не использовал для того, чтобы настоять перед монархом на проведении тех мер, которые после всестороннего обсуждения были им признаны правильными; он злоупотребил этой популярностью, чтобы направить германскую политику по такому пути, цель которого ему самому не была ясна и не казалась достижимой. Гнейзенау и Мольтке тоже не были настоящими политическими умами — ими также в значительной степени владел солдатский дух,— но они соединяли со своим военным гением скромность и умели держаться в границах. Канцлер Гарденберг как государственный деятель не был выше рейхсканцлера Бетмана. Но Гнейзенау сознательно ставил себя в подчиненное положение по отношению к Гарденбергу, как бы часто он ни был им недоволен,— и это сочетание вело Пруссию к победам при таком монархе, что более неподходящего для национального подъема нельзя было и придумать. Монарха надо брать таким, каким его создала природа: ответственность падает на его слуг. Когда полк. Швертфегер в большей или меньшей степени возлагает ответственность на монарха и жалуется, что судьба не дала Германии в качестве монарха того, кого нужно было, я усматриваю в этом недостаточно правильное монархическое мышление, а также исторически неверную установку. Уничтожается сущность монархии, если она выражается

в требовании, чтобы при каждом политическом кризисе династия давала великого человека.

В качестве слуги монарха я имею в виду исключительно того человека, который фактически превратился в первого советника короны, даже если бы он таковым не был с точки зрения государственно-правовых норм. Это был ген. Людендорф, который привел Германию к гибели, и за которым я не могу признать того оправдания, что он всегда имел в виду лишь благо отечества. И произведения и действия Людендорфа свидетельствуют о его необузданном честолюбии, самомнении и отсутствии чувства ответственности. Руководитель должен быть в состоянии взять на себя ответственность также и за непопулярные поступки. Если он действует умно, он должен перенести легкую брань почитателей. Князь Бисмарк рассказывает нам, что в 1866 г. генералы в главном штабе отплевывались от него за то, что он не хотел войти с триумфом в Вену и хлопотал о «мире по соглашению». Из действий и речей Людендорфа ясно вытекает, что он очень хорошо сознавал всю невозможность для Германии достичь чудовищных целей, выставлявшихся националистами, но остерегался поставить на карту свою популярность, которая пострадала бы, если бы он воздействовал в этом смысле на лиц, посещавших главную ставку или находившихся с ним в соприкосновении. Сам он был сторонником экспансии, но в министерстве иностранных дел и у императора Людендорф избрал себе в качестве представителей офицеров, выступавших за соглашение, и даже рекомендовал правительству организовать агитацию в пользу соглашения. Утверждение, что в глубине души Людендорф хотел умеренного мира, повидимому, верно; но ту непопулярность, которую повлек бы в кругу его сторонников такой мир, он хотел предоставить другим. Однако же, поскольку без участия Людендорфа нельзя было приступить к переговорам о соглашении, такой «мир по соглашению» был неосуществим.

Огромное большинство германского народа удовольствовалось бы даже весною 1918 г. почетным миром, который был еще тогда возможен и который Людендорф считал возможным и желательным о с е н ь ю 1918 г. Большое наступление, стремившееся разгромить неприятельские вооруженные силы, было предпринято не для достижения военных целей германского народа, а для достижения военных целей ген. Людендорфа и его сторонников.

Германское весеннее наступление было превосходно подготовлено с технической стороны; если оно все же потерпело неудачу, то это можно объяснить либо тем, что мы вообще были слишком слабы для такой операции, либо ошибками, допущенными при выполнении этой операции. В действительности имело место и то и другое. Мы были слишком слабы, и командование совершало ошибку за ошибкой. Оно не сосредоточило всех имевшихся в его распоряжении сил; оно неправильно их распределило; оно имело с самого начала два противоречивых

плана; оно не проявило твердости и постоянства при их проведении.

Однако, были все же достигнуты большие тактические успехи, и если бы этот благоприятный момент был использован, Германия могла бы добиться почетного мира с шансами на успех.

Ввиду того что Людендорф сознавал стратегическую неудачу, его долг состоял в том, чтобы осведомить правительство о положении вещей и, что особенно важно сказать, что он больше не противится полному отказу от Бельгии.

Людендорф мог и должен был не позже конца марта 1918 г. признать безнадежность своего предприятия. Если бы он тогда обратился к правительству с тем требованием перемирия и мира, какое он выставил 29 сентября, то надо полагать, Германия достигла бы весьма приемлемого «мира по соглашению». Если не в конце марта и не в течение апреля, то по крайней мере в конце мая, по свидетельству кронпринца Руппрехта, ген. Людендорфу в глубине души было ясно наше военное положение; но он обратил свои надежды на непредвиденное событие; по выражению, которое Людендорф употребил позже в одной из речей, у него явилась надежда быть так же спасенным, как был спасен Фридрих Великий в результате неожиданной смерти русской императрицы Елизаветы. Обуреваемый такими надеждами, 3 июля он еще цеплялся за фантастические требования в отношении Бельгии и даже после поражения, на совещании 13 и 14 августа, не был еще согласен на необходимые уступки. От такого поведения он перешел к прямо противоположному, выступив неожиданно с требованием незамедлительного предложения перемирия, с целью выставить затем опять требование борьбы не на жизнь, а на смерть.

Давление, которое он оказывал на правительство, чтобы последнее добилось немедленного прекращения военных действий, не только значительно ухудшало наше и без того крайне тяжелое положение; оно также настолько потрясло доверие германского народа, что революция не только могла поднять голову, но и не встретила нигде хоть сколько-нибудь значительного сопротивления.

Требование немедленного заключения перемирия в военном отношении было необоснованным. А требование призвать народ после начала переговоров о перемирии к новому военному подъему и напряжению сил было морально невыполнимым.

ОКОНЧАНИЕ

Во время прений в следственной комиссии ген. ф. Куль и подполк. ф. Штюльпнагель[1] выразили свое огорчение по поводу того, что человек с такими заслугами, как ген. Людендорф, подвергается столь жестокому осуждению в моем исследовании. Я вполне понимаю и уважаю эти чувства; для меня также ясно,

[1] Представитель рейхсвера в следственной комиссии.

что в этом протесте выразилось отнюдь не одно лишь товарищеское чувство, но и фактическое уважениие к многочисленным крупным достижениям и выдающимся качествам ген. Людендорфа. Разве возможно, чтобы из десятков тысяч офицеров один из них достиг такого чрезвычайно высокого положения, какого достиг Людендорф, если бы ему не были свойственны исключительные качества! Но признание его заслуг не должно нам помешать высказать наше мнение, что для задачи, которая была перед ним поставлена, его качества оказались недостаточными и в умственном и в моральном отношении. Задача отнюдь не выходила за пределы человеческих возможностей. Людендорф потерпел неудачу не потому, что его задача была неразрешима. Он потерпел неудачу и германская империя погибла потому, что человек, ставший во главе ее, оказался не на высоте тех требований, которые предъявляла поставленная задача. Делом следственной комиссии было внести в этот вопрос ясность, и я полагаю, что э т а з а д а ч а разрешена.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ

Основная задача комиссии носила политический характер: изучить вопрос, как делится ответственность за германское поражение 1918 г., и можно ли вынести решение о вине определенных лиц?

Как и можно было ожидать, имея в виду состав комиссии, большинство ее голосовало за заключение, согласно которому невозможно установить „моральную и политическую вину отдельных лиц и их групп". Проводя политику „примирения общественного мнения" с представителями германской военщины и замазывая катастрофические ошибки вождей германского империализма, комиссия в лице своего председателя депутата Филиппа (представителя крайней правой нац.-народной партии) заявляет в предисловии к полному изданию своих работ, что опубликование докладов может способствовать успокоению общественного мнения и „перенесению политического спора из области текущей политики в область науки". Филипп надеется, что результаты работ комиссии „очистят общественную жизнь от отравляющих веществ, которыми несчастный исход войны в 1918 г. отравил немецкий народ".

Из этого можно заключить, что насильническая политика германского империализма и авантюристская стратегия его Ставки в выводах комиссии получила одобрение.

От выводов по чисто стратегическим и тактическим решениям германского военного руководства комиссия отказалась „ввиду расхождения мнений экспертов".

Из двух групп отдельных вопросов — 1) военное положение, 2) внутренняя политика и революционное движение — комиссия дала заключение только по первой группе вопросов.

Из заключения по этой группе вопросов следует отметить следующие выводы.

Комиссия тщательно скрывает захватнические цели германского империализма и лицемерно заявляет, что по этому вопросу были „разные направления мнений". Первое направление никогда не покидало „мысли о чисто оборонительной войне", второе — что „за огромные жертвы войны должны быть созданы компенсации", третье, среднее — что цели войны должны быть поставлены в „зависимость от обстановки".

Далее следует проблема роли военщины в политике Германии.

В области взаимоотношений между политическим и военным руководством комиссия пришла к выводу, что с января 1918 г. по решению кайзера было установлено на будущее время исключительное руководство политическими делами рейхсканцлера. На самом же деле, как известно, „в германской политике вообще взяла верх после Бреста военная партия" (Ленин, т. XXX, стр. 383), т. е. в первую очередь верховное военное руководство — Ставка.

Решение военного руководства, к которому присоединилось правительство, о том, что необходимо начать наступление, по заключению комиссии основывалось на убеждении, что мир на западе „без жертв“ не может быть достигнут, а также на уверенности, что „окончательная победа“ возможна. В обосновании своего заключения комиссия добавляет, что „западные государства отклонили присоединение к мирным переговорам на основе русского предложения“. Таким образом, для оправдания германского решения продолжать войну с Антантой до „победного конца“ комиссия использует отказ Антанты вести переговоры на основе советского предложения о мире, умалчивая при этом, что германский империализм использовал в брестских переговорах это предложение для того, чтобы навязать советской России насильственный и грабительский мир.

По мнению комиссии, верховное военное руководство правильно предвидело сроки прибытия американских войск в 1918 г. Как это обстоятельство, так и возраставшие трудности укомплектования (дух армий, потери в оборонительных операциях, „физические и духовные страдания“) толкали к наступлению. Так оправдывает комиссия решение вести войну „до победного конца“.

Руководимая „патриотическими“ побуждениями, комиссия поставила вопрос о „выполнении верховным командованием долга“ при подготовке и проведении наступательных операций 1918 г. и разрешила этот вопрос положительно. В частности, на основании заключения военных экспертов (ф. Куля, Ветцеля и др.) она заявила:

1) „Хотя, вследствие Брестского мира и оккупации Украины, на востоке остались связанными крупные силы, на Западном фронте было достигнуто численное превосходство над противником.

2) Снабжение оружием и огнеприпасами для наступления было достаточное. Недоставало лишь лошадей и горючего.

3) Учитывая общую военную обстановку, весной 1918 г. верховное командование считало невозможным перебрасывать на запад дополнительно австро-венгерские войска сверх уже имевшихся тяжелых батарей.

4) В отношении **боевой подготовки и снабжения** германских войск было достигнуто все, что мыслилось возможным.

5) Недостаток **тыловых позиций** объясняется использованием всех боеспособных войск и всей военной рабочей силы на фронте и невозможностью извлечь из страны дополнительную **рабочую силу**.

6) Для хода наступательных операций до июля 1918 г. недостаток в **огнеприпасах** не был решающим (см. п. 2).

7) Производство **танков** было бы возможно при условии ограничения производства другого военного материала, особенно материальной части, снабженной моторами (автомобили, самолеты и т. д.)“.

I том материалов комиссии (стр. 406—407) содержит любопытное письмо фирмы Круппа от 27 октября 1921 г. на имя председателя рейхсархива по вопросу о танках Крупп заявляет, что фирма не могла до лета 1918 г. принять заказ на танки, так как одновременно требовалась поставка артиллерии по программе Гинденбурга. Фирма обязалась для выполнения этой программы по артиллерии построить в возможно большем объеме новые мастерские и снабдить их необходимым оборудованием. Вследствие недостатка рабочей силы обязательства Круппа не могли быть выполнены до апреля 1918 г. В то время было получено извещение, что из артиллерийских производств должны быть извлечены рабочая сила и сырье

в пользу других более важных военных материалов и что нужно считаться с ограничением программы Гинденбурга.

Переговоры о постройке танков, начавшиеся весной 1918 г., привели к заказу 85 танков, поставка которых должна была начаться в январе 1919 г. Трудность постройки танков заключалась в получении необходимых моторов, которые при посредстве верховного командования должна была поставить одна заграничная фирма. К этому письму полк. Штюльпнагель добавил следующее: „Мы нуждались в моторах для грузовиков, подводных лодок и самолетов. Сверх намеченной программы моторы нельзя было строить. Вопрос по меньшей мере спорный". Какую роль в этом деле сыграли корыстные интересы капиталистов, разогнавших артиллерийское производство, какую — слабость германского моторостроения, какую — тупость „верховного командования", трудно судить.

8) „Физическая выносливость войск вследствие сокращения питания уменьшилась но отвечала ожиданиям".

Действительное физическое и моральное состояние характеризует следующий „частный" вывод:

9) „Развитие наступления в отдельных случаях несомненно пострадало вследствие недопустимого пребывания (задержки) отдельных частей у складов с продовольствием и вином, но в целом не затормозилось решающим образом".

В июле 1918 г. наступил перелом в ходе войны, так как германские наступательные операции провалились. В связи с этим комиссия пытается решить проблему тогдашних взаимоотношений между неуклюжей германской дипломатией и последовательно агрессивным верховным командованием, воинственный пыл которого под влиянием только что сорвавшегося наступления в Шампани (на Реймс 15 июля) начал проходить.

Оказывается, по заключению комиссии, что в середине июля министр иностранных дел ф. Гинце получил от Людендорфа заявление, что ему удастся предстоящим наступлением (на Реймс) окончательно победить врага, и это заявление он „тут же учел в своей политике". Прошло, повидимому, немного времени, и 15 июля, за несколько дней до французского контрнаступления, верховное командование уже перестало отклонять точку зрения, что „поход не может быть больше закончен победой оружия".

Катастрофа 8 августа (у Амьена) означала полное крушение всего германского наступления. Непрерывные бои „исчерпали духовную и физическую выносливость войск". Людских пополнений и запасов военного материала нехватало. Но ни политическое руководство, ни верховное командование не теряет еще надежды. На коронном совете при обсуждении создавшегося положения (14 августа) Гинденбург выразил надежду, что еще „удастся остаться на французской земле и таким образом навязать врагам свою волю". Эти слова подогрели уверенность рейхсканцлера Гертлинга настолько, что и он поверил в благоприятный для Германии исход войны. „С 14 августа ф. Гинце сделал все дипломатические шаги в целях окончания войны в соответствии со своим пониманием положения,— говорит комиссия,— он сделал все возможное, но имея в виду военную обстановку, он не добился успеха".

Такой „формулой" комиссия пытается оправдать и военные и дипломатические неудачи, постигшие Германию в августе 1918 г., не указывая, впрочем, в чем заключались мирные попытки германской дипломатии, которая до 14 августа наивно все еще ожидала, вместе с военщиной, что ей удастся навязать Антанте мир.

Комиссия считает, что война была проиграна в сентябре, когда уже во время общего отхода германского фронта поражение Болгарии, за которым следовало поражение Австро-Венгрии, изменило полностью положение германской армии. Лишь с тех пор (!) оказалась бесцельной каждая попытка притти к миру одними только военными средствами.

Как видит читатель, верховное командование довольно поздно пришло к этому убеждению. Но и „политическое руководство" не поспевало за событиями.

29 сентября верховное командование дошло до последней черты и вынуждено было для предотвращения разгрома просить немедленного перемирия.

Это требование застало врасплох правительство. У него были еще сомнения насчет неблагоприятной оценки военного положения командованием. Но, увы, все сообщения подтверждали эту оценку. С тех пор всякая деятельность правительства, направленная к достижению приемлемого мира, оказалась лишенной всякой перспективы.

Общий вывод: верховное командование действовало в „доброй вере", а правительство полагалось на суждения верховного командования до тех пор, пока последнее не согласилось с невозможностью победы. Правительство не располагало „личностью", которая могла бы противопоставить себя воле верховного командования. Комиссия не нашла данных для суждения о чьей-либо вине.

Обанкротившаяся германская военщина получила, таким образом, полное удовлетворение.

С. Будкевич

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКЦИИ

1. Поскольку речь идет о соотношении сил, нужно иметь в виду, что англо-французские армии насчитывали 20 марта 175 дивизий (Франция—99, Англия—58, Бельгия—12, США—4, Португалия—2); из них в резерве имелось 59 пехотных дивизий и 5 кавалерийских [1]. По предположениям французской разведки германская армия имела от 182 до 200 дивизий.

Артиллерия: англо-французские армии располагали 8 756 полевых и 7 168 тяжелых орудий (против предположительно 11 200 и 7 920 тяжелых германских орудий).

Авиация: англо-французские армии располагали 3 870 самолетов в строю против предположительно 2 750—2 890 германских. Одна только французская авиация (2 800 самолетов) располагала 138 эскадрильями наблюдательной авиации, 28—бомбардировочной, 60—истребительной. Это еще не авиация, способная к глубоким самостоятельным ударам, но во всяком случае перевес численности воздушных сил на стороне Антанты был на лицо.

Танки: французские армии в декабре 1917 г. располагали всего 216 танками Шнейдера, 79—Сен-Шамон (кроме того 31 учебными Рено). В конце марта они имели 383 танка Шнейдера и Сен-Шамон — количество недостаточное, чтобы произвести переворот в военном исскустве. Кроме того, эти танки не имели требуемых качеств: они не могли легко передвигаться по местности, вспаханной снарядами [2]. Но Антанта пока еще не предполагала наступать, в то время как для развития своего наступления, которое должно было решить задачу прорыва, германское командование не располагало ни танками, ни даже конницей. Эта последняя „решала проблему подвижности“ на Украине, занимаясь там ограблением украинского крестьянства. Ее авиация, как мы видели была слабее авиации Антанты. Однако, основной род войск — пехота, хотя и располагала чрезвычайно мощной поддержкой артиллерии (впрочем, резерв тяжелой артиллерии вследствие своей слабой подвижности не мог поспевать достаточно быстро на нужный участок наступления), представляла собой довольно неоднородную массу „ударных“ и позиционных дивизий.

2. Разработка германского стратегического плана мартовского наступления 1918 г. и его осуществление.

В разработке плана наступления против армий Антанты принимали участие начальник оперативного управления штаба главной квартиры майор Ветцель и начальники штабов: баварского кронпринца Руппрехта — ф. Куль, имперского кронпринца — ф. Шуленбург.

Ветцель в своей записке от 23 октября 1917 г. выдвинул идею удара на севере во Фландрии по главным силам английской армии, в общем направлении на Хазебрук, с задачей выхода на Кале и Булонь, т. е. фактически на кратчайшем „лондонском направлении“. Этот план поддерживал Руппрехт в своей записке от 3 ноября.

Кронпринц имперский, вернее его начальник штаба ф. Шуленбург, считал, что главный удар должен быть нанесен французской армии в общем направлении на Верден. 9 ноября этот план поддержал Ветцель, который уверял, что

---

[1] (По данным официального издания Les armées françaises danc la Grande Guerre, т. VI, ч. I, стр. 226—227). Впрочем, по данным этого источника, конница, которая могла бы иметь в резерве своих 6 дивизий, к несчастью весьма уменьшена в своем составе вследствие „мер предосторожности, которые следовало принять против возможности революционных движений в различных промышленных центрах внутри страны“. Для этой цели правительство вынуждено было взять из состава армии 4 кавалерийских дивизии и некоторое количество кавалерийских полков.

[2] Там же, стр. 177

на этом направлении меньше всего приходится опасаться, что наступление попадет в мешок.

Соображения Людендорфа, а также решения, принятые в Монсе 11 ноября, читателю известны по изложению ф. Куля (стр. 105). В основном принятое тогда решение сводилось к нанесению удара английской армии по ее правому крылу, в районе Сен-Кантэн, где условия для наступления наиболее благоприятны: укрепления противника слабы, заняты небольшими силами, там у него нет резервов. По достижении р. Верхней Соммы между Перрон и Хам наступление, упираясь своим левым флангом в реку Сомму должно продолжаться в северо-западном направлении (между Аррасом и Перонн на северном берегу Соммы), опрокидывая английский фронт фланговым ударом. Если направление удара было выбрано правильно, то средств для него в данный момент имелось достаточно. Людендорф совершенно не считается с наличием резервов у противника, которые могут прикрыть прорыв. Имея меньшее, чем у немцев, общее количество дивизий (157 в марте 1918 г.) французское командование смогло вывести в резерв 59, английское—18 дивизий, Людендорф, как отмечают критики, не считается с тем, что на Западном европейском театре ввиду плотности фронтов невозможно вести наступление с решительной целью не связав предварительно и не уничтожив в дальнейшем резервов противника.

Несмотря на принятое решение, стратегический план вновь подвергается обсуждению. По подписании перемирия с советским правительством 15 декабря Людендорф расчитывал снять с Восточного фронта 40 дивизий. Больше он не может снять, так как „пространства русского фронта требуют много войск". Мы уже видели, что скрывается под этой мотивировкой. При таких обстоятельствах на значительный перевес сил нельзя расчитывать.

Между тем 20 ноября Руппрехт представляет свою новую записку, составленную повидимому ф. Кулем, в которой решительно поддерживает план наступления во Фландрии. Это наступление может иметь место по климатическим и почвенным условиям не раньше апреля. Но перед наступлением необходимо сковать резервы противника. В своей записке от 12 декабря Ветцель считает, что для наступления в условиях запада необходимо не одно наступление, а ряд увязанных друг с другом наступлений. Для наступления во Фландрии как последнего этапа необходимо предварительно осуществить ряд последовательных атак с целью сковывания и истощения резервов противника. Подробности этого плана изложены у ф. Куля, и здесь интересно будет отметить слабые стороны плана, отмеченные Руппрехтом. (Дневник стр. 245). „Проект Ветцеля,— пишет Руппрехт 29 декабря,— содержит много хороших мыслей, но на самом деле в этом проекте наступление „Михаэль" (на Сомме) является главной операцией; для него требуется столько сил, что их нехватит для того, чтобы придать решительный характер наступлению „Сен-Жорж" (во Фландрии).

Несмотря на увеличение резервов главного командования (до 70 дивизий в начале марта), позволявшее осуществить ряд комбинированных операций, Людендорф останавливает свой выбор на одной решающей операции. После долгих колебаний, вызванных „неопределенностью положений на востоке", вследствие чего он не сразу получил согласие кайзера на осуществление своих планов интервенции и оккупации, Людендорф принимает 24 января 1918 г. решение, по которому наступление должны вести 3 армии (17-я, 2-я, 18-я); их задача—прорвать неприятельский фронт и продвинуться слева до линии Перонн—Хам—Ля-Фер на Сомме, а затем справа, в связи с наступлением южнее р. Скарпы („Марс южный"), на линию Аррас—Перонн. Наступление „Сен-Жорж" должно было быть только подготовлено; операция в Шампани сохранялась „в резерве", операция у Вердена совершенно отброшена. Наступление за линию Аррас—Перонн, проводимое силами 2-й и 18 армий, т. е. правого крыла ударной группировки, должно было быть решающим.

10 февраля главное командование напоминает фронтам по телефону, что наступление „Михаэль" есть главное наступление, а наступление „Сен-Жорж" (во Фландрии) может иметь место лишь как второстепенная операция, если первое наступление не приведет к „большому прорыву". 10 марта отдан окончательный приказ в таком же духе.

Поставив себе задачу нанести поражение правому крылу английских армий и продолжать наступление на северо-запад, Людендорф создал условия для извращения своего плана. Еще 26 января главное командование,— вместо того,

чтобы сплотить входившую в состав фронта Руппрехта ударную группировку трех армий под одним руководством,— выделило из ее состава левофланговую 18-ю армию и подчинило ее другому фронту — германского кронпринца, который еще до наступления расширил ее первоначальную вспомогательную задачу: 21 января — это было продвижение до р. Соммы на участке Перонн—Гам, 10 марта — продвижение сначала до р. Соммы и канала Кроза с добавлением задачи овладеть переправами в случае успешного продвижения[1].

Своей директивой от 14 марта германский кронпринц приказывает 18-й армии овладеть переправами на р. Сомме между Сен-Кри и Тернье, имея в виду дальнейшее наступление на линию Шон-Руа. 18 марта в письме Людендорфу германский кронпринц говорит уже о создании угрозы столице — Парижу. Таким образом, весь стратегический замысел главного командования получает другой характер. В этом замысле отражаются притязания германского кронпринца на свою решающую роль в ожидаемой победе на подступах к Парижу.

Главное командование, видимо, не в состоянии согласовать задачи обоих фронтов и примирить притязания обоих принцев. Руппрехт 16 февраля в своем дневнике пишет: „Я не могу не подозревать, что план „Михаэль III" (наступление 18-й армии) потому получил такой размах, чтобы дать германскому кронпринцу возможность одержать успех, котораго я ему желаю: боюсь однако, что из-за этого пострадает наступление в крупном масштабе и что именно на правом решающем крыле оно не сможет продвинуться вперед". А дальше: „Людендорф недооценивает трудности Западного театра и расчитывает на те же возможности успеха, что и на Восточном театре. (Дневник стр. 285),

Однако, Людендорф не только одобряет наступательный план германского кронпринца, но и предоставляет ему мощные средства для решения задач, превышающих предположения.

3. Германская тактика в наступлении 1918 г. Ко времени совещания в Монсе не была еще закончен обработка опыта германского контрнаступления у Камбрэ 30 ноября. 4 декабря Руппрехт обратился к командованию 2-й армии и подчиненным последнему командованиям групп и дивизий с просьбой присылать ему, начиная с 9 декабря, краткие отчеты о важнейших событиях операции в объеме деятельности каждого из них. Обработка полученного метериала была закончена начальником штаба ф. Кулем 14—24 декабря.

Об опыте сражения у Камбрэ говорит ф. Куль в главе о подготовке к наступлению. Здесь, в дополнение к обстоятельному изложению ф. Куля, важно отметить некоторые существенные места из этой записки — одного из важнейших документов оперативного исскуства и тактики этой эпохи.

Записка ф. Куля говорит о преимуществах внезапности в сравнении с методической подготовкой.

Англичане и французы до сих пор добивались мощного прорыва посредством крайнего напряжения всех средств наступления в „материальном сражении". Но все обширные приготовления своевременно раскрывались немцами. Германское наступление у Камбрэ 30 ноября показало, что внезапность открывает лучшие перспективы. Тут же ф. Куль отмечает недостаточную силу наступающих войск и недостаточную организацию подвоза как причину, почему неприятельский фронт не был отброшен тогда к северу. Таким образом, одна внезапность недостаточна для прорыва. Дальнейшей предпосылкой его является „непрерывное питание наступления из глубины и крепкий тыл"[2].

„Врагам Германии,— говорит ф. Куль,— до сих пор не удалось сочетать необходимую основательную подготовку с внезапностью. Трудности этой задачи должны быть преодолены единым и превосходным руководством. Если внезапность не удается, не удается и прорыв. Захлебнувшееся наступление должно быть прервано. Германская армия не может дать себя втянуть в материальное сражение".

О характере операций на Западном фронте в то же время высказывался в своей записке от 12 декабря 1917 г. начальник оперативного отдела ставки подполковник Ветцель, мысли которого ф. Куль справедливо считает заслуживающими внимания (стр. 109—114).

Ветцель не придает большого значения эффекту неожиданности на Западе: нужно быть готовым к тому, что неприятель немедленно же примет сильнейшие

[1] Руппрехт, Дневник военных действий, т. III, стр. 188, Берлин, 1929.
[2] Там же, стр. 192—223.

контрмеры, как это было у Камбрэ. Он советует не предаваться большим надеждам на быстроту продвижения на Западе. Если противники будут действовать планомерно и быстро, то им через известный промежуток времени удастся приостановить германское наступление.

Ветцель считает, что успех на Западе предполагает совершенно другие условия, чем на Востоке и в Италии. В частности при помощи наступления в одном только месте, германское командование, по его мнению, не достигает цели, как бы тщательно это наступление ни было подготовлено. Наступление на англичан при их оперативной неповоротливости обещает успех, но для этого необходимо поколебать весь английский фронт при помощи удачной комбинации следующих одно за другим наступлений на различных участках фронта.

Этот взгляд на характер операций на Западном фронте соответствовал в основном и взглядам французского командования, которое проводило аналогичную концепцию при переходе в контрнаступление в 1918 г., не ожидая успеха от одной решающей наступательной операции, но от ряда последовательных операций на различных участках с ограниченными целями. Таково было военное искусство 1918 г., обусловленное и характером бойца и состоянием техники империалистических армий.

4. Цифры, приведенные у ф. Куля, не совпадают с цифрами, указанными германским историком Ферстером, который дает следующее распределение:

Армии	Ширина фронта в *км*		Число дивизий		Артиллерия	
	(а)	(б)	(а)	(б)	тяжелая	сверхтяжелая
17-я	20	18	17	19	800	25
2-я	20	22	18	20	700	18
18-я	24	40 (!)	24	24	940	30

(а) — по даным Лаузо; (б) — по данным Ферстера („Der deutsche Zusammenbruch, S. 27, Berlin, 1925).

Если отбросить цифру 40 *км* ширины фронта[1] для 18-й армии, указанную Ферстером в книге, написанной для защиты Людендорфа, одно несомненно, это — большая плотность фронта на участке 18-й армии германского кронпринца имеющей второстепенную задачу, создавшаяся за счет уменьшения плотности правого решающего крыла. Центр тяжести переносится к югу, в этом же направлении будет развиваться успех.

Отсюда успех этой армии в наступлении 21—22 марта, который не должен был быть неожиданным для Людендорфа, учитывая, помимо силы 18-й армии, известную ему слабость 5-й английской армии[2].

5. 23 марта Людендорф оставляет в силе основные задачи 17-й и 2-й армий, санкционирует намерение германского кронпринца продолжать наступление за р. Сомму на Шон-Нойон. Он ставит армиям новую задачу: разъединить англичан и французов. Армии должны наступать стремительно по обеим сторонам р. Соммы. К югу от р. Соммы операция 18-й армии должна направляться наступательным образом против французов поворотом фронта на линию Амьен—Мондидье—Нойон и продолжением в направлении на юго-запад.

---

[1] Эта цифра указана Ферстером на основании „показаний“ подполк. Штюльпнагеля Die Ursachen des deutschen Zusammenbruchs“, S. 207—208), который определял ширину фронта, подлежащего занятию (Сен-Кри—Терньe на Сомме), а не исходного (Понрюэ—Сен-Кантэн—Ла-Фер). Понятие „чистого фронта наступления“, которому соответствуют вышеприведенные цифры ширины фронта, не пояснены Штюльпнагелем и как видно, даны произвольно с целью оправдать группировку армий для наступления по плану Людендорфа.

[2] По данным W. Spaw Sparrow, The Fitth Armu in March 1918. London, 1920 (карта между стр. 40 и 41), 5-я английская армия Гофа на участке фронта Гузокур—Панрюэ—Сен-Кантэн—Ля-Фер—Баризис шириной 67 *км* (42 мили) имела 11 дивизий в 1-м эшелоне, 4 дивизии во 2-м эшелоне. Против себя она имела левое крыло 2-й германской армии, всю 18-ю армию и правый фланг 7-й армии (2-й дивизии), всего 43 дивизии; превосходство сил тройное.

Армии начинают двигаться веерообразно, или, как высокопарно пишет Ферстер, „наподобие снопа сверкающих молний", на самом же деле — разбрасывая свои слабые удары по все более растягивающемуся фронту (до 150 *км* вместо первоначальных 90 *км*).

Людендорф уверен, очевидно, в том, что враг разгромлен[1]. Армии Антанты, однако, вовсе не были разбиты.

6. Благодаря промедлению французского командования, которое опасалось наступления немцев в Шампань и держало там свои резервы, 26 марта 18-я германская армия смогла быстро продвинуться к Мондидье. Окрыленный этим успехом Людендорф поворачивает против французов к Амьену, рр. Сомме и Авр, не только 18-ю армию, но и левое крыло 2-й армии, которые получают и дальнейшие цели южнее Аббевиль (Эрен—Бретей—Компьень). 27-го он приостанавливает наступление левофланговой 18-й армии. 28-го совершенно прекращается наступление против англичан.

Людендорф не предвидел того, что 26 марта Англия и Франция создадут объединенное верховное командование и что французское командование решится двинуть свои резервы из Шампани на запад. Петэн направляет западнее Уазы 3 корпусных штаба и 8 пехотных дивизий. Его директива командующему группой резервных армий, ген. Файоль, гласит: „Первая задача группы—запереть немцам дорогу на Париж и прикрыть Амьен". Для этого у французов имеются достаточные резервы, обладающие достаточной подвижностью. Вслед за 1-й и 3-й армиями группы резервных армий с 27 марта они сосредоточивают в районе Бове маневренную массу из двух армий — 5-й, снятой с участка Реймса, и 10-й, переброшенной из Италии. 7 апреля эти армии (12 дивизий) закончили свое сосредоточение. Группа резервных армий насчитывает 28 пехотных дивизий.

30 марта 18-я армия получает приказ вести наступление между Мондидье и Нойон. Это—направление в обход Парижа с запада. 4 апреля Людендорф начинает наступление на р. Авр у Морей внутренними флангами 2-й и 18-й армий — 13 дивизий на фронте всего 15 *км*. Это наступление захлебнулось, после чего было приостановлено и все „мартовское" наступление.

7. Если вспомнить (см. предисловие) завоевательные планы германского командования, то видно, насколько наивно предложенное Дельбрюком жонглирование отказом от требования аннексии Бельгии. Чтобы добиться мира с Англией — этой главной движущей силой Антанты и главным врагом Германии, ему казалось достаточной одна лишь эта уступка.

8. Необходимо отметить, что на заседании Верховного военного совета Антанты, состоявшемся 30 января 1918 г. в Версале под председательством Клемансо, обнаружилось немало разногласий по поводу плана предстоящей кампании. Из военных представителей начальник французского генерального штаба Фош оптимистически оценивал возможность перехода от обороны к наступлению. Другого мнения были Хэйг и Петэн, которые крайне пессимистически оценивали вопрос о пополнениях английской и французской армий. Хэйг считал, что к ноябрю 1918 г. в результате предстоящих боев численность английской армии сократится до 35 дивизий, если даже она получит пополнение, равноценное 8 американским дивизиям. Петэн заявил, что потери французской армии едва ли могут быть покрыты до 1 апреля и то если не будет боев. С 1 апреля до 1 октября, если произойдет крупное сражение, придется расформировать 35 дивизий[2].

---

[1] Для характеристики подобной стратегии уместно привести следующие острые слова Маркса, написанные им во время итальянской войны 1859 г.:

„В одном своем сочинении об австро-французской кампании 1799 г. ген. Клаузевиц замечает, что Австрия так часто терпела поражения от того, что в стратегической и тактической подготовке своих сражений она расчитывала не на действительное достижение победы, а на использование уже будто бы одержанной победы. Обход врага на обоих флангах, его окружение, раздробление собственных сил по самым отдаленным пунктам с целью запереть все выходы мысленно разбитому врагу—эти и подобные мероприятия для использования воображаемой победы всякий раз являлись самым верным средством для того, чтобы обеспечить поражение" (М а р к с, Quid pro quo, т. XI, ч. II, стр. 330).

[2] Les armées françaises danc la Grande guerre, т. VI, ч. I, стр. 63.

Против этих пессимистических оценок положения решительно выступили „политики" Клемансо и Ллойд-Джорж, при чем каждый из них защищал свою точку зрения, соответствующую стратегическим планам, намеченным военными представителями их государств.

Ллойд-Джорж рьяно защищал план своего военного эксперта, ген. Вильсона, от 19 января, одобренный военными представителями Антанты в виде коллективной ноты № 12 и принятый на заседании ВВС Антанты 21 января. Этот план исходил из предпосылки, что наступление Антанты возможно только в 1919 г., когда будет достигнуто серьезное изменение в пользу Антанты в соотношении сил в результате регулярного поступления американских войск, пушек, самолетов и танков, а также посредством прогрессирующего истощения врага. От наступления на западе нужно отказаться. Остается подумать об операции на других фронтах, „о действиях, которые позволили бы добиться плодотворного решения в отношении политического положения на востоке и в России как во время, так и после войны".

Военные представители в Верховном военном совете считали возможным отход на Балканах (в районе Салоник), но они энергично настаивали на решительной операции против Турции, в виде одного окончательного разгрома этой державы. Смысл этого плана, решительно поддержанного Ллойд-Джоржем, станет для нас ясным, если учесть следующее его положение.

„Подобный успех имел бы глубокое воздействие на общую обстановку; он привел бы к соприкосновению[1] с элементами России и Румынии, способными еще к сопротивлению германскому господству; по крайней мере он заставил бы центральные государства послать на помощь своим союзникам значительные силы[2].

Это был шитый белыми нитками план интервенции против Советской России под предлогом борьбы с Германией на территории России.

Плану Ллойд-Джоржа — Вильсона Клемансо противопоставил свой план (вернее план Фоша) — план обороны наступления на западе. Клемансо заявил что, учитывая доклады Петэна и Хэйга о состоянии людского материала, „мы не можем искать победы на Ефрате", и что операция против Турции — это „чисто британское дело". 1 февраля ВВС принял компромиссное решение. Оставляя за Англией свободу действий против Турции, он устанавливал, что главное усилие союзников в 1918 г. должно быть проявлено в первую очередь на Западном фронте, для которого и был принят план Фоша.

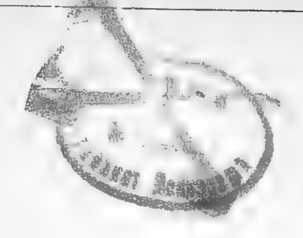
Это решение вопреки Дельбрюку, показывает, что находившиеся у власти военные партии Англии и Франции отнюдь не были расположены заключить мир с Германией. Они оптимистически оценивали стратегическое положение на будущее в связи с предстоящим изменением соотношения сил на фронте по мере прибытия американских войск и не думали итти на уступки германскому империализму.

Равным образом военная партия Германии, невзирая на советы более осторожных представителей германского империализма (полк. Швертфегер), рекомендовавших попутно с военной подготовкой наступления предпринять „мирное наступление",— поставив все на карту, решила еще раз „померяться силами" в решительном наступлении и на Западном фронте, используя, как ей казалось, благоприятно складывавшуюся в данный момент стратегическую обстановку, когда американские войска еще не скоро могли быть брошены в массе на театр военных действий.

[1] Ллойд-Джорж имел ввиду наступление из Багдада на Север, к границам Закавказья, осуществленное в виде так называемой миссии Денстервилля, а также овладение Стамбулом и черноморскими проливами.

[2] Les armées françaises dans la Garnde guerre, т. VI, ч. I, стр. 49.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕН. Ф.-КУЛЯ

Часть первая

Подготовка наступления

Часть вторая

Проведение и неудача наступления

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОФ. Г. ДЕЛЬБРЮКА

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ОТВЕТ ГЕН. Ф.-КУЛЯ НА ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОФ. Г. ДЕЛЬБРЮКА

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

СОДОКЛАД ПРОФ. Г. ДЕЛЬБРЮКА К ИССЛЕДОВАНИЯМ ГЕН. Ф.-КУЛЯ И ПОЛК. ШВЕРТФЕГЕРА

Цена 5 р. 25 к.
Перепл. — 1 р. 25 к.